

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3(1)

Киров
2013

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: К. Ашихмина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Антитьев А. Г.</i> О причинах, сдерживающих модернизацию российского общества	6
<i>Юлов В. Ф.</i> Принципы построения «всеобщей теории познания»	11
<i>Попов В. Г.</i> Феномен власти	17
<i>Шакурова А. В.</i> Роль традиционных ценностей в формировании профессиональной идентичности современных учителей	24
<i>Шашин З. С.</i> Сознание в восточном мистицизме на фоне европейской научной парадигмы	28
<i>Балог А. И.</i> Место социальной активности в структуре социокультурного потенциала молодёжи	33

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Трушкова И. Ю.</i> Этничность у эстонцев и латышей в вологодско-вятском пограничье в 1920–1930-е гг.	37
<i>Мазур А. Н., Горбачев О. В.</i> Визуальные репрезентации религиозной жизни советского общества в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческий анализ	40
<i>Машковцева В. В.</i> Делопроизводственная документация Государственного архива Кировской области по истории вятского старообрядчества (вторая половина XIX – начало XX в.)	53
<i>Калинина Д. А.</i> Система соподчиненности органов центрального и местного управления в России конца XIX – начала XX в. как государственный механизм и ее воплощение на практике	59
<i>Смирнов М. А.</i> Роль физического воспитания и организация подготовки молодёжи к военной службе в Вятской губернии в период Первой мировой войны	63

Всеобщая история

<i>Романов В. В., Артюхов А. А.</i> Понятие «изоляция» во внешнеполитической мысли США: концептуальные характеристики	67
<i>Грищенко Т. А.</i> «Геостратегическая советология» З. Бжезинского: исторический контекст и основные идеи	71
<i>Калинин А. А.</i> От гражданской войны к политической стабилизации: американское участие во внутривосточных процессах в Греции в 1949–1952 гг.	77

ПРАВО

<i>Розуван А. М., Титов Е. Е.</i> Гармонизация процедуры рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства и производства по делу об административном правонарушении в сфере антимонопольного регулирования	88
<i>Домрачев Д. Г.</i> Проблемы правового регулирования в сфере миграционной политики Российской Федерации	91
<i>Востриков П. П., Добровольский А. А.</i> Проблема правового обеспечения дисциплины труда в Советской России и СССР (1917–1945 гг.) в трудах отечественных учёных	97
<i>Ивонина Е. В.</i> Финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства в Кировской области	102
<i>Савельев Д. Б.</i> Явное превышение разумной потребности в жилище как критерий обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина	111

<i>Ярославцева Д. К.</i> Метод прямого, буквального толкования конституции в деятельности Верховного суда США	113
<i>Гильванова И. Н.</i> Субъекты местного самоуправления в законодательстве Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX в.)	117

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Поляков О. Ю.</i> Образы и «миражи» Хуго Дизеринка (к программе Аахенской школы компаративистики)	121
<i>Полякова О. А. В. А.</i> Хорев об актуальности имагологических исследований	125
<i>Сугай Л. А., Малыгина И. Ю.</i> Акrostихи в венках сонетов	128
<i>Сайгин В. В.</i> Новые явления в концептуальном содержании и смысловом объеме концепта «грех» в русском языке последних лет	131

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Лобачева А. А.</i> Александровский сад города Кирова: семантика образа в историческом развитии	135
<i>Конова И. Г.</i> Смена типов картин мира в песенных текстах второй половины XX века (на примере текстов авторской (бардовской) песни)	138
<i>Пахомова Я. И.</i> Особенности развития современного театрального процесса в России конца XX – начала XXI в.	143

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Замолоцких Е. Г., Дурнева Е. Е.</i> Оценка результатов освоения основных образовательных программ бакалавриата в рамках контекстно-компетентностного подхода к организации учебного процесса	148
<i>Помелов В. Б.</i> Сердце, отданное детям: к 95-летию со дня рождения В. А. Сухомлинского	151
<i>Баркова Ю. В., Корчагина Г. И.</i> Психологические механизмы саморегуляции успешной профессиональной деятельности личности	159
<i>Сведения об авторах</i>	167
<i>Information about authors</i>	170

CONTENTS

- Antip'yev A. G.* About the reasons hindering the modernization of Russian society
- Yulov V. F.* Principles of construction of universal theory of knowledge
- Pofov V. G.* The phenomenon of power
- Shakurova A. V.* The role of traditional values in shaping modern professional identity of teachers
- Sbashin Z. S.* Consciousness in Eastern mysticism in comparison with the European scientific paradigm
- Balog A. I.* Place of social activity in the structure of sociocultural potential of youth
- Trushkova I. Yu.* Ethnicity of Estonians and Latvians in Vologda-Vyatka boundary during 1920–30s.
- Mazur L. N., Gorbachev O. V.* Art cinema as a historical source to study religious life of Soviet society
- Mashkovtseva V. V.* Clerical documentation of the State Archive of the Kirov region on the history of the Old Believers in Vyatka province (second half of XIX – early XX century)
- Kalinina D. A.* The system of subordination of central and local government in Russia the late XIX – early XX century, as the state mechanism and its implementation in practice
- Smirnov M. A.* The role of physical education and the organization of training young people for military service in the Vyatka province during the First World War
- Romanov V. V., Artyukhov A. A.* The notion of “isolationism” in US foreign-policy thought: conceptual characteristics
- Hryshchenko T.* “Geostrategic Sovietology” of Z. Brzezinski: Historical Context and Main Ideas
- Kalinin A. A.* From the Civil War to the political stabilization: American participation in the domestic political processes in Greece in 1949–1952
- Rozuwan A. M., Titov Ye. Ye.* Harmonization of procedures for handling cases of violation of the antimonopoly legislation and the proceedings of an administrative offense in antitrust regulation
- Domrachev D. G.* Head of the Department of State-Law Disciplines in VSHU
Candidate of Juridical Sciences
- Vostrikov P. P., Dobrovolsky A. A.* The problem of law ensuring labour discipline in Soviet Russia and USSR (1917–1945) in the works of Russian scientists
- Ivonina E. V.* Financial support of small and medium business in the Kirov region
- Savel'yev D. B.* Obviously exceeds the reasonable needs for housing as a criterion for repossession of a dwelling only debtor-citizen
- Yaroslavceva D. K.* Plain-meaning method of interpretation of the United States Constitution in the actions of the Supreme Court of the USA
- Gil'vanova I. N.* Subjects of local government in the legislation of the Russian Empire (the second half of XIX – early XX century)
- Polyakov O. Yu.* Images and “Mirages” of Hugo Dyserinck (on the Programme of Aachen School of Comparative Studies)
- Polyakova O. A. V. A.* Khorev on the Topicality of Imagological Studies
- Sugay L. A., Malygina I. Ju.* Acrostics in the Crown of Sonnets
- Saigin V. V.* Innovations in conceptual content and semantic extent of the concept «grekh» («sin») in the Russian language of late years
- Lobacheva L. A.* Alexandrovsky garden of Kirov city: semantics of the image in the historical development
- Konova I. G.* Change of worldview in song texts in the second half of the XX century (based on texts in bard music /'author song')
- Pakhomova Ya. I.* Features of the development of the modern theatre in Russia in the late 20th – early 21st centuries.
- Zamolotskih E. G., Durneva E. E.* Evaluation of development results of main educational programs of bachelors in the framework of competence-based approach to management of educational process
- Pomelov V. B.* The heart, that has been given to children (To the 95-th anniversary of V. A. Sukhomlinsky)
- Barkova Y. V., Korchagina G. I.* Psychological mechanisms of self-regulation successful career personality

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 334.72

А. Г. Антипов

О ПРИЧИНАХ, СДЕРЖИВАЮЩИХ МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье дан анализ основных причин, препятствующих модернизации российского общества и экономики. Доказана необходимость их решения на основе комплексного и системного подхода.

The paper analyzes the main reasons hindering modernization of Russian economy and society. The necessity to solve them must have an integrated and systematic approach.

Ключевые слова: модернизация, инновации, человеческий потенциал, культура, управление.

Keywords: modernization, innovation, human potential, culture, management.

В последние годы у большинства отечественных ученых и политиков сложилось устойчивое убеждение, что вывод России из архаичного состояния возможен только через модернизацию экономики и общества. Однако когда речь заходит о формах и методах этой модернизации и причинах, тормозящих ее, обнаруживаются существенные расхождения. Одни полагают, что ведущим звеном этой модернизации является экономика. Решение экономических проблем должно автоматически привести к решению вопросов в политике, социальной сфере, культуре и других сторонах общественной жизни. Другие утверждают, что прежде всего необходимо внести существенные изменения в политическую систему, в деятельность ее институтов, включая демонтаж устаревших и формирование принципиально новых. Особый акцент сторонники этого подхода делают на «проявлении политической воли». Благодаря этому, по замыслу сторонников этого подхода, удастся достичь многого, в том числе побороть такое опасное для общества явление, как коррупция. Третья группа сторонников инновационной модернизации экономики и общества видит успех в эффективной социальной политике, в преодолении запредельного со-

циального расслоения общества, в решении проблемы бедности, раскрепощении личности, более полном развитии и использовании человеческого потенциала. Наконец, четвертые считают, что при всей значимости экономики и политики первенство в модернизации должно принадлежать культуре, развитым горизонтальным социальным связям в обществе.

Такое разнообразие подходов к важнейшей проблеме свидетельствует об ее актуальности. Работа в этом направлении, судя по публикациям, защищаемым диссертациям, конференциям, конгрессам и форумам, ведется достаточно интенсивная. К сожалению, складывается впечатление, что властные структуры и институты не особо интересуют изыскания ученых и деловые предложения практиков. Власть пребывает в своеобразной политической зашоренности, надеясь, что все нормализуется само собой, тем более что в стране, судя по официальной информации, после кризиса 2008 г. открываются неплохие перспективы продолжения «сырьевого курса».

Однако, чтобы не только выжить, но и развиваться, России необходимы модернизация и инновации. Известно, что существует три основных способа увеличить национальное богатство: 1) постоянное накопление капитала; 2) военные захваты и территориальные приращения; 3) использование новой технологии, превращающей «нересурсы» в ресурсы. В силу высокого уровня развития технологий в постиндустриальной экономике третий способ стал основным принципом создания нового богатства. Инновационная экономика способна создавать новые факторы экономического и социального роста и в России. В силу этого принципиально важно знать их и эффективно использовать на практике.

Из общей теории управления хорошо известна аксиома, что, прежде чем принять то или иное решение, необходим глубокий, всесторонний и беспристрастный диагноз объекта управления, в данном случае – экономики и общества.

Глубина и масштабность вышеупомянутого кризиса, по нашему мнению, во многом способствовали более критическому и объективному переосмыслению федеральной властью реального положения российского общества. А положение нашего общества таково, что за последние два десятка лет не решена более или менее успешно ни одна заявленная государством крупная рефор-

ма. Все находится в постоянной переработке и доработке. Так называемые рыночные реформы не улучшили ни одного фундаментального показателя, породив деиндустриализацию, падение качества жизни значительной части населения и системный кризис всего общества.

К сожалению, признав наше общество архаичным, власть не провела глубокого анализа истинных причин такой отсталости, а такой анализ является принципиально важным условием вывода России из затянувшегося кризиса.

В настоящей статье мы остановимся только на некоторых причинах, тормозящих модернизацию экономики и общества.

Суть *первой причины*, по мнению многих исследователей и политиков, состоит в том, что до сих пор нет научно обоснованной концепции и стратегии развития страны. Принятая же властью «Стратегия 2020» многими крупными учеными была названа «антимодернизационной» стратегией [1].

Объяснений такого положения несколько. Во-первых, укоренившемуся в стране «ручному» управлению не нужна четко выверенная стратегия развития. Она только мешает такому стилю мышления и управления. Во-вторых, ее выработку тормозит явная расколотовость как правящей элиты, так и научного сообщества, его ведущих направлений и школ. Особенно ярко это видно по публикациям экономистов, социологов и других специалистов. Расколотовость научного сообщества, по нашему мнению, еще больше усилит непродуманное, «революционное» реформирование Российской Академии науки, которое может ударить по имиджу науки в стране, включая вузовскую и отраслевую. Последствия такого удара с учетом начавшейся массовой кампании против плагиата кандидатских и докторских диссертаций (к слову, в основном чиновников и бизнесменов) могут оказаться весьма губительными для развития науки в стране. В средствах массовой информации формируется негативный портрет ученого, что может привести к снижению притока молодых талантливых людей, да и уходу из науки других, уже имеющих солидный опыт исследователей.

Второй причиной является отсутствие научной, реалистичной, неполитизированной программы развития российского общества на длительную перспективу, включающей постоянное отслеживание реальной ситуации и внесение соответствующих корректив.

Сегодня появилась возможность создания такой программы в силу попыток более или менее объективной оценки федеральной властью нынешнего положения России. У бюрократии стало меньше соблазна приукрашивать реальное положение в стране, регионе, в той или иной

сфере, а значит, и меньше шансов на имитацию активности вместо предметного решения острых проблем общества.

Третьей причиной является отсутствие каких-либо значительных инвестиций в модернизацию. Реально в России возможность таких инвестиций есть, но соответствующие капиталы чаще всего направляются за ее пределы. В управлении финансовыми ресурсами нет четкой системы, отсутствует государственный подход к их эффективному расходованию. Значительная часть средств просто разворовывается. Этому волюно или невольно способствует само государство. Так, во время кризиса 2008–2009 гг. олигархический бизнес, получив денежную поддержку от государства, вывез за рубеж 131 млрд долларов, что составило около 60% от всей суммы поддержки [2]. Коррупция, по нашему мнению, чума слабого государства и свидетельство отсутствия зрелого гражданского общества. Именно по этим причинам «существуют проблемы коррупции с неизменной констатацией причиняемого ею вреда и много того, что ее еще сопровождает, общество за это время, по существу, ни на шаг не продвинулось по пути реальной борьбы с ее проявлениями» [3].

Хотя государством принят ряд законов, призванных создать более благоприятные условия для инноваций и жесткой борьбы с коррупцией, однако, как показывают сегодняшние реалии, надеяться на быстрое искоренение коррупции и инновационный прорыв пока не приходится [4].

В качестве *четвертой причины* можно назвать состояние дел в образовании. Очевидно, что никакая модернизация невозможна без высококвалифицированных специалистов, талантливых ученых, без постоянного профессионального обучения и переобучения, без высокопрофессионального инженерного корпуса. Не случайно в целом ряде развитых стран образование, в том числе высшее, стало бесплатным. В США и других передовых странах даже в условиях финансово-экономического кризиса были не только не снижены, а увеличены ассигнования на развитие образования и науки.

В ежегодном аналитическом докладе на заседании «Меркурий-клуб» (14 января 2013 г.) академик РАН Е. Примаков привел на этот счет следующие цифры: в 2010 г. США на образование тратили 3,6 тыс. долларов на душу населения, в Японии – 1,5 тыс. У нас всего 400 долларов. Государственные и частные расходы в расчете на одного исследователя в США составили 293 тыс. долларов, в Китае – 74 тыс., в России – 39 тыс. Из представленных цифр видно, что налицо не просто отставание, а серьезный разрыв.

Скудность расходов на образование и науку влечет неэффективность работы их структур. В

настоящее время в стране сложилась профессионально-квалифицированная структура рынка рабочей силы, мало восприимчивая к изменяющимся отношениям в сфере труда. По-прежнему более половины работающих заняты на производстве простым неквалифицированным трудом или традиционным трудом средней сложности. Отсюда и проблемы с трудоустройством этих людей, оказавшихся в силу обстоятельств безработными. Обнаруживается низкая степень удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников профессиональных учебных учреждений. Как отмечают некоторые руководители регионов, стандартам ожидания предпринимателей не соответствуют до 90% молодых специалистов. По признанию руководства Министерства образования и науки РФ, из трех тысяч вузов две тысячи вполне можно закрыть из-за того, что они не дают реального высшего образования и занимаются простой выдачей дипломов.

Есть и более жесткий расчет, осуществленный рабочей группой по изучению путей вхождения России в Болонский процесс, признавшей соответствующими европейским стандартам не более 100 российских вузов из 3345 [5]. Во многом надуманными являются разговоры о перепроизводстве специалистов с высшим образованием. Их общее количество в России ниже, чем в большинстве стран Европы и США. И качество их подготовки по целому ряду специальностей остается низким, а по некоторым специальностям вообще не ведется их подготовка или ведется в недостаточном объеме. Так, крайне мало специалистов, имеющих профессиональные знания и опыт в области управления инновационной деятельностью, коммерциализации достижений науки и техники. Современное образование, в том числе высшее, носит догоняющий характер. Во многом аналогично положение и с наукой, имеющей весьма архаичную институциональную структуру. Эта архаичность проявляется в том, что до 90% расходов на исследования и разработки концентрируются в различных НИИ и КБ при крайне низкой доле участия университетов и промышленных предприятий.

Пятой причиной является отсутствие эффективной системы управления рынком труда, понятно, не административными методами, а социально-экономическими. Регулирование рынка труда требует смещения акцентов с сохранения непроизводительных рабочих мест на создание эффективных и высокотехнологичных. Но для этого необходимо хорошо знать реальную структуру рынка труда, а она слабо изучена. По существу, о ней объективно можно судить лишь по крупным предприятиям (они находятся в поле зрения статистики и органов труда): между тем на них трудятся менее половины россиян – 49%,

в то время как 18% населения работает в теневом секторе, поэтому в фокус внимания исследователей эти граждане практически не попадают. По оценкам Т. Малевой, директора Независимого института социальной политики, действующего в стране программы занятости касаются лишь 3% экономически активного населения [6].

Отсюда следует вывод: положение на рынке труда мы знаем только приблизительно. И прошедшая в октябре 2010 г. всероссийская перепись, судя по уже имеющейся информации, мало что прояснит в этом вопросе.

Современный рынок труда немыслим без разработки долгосрочного прогноза потребности в кадрах как в стране в целом, так и в регионах. Но фактом является то, что инновационный сектор экономики продолжает терять молодые кадры. Не исключено, что уже через пять лет отечественная экономика не сможет предоставить адекватные рабочие места выпускникам вузов, ориентированным на высокие технологии и высокий уровень потребления, что приведет к дальнейшему оттоку образованных людей из страны. Достаточно сказать, что за последних 18 лет нашу страну покинуло уже более трех миллионов человек. Это, как правило, молодые высокопрофессиональные и социально активные люди. И судя по личным наблюдениям, материалам статей в периодической печати и социологических опросов, эта тенденция носит устойчивый характер. В нашем обществе вольно или невольно формируется мнение, что в России молодым делать нечего, «надо валить из страны». Такую установку активно поддерживают зарубежные конкуренты. Так, на парламентских слушаниях «О государственной политике в сфере подготовки инженерно-технических кадров в РФ» председатель Совета Федерации В. Матвиенко констатировала, что идет тотальная охота западных фирм за выпускниками наших технических вузов [7]. Как ни странно, но этому способствует и само российское государство. Так, в стране из 1,5 млн ежегодно выпускаемых вузами специалистов только треть находят работу по специальности, 38% молодых специалистов до 29 лет числятся безработными [8].

Необходимо создать условия для реализации интеллектуального потенциала молодежи, ученых, и не только в рамках проекта Сколково. Это в полной мере относится и к вузовским преподавателям, создающим кадровую основу для модернизации экономики и общества. Пока в этом направлении больше проблем, чем достижений.

Крайне низкий престиж преподавательского труда, отсутствие значимых материальных стимулов в этом виде деятельности ведут к «вымыванию» высокопрофессиональных специалистов из высшей школы, старению его состава, особенно технических и естественнонаучных дисциплин.

Кое-что делается в этом вопросе, но коренного изменения не происходит.

Не столь давно федеральная власть заявила о том, что в ближайшие годы в стране будет создано 25 млн новых высокотехнологичных рабочих мест. Это можно только приветствовать, так как большинство нынешних рабочих мест не выдерживает никакой критики. Однако для решения этой сложнейшей и масштабной задачи потребуются огромные финансовые ресурсы, нужна большая организаторская работа. Большие финансовые вложения потребуются для создания социальной инфраструктуры, включая комфортное жилье, которая удовлетворяла бы современным требованиям. Здесь возникает и еще одна проблема: как быть с устаревшими производствами и кадровым составом, не способным в силу разных причин переобучиться? Судя по официальным источникам, выступлениям правительственных чиновников, пока нет еще конкретных расчетов по решению этой важной и сложнейшей задачи. Как нам представляется, при крайне напряженном федеральном и региональных бюджетах такая задача может оказаться очередным пропагандистским лозунгом.

Очевидно, что модернизация не может быть сведена только к технике, технологиям и экономике. Она касается общества в целом, качества и образа жизни людей, стиля их мышления и поведения, включенности граждан в модернизационные процессы. Модернизация невозможна при высоком уровне коррупции, пассивности государства, бизнеса и гражданского общества. Пассивность бизнеса по отношению к модернизации объясняется целым рядом причин, в том числе отсутствием мощных стимулов со стороны государства, и не только финансовых. Что касается общества, различных его социальных групп, то здесь причина пассивного отношения к модернизации кроется в отсутствии или слабом развитии гражданского общества. Мировой опыт свидетельствует о необходимости участия не только государства, но и общества, его основных социальных групп в контроле за реализацией крупномасштабных, значимых для всех проектов. Хорошо известно положение, выдвинутое в свое время немецким реформатором Л. Эрхардом. Суть его состоит в том, что реформы обречены на провал, если общество не знает об их содержании и не участвует в их осуществлении. Российская власть начинает осознавать роль демократии в модернизации экономики и общества. О некотором повороте в сторону демократии свидетельствует всенародное обсуждение федеральных законодательных проектов «О полиции» и «Об образовании», «Концепции миграционной политики», демократизации политической и избирательной систем и др.

Однако на этом пути есть серьезные препятствия, которые связаны с высокой степенью отчужденности значительной части населения от властей всех уровней и наличием в обществе запредельного социального неравенства.

При таком положении дел консолидация основных групп и слоев общества на решение проблем модернизации экономики и общества не представляется выполнимой. Не случайно в Россию едут из самых отсталых стран низкоквалифицированные кадры при одновременной утечке из самой России высококвалифицированных специалистов. Вот почему повышение качества жизни населения, устранение запредельного социального неравенства – это еще одна важнейшая предпосылка модернизации экономики и общества.

Требуется усиление внимания государства и общества к культуре, понимаемой в самом широком смысле этого слова, т. е. несводимой, как сейчас сплошь и рядом мы наблюдаем, преимущественно к использованию Интернета и к так называемому «современному искусству». (Показателен в этом плане проект власти г. Перми: превратить город к 2017 г. в культурную столицу Европы при акценте особенно на «современное искусство».) В нашем обществе почти не ведется речи о культуре поведения, культуре труда, культуре мышления, высоких духовных ценностях, о нетерпимости к пьянству, наркомании, табакокурению, проституции. А главное – нет реальных действий в этом направлении. Более того, отечественные СМИ активно тиражируют пошлость в массовом масштабе. В социуме продолжается процесс девальвации общечеловеческих ценностей, идет криминализация общества. В своем Послании Федеральному собранию президент РФ В. В. Путин состояние дел в духовной сфере назвал настоящей катастрофой [9].

Именно это является источником многих наших проблем, в том числе демографических, кризиса семьи, беспризорности детей, маргинализации общества и т. д. и т. п. Узкое понимание культуры выхолащивает ее сущность, ибо самая важная функция культуры – формирование в человеке личности, умеющей гармонично сочетать личные интересы с общественными, развивать способности, полнее реализовывать интеллектуальный потенциал человека. Современное общество требует также иного отношения бизнеса и государства к человеку. В цивилизованном обществе бизнес – это прежде всего не прибыль, а забота о человеке, его развитии. У нас, как образно выразился в одном из своих интервью В. В. Путин, бизнес «жадничает». Однако надо признать, что и государство «жадничает». В том числе оно экономит на здоровье человека, на развитии науки, образования, физической культуры, культуры вообще. Ярким подтверждением

тому является попадание за черту бедности 63,5% работоспособных людей [10]. Не случайно некоторые исследователи пишут об «удручающих социальных результатах двадцатилетней капиталистической трансформации» [11].

Все это имеет прямое отношение к модернизации общества и экономике в том числе. Именно через культуру, через формирование солидного слоя среднего класса, высокого престижа человека труда можно выйти за рамки «экономического человека» (термин введен известным английским экономистом А. Смитом) и сформировать «социального человека». Напомним, что в основе научной теории А. Смита, созданной почти двести лет назад, лежало стремление взглянуть на человека с трех сторон: с позиции морали и нравственности; с гражданских и государственных позиций; только затем – с экономических позиций.

Подобный подход мы видим и у современных исследователей, в том числе известного французского ученого Ж. Бодрийера. Последний в своих работах экономические категории «переводит» в социокультурные. Только при таком подходе можно снизить отчуждение в сфере труда, повысить мотивацию хозяйственной деятельности, снизить влияние эгоистичного личного интереса, изменить на этой основе отношение к природной, экономической, социальной и культурной среде, гармонизировать в обществе отношения между людьми. Не случайно ряд известных ученых и политиков причины нынешнего мирового кризиса видят не столько в чисто экономических, финансовых факторах, сколько в социокультурных. Примером тому может служить экономическая теория счастья, которая представляет субъективные представления личности об удовлетворенности жизнью в качестве именно экономического феномена. Аналогично обстоит дело и с социальной справедливостью.

Нельзя не согласиться с директором Института экономика РАН Р. Гринбергом и многими другими учеными и политиками в том, что если государство не осуществит массивные вложения средств в научно-технические отрасли, в фундаментальные и прикладные исследования в условиях нынешнего роста цены на нефть, то в нашей стране будет восстановлена всего лишь докризисная структура народного хозяйства, причем в еще более примитивном виде, чем до кризиса [12].

Модернизация экономики и российского общества требует учета также внешних факторов. В условиях острой конкурентной борьбы в мире мало кто заинтересован иметь сильного противника, тем более «растить» себе конкурента. Такова суровая реальность. Поэтому необходимо находить пути и методы партнерства с другими

странами и международными хозяйствующими субъектами, заинтересовывая их в равноправном и взаимовыгодном партнерстве, особенно в сфере высоких технологий. Без заимствования, без разработки и внедрения собственных инноваций невозможно осуществить прорыв с четвертого технологического уклада, на котором находится Россия, на шестой. Расчеты показывают, что технологическими инновациями в России занимается только 10% предприятий. А шанс стать конкурентоспособными на мировых рынках имеют пока менее одного процента компаний [13].

Сложность выстраивания отношений с другими странами и субъектами хозяйствования объясняется не только наличием острой конкурентной борьбы, но и нестабильностью и слабой предсказуемостью международной ситуации, наличием так называемых «двойных стандартов» как в политике, так и экономике.

Таковы наши размышления по заявленной теме. Автор осознает, что препятствий на пути модернизации экономики и российского общества значительно больше. Так, за рамками рассмотрения осталась проблема, связанная с поиском противоречий, возникающих в ходе модернизации и поиска путей и методов их разрешения, а их достаточно много. Существуют противоречия, искусственно создаваемые в ходе непрофессионального управления. К сожалению, в стране мало кто работает над имеющимися ошибками в управлении. Многие чиновники продолжают уповать либо на рынок как главный регулятор всего, либо на так называемую «вертикаль власти». В результате государство и общество несут колоссальные социально-экономические, демографические и иные потери, а до реальной модернизации руки не доходят.

Примечания

1. Глазьев С. «Стратегия 2020» – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. 2012. № 2.
2. Архангельский В. Об условиях инновационной модернизации // Экономист. 2012. № 2. С. 6.
3. Добренков В. И., Исправникова Н. Р. Коррупция: современные подходы к исследованию: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2009. С. 5.
4. Антипов А. Г., Антипов К. А. Коррупция в современном российском обществе: состояние и борьба с ней // Вестник Пермского университета. Юриспруденция. 2013. № 1. С. 8–14.
5. Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М., 2007. С. 19.
6. Антипов А. Г. К вопросу о формировании цивилизационного рынка труда в «архаичном» российском обществе // Человек и труд. 2010. № 5. С. 3.
7. Российская Федерация сегодня. 2013. № 5. С. 1.
8. Грицюк М. Трудный подросток // Российская газета. 2013. 8 апр. С. 4.

9. Российская газета. 2012. 13 дек.

10. Грицюк М., Козловский В. Богач, бедняк // Российская газета. 2012. 14 апр. С. 1.

11. Бобков В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации // Российский экономический журнал. 2012. № 2.

12. Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012.

13. Кукол Е. Бизнес не берет // Российская газета. 2010. 28 окт.

УДК 165.0

В. Ф. Юлов

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ «ВСЕОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ»

В статье предлагается новый философский проект – создание широкой и интегративной теории познания, охватывающей все четыре существующих типа познания: познание животных, человеческое практическое познание, духовный поиск (мировоззрение) и науку. Основное внимание уделено осмыслению сквозных и генеральных принципов, способных дать картину связанного единства всего многообразия познавательных форм.

This paper suggests a new philosophical project – creation of wide and integrative theory of cognition. It covers all four existing types of cognition: animal cognition, human practical cognition, weltanschauung and science. It is focused on understanding of general principles providing a coherent unity in all varieties of informative forms.

Ключевые слова: эволюция, агент жизни, познавательный агент, бытийственная психика, ментальная психика, знаковая репрезентация, интеллект, метод, триадная технология интеллекта, опыт, мышление, интуиция, воображение, активность субъекта, отражение объекта, неотражательная духовность.

Keywords: evolution, life agent, cognitive agent, ontological state of mind, mental state of mind, sign representation, intellect, method, triad intellectual technology, experience, thinking, intuition, imagination, activity of the subject, reflection of the object, non-reflective spirituality.

Существует четыре типа познания: познавательная деятельность животных и типы, представляющие человека: практическое познание, мировоззренческий поиск и научное исследование.

Прижизненный опыт животных сравнительно недавно стал предметом изучения. Выяснилось, что нельзя понять жизнь животных без научения и поискового поведения. История человека началась со становления практического познания. Оно возникло в практике первобытных людей, затем его формы разнообразились. Общим

остается то, что практическое познание обслуживает создание материальных благ. Вместе с практикой родилось мировоззрение, вбирающее в себя все духовные ценности и включающее мифы, мораль, искусство, религию, философию. Самым поздним типом познания является наука. Ее главная цель – познание ради знания или получение новых специальных знаний.

Идеалом любой теории является рациональная связность и единство ее частей. Этому ведущему требованию не отвечает современная гносеология, в которой соседствуют отдельные, не связанные между собой типы познания. Наибольший объем рефлексивных источников имеют наука и мировоззрение, значительно им уступают познание животных и практическое познание. Однако и тут анализ частных видов и форм превалирует над мыслительным синтезом. Конечно, аналитическая стадия нужна, однако рано или поздно за анализом должен следовать синтез. Единство разнообразию частей способны придать принципы, имеющие общий характер, это позволит выстроить интегральную гносеологию.

Краеугольное место данного принципа очевидно: познание существует там, где есть жизнь. Современный французский философ Ж.-М. Шеффер написал книгу с симптоматичным названием «Конец человеческой исключительности». Христианство утверждает уникальность человека, которого Бог сотворил по своему образу и подобию. Однако согласно эволюционной теории Дарвина древний человек вышел из животного мира и в нём сплелись воедино два вида эволюции – природная и культурная. Если природная эволюция объединяет людей с животными, то у них должны существовать некие общие познавательные процессы. Шеффер выделяет у человека четыре способа приобретения информации: 1) через гены; 2) индивидуальное обучение (пробы и ошибки); 3) социальное обучение на индивидуальной основе (игра, состязания); 4) культурное обучение (вербальный язык и школьные коммуникации). Первые три способа являются общими для животных и человека [1].

С нашей точки зрения, уместно ввести понятие «агент жизни», аспектом которого является «познавательный агент» (данный термин ввели У. Матурана и Ф. Варела). Приоритет жизни над познанием не распространяется лишь на науку как «чистое познание». У животных познавательный опыт подчинен приспособительному поведению и выживанию. Если социальная практика человека доминирует над практическим познанием, то духовный поиск подчинен духовной практике.

Итак, нужно определить познавательные способности, присущие как животным, так и человеку. Включение телесности как сквозного, хотя и низшего уровня очевидно. В качестве системы

биотических органов тело вырабатывает нужные вещества и энергию, его процессы в большинстве своем регулируются врожденными генетическими программами. Сложные двигательные схемы вырабатываются под контролем психики и ума в формах научения. Мозг как высшее тело обеспечивает психику и ум вещественно-энергетической подпиткой, предоставляя чувствам и знаниям необходимые места (рецепторы, память).

Главным барьером на пути к единой модели является сознание, оно присуще человеку, и считается, что отсутствует у животных. Выход здесь состоит в нахождении базисной структуры сознания, упрощение которой позволяет определить и познавательную структуру животных. Последняя должна быть максимально простой и в то же время открытой к такому развитию, которое приводит к возникновению сознания. Такому требованию отвечает схема из двух уровней – психики и интеллекта. Если психика объединяет в себе все формы чувственности, то содержание интеллекта (ума) сводится к когнитивным актам и их продуктам – знаниям. Внутри психики целесообразно выделить два слоя – бытийственную чувственность и ментальную психику [2]. Если первая организует сложные формы жизнедеятельности, формирует мотивы деятельности, дает эмоциональное сопровождение для подключения энергии и ее отвода, включает/выключает волевые усилия, то вторая в союзе с интеллектом конституирует познание. У человека бытийственная психика сложна (Я-самость, воля, эмоции, мотивация), но ее можно редуцировать «под животного». Очевидно, что надо признать у животных некий элементарный центр их внутреннего мира, позволяющий определенному организму отличать себя от других особей. Что касается воли и эмоций, то в простейшем виде они присущи животным, вместо мотивов действуют потребности. Итак, элементами бытийственной психики познавательного агента являются: «центр жизни», потребности, воля и эмоции в зачаточном виде.

Бытийственная психика дополняется психикой ментальной. Поскольку ее главной ролью выступает познание, то она органично взаимодействует с интеллектом. Одним из основных элементов ментальности являются сенсорные впечатления, или чувственные модальности (“qualia”), которые формируются рецепторными органами чувств (осязание, зрение и т. п.) при воздействии на них внешних объектов. Другими компонентами ментальной психики человека являются состояния веры и сомнения. Они не обладают самодостаточностью, их интенциональный предмет существует в интеллекте, это знания. Если вера, как якорь, закрепляет определенные когниции, делая их верованиями, убеждениями, то сомнение придает знаниям динами-

ку (проблематизация, критика). Учитывая особенности животных, в структуре познавательного агента следует оставить лишь состояние веры (слепой), родственное врожденным программам. Состояние сомнения присуще развитой культуре человека. Другой элемент ментальности представлен вниманием – интересом, т. е. той способностью, которая направляет усилия агента на определенные объекты. Это присуще как животным, так и человеку. Итак, ментальная психика являет собой многообразие сенсорных впечатлений, веры и внимания.

Внешняя детерминация агента ограничена сенсорными модальностями, все остальные способности реализуют автономную активность агента в его сугубо внутреннем мире. Именно здесь взаимодействуют между собой оба вида психики и интеллект. При этом отношения интеллекта с ментальными чувствами имеют более тесный и обязательный характер, нежели с бытийственными формами. Так, эмоции-аффекты способны полностью парализовать действия ума на определенный период времени.

Сложилось традиционное представление о языке как сугубо человеческом достоянии. Однако в последнее время ряд ученых и философов ставит вопрос шире: если животные познают друг друга и общаются между собой, то следует у них признать наличие языка. Семиотика указывает на универсальную для жизни единицу языка – чувственный знак. У агента жизни и познания он существует на «стыке» ментальной психики и ума. Сначала формируется множество чувственных впечатлений, некоторые из них интеллект выбирает как значимые, они становятся знаками, несущими определенные значения. Любой знак замещает внешний объект и представляет его во внутреннем мире агента. Эта универсальная схема языка естественно специфицируется. У животных знаки разделяются на иконы и индексы (Ч. Пирс). Если иконические образы выражают актуальные стимулы (безусловные рефлексy), то знаки-индексы указывают на потенциальные стимулы, появление которых произойдет в будущем (условные рефлексy). У человека иконы и индексы также имеют место в практическом познании, но главенствует здесь словесный язык. В науке вырабатываются системы искусственных знаков (формализация и т. п.) для однозначного выражения знаний. У мировоззрения основной языковой единицей выступает символ. Его неоднозначность оптимально сопрягается с духовными ценностями.

Одна из сущностей жизни представлена технологичностью. Речь идет о том аспекте естественной деятельности организмов, где не только внешние факторы природной среды преобразуются во внутренние достояния и ресурсы, но и

происходит трансформация чисто внутренних элементов. Можно представить, что основными компонентами техники жизни являются: 1) средство – орудие; 2) сырьевой предмет; 3) продукт – результат. Активное воздействие средства на сырьевой предмет трансформирует последний в полезный продукт. Такое производство структурно и функционально весьма похоже на внешнюю орудийную деятельность животных (использование палок, прутиков, камней обезьянами и др.) и особенно на трудовую практику человека. И все же речь идет о технологиях внутреннего плана, где средством выступают внутренние ресурсы агента. Внутреннее производство принимает различные формы в зависимости от качества предмета и орудия. Так, на уровне тела агент жизни осуществляет процесс питания. Его технология проста: сырьевой предмет – пища, в качестве орудия выступают ротовой аппарат и желудок, переваривание пищи дает необходимый продукт – полезные вещества и энергию. Триадная схема технологии действует и в психике, которая своеобразно сочетает техническое и не техническое с приоритетом последнего. Бытийственная чувственность во всех своих формах исключает всякую техничность, демонстрируя тонкие душевные процессы, потоки и состояния. Вера и внимание как состояния ментальной психики также нетехничны, их интенциональные векторы ничего не меняют в содержании тех знаний, на которые они направлены. Совсем другое дело – сенсорная чувственность, являющаяся единственным познавательным «окном» во внешний мир, на основе которого возник ментальный экран культуры (вербальность, ТВ-изображения и т. п.). Эволюция сформировала у нее особую технологию, где предмет поставляется внешней средой в виде физико-химических сигналов (свет, звук, механические воздействия и т. п.). Встроенные в тело рецепторы преобразуют их сначала в физиологические формы раздражимости, а затем в чувственные впечатления. Таким способом внешнее становится внутренним, ментальным состоянием, способным в дальнейшем стать уже предметом интеллектуальных воздействий [3].

Уже интуиции народной психологии намекают на существование технологии ума: «Голова работает», «Котелок варит» и т. п. Задача философской теории познания сводится к тому, чтобы эти метафоры переработать в концептуальные схемы. Есть уверенность в том, что триадная схема технологии вполне применима к интеллекту. Если его содержанию выступают знания, то они способны обрести функциональные роли: «средство», «предмет» и «результат». Самое простое – быть когнитивным продуктом. После завершения отдельного процесса познания знание в результативной форме закрепляется в памяти, и в таком

виде оно существует в области ума. Знания-результаты разнообразны: перцептивные образы, представления, суждения, понятия, теории и т. п. Качества «умственного предмета» и «рационального средства» более сложны. На место первого способны претендовать сенсорные впечатления и широкая группа знаний. Требование здесь одно – становиться тем материалом, на который может эффективно воздействовать средство. Это означает, что предмет обязан нести в себе некую аморфную незавершенность и благодаря этому он способен достраиваться в совершенную структуру. Ментальные впечатления сугубо чувственны и требуют когнитивной обработки. У животных и людей-практиков это типичный предмет распознавания. Знания же становятся предметом тогда, когда они несут в себе возможности роста и развития. Знания с потенциальностью формирования новых результатов составляют содержание практических, духовных и научных проблем, требующих для своего решения такого интеллектуального средства, как метод.

Древние греки под методом подразумевали путь к желанной цели. Метод можно считать средством достижения цели, но метафоре пути следует придать строгий смысл. Основная функция метода ясна – внесение преобразований в предмет и превращение его в новый результат. Такая роль делает метод универсальным орудием и инструментом интеллекта. Какое же когнитивное содержание способно ее выполнять? Полная структура метода включает три узловых компонента: 1) общие концепты (образы, идеи); 2) нормы-правила; 3) умственные операции. Самую высокую значимость имеет первый элемент, указывающий на сущностные признаки изучаемого объекта. Знание отличительных черт территории, на которой проживают животные, представления-схемы о пище и опасностях составляют методы их ориентации и выживания в данной сфере. Если брать человеческую трудовую практику, то ее методы основаны на общих представлениях о свойствах природных материалов, о технологиях их преобразования.

В методах научного познания «общие концепты» представлены эмпирическими и теоретическими идеями, принципами и другими абстрактными фрагментами, отражающими закономерные признаки объектов. Главная трудность состоит в том, чтобы из всего многообразия наличного содержательного знания выбрать надлежащие элементы в состав метода, способного эффективно воздействовать на предмет. Если «общие концепты» отражают объект, то нормативный компонент выражает необходимые ориентации познавательного агента. Если у животных он отсутствует, то у человека он воплощает специфические умственные приемы. Для практическо-

го опыта характерны деятельностные рецепты («бери то-то, делай так-то»). Разные формы мировоззрения демонстрируют свои правила и предписания. В архаичных мифах возникли правила контагиозной и симпатической магии, во всех религиях действуют нормы-запреты и нормы-предписания и т. д. В науке сложились как общенаучные, так и дисциплинарные нормы. К первым можно отнести «бритью Оккама» (правило разумной простоты) и «золотое правило Дарвина» (на фоне чужих гипотез наибольшего внимания требует собственное предположение). Операциональный компонент придает методу динамику орудия трансформации предмета. Набор умственных операций животных невелик, здесь преобладают действия с эмпирическими образами: оценка ситуации на существенность, конкретизация врожденных «категорий», обобщение полезного признака и т. п. Операциональная культура человека весьма разнообразна. Можно выделить лишь сквозные для всех типов познания дихотомии: анализ/синтез, обобщение/специализация и т. п. [4]

Итак, триадная технология интеллекта действует во всех типах познания. Но при этом она разделяется на два широких вида познавательной деятельности – опыт и мышление. Опыт строится на однократном действии технологии ума. При непосредственном воздействии внешней реальности на агента в нем возникает множество чувственных впечатлений. В его памяти существуют содержательные представления, они функционируют как постоянные установки, действуя в роли метода оценки, они позволяют не только выбрать существенные модальности, но и придадут им как предмету соответствующие рациональные значения. Результатами таких актов становятся ощущения и восприятия как основные единицы опытного познания. Если ощущения и восприятия повторяются, то они обобщаются в представления.

Опыт господствует в познавательной деятельности животных. Повторяющиеся ощущения и восприятия обобщаются в представления, несущие типичные образы, прототипы или «когнитивные карты» (Э. Толмен). Показательны опыты с мартышками-верветками (1982), у них есть три грозных врага: орлы, питоны и леопарды. Соответственно, существует и три разных сигнала, предупреждающих об опасности. Молодые обезьяны часто ошибаются: принимают за орла другую птицу, вместо леопарда указывают на бородавочника. Примечательно то, что ошибки не выходят за рамки общих типов – наземные млекопитающие, птицы и змеи. Ученые полагают, что у обезьян существуют врожденные предрасположенности к определенному способу реагирования на эти типы. Обучение же конкретизирует «естественные категории» (млекопитаю-

щие, птицы и змеи), доводя их до опытного знания частных видов: леопард, орел, питон [5].

Опыт присущ также и человеку, воплощая в себя особенности культуры. Он формируется на всех возрастных этапах индивидуального развития. У младенцев и детей опыт играет определяющую роль, но и у взрослых людей опыт является необходимой школой жизни (практический, духовный и научный). Но если у животных познание сводится к опыту, то у человека он развивается и совершенствуется культурой мышления. Выражение «Учиться на ошибках» означает, что опыт передал эстафету мышлению.

В литературе часто встречается формула «Мышление есть интеллект в действии». Она выражает расширительную трактовку мышления, где опыт поглощён сферой мысли. Если опыт и мышление суть два разных вида познания, нужно определить качественные границы мышления, отличающие его от опыта. Сделать это позволяет триадная схема работы интеллекта. В опыте она действует однократно, ибо для привычных условий связь предмета и метода стереотипна, и она осуществляется почти автоматически (бездумно). Но вот в новой ситуации опыт дал сбой, что в действиях повлекло неудачу. Тут на смену опыту приходит мышление, где работа интеллекта растягивается на три акта «думания»: 1) формирование предмета – проблемы; 2) мобилизация метода; 3) применение метода к проблеме, трансформирующее ее в искомый результат. Если речь идет о трудовой практике, то работники должны оценить новизну как отклонение от стандарта, что даёт профессиональную задачу. Для ее решения требуется должный метод, и поиск его элементов отнюдь не тривиален, ибо на знаниях отсутствуют инструментальные этикетки. Когда метод-программа сложился, его применение к проблеме имеет свои трудности. Особой сложностью обладает научное мышление. Постановка научной проблемы определяется набором разнообразных норм – идеалов (что считать нормальным результатом науки), через призму которых выделяются девиантные знания. Еще большей сложностью обладает акт становления метода, где действуют творческие способности интеллекта: интуиция и воображение. Когда результат получен, он оценивается на соответствие проблеме, и через это осуществляется оценка на истинность. Итак, практическое, духовное и научное познание строятся на взаимосвязи разных форм опыта и разных форм мышления.

Античные философы сформировали представление о мышлении как логическом пути к новому знанию. В дальнейшем оно стало ядром логической парадигмы, которая и ныне имеет высокий авторитет. Суть логики сводится к выведению следствий из предпосылок. Наиболее релье-

ефно это выражает дедуктивная логика, где из общих положений со строгим контролем следуют частные выводы. Индуктивная логика использует вероятностные приемы, и выведение общего из конечного множества частных напоминает пунктирную линию. Но и здесь вывод одного из другого остается основой. Идею логики как сути мышления, казалось бы, убедительно утвердили успехи первой научной теории – геометрии Евклида. Множество теорем здесь доказано путем выведения из таких предпосылок, как аксиомы и постулаты. Однако последние получены нелогическим способом, где нет дедуктивного вывода.

Когда древнегреческие математики приступили к созданию геометрической теории, то в качестве сырьевого предмета они имели множество эмпирических образов и представлений о пространстве, возникших в практике измерения земельных участков, продуктов земледелия и строительства зданий. Из этого обилия ученые выбрали самые существенные образы, используя ценностные процедуры. Затем они были подвергнуты теоретической обработке, где доминировали операции идеализации, обобщения и т. п. Когда результаты были четко сформулированы, они стали аксиомами. Данный пример типичен для всех человеческих типов познания. Самое важное в мышлении осуществляют нелогические способности, логика лишь завершает процесс мышления.

«Интуиция открывает, логика доказывает» – этот тезис признают многие практики, ученые и философы. Именно интуиция претендует на роль главной нелогической способности. Этимология латинского слова дает смысл «пристально смотреть», что роднит интуицию с такой формой опыта, как восприятие. Чувственными знаками в нем выступают зрительные впечатления, со стороны интеллекта действует метод, ценностно выбирающий значимую модальность и придающий ей рациональное значение. От обычного восприятия интуиция отличается тем, что она актуализируется в процессе творческого мышления. Оно начинается с выдвижения новой проблемы, требующей нового метода решения. Предметом его поиска становятся наличные знания и то, что доступно возможному опыту. Стратегия интеллекта сводится к следующей процедуре – все, что попадает в поле восприятия, оценивается на роль возможного метода решения проблемы. В этом мониторинге проблема выступает тем замком, к которому нужно подобрать нужный ключ. Интуиция сводится к догадке, где совсем неожиданный элемент способен вдруг восприниматься в качестве искомого. На фоне длительного и непрерывного поиска такой дискретный акт переживается агентом как «озарение», «инсайт». Хотя логики здесь нет, содержание интуиции вполне рационально, ибо предмет дан ментальной чув-

ственностью, а метод нахождения представлен ценностными когнициями интеллекта.

Интуиция присуща всем типам познания. Она действует в животном мире, хотя и в качестве редкой гостьи. Если взять классические опыты В. Келера с шимпанзе, то в поведении Султана проявилась явная интуиция. Ситуацию с высоко поднятыми бананами голодная обезьяна признала проблемной и стала искать решение. В поле ее зрения попадали разные предметы, реализовывались неудачные пробы, пока не были выделены ящики. Их значимость в качестве подставки была правильно угадана интуицией, ставшей ядром поведенческого мышления животного.

Человеческая практика изобилует примерами успешной интуиции. Все они показывают способность ума находить перцептивным способом нужные решения технического изобретательства. Хорошо известна история с английским изобретателем Дж. Уаттом. Его мучила проблема: «Какую энергию использовать в механической машине?» И вот в зоне его внимания оказался чайник, крышка которого подпрыгивала под воздействием пара кипящей воды. Из всех элементов восприятия интуиция выделила пар как носитель энергии. Так открылась дорога к проекту первой машины.

Под знаком интуиции произошли многие научные открытия. Здесь сохраняется схема: 1) выдвижение новаторской проблемы; 2) поиск элементов на роль метода (идеи); 3) интуиция находит идею среди образов опыта. Для иллюстрации возьмем ситуацию открытия закона гидростатики Архимедом. Царь Гиерон поставил перед ним практическую задачу (использует ли ювелир вместо золота медь?), ученый превратил ее в научную проблему (как узнать соотношение весов золота и меди в совокупном весе изделия?). Даже в ванной Архимед продолжал размышлять над проблемой. И вот он интуитивно оценивает важность факта погружения своего тела в воду и изменения её уровня, выделяет его, переоценивает и переносит на проблему в качестве метода решения. Открытие совершено.

С интуицией пересекается феномен воображения. Его точно охарактеризовал Аристотель: это способность ума порождать представления при отсутствии актуальных влияний извне. Если интуиция оценивает тот опыт, где реальные объекты воздействуют на зрительные рецепторы агента, то воображение имеет дело с уже наличными образами. Одна из типичных форм проявления воображения – сновидения. Здесь приобретенные образы сплетаются в самые различные комбинации, демонстрируя высокую свободу и произвольность. Эта черта способна детерминировать творческие акты познания. Хотя исследователи признают наличие сновидений у животных, пока нет материала в отношении их

познавательной роли, это дело будущей науки. Что же касается человека, то творческая роль сновидений подтверждается многими фактами. При этом, так же как и с интуицией, обязательным условием является постановка проблемы. Об этом свидетельствовал сербский изобретатель Н. Тесла. После того как он выдвигал техническую задачу, идея ее решения всегда приходила ему во сне в виде яркого и четкого схематического образа [6]. Немецкий химик Ф. Кекуле рассказал своим коллегам о том, что, когда он длительное время и безрезультатно промучился со структурной формулой бензола, однажды впал в сон и в нем увидел змею, кусающую свой хвост. Образ замкнутого кольца стал методом решения.

По эффекту действия воображение в форме сновидения мало чем отличается от интуиции. Совсем другое дело – воображение, которое преобразует наличные образы, создавая необразные конструкты. Согласно Аристотелю, воображение способно порождать представления, отличные от образов восприятия. У такой формы воображения в качестве метода доминируют трансформирующие операции. Преобразование образов может идти по двум направлениям: 1) развитие эмпирии в теорию; 2) продуцирование неотражательных вымыслов и фантазий. Первый вектор был освоен наукой. Еще юношей А. Эйнштейн был увлечен образом – если «оседлать» луч света, то что увидит такой наблюдатель? Налицо наивный образ, но, став сквозной идеей, он в дальнейшем превратился в систему понятийных схем специальной теории относительности. Хотя сам ученый отмечал образный характер своего способа мышления, все же в итоге образы у него превращались в понятия. Все мысленные эксперименты можно считать операциональными фигурами творческого воображения. Что же касается воображения как источника неотражательных фантазий, то оно предполагает рассмотрение темы отражения.

Мировоззрение центрировано не на мире как таковом, а на человеческом ценностном отношении к нему. Открытие такой стратегии позволило человеку развивать субъективные ценности, ставшие содержанием всех исторических форм духовности. Ж. Шеффер провёл интересное различие экзогенного и эндогенного видов опыта. Первый содержит практический опыт и научно-эмпирическое познание, их объединяет ориентация на внешний мир и критерий истины. Эндогенный опыт включает в себя все мировоззренческие формы, которые ориентируются на внутренний мир человека. Духовность «семантически заполняет поле возможных внутренних опытов и тем самым получает иммунитет от реальности». Здесь нет требования истинности, ибо

мировоззрение служит для поддержания нашей внутренней идентичности в стабильном состоянии [7].

С этой мыслью нужно согласиться, но здесь непонятно то, как возникают единицы духовного опыта. Можно предложить следующую версию мировоззренческого творчества. В жизни древних людей господствующее положение занимал практический опыт, содержащий разные образы. Из всего этого многообразия выделялись самые значимые единицы, отражавшие общие черты человека. И вот они становились предметом такого осмысления, где нашла своё место игра воображения. Данная способность основана на методе, состоящем из весьма произвольных операций – сильного обобщения, чрезмерной экстраполяции и т. п. Подобные умственные действия придавали образам неотражательные черты. В качестве примера попробуем реконструировать сценарий возникновения представления о душе. Сновидения, наблюдения за людьми в состоянии обморока и восприятие умерших дали богатый образный материал в пользу существования того, что ныне называется сознанием. Но свободные ходы воображения трансформировали эти констатации в учение о душе (анимизм): 1) душа способна временно или навсегда выходить из тела; 2) вещи, растения, животные и люди обладают душами; 3) воздействие на часть души передаёт целому. Концепт души в дальнейшем стал главным методом конструирования других единиц духовности (духи, боги и т. п.).

В древности образы были единственным предметом духовного творчества. Это сохранила и древняя философия, где осмысливались практические образы (вода, огонь и т. п.) и они превращались в философемы. Позднее отрыв мышления от непосредственного опыта обрел более абстрактные формы в виде категорий, когда предметом преобразований стали неотражательные концепты.

Итак, мы рассмотрели сквозные и генеральные принципы, способные лечь в основу всеобщей теории познания.

Примечания

1. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М., 2010. С. 244–259.
2. Юлов В. Ф. В чём состоит перспективность трехуровневой концепции сознания // Вестник ВятГГУ. 2009. № 3(1). С. 20–27.
3. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М., 2005. С. 103–117.
4. Там же. С. 218–221.
5. Хейс Н. Принципы сравнительной психологии. М., 2006. С. 334–337.
6. Тесла Н. Мои изобретения // Тесла Н. Статьи. Самара, 2008. С. 21–22.
7. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М., 2010. С. 308.

УДК 1.001.1

В. Г. Попов

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ

В статье на основе идей Т. Гоббса, Р. Барта, М. Фуко, Х. Арендт рассматривается проблемный характер власти. Власть может сопровождаться насилием, быть нейтральной по отношению к человеку, а также быть в качестве блага, преодолевающего насилие. Задача состоит в открытии форм, в которых совпадают законы власти-собственности и законы любви-справедливости.

On the basis of the ideas of Hobbes, Barthes, Foucault, Arendt considered problematic nature of power. Power can be accompanied by violence, be neutral with respect to the person, and to be as good, overcoming violence. The task is to open the form in which the power-property laws coincide with the law of love, justice.

Ключевые слова: власть, сопротивление, власть языка, обучение власти, справедливая власть.

Keywords: power, resistance, power of language, education authorities, just government.

Томас Гоббс пишет о том, что природа создала людей равными в отношении умственных и физических способностей [1]. Но им не ставится вопрос, почему природа создала людей равными, это выдвигается в качестве аксиомы. Люди равны не потому, что одинаковые, наоборот, люди разные в своей уникальности, но являются равными в отношении господства и подчинения. Нет изначального врожденного деления на «господ» и «рабов», управляющих и управляемых – положение, которое, возможно, недоказуемо, но, во всяком случае, неопровержимо. В этом смысле мы имеем дело с грамотной постановкой вопроса и верным ответом.

Далее Гоббс пишет, что из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение наших целей [2]. Это соответствие способностей и надежд-желаний мы тоже можем понять как нечто естественное – без каких-либо «почему». Надеяться, желать чего-либо – это продолжение наших способностей.

После положений о равенстве способностей и надежд у Гоббса в его реконструкции возникновения общества происходит «поворот» или «сдвиг»: «Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, не могут обладать вдвоем, они становятся врагами» и «на пути к достижению цели они стараются погубить или покорить друг друга» [3]. В итоге возникает вражда, соперничество, «война всех против всех». Здесь мы имеем уже характеристику

не естественных способностей человека, а естественного состояния общества, при котором человек осознает необходимость борьбы за свою собственную безопасность (свою жизнь). Важно, что происходит осознание ситуации, и возникает недоверие к другому. Как можно доверять друг другу, враждуя? Если в этой борьбе-войне побеждают, то сам факт победы, когда один овладевает вещью в большей мере, чем другой (как собственностью-средством), говорит и о превосходстве этого «одного» над «другим». А это превосходство является условием для новой сравнительной самооценки: «один» выше, сильнее, прекраснее, чем «другой», то есть борьба за «третью» неделимую вещь есть борьба за то, кто сильнее, кто самоценнее и т. д. Это можно назвать жаждой славы.

Если первоначально люди были равны, то у них не было оснований для неравной самооценки и борьбы за равенство. Но в условиях соперничества почему-то возникает то, что «каждый добивается того, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит» [4]. Может быть, именно здесь стоит искать причину неравенства – в несовпадении того, что человек думает, делает, создает, и самооценки всего этого, с одной стороны, и отношения к этому других, с другой стороны? Человек не просто работает без понимания работы, а работает, понимая работу. Работа с пониманием – это его собственная честь и часть жизни, его достоинство, его право в обществе быть не «чужим», а своим – «равным». Различие в его самопонимании и понимании со стороны не нужно рассматривать как то, что происходит внутри сознания изолированных индивидов. Эта оценка и самооценка (извне и изнутри) происходит в действиях, в реакциях, в выражениях телесного и жестового языка.

Но это наши размышления по поводу рассуждений Гоббса. Сам же он видит три причины войны: соперничество, недоверие, жажда славы. Первая причина заставляет нападать в целях наживы, вторая – в целях собственной безопасности, третья – из соображений чести. Насилие возникает для того, чтобы быть хозяином людей – в целях самозащиты. Возникает даже из «пустяков», из-за несогласия во «мнениях». Но главная причина и главное условие войны – наличие «неделимого» предмета. «Неделимой» вещью, которая нарушает исходное равенство людей, может быть что угодно: территория для охоты, условия для рыбной ловли, удобное место прожигания, добыча, мужчина или женщина. Важно то, что в мире есть что-то принципиально «неделимое».

Возможно ли нарушить этот закон «неделимости»? Например, в равной степени «разделить» между собой усвоение знаний? Или понимание

художественных произведений? Вообще истинное или ложное понимание чего-либо? Можно ли условия жизни, связанные с окружающей средой, разделить поровну? Не делится не только воздух, космос, но и такие нравственные явления, как любовь, дружба, совесть и т. д. Не делится на части, тем самым не передается друг другу.

И тем не менее каким-то неизвестным образом делится. Совместное чувство ответственности можно разделить по функциям. Например, ответственность за работу коллектива, его успехи и неудачи. Но всегда есть что-то, что никак не делится, некий «совместный, общий остаток», из-за которого и начинаются войны. Может быть, чем больше делим, тем больше возрастает область неделимого, а значит, степень агрессивности, насилия, войны? Или наоборот? Если «наоборот», то придем к абсурду. Весь мир разделили, научились этому – «каждому свое» – и успокоились на этом? Тогда придется заняться перераспределением, чтобы уйти от скуки и вдохнуть энергию жизни.

Интересно, что война связана с отрицанием равенства, она на деле есть олицетворение неравенства, ведь не все погибают, но возникает в условиях равенства, в борьбе за новое равенство, где равными быть не могут – в отношении «неделимого». Равенство возможно за пределами реального земного мира. В мире потустороннем. Равенство в справедливом воздаянии по заслугам. И это совершает высший суд, у кого сила и власть, знание-истина того, «кто чего» заслуживает на деле, по чести и достоинству. Это совершает тот, кто знает «самоценность» каждого, «для себя и для иного», у кого есть общая мера, общий масштаб для измерения достоинства каждого.

Возможность такой логики рассуждения является общим фоном и пределом всех мыслителей Европы. Но предел есть предел. Он всегда идеален, а не реален. А нас интересует логика реального земного человека. Возможность мыслить на месте каждого человека и вместе с ним.

Земной человек (Гоббс) рассуждает: если нельзя разделить внешний мир, то, может быть, нужно разделить свои способности, умения, функции, роли? И вот тогда их часть перенести на то существо или собрание людей, которые могли бы решать одну проблему: защиты от насилия, от бесконечного агрессивного стремления каждого человека. (Лучше спастись от одиночества в войне, если нельзя спастись от одиночества в мире.)

В итоге власть передается одному лицу – монарху или собранию лиц. Посредством перенесения прав происходит то, что «люди называют договором» [5]. Гоббс уточняет: «Односторонне перенесенные права – не договор, а дар, здесь возникает надежда на услугу, на награду на небесах и т. д.» [6]

Само возникновение центральной власти (государства) происходит по определенному закону-выбору: или мир, или война. Естественный закон-правило диктует людям, что они должны стремиться к миру. Из этого происходит второй закон: в случае согласия на то других людей человек должен отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других по отношению к себе [7]. В итоге смысл возникновения центральной власти – установление мира, справедливости, равенства людей. Власть за разделение, ограничение того, что, казалось бы, делить нельзя – свободы. Но итог этого – благо, т. е. сохранение жизни каждого в условиях мира. «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство) при наложении уз (которыми они связаны, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни» [8].

Но эта реконструкция образования государства через отречение от прав, перенесение права на другого связана с процессом осознания возникновения центральной власти. Но разве нет в человеке ничего такого, что вынуждало бы к осознанию того, что он делает, стремиться к единой власти? Есть! Это страх смерти и одиночество. Дело в том, что в состоянии одиночества нет понятий правильного и неправильного, справедливого и несправедливого. «Справедливость и несправедливость есть качество людей, живущих в обществе, а не в одиночестве» [9]. «Страсти, делающие людей склонными к миру, суть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира...» [10]

В условиях «войны всех против всех» нет места трудолюбию, нет гарантий для получения плодов труда. Еще хуже вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти. А жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна [11].

А если и возникает страх перед общей властью, то он для того нужен, чтобы снять страх смерти от насилия над жизнью. Страх смерти – это в какой-то мере бессильное чувство сопротивления смерти, сопротивление насилию, которое ведет к смерти. И создавая систему центральной общей власти, мы создаем универсальную форму сопротивления страху, преодоления страха и одиночества. Создаем универсальные условия для труда-заботы. Вместе с государством создаем справедливость и собственность. А где нет собственности, то «все имеют право на все»

[12]. Возврат к естественному равенству – это возврат к страху смерти, одиночеству, угрозе жизни и труду, к равенству перед совокупностью этих условий жизни.

Стремления и страхи, изложенные у Гоббса: к труду, к заботам, сохранению жизни, страх перед смертью, перед одиночеством, преодоление всего этого – входят в сферу силовых отношений, описанных у М. Фуко, к которому мы вернемся ниже. Только у Гоббса это прямой путь к власти, к истине власти, а у Фуко это и есть жизнь и сама истина власти. Логика критики Гоббса у Фуко основана на простом и очевидном факте: государство само по себе не преодолело то, к чему стремилось. Одиночество осталось, страх смерти остался. Агрессивная форма власти осталась. Возникла и расцвела манипулятивная форма властвования и управления, когда нет открытого воздействия насилия, а человек управляется так, что у него остается иллюзия свободы и самостоятельности в принятии решений.

И если в основе лежит не общая собственность, а частная, и люди вначале, «в состоянии естества», живут мирно, иногда эгоистичны, – все равно возникают проблемы – кражи, убийства, невозможность объективно разобраться со всем этим без государства (по Дж. Локку). Опять спор, если не о делении, то о перераспределении священной частной собственности. Одни хотят жить за счет других. Возникает уже проблема с множеством неделимых частных вещей. То, что у Дж. Локка центральная власть дифференцируется, разделяется на судебную, исполнительную, законодательную, суть дела не меняет. Центр остается центром. Хотя возможности скрытой власти – манипулятивной – усиливаются. Телом управляют не прямо, а через душу. Силу осуществляет не монарх, а закон. Перед законом все равны. Равенство возрастает. Но равенство чего? Равенство условий жизни или равенство управления? Но при любом ответе власть везде и везде насилие. И если мы живем в ситуации насилия, то насилия чего? Власти? Или собственно насилия, которое воспроизводит уничтожение власти?

Мы только хотим власти, но ее не получаем. Кроме базы власти-желаний, у нас ничего нет. А желания превращаются в мечты, и мы живем на границе мечты и работы. Властвуем мы только в ситуации игры и через игру. Есть только способность у всех властвовать подобно тому, как у Гоббса все люди обладали способностями к равенству, так как они были равны по способностям – физическим и умственным. Но способность к власти не есть способность властвовать на деле. А что такое власть на деле?

Учиться понимать идею власти и трудно, и легко. Легко потому, что мы всегда внутри влас-

ти. Это нечто близкое и родное. Трудно по этой же причине. Трудно выделить власть вне себя как идею-предмет и критически и самостоятельно учиться у нее, тем более что мы выражаем мысли в словесном языке, а язык имеет свою власть. Расширение знаний через литературу о власти не дает гарантий понимания власти. Литературный эксперт-специалист по власти нередко отщипнет кусочек пирога власти и анализирует его под микроскопом, думая, что анализирует часть сути власти. А на деле у него нет ни пирога, ни кусочка, а есть мираж и миф: страница из книги о приготовлении пирогов или «вкусной и здоровой пищи».

Рассмотрим некоторые идеи М. Фуко и Р. Барта о власти, которые по своим концептуальным основам оказываются довольно близкими.

Фуко красноречиво описывает поле, в котором возникает всеобщность власти, будущие «конечные продукты власти». Он пишет: «...под властью следует понимать прежде всего множественность отношений силы, имманентных области, где они осуществляются, образуя составную часть ее устройства... Власть – это стратегия, в рамках которой осуществляются эти силы...»

Таким образом, власть не сосредоточена в некоей центральной точке, или в единственном очаге суверенности, из которого по нисходящей расходятся производные формы. Власть – это поле неравенства постоянно индуцирующее состояния власти, всегда локальные и нестабильные. Эта власть вездесуща, но не потому, что у кого-то есть привилегия перегруппировывать все в зависимости от ее неборимого единства, а в том, что она производится каждое мгновение, во всякой точке – в произвольном отношении одной точки к другой. Власть есть везде, потому что исходит отовсюду... В том же, что в ней есть перманентного, повторяющегося, инертного, самовоспроизводящего – власть является всего лишь совокупным эффектом, который вырисовывается на основе этих подвижных сущностей... Тут надо быть номиналистом: власть – это не институт, не структура, не некая сила, которая может быть дарована отдельным лицам; власть – это обозначение сложной стратегической ситуации в данном обществе» [13].

Властные отношения не есть нечто параллельное другим отношениям (экономическим процессам, знанию, половым отношениям), властные отношения присущи им имманентно. Эти отношения представляют собой непосредственные эффекты разделений, неравенств, которые имеют в них (экономических и прочих отношениях) место, и являются внутренними условиями этих дифференциаций.

Фуко пишет: «Власть идет снизу; другими словами, в основании властных отношений в качестве всеобщей матрицы нет бинарной, глобальной оппозиции между поработителями и поработенными, дуальности, повторяющейся снизу доверху, от самых мелких группировок до глубинных составляющих социального тела... Нет такой власти, которая не осуществлялась бы как серия намерений и целей. Но это не означает, что она является следствием выбора и решения того или иного субъекта» [14].

Фуко строит концепцию власти, в которой привилегия закона замещается стратегической точкой зрения, а привилегия запрета – точкой зрения тактической эффективности, привилегированное положение верховной власти – анализом многообразного и мобильного поля силовых отношений, в котором складываются устойчивые, глобальные эффекты господства. Это не правовая (как у Гоббса), а стратегическая модель, отражающая одну из фундаментальных черт западных обществ, то, что силовые отношения, которые долгое время находили себе выход в различных формах войны, постепенно оккупировали порядок политической власти.

Здесь интересно то, что теперь не война является продолжением политики, а наоборот – политика стала продолжением войны. Дело в том, что уже не в центре-единстве, не в праве, не в правовой модели власти, но из самих силовых отношений рождается война – насилие, агрессивность власти, «вражда между», и от преодоления этого рождается политика (государство). Политическое государство – это эффект, следствие, результат, но в любом случае не основание и не всеобщая сила власти. И понять власть, изучая ее следствия, бесполезно для понимания сути власти. Государство начинает войны и заканчивает их – и так до бесконечности. Рождение и смерть насилия взаимно функционируют. Какое здесь развитие власти? Его нет. Почему это насилие-вражду мы пытаемся на деле преодолеть через государственно-правовые формы? Почему мы так любим и ненавидим государство, «спецаппараты» государства (армию, полицию, суд и т. д.), делимся до сих пор на «своих» и «чужих»?

Теперь обратимся к Р. Барту. Он пишет о «простодушных» людях, которые рассуждают о власти так, словно она одна и единственна: с одной стороны, существуют те, кто обладает властью, с другой – те, кто ею не обладает... «А что, если она множественна, если властей много, как бесов? «Имя мне – Легион», – могла бы сказать власть. Повсюду, со всех сторон, нас окружают всевозможные лидеры, громоздкие и крохотные административные аппараты, группы давления и подавления; отовсюду раздаются «ответственные»

голоса, берущие донести до нас самый дискурс власти – дискурс превосходства [15].

Власть гнездится в тончайших механизмах социального обмена, ее воплощением является не только государство, классы и группы, но также мода, расхожие мнения, зрелища, игры, спорт, средства информации, семейные и частные отношения. Власть гнездится даже в недрах того самого порыва... к свободе, который жаждет ее искоренения. Барт: «Я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство совершенного поступка и, следовательно, чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен... мы ведем битву против всех разновидностей власти, а это нелегко, ибо, будучи... множественной в сфере социального пространства, власть в то же время оказывается вечной в историческом времени...

Власть есть паразитарный нарост на транссоциальном организме. Этот нарост связан не только с его политической историей, но со всей целостной историей человечества... а объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение – язык» [16]. Ролан Барт продолжает: «Мы не замечаем власти, которая таится в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации... способ подавления; соответствующее латинское слово имеет два значения: “порядок” и “угроза”» [17]. Барт ссылается на Романа Якобсона, согласно которому любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать. Например, говоря по-французски, мы вынуждены сначала обозначить себя в качестве субъекта и лишь затем назвать совершаемое нами действие, которое оказывается не более чем нашим атрибутом. Таким образом, то, что я делаю, есть следствие того, чем я являюсь. Точно так же приходится выбирать между женским и мужским родом, пользоваться выражениями «ты» либо «вы». Таким образом, в самом языке заложено отчуждение. Говорить, рассуждать – значит подчинять себе слушающего, язык есть форма принуждения.

«Как только язык переходит в акт говорения, он немедленно оказывается на службе у власти. В нем... два полюса: полюс авторитарного утверждения и полюс стадной тяги к повторению. ...И едва совершается акт говорения, оба полюса соединяются во мне: я становлюсь господином и рабом одновременно; я не довольствуюсь повторением того, что уже сказано... я говорю, утверждаю нечто – я отмечаю все, что сам же и повторяю... в языке рабство и власть переплетены неразрывно... Если назвать свободой не только способность ускользать из-под любой власти, но...

способность не подавлять кого бы то ни было, то это значит, что свобода возможна только вне языка... Беда в том, что за пределы языка нет выхода: это замкнутое пространство. И выбраться можно либо через мистическую единичность (жертвоприношение Адама у Кьеркегора), либо через ликующее ницшеанское амен... Но мы не рыцари веры и не сверхчеловеки. Поэтому мы хитрим, плутуем... все это блистательный обман, позволяющий расслышать звучание безвластного языка – литературы» [18].

Опыт прочтения текстов философа-беллетриста Р. Барта показывает, что мы находимся под властью языка, подвластны его логике и грамматике. И так как власть языка является всеобщей, то очень трудно подняться над ним и критиковать реальные властные отношения. Подвластные в одной области – языка, мы критикуем власть вообще, политическую и нравственную власть, не выходя за рамки языка. Не совсем ясно, извне или изнутри власти исходит наша критика. Может ли мысль вырваться за пределы дискурса, в данном случае речевой практики, и посмотреть на власть со стороны? Если концепции Гоббса и Фуко – это есть выражение речи, попытки выйти за пределы власти как некоторого «бессознательного» и «неосознанного», то мы можем сказать, что и то и другое неверно, неистинно, и «воздержимся» от суждения. Воздержание будет основано не на незнании, а на знании того, что и то и другое для истины неверно. Власть в речи невыразима адекватно в словах, в действиях, в поступках, которые мы осознаем в словах речи.

Выход из этой тупиковой властной ситуации Р. Барт видит в литературе, в письме, в текстах. В словесно-знаковом тексте есть мысль, представленная как предмет-вещь. По отношению к нему, к нашей общей собственности мы можем быть свободны и уйти от власти чистого подчинения. Мы живем двойным смыслом – и, господствуя над текстом, подчиняемся ему. Более того, весь предметный мир можем понимать как текст («Весь мир есть текст», Ж. Деррида). Например, мы как-то действуем с окружающим миром предметов, используем их. Но мы можем действовать с ними тогда, когда мы «видим» «невидимую» надпись на нем – текст: этот предназначен для того-то, его использовать надо так-то. Если текста-письма нет и «невидимые чернила» не фиксируются, то могут быть сбои, сдвиги, судорожные движения по использованию предмета. Все переменчиво. А язык письма дает нечто устойчивое и передаваемое от человека к человеку, от поколения к поколению.

Но не означает ли переход от речи к письму одновременно переход от хаотичной власти речи к жестко детерминированной власти письма, в

котором мы воспроизводим свою несвободу? Барт утверждает, что «письмо появляется именно в тот момент, когда прекращается речь, т. е. в ту секунду, начиная с которой мы уже не можем определить, кто говорит, а можем лишь констатировать: тут нечто говорится» [19].

Не уходя в специальную проблему власти «языка – письма – текста – сознания» (у Лакана, французского психоаналитика и философа, даже «сон уже есть текст»), мы можем сказать, что письмо-текст – это не конечный результат властной деятельности в сфере языка. Кроме автора, пусть даже анонимного, есть читатель, со-творец текста. И без читателя текст умирает.

И здесь возможен прорыв в сфере языковой власти. Анонимный автор текста в качестве диктатуры текста есть абстракция, аналогично тому как анонимный суд в лице судьи без адвокатов и прокуроров, истцов и ответчиков есть тоже абстракция. В реальности есть автор и читатель текста в одном лице, причем автор является первым читателем своего текста. Читателем, который корректирует текст.

Это касается всех оригинальных продукто-результатов деятельности человека. Функции господства и подчинения в структуре потестарности переливаются друг в друга. Режиссер – и автор спектакля, и первый его зритель, поэтапно, дозированно, по частям создавая и воспринимая его. В этом процессе нет чистой власти подчинения и чистой власти господства. Здесь возникает и продукт власти, и человек вместе с этим учится властвовать и подчиняться. Режиссер и актер подчиняются воле драматурга и подчиняют себе рисунок спектакля и образ действия персонажа. Соппротивление есть, но оно взаимно. Если здесь появляется агрессия, насилие, война-соперничество, то спектакль умирает, не состоявшись. Власть присутствует здесь как «цель в себе». Она несовместима с насилием.

Барт прорыв в такую «власть в себе» и видит в литературе. Литература, письмо или текст, «вовлекает все знания в круговорот, никому не отдает предпочтения... Наука груба, жизнь же соткана тонко, и литература позволяет заполнить зазор между ними... литература вовлекает знание в нескончаемую работу некоего рефлексивного механизма, где знание с помощью письма размышляет о самом знании по законам драматического дискурса, а не эпистемологического» [20]. Далее, рассуждая о воссоздающей силе литературы, силе семиотической, Барт не отрицает власть языка, но первый шаг сделан: игра с языком, свобода началась, и она возможна. Власть включилась в сферу свободного художественного творчества. В ней возможны любые конфликты и противоречия власти, не случайно один писатель (Ю. Бондарев) назвал труд писателя «слад-

кой каторгой». Но это такая власть, в которой и у которой можно учиться, развивать свои способности по преодолению власти в ее крайних, разорванных частях целостного тела власти. Тело власти – это люди, живущие на земле не только по законам государства и права, но еще пока и по законам истины, добра и красоты.

Но если мы будем учиться истинному пониманию истинной власти через творчество языка, то как долго мы будем этому учиться? Далее, язык – это отраженный свет реальной власти? И он нам нужен для того, чтобы, научившись в свете разума и языка, мы спустились на землю и научили других власти или сами стали у власти как законодатели? О мудрецах-законодателях мечтали и Платон, и Ницше. Но на этом пути может возникнуть особая форма «социокультурного расизма» (психорасизма). И человечество будет делиться не по биологическому признаку, а по признаку способных или не способных творчески, умно, культурно властвовать, управлять и учить. Иначе говоря, не нужно воспитывать класс «воспитателей», сама культура языка, литературы, слова воспитает их, совершит естественный отбор. Разве не литература и искусство совершили отбор и создали Шекспиров и Пушкиных? Их деятельность – это не деятельность физиков-ядерщиков, результаты которых можно использовать и для войны, и мира. Льва Толстого трудно, а может быть, и невозможно использовать для войны.

Власть искусства, поэтического слова постепенно, медленно, но все-таки проникает в сознание людей. Это сейчас оно безвластно, т. е. сейчас можно использовать искусство в безнравственных целях, но рано или поздно художественное творчество (законы красоты и гармонии мира: природы и культуры) возьмет на себя верховную власть. Эта власть будет мирной властью. Природа сама себя не уничтожает и не унижает. А мы можем. Но выше нас и природа, и мир.

Мы можем ориентироваться в своей культуре на мир природы и на мирную природу. Жить в ней и учиться у нее. Но как найти и соизмерить масштаб нашей жизни и учебы в культуре власти с жизнью беспечной природы? По частям мы учимся у природы, открывая ее законы – в физике, химии, биологии, попутно, в ее присутствии, уничтожая по частям. Мы только и делаем, что подчиняемся и господствуем. Учимся власти на деле. Все возрождаем и уничтожаем. Только культура в целом всегда находится под угрозой уничтожения, причем автором этого уничтожения можем быть мы сами. Что происходит в отношении природы – то же самое в отношении культуры. Если осталась только вера и ничего, кроме веры, тогда прав М. Хайдеггер – будем ждать Бога или «подыхать» без Бога.

Учиться власти не только по частям (это необходимо, но не достаточно), а в ее целостности можно по-разному: разделив весь мир на «бедных» (униженных) и «богатых» (унижающих), на управляющих и управляемых, на творцов и исполнителей результатов творчества и т. д. Все это естественно для культуры, как естественно деление на мужчин и женщин. Но пока трудно из этого извлечь не веру, а мысль, которая бы помогала осмысливать проблему решения власти без насилия.

Но мы все же исходим из веры и мысли, что необязательно совпадают власть и насилие. Это одна из главных идей Х. Арендт. Власть как таковая возникает естественно в первоначальные моменты человеческой жизни, пусть в форме запретов, но не насилия как такового и сопровождает всю нашу оставшуюся жизнь [21].

Уже в семье мы и властвуем, и учимся разнообразным формам власти. И здесь мы учимся властвовать без насилия. И концепция «прошения» Х. Арендт только обогащает ее идею власти без насилия [22]. В реальной жизни мы все властвуем над детьми и всегда готовы простить их «делания», даже если они противодействуют нашей власти. В итоге мы подчиняемся властным законам семьи.

Итак, есть отношения между поколениями, между взрослыми и детьми. Эти отношения всегда неравные, никогда дети не могут быть равны фактически взрослым. Но в то же время в нравственном смысле они должны быть непритворно равны [23]. Отрицание этого приводит к задержке развития или самоуничтожению. Здесь мы постоянно властвуем и учимся власти. Творчества, самостоятельности, мысли и дела здесь не меньше, а больше, чем в любой сфере наличного научного или художественного творчества. Таков сам «объект» творчества.

Человек не сопротивляется власти, а стремится к ней как к исходному условию преодоления одиночества. Можно сказать по-другому. Власть воспроизводит себя через уникальные стремления субъектов власти. Власть – это иерархия, неравноправие активных и пассивных форм деятельности, их постоянной смены. Можно сказать, что ее возникновение происходит в форме совместно-разделенной деятельности [24].

В литературе дан образ этой совместной жизни. Новорожденный президент «кричит», требует пищи (информации), и мать (помощник президента) откликается на это. Кто кем командует? Разве не в этом заключается первый акт собственно человеческой жизни и единства власти без насилия? Здесь их совместные властные отношения, смена их форм – активных и пассивных – «цель в себе» (Х. Арендт). Эта внутренняя целесообразность расширяется в пространстве и

во времени. Чтобы накормить ребенка и себя, выжить во властных отношениях, нужно за пределами этого непосредственного дела-общения заняться добычей средств к существованию. Вступить во властные отношения с природой. И средством здесь выступает природное целое. Природа внешняя является инструментом и средством возможного насилия. И власть как разделенное отношение господства – подчинения, цели и средств возникает в отношении культуры и природы. Культура как предельное завершение природы, ее высшая форма их взаимного существования, все, что есть вне ее, ставит в положение средства.

Конечно, мы еще не доросли до того, чтобы на деле здесь учиться власти, нравственности, политике. Наша мысль еще не вышла за границу «сексуально-алкогольной» озабоченности. Но мы доросли до того, чтобы понимать, что требовать у рожденных детей, чтобы они были «средним классом», бессмысленно. И задавать им вопрос: «Если ты умный, то почему не богатый?» – бессмысленно. И рано задавать им вопросы об их ответственности за свои собственные поступки и т. д. В словах, в словесном творчестве мы это понимаем, но на деле, в поступках мы делим их на бедных, на средний класс, на богатых, на умных и глупых, на больных и здоровых от рождения, на стремящихся к «бытию-смерти» и к «бытию-рождению». Специалисты по «черному юмору» восклицают: мы же делим всех от рождения на мальчиков и девочек, почему нельзя делить на тех, кто подлежит или не подлежит «гуманитарным бомбежкам»? Интеллектуалы-садомазохисты присоединяются к этому утверждению, заверяя нас в том, что от рождения надо делить всех на агрессивных и не агрессивных, на тех, кто стоит в очереди за наркотиками, и на тех, кто присутствует при этом, – надо же знать, кого лечить и над кем потом властвовать.

Но и в этой ситуации и несмотря на нее мысль о справедливой власти и справедливой политике рождается. Рождается у тех, кого мы разделяем и над кем властвуем. Пока они одиноки и беспомощны. Но мысль и дело в их руках, нам все равно придется учиться у них. У них мысль и дело, у нас вера и надежда. Так мы и разделены, так мы и живем. Как это преодолеть, если одни рождаются для того, чтобы жить, другие рождаются, чтобы умереть? Но если это происходит

так и делается так, то мыслится это все равно для рождения. В совместной жизни поколений «бытие к смерти» преодолевается «бытием для рождения» или для «возрождения».

Примечания

1. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Изд. Мысль. 1965. С. 149.
2. Там же. С. 150.
3. Там же. С. 150.
4. Там же. С. 151.
5. Там же. С. 159.
6. Там же. С. 160.
7. Там же. С. 157.
8. Там же. С. 192.
9. Там же. С. 154.
10. Там же. С. 155.
11. Там же. С. 152-153.
12. Там же. С. 170.
13. Фуко М. Говорящий пол. Сексуальность в системе микрофизики власти // Современная философия. 1995. № 1. С. 13.
14. Там же. С. 158.
15. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. «Прогресс», «Универс», 1994. С. 547
16. Там же. С. 548.
17. Там же. С. 548.
18. Там же. С. 549-550.
19. Барт Р. Указ. соч. С. 461.
20. Там же. С. 552.
21. Ненашев М. И. Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2012. № 4. В этой работе показано, что система запретов (табу) явилась условием возникновения человеческого поведения, в том числе и властного поведения. Нарушение определенных запретов могло приводить к наказанию и смерти «нарушителя». Но важно, что постепенно, через трагедию отдельных людей был наложен запрет на «гармонию животной жизни». Здесь – начало собственно человеческой власти без насилия по законам животной жизни.
22. Арендт Х. Традиция политической мысли // Логос. 2012. № 3 (87). Здесь теоретически и исторически обосновывается принцип «прощения» во властных отношениях, хотя необходимость его понятна и на бытовом уровне, особенно по отношению к детям со стороны взрослых.
23. Лифшиц М. А. Воспитание воспитателя. Круглый стол «Вопросов философии» // Вопросы философии. 1974. № 1. С. 86.
24. Описание принципа совместно-разделенной деятельности: Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика. 1974; Суворов А. В. Экспериментальная философия. М.: Изд. УРАО. 1998; Пуцаев Ю. В. История и теория Загорского эксперимента // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 132-147.

А. В. Шакурова

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Представлен анализ связи между индивидуальными и организационно-психологическими детерминантами, с одной стороны, и характером профессиональной идентичности учителей со стажем и студентов старших курсов педагогического вуза, с другой стороны. Подчеркивается сдерживающая роль традиционных ценностей в формировании значимой профессиональной идентичности учителей.

In the article is presented the analysis of connections between the individual and organizational determinants on the one hand, and the professional identity pattern of experienced teachers and graduates of the teacher's training colleges directed to the work in the educational institutions, on the other hand. Emphasizes the role of retaining traditional values in forming meaningful professional identity of teachers.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, учителя, трудовое поведение, организационно-культурные условия и предпочтения, образовательные учреждения (ОУ), функциональные роли.

Keywords: professional identity, teachers, labor behavior, organizational and cultural conditions and preferences, educational institutions, functional roles.

Проблема профессиональной идентичности работника является одной из актуальных проблем гуманитарного характера, и это не случайно. Понимание данного феномена в виде знания, эмоционального принятия и реализации некоторого содержания труда, включающего определенные субъективные интенции, дает серьезные основания считать профидентичность существенным ресурсом оптимизации качества трудового поведения сотрудника.

В педагогической сфере, в рамках проекта «Наша новая школа» формулируются приоритетные направления деятельности учителя, а именно: всеми силами способствовать «раскрытию способностей каждого ученика, воспитанию порядочного и патриотичного человека, личности, которая готова к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире и обладает следующими качествами: инициативность; способность творчески мыслить, находить нестандартные решения; умение выбирать профессиональный путь; готовность обучаться в течение всей жизни» [1].

Следуя положениям о мотивационно-исполнительской структуре деятельности (Б. Н. Ломов [2]) и механизме формирования индивиду-

ального поведения как мотивационно обусловленного «моделями должного», принятыми в конкретном социально-культурном сообществе (Д. А. Леонтьев [3]), целесообразно допустить, что государственный заказ выполняется эффективнее, если его исполнители (в данном случае учителя) обладают требуемыми характеристиками. А это означает, что для педагогов имеют высокую ценность инновационность, активность, свобода и гибкость, которые определяют выбор решений и действий на уровне индивидуального и группового ролевого поведения, а также доминируют в организационной культуре образовательного учреждения (ОУ).

С целью проверки данного предположения было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 656 респондентов, выборка включала педагогов из нижегородских лицеев, гимназий, муниципальных образовательных учреждений «средняя общеобразовательная школа» (МОУСОШ), ОУ с углубленным изучением отдельных предметов и студентов старших курсов педагогического университета.

Результаты исследования показали, что вышперечисленные ценности оказываются нетипичными для отечественной средней школы. Например, в рейтинге индивидуальных ценностно-смысловых структур педагогов серьезное место занимают гигиенические факторы по Ф. Херцбергу [4]. А привычные для российской обществу ориентации на внутренний контекст (эмоционально нагруженные отношения, коллективные интересы, установившийся порядок, алгоритм или правила организационного поведения) не только полностью преобладают в результативно-кланово-иерархических культурах (МОУСОШ и ОУ с углубленным изучением отдельных предметов соответственно) и частично – в элитных ОУ, но и определяют организационные предпочтения современных педагогов (см. табл. 1, 2, 3).

Сравнение ценностных предпочтений педагогов с аналогичными показателями у студентов-предметников старших курсов показало, что приверженность последних традиционным ценностям (хорошим отношениям, нерегламентированному взаимодействию всех субъектов образовательного процесса и/или формальным процедурам и правилам поведения) является не менее устойчивой, чем у учителей со стажем работы до 20–22 лет. Например, организационные предпочтения студенчества, так же как и выборы педагогов со стажем, группируются вокруг традиционной клановой культуры, которая, по мнению молодых людей, является наиболее благоприятной средой для удовлетворения их потребностей, достижения целей, реализации ценностей и установок (см. табл. 3).

Личные ожидания респондентов связаны с возможностью добиваться конкретных результатов в виде «обученности», дисциплинированности, воспитанности ребенка; выстраивать хорошие отношения с коллегами по работе и администрацией школы; переживать радость от работы и общения с детьми; профессионально расти и развиваться; с гигиенической составляющей труда (режим рабочего дня, комфортные физические условия, отсутствие факторов риска). При этом установка на результат является для будущих специалистов доминирующим мотивом, хотя его

содержание представляется несколько архаичным и недостаточно актуальным в настоящее время, так как слабо связано с современными образовательными вызовами, а реализация обеспечивается компетентностью «коммуникатора» и «последовательного реализатора» без привлечения креативных, поисково-рефлексивных умений.

Анализ организационно-культурного контекста, выступающего в качестве еще одного фактора формирования профессиональной идентичности, показал, что культура, в которой осуществляется подготовка молодых людей и, как след-

Таблица 1

Характеристика интенций коллективных субъектов трудовой и учебной деятельности с различной профессиональной идентичностью

Тип профессиональной идентичности	Актуальная ОК	Желательная ОК	ОК-предпочтения	Предпочитаемые цели	Принципы целедостижения	Индивидуальные ценностно-смысловые структуры сотрудников
МОУСОШ						
Ком/ Реа = Зав/ Кооп/ Мот – р/ Ана/ ИР = ГИ	Д-К-И	К	Усилить К Усилить А Ослабить Д, И	К	К	1) Отношения; помощь администрации и коллег; любовь к своей работе; 2) алгоритм; 3) условия труда; 4) режим труда и отдыха; 5) результат
ОУ с углубленным изучением отдельных предметов						
Ком = Зав/ Реа/ Кооп = Мот – р/ Ан = ИР = ГИ	К-Д-И	К	Усилить К Усилить А Ослабить Д, И	К	К	1) Алгоритм; 2) отношения; 3) условия труда; 4) результат труда; режим труда и отдыха; 5) помощь администрации
Светские лицеи, гимназии						
Ком = Зав = Д Реа/Мот – р/ Кооп = Ан/ ГИ = ИР	Д	А с сильным Д-К-компонентом	Усилить К Усилить А Ослабить Д, И	А-К с Д-компонентом	И-К	1) Результат; 2) любовь к работе; 3) инициатива, творчество, отношения; 4) условия и режим труда; 5) алгоритм деятельности
Студенты педагогического вуза						
Ком/ Реа = Зав = Кооп = Мот – р/ Ан = ИР = ГИ	К	К	Усилить К Ослабить А, Д	К	К	1) Результат; 2) хорошие отношения с коллегами по работе и администрацией школы; 3) радость и чувство удовлетворения собой; 4) режим и условия труда; 5) возможность развития профессиональных знаний и умений

Условные обозначения:

К – клановые организационные условия; ориентация педагогов на поддержание хороших отношений в коллективе; **А** – адхократические организационные условия; стремление учителей к свободе, гибкости и вариативности при выборе педагогических воздействий; **Д** – деловые организационные условия; направленность педагогических работников на достижение результата; **И** – клановые организационные условия; склонность работников следовать заведенному в школьной организации порядку вещей, правилам и пр. **Ком** – «коммуникатор»; **Реа** – «реализатор»; **Зав** – «завершитель»; **Кооп** – «координатор»; **Мот-р** – «мотиватор»; **Ан** – «аналитик»; **ИР** – «исследователь ресурсов»; **ГИ** – «генератор идей».

стве, приобщение их к определенным поведенческим моделям, также несет на себе следы «традиционности» в виде преобладания клановых и иерархических ценностей. Однако в зависимости от конкретного измерения (форматные характеристики организации, общий стиль лидерства, управление сотрудниками, общие ценности, стратегические цели, критерии успеха) сила выраженности этих ценностей оказывается различной. Существеннее всего традиционный кланово-иерархический компонент проявляется во внешних, форматных, характеристиках факультетов, в общем стиле лидерства и организационных ценностях, в отличие от руководства педагогическим коллективом, стратегии и критериев организационной эффективности, которые содержат элементы актуальной в настоящее время, но непривычной для отечественных организаций, культуры адхократического и делового типа [5]; [6]; [7]. Так, место учебы в восприятии респондентов аналогично большой семье; коммуникационная система и язык общения на факультетах (мимика, жесты, лексика, установившиеся интонации при беседе), привычки питания так же, как и ма-

териально-технические условия, отличаются определенной неформальностью, «семейственностью», особой близостью и доверием. При этом, характеризуя стиль управления учебной и трудовой деятельностью, респонденты отмечают, что кроме привычной «личной дистанции», которой придерживаются преподаватели и вспомогательный персонал в отношениях с учащейся молодежью и друг другом, в структурных подразделениях поощряются активность, самобытность и личные успехи субъектов образовательного процесса в передаче и усвоении предлагаемого материала.

Оценка респондентами стратегических направлений деятельности факультетов показала, что наряду с традиционными кланово-иерархическими целями в зону внимания менеджмента попадают поиск возможностей для лучшего использования потенциала сотрудников и студентов, целевое напряжение сил и стремление к достижению результата. Однако, судя по формулировкам студентами собственного целеполагания, ограничивающегося «налаживанием дисциплины в классе», «установлением хороших контактов с

Таблица 2

Представления респондентов об организационной культуре образовательного учреждения (средние показатели)

	Учителя МОУСОШ				Учителя ОУ с Уг Из От Пр				Учителя из лицеев и гимназий				Студенты педагогического вуза			
	К	А	Д	И	К	А	Д	И	К	А	Д	И	К	А	Д	И
Σ_{ср.}	26,5	21	24	27,7	23,8	20,8	28	29	18	21	32	28	31,5	23,6	21,7	23
I.	25	21	26	28	20	20	28	32	13,6	21	41	24	34	21	23	22
II.	24	19,6	23,9	32,6	24	20	24	31	18,3	19,3	24,7	38	32	19	22	27
III.	25	21	26	27	25	21	25,3	29	18,6	22,9	34,1	24	29	27	26	19
IV.	29	22,4	23	25,7	19	19	31	31	18,3	22,7	35,3	24	34,5	18	20	27
V.	27	23	24,5	25,5	25	24	25	26	19,7	20,7	36,7	23	26,5	28	25	20,5
VI.	29	21	23	27	29	21	24,5	25,5	21,4	20,1	23	36	34	29	14	23

Таблица 3

Организационно-культурные предпочтения респондентов (средние показатели)

	Учителя МОУСОШ				Учителя ОУ с Уг Из От Пр				Учителя из лицеев и гимназий				Студенты педагогического вуза			
	К	А	Д	И	К	А	Д	И	К	А	Д	И	К	А	Д	И
Σ_{ср.}	33,2	28	20	19,2	36,3	24	20,2	19	28	29	24,6	18,5	39	22	18	21
I.	32,8	30	21	16	31,5	26	23	19	19,9	34	29	17,4	39,5	19	19	22,5
II.	31,7	26	20	23	34,2	20	22	23,6	25,5	29	23,8	21,7	38	15	17	30
III.	31,3	30	19	19	36,5	25	21	17,3	24,2	32	26,5	17	39	22	22	17
IV.	35,6	28	20	16	36,1	28	18	17,8	30,4	32	25,4	12,5	40	30	17	12
V.	34,3	26	20	19	38,7	24	19	17,8	34	28	26	11,8	39	23	14	24
VI.	33,6	26	18	22	41	21	18	19,8	33,3	19	17	30,3	40	25	16	19

Условные обозначения:

- I. Важнейшие характеристики организации.
- II. Общий стиль лидерства (руководства) в организации.
- III. Управление сотрудниками (коллективом) организации.
- IV. Связующая сущность организации.
- V. Цели деятельности организации.
- VI. Критерии успеха организации.

учащимися», «обучением предмету», «воспитанием доброты в детях, умения дружить и помогать... гуманной личности», генеральное видение результатов профессиональной подготовки не в полной мере соответствует современным вызовам.

Ответы респондентов подводят к мысли о том, что сформулированное в проекте «Наша новая школа» предназначение современного педагога, осознание которого выпускниками является конечным итогом деятельности педагогического вуза, когнитивно и аффективно не переработано студентами, так как никто из выпускников не назвал позиции Доктрины в качестве задачи собственных усилий. И это не случайно, так как несмотря на смену социально-экономического и образовательного трендов [8], преподаватели высшей школы по-прежнему придерживаются традиционных кланово-иерархических ценностей, уделяя недостаточное внимание когнитивной, аффективной и функциональной готовности будущих учителей к труду в современной парадигме образования и иных организационных контекстах.

Таким образом, формирующееся у будущих специалистов еще на этапе обучения в вузе ошибочное восприятие стратегических целей и критериев эффективной организационной деятельности как адхократически-деловых, а также сужение спектра ожидаемых образов будущего при организации собственной активности, доминирование клановых предпочтений и приобретение студентами профессионально-ролевых комплексов с коммуникативной направленностью представляются вполне закономерными явлениями. В частности, выяснилось, что профессионально-ролевые комплексы студентов состоят из коммуникативной доминанты и субдоминанты в виде ролей «реализатора», «завершителя», «координатора» и «мотиватора». Осознание собственной ответственности как учителя перед собой, детьми, родителями, обществом, использование предметной и процессуальной рефлексии и проявление интеллектуальной инициативы в работе, собственные «аналитикам», «исследователям ресурсов» и «генераторам идей», – все это характеризует поведение респондентов в минимальной степени. Существует вероятность того, что в дальнейшем, при трудоустройстве в средние общеобразовательные школы с их ОК и коллективной

идентичностью сложившиеся у выпускников за годы обучения архаичные идентификации могут закрепиться, а мотивационно-координирующие практики исполнения, выполняющие, по мнению экспертов, наряду с «генераторами идей» функцию поддержки ведущих ролей, потерять свою ценность. Соответственно, имеются реальные основания считать традиционные ценности, определяющие характер профессиональной идентичности как у педагогов со стажем, так и у потенциальных учителей, серьезным барьером в эффективной реализации средней школой целей проекта «Наша новая школа».

Примечания

1. Текст президентской инициативы «Наша новая школа». URL: <http://nasha-novaya-shkola.ru/?q=node/>
4. Дата обращения: 01.09.2012.
2. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
3. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. URL: <http://www.follow.ru/article/344/>. Дата обращения: 07.05.2013.
4. Херцберг Ф., Монснер Б., Снидерман Б. Блох Мотивация к работе; пер. с англ. [Д. А. Куликов]. М.: Вершина, 2007.
5. Захарова А. Н. Динамики социально-психологической готовности субъектов трудовой и учебной деятельности к принятию инноваций // Восьмая международная научно-практическая конференция «Государственное регулирование экономики. Инновационный путь развития», 19–21 апреля 2011 г. Н. Новгород: ННГУ, 2011. С. 104–106.
6. Шакурова А. В. Мотивационные детерминанты различий организационно-культурных предпочтений персонала предприятий // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. Вып. 1(3). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 67–80.
7. Шакурова А. В. Организационная культура образовательного учреждения как системный фактор формирования мотивационной готовности учащихся к трудовой деятельности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Н. Новгород, 2005. С. 134.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>. Дата обращения: 07.05.2013.
9. Шакурова А. В., Криворотова Т. А. К вопросу о диагностике организационно-культурных предпочтений студентов экономико-правового профиля // «Экономико-правовые аспекты развития Нижегородского региона»: материалы регион. науч.-практ. конф. 20 декабря 2007 г. Н. Новгород: МИЭМиП, 2007. С. 193–199.

СОЗНАНИЕ В ВОСТОЧНОМ МИСТИЦИЗМЕ НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье рассматриваются проблемы сознания с позиции восточных мистических учений: восприятие, соотношение сознание – мозг и сознание – тело. Описана структура сознания, дан обзор современных научных и философских исследований мистических состояний.

The article deals with the problem of consciousness from the perspective of Eastern mystical doctrines. The author considers the problem of perception and the problem of consciousness and brain. The author describes the structure of consciousness. The article provides an overview of contemporary scientific and philosophical studies of mystical states.

Ключевые слова: сознание, мистика, околосмертный опыт, восприятие, буддизм, тантра, Тибетская книга мёртвых, медитация.

Keywords: consciousness, mysticism, near-death experience, perception, buddhism, tantra, the tibetan book of the dead, meditation.

Обозначим основные вопросы, связанные с феноменом мистического сознания, с позиций современной науки и компаративистских исследований восточных духовных традиций.

1. *Вопрос о возможности смещения акцента восприятия.* В когнитивных науках существует проблема фигуры и фона, т. е. законов перцептивной группировки. Любой объект воспринимается как фигура на определённом фоне, данный факт является примером так называемого перцептивного деления. Перцептивное деление – процесс, связанный исключительно с субъектом, и подразумевает множество вариантов восприятия реальности. Перцептивное деление функционирует на определённых законах, сформулированных в гештальтпсихологии: близости, сходства, замкнутости, хорошего продолжения, прегнантности (хорошей формы) и т. д. Вопрос заключается в следующем: возможен ли иной способ восприятия реальности, нежели тот, с которым человек сталкивается в обыденной реальности? Например, насколько реалистичным является шаманский опыт описания мира, определяемый К. Кастанедой как смещение «точки сборки» [1].

2. Важным является *вопрос о соотношении сознания и мозга.* Верно ли классическое естественнонаучное представление, что сознание является всецело продуктом деятельности мозга?

В случае прекращения деятельности мозга могут ли некоторые структуры сознания продолжать функционировать и если могут, то как долго? Что является носителем сознания?

Материалом для изучения данного вопроса являются современные научные исследования медитации, околосмертных переживаний и традиции Тантраяны [2], [3]. Духовный лидер тибетского буддизма Его Святейшество Далай-лама XIV активно сотрудничает с представителями современной науки. Так, 15 апреля 2013 г. в университете Лозанны состоялась конференция по вопросам старения и умирания с участием Далай-ламы XIV [4], [5]. В области нейрофизиологии и психологии особо стоит отметить исследования Р. Уволша [6], [7], [8], С. Шапиро, Р. Дэвидсона [9], [10], П. Экмана, А. Уоллеса и др. Нидерландский исследователь околосмертных состояний Пим ван Ломмель предполагает: «Мозг скорее приёмник, вместилище сознания, чем его источник» [11].

3. *Возможно ли отделить сознание от тела?* Согласно буддийской традиции, внетелесные состояния возможны. Ценшаб Серконг Ринпоче, учитель, «ассистент-наставник по диспутам» Далай-ламы XIV, в своём кратком эссе «Внетелесные состояния в буддизме» [12] перечисляет некоторые разновидности этих явлений: посредством интенсивной практики медитации продвинутых ступеней анутара-йога тантры можно достичь иллюзорного тела, позволяющего обрести неконцептуальное постижение пустотности тончайшим умом ясного света (подробнее см. ниже), и свободно путешествовать за пределами физического тела; есть техники развития тела сновидений; возможно вхождение в другое тело, перемещение сознания в тело только что умершего и т. д., подробнее см. [13].

4. *Существуют ли иные каналы поступления информации из внешнего мира, кроме пяти чувств (зрение, осязание, обоняние, вкус, слух)?* Эрвин Ласло в своей книге «Наука и поле Акаши» [14] разбирает ряд экспериментов, показывающих возможность несенсорного получения информации. Например, эксперименты Гая Плейфера (Guy Playfair) с однойцевыми близнецами показали, что как минимум 30% близнецов обладают телепатическими способностями передачи информации. Интересны результаты исследования эффекта телесоматического воздействия, например эксперименты Рендольфа Бреда (Randolph Byrd), проведенные в 1988 г. в кардиореанимации одного из госпиталей Сан-Франциско. Также к подобным исследованиям можно отнести эксперименты Р. Тарга и Г. Путхоффа, Д. Гринберг-Зильбербаума, Д. Кина и др. Описание жизни многих высокорезализованных йогов свидетельствуют о наличии у них особых спо-

способностей, таких как предвидение будущего, ясновидение и другие [15], [16], [17]. Также описание подобных сверхспособностей есть в Палийском каноне. В Пансадховака сутте приведены следующие сверхспособности: психические силы, божественное ухо, прямое знание умов других существ, память прошлых жизней, божественный глаз, уничтожение загрязнений ума [18]. В третьей главе Йога-сутр Патанджали приведен еще более обширный список сверхвозможностей, достигаемых в практике йоги [19].

5. *Каковы механизмы обратной связи структур сознания, например воображения, с функционированием тела и окружающим миром?* А. Берзин, создавая портрет своего учителя Серконг Римпоче, приводит интересный случай: во время медицинского обследования Римпоче, находясь в бодром и энергичном состоянии, усилием воли смог расслабиться и уснуть всего за несколько секунд. А. Берзин объясняет это тем, что его учитель умел мастерски контролировать тонко-энергетическую структуру своего тела.

Рассмотрим некоторые вопросы подробнее.

Наиболее полным исследованием структуры мистического сознания и мистического опыта в данный момент занимается трансперсональная и интегральная психология [20]. В 1905 г. психолог Уильям Джеймс в своём курсе психологии, прочитанном в Гарвардском университете, впервые употребил термин «трансперсональное». В 1968 г. ряд учёных-психологов Э. Сутич, А. Маслоу, С. Гроф в ходе многочисленных дискуссий сформулировали название нового направления психологической науки: «Трансперсональная психология». Кен Уилбер трактует трансперсональное как целостное научное понимание психики человека, включающее области личной психологии и более глубокие аспекты человеческого опыта, превосходящие повседневные переживания. Трансперсональное – находящееся за пределами общепринятого, персонального уровня переживания мира и себя [21].

Сфера интересов трансперсональной психологии концентрируется вокруг представлений о вере и духовности. Американский антрополог М. Харнер в книге «Путь шамана» [22] в 1980 г. очень ёмко обозначил недостатки классической психологии: понимание души в индустриальной цивилизации сильно искажено этно- и когнитивцентризмом. Классическая наука разрабатывалась и утверждалась западными учёными – материалистами, воспринимающими различные аспекты традиционных культур как неведение, заблуждение, самообман, суеверие и т. д. Так, аллюбные духовные или мистические переживания классифицировались как психические заболевания: святой Антоний – шизофреник; Муххамед – эпилептик; Будда, Иисус, Рамакришна, Шри Рамана

Махариша – психотики и т. д. М. Харнер подчеркивает этническую предубежденность классической науки в понимании нормальности и патологии. Согласно М. Хайнеру, когнитивной предубежденностью западной психической науки является разработка теорий на основе опытов и наблюдений над обычными состояниями сознания. Повседневное сознание понимается как нормальное, и все отклонения от этого представляют патологию.

Самосознание и восприятие мира, согласно трансперсональной психологии, в обычном, не изменённом состоянии сознания ограничено, во-первых, телом, т. е. кожным покровом; во-вторых, функционированием органов чувств; в-третьих, физическими (ньютоновскими) характеристиками объектов макромира; в-четвертых, сформировавшимися структурами нервной системой; в-пятых, личным жизненным опытом субъекта познания, запечатленным на сознательном и бессознательном уровне.

Алан Уотс называл такой опыт переживания мира «отождествлением себя с “ограниченным кожей Эго”» (skin-encapsulated ego). Трансперсональная психология утверждает, что в трансперсональных (холотропных) состояниях сознания все пять обозначенных выше границ опыта преодолеваемы. Станислав Гроф [23] выделяет три типа холотропных переживаний:

1. Первый связан с пространственными характеристиками мира. Он включает в себя выход за пределы обычных пространственных ограничений мира и «ограниченного кожей Эго». Это может быть отождествление себя с другим человеком или группой лиц; с сознанием животных, растений, а также объектов и процессов, традиционно относимых к неживой природе. В более редких случаях – со всем человечеством, биосферой, планетой или вселенной. По мнению С. Грофа, этот тип холотропных состояний сознания коррелирует с представлением индуизма о феноменальном мире как об игре Абсолютного Сознания Брахмы (Лила) или даосскими представлениями о функционировании первопринципа – Дао.

2. Второй тип связан с временными характеристиками. Он заключается в выходе за пределы линейного времени. Человек может заново пережить важные воспоминания из детства, пре- и перенатального периодов. Временной регресс может быть продолжен вплоть до отождествления себя со спермой и яйцеклеткой, предыдущими жизнями, эпизодами из истории иных культур, эпизодами из жизни животных и т. д. Этот тип переживаний Гроф связывает с представлениями о карме и реинкарнациях, которые можно найти во многих культурах древности.

3. Третий тип холотропных переживаний наиболее необычен. Этот тип связан с переживанием архетипической и мифологической реальностей, взаимодействием или отождествлением себя с богами и демонами различных культур, параллельными вселенными и т. д. Возможно идентификация с Суперкосмическим или Метакосмическим сознанием, по мнению С. Грофа, известным под именами Будды, Иисуса Христа, Аллаха, Дао, Великого Духа; переживание великого Ничто и т. д.

С одной стороны, в холотропных состояниях присутствует личный пере- и постнатальный опыт. С другой стороны, с ними связан иной, трудно определяемый пласт опыта, выходящий за пределы обычного сенсорного и биографического опыта человека. Некоторые люди, пережившие холотропные состояния, сравнивают эти два типа опыта с лентой Мёбиуса – их невозможно разделить, подробнее см. [24], [25].

Как мы уже отмечали, интересны исследования на стыке [11] современных клинически зафиксированных данных околосмертных переживаний и тибетской тантрической традиции [26], содержащей наиболее детальное феноменологическое описание процесса умирания [27].

Процесс умирания проходит по восьми ступеням последовательного растворения грубых форм в более тонких и тончайших: материя, чувства, восприятие, намерение, познание, психическое, тонкое и причинное и дух. Первые четыре ступени связаны с функционированием тела и составляющих его элементов. Вторые четыре ступени связаны с функционированием психики и сознания человека. Если во время жизни каждый человек учится владеть своим телом, чувствами, процессами восприятия и намерения (воли), то каждая последующая ступень становится все более трудноуловима и трудна для контроля, что требует длительной и систематической практики наблюдения. Буддийская практика медитации высших ступеней тантры повторяет процессы умирания, но без непосредственной смерти. Таким образом, практик постоянно учится распознавать и контролировать различные уровни ума.

Различаются четыре стадии умирания тела. Первая стадия процесса умирания – растворение формы или материи. «Ветер» (энергия) элемента земли растворяется в центральном канале, и тогда начинает превалировать элемент воды. Внешние признаки состоят в том, что тело теряет физическую силу, сияние, становится тяжелым, зрение теряет ясность и мутнеет. Внутренние знаки – «видения, подобные миражам»: сияющие образы водной глади, похожие на миражи в пустыне в жаркий день.

Вторая стадия: растворение чувственной ступени. Элемент воды растворяется в элементе огня. Внешние признаки: угасают ощущения и умственное восприятие, высыхают телесные жидкости (например, становится сухим язык), человек больше не слышит внешних звуков, внутренние звуки (звон в ушах) становятся тише. Внутренние признаки: «образы, похожие на дым».

Третья стадия: растворение восприятия или различения. Элемент огня растворяется в элементе ветра. Внешние признаки: человек не узнаёт объекты, тело теряет тепло, дыхание слабо и поверхностно. Внутренние признаки: видения светлячков, будто перед внутренним взором проносятся искры, летящие от костра.

Четвёртая стадия: растворение намерений. Внешние признаки: человек не может двигаться, не может вспомнить своих действий и их целей, остановка дыхания, язык распухает и синее, человек не может говорить. Внутренние признаки: «видения огня масляной лампы» – устойчивый, ясный яркий свет. На этой стадии считается, что тело умерло.

Также различаются четыре стадии умирания ума.

Первая стадия: растворение плотного (грубого) ума и соответствующего «ветра» энергии, поддерживающего плотный ум. Не остаётся концептуализации, обычного ума. «...После того как последний из плотного ума умирает и возникает первый тонкий ум, человек переживает состояние, называемое “белый свет”. Говорят, что это очень яркий, сияющий белый свет, похожий на свет сияющей полной луны в ясную осеннюю ночь» [27]. Белая капля или бодхичитта, удерживаемая во время жизни в макушечной чакре посредством узлов на центральном канале, освобождается и опускается в нерушимую каплю в сердечной чакре.

Вторая стадия: растворение тонкого ума и его ветра. Эту стадию сопровождают видения ярчайшего света, похожие на солнечный свет во время ясного осеннего утра. Растворяются ветра, поддерживающие жизнь, в результате чего высвобождается красная капля, находящаяся в пупочном центре, и также поднимается в сердечный центр к нерушимой капле. Когда красная капля достигает нерушимую каплю, возникают видения красного света.

Третья стадия: растворение тонкого ума красного света и возникновение еще более тонкого ума черного света. Здесь угасает сознание. Белая и красная капли окружают неразрушимую каплю, тем самым отсекая всякое сознание и энергии. Данное состояние переживается как абсолютная темнота ночи без единого источника света. Происходит растворение «нерушимой капли этой жизни» – набора впечатлений, мировоз-

зрения, опыта и знаний, собранных в этой жизни. До растворения «нерушимой капли этой жизни» все процессы познания окрашиваются, проходят через призму мировоззрения и опыта, собранного в пределах одной жизни. Так, христианин может видеть святых или Христа, буддист ощутит «белый свет» как тип пустоты и т. д.

Четвертая стадия: белая и красная капли, продолжая движение, открывают или высвобождают нерушимую каплю. В этот период возникает невероятно ясное и сияющее сознание, похожее на яркое сияющее небо, на котором нет ни пятнышка. Это очень тонкий ум ясного света, который поддерживается очень тонким ветром. «Это причинное тело, или окончательный духовный ум и энергия, дхармакайя. Здесь вечная нерушимая капля заканчивает текущую жизнь, сознание угасает, и душа, вечная нерушимая капля, переходит к бардо, или промежуточному состоянию, после которого она родится вновь. Белая капля продолжает опускаться и появляется как капля семенной жидкости, выступающая из полового органа, а красная капля продолжает подниматься и появляется как капля крови из носа. Смерть наступила, тело можно хоронить» [27]. На восьмой стадии возникает прямое познание реальности в виде Ясного Света.

Переживания в Бардо

Дхармакайя (божественная природа, Ясный Свет). В состоянии Ясного Света обычный человек, незнакомый с этим «экстатическим состоянием не-эго [причинного] сознания», не может действовать, так как оно очень тонко и сложно для распознавания и легко закрывается кармически обусловленными личными мыслями, личным бытием. В результате сознание отпадает от состояния Ясного Света.

Самбхогакайя (область архитепического). В этом состоянии происходят видения архитепических образов: богов и богинь, даков и дакини, как в милостивых, так и в гневливых ипостасях. Чем больше времени проходит с момента смерти, тем более устрашающие формы приобретают видения.

Сипа Бардо (новое рождение). Если не были распознаны предыдущие этапы, душа возвращается к физической реальности. Подробно о представлениях традиционной тибетской медицины о процессах зачатия, развития и строения тонко-энергетического и физического тел см. [28], [29].

К. Робинсон (с. 179–181) выявил некоторые сходства и различия в понимании околосмертных состояний в буддизме и современной медицине.

Сходные элементы:

1. Видения света. Это наиболее распространенные свидетельства людей, переживших око-

лосмертные состояния, также совпадают с тибетским учением Бардо. Согласно традиции Ньиингма-па свет сопровождает все три стадии Бардо: ослепительно-белый свет истинной природы сознания; пять цветов, коррелирующих с пятью аспектами мудрости; менее яркие проявления шести форм существования в приближающемся перерождении.

2. Быстрый обзор всей жизни также фигурирует как в медицинских, так и в тибетских источниках.

3. Совпадают данные об ощущении выхода их тела.

Укажем на расхождение между медицинскими отчётами и тибетским учением об умирании:

1. Кармические переживания наиболее хороших и наиболее плохих поступков во время жизни. По данным К. Робинсона, нет медицинских свидетельств подобного.

2. Пугающие переживания, которые должны быть согласно Тибетской книге мёртвых, не описываются в медицинских отчётах.

К. Робинсон, исследуя медицинский и буддийский подходы к умиранию, отмечает, что описанные в Тибетской книге мёртвых милостивые и гневливые божества, которые являются умирающему в промежуточном состоянии Бардо, есть культурно обусловленный фактор религиозной традиции Бон. Ключевая особенность данной традиции – учение об иллюзорности этих видений, являющихся проекцией разума умирающего. Неспособность распознать иллюзию кармически определена предыдущим опытом и ведёт к новому перерождению, в то время как видения в состоянии Бардо являются иллюзией, само сознание, которое их порождает, реально.

Хотя буддисты не отрицают связи мозга и сознания, они выделяют такие структуры сознания, которые не связаны с их материальным носителем, и, следовательно, неразрушимы. Такой структурой является наивысший уровень сознания – Сознание Ясного Света.

Обобщающие итоги и оценки. Современные исследования еще далеки от возможности однозначного понимания обозначенных нами проблем. Необходимо учитывать то, что данные исследования находятся на стыке нескольких культур и традиций мироописания, в научных кругах присутствует откровенная предубежденность по отношению к традиционным знаниям и верованиям, радикально отличаются языки научного и традиционного миропонимания. Однако подобные исследования не только возможны, но и целесообразны. Центральным вопросом, на наш взгляд, является вопрос о статусе сознания. Безусловно, нельзя отрицать того, что сознание связано с телесным мозгом. Сейчас активно накапливается научный материал по вопросам фун-

кционирования мозга, ведутся работы по созданию искусственных систем, имитирующих деятельность мозга, – проект обратного конструирования мозга, проводятся эксперименты с созданием искусственной памяти [30], [31]. В России объявлен амбициозный проект «Аватар-2045» по созданию искусственного тела, куда будет перенесено сознание.

Рассмотрим сознание с точки зрения медитации. К. Робинсон приводит некоторые свидетельства о медитативном опыте: «Высокопочтимый бирманский монах и учитель медитации MahVsi Sayadaw (1904–1982) пишет, что во время медитации человек встречается со своими близкими и иногда “видит” деревья, леса, холмы, горы, сады и здания. Далее он говорит, что эти видения – не что иное, как “порождения воображения”, и как не стоит ими наслаждаться, так и не стоит бояться их, ибо они нереальны. Однако разум, который видит их, реален» (с. 179). Во время медитации практик может ощущать изменения веса и размеров тела, видения света, пейзажей, людей и геометрических фигур, ощущать ароматы или «слышать» музыку или голоса. К. Робинсон отмечает, что верующие люди могут трактовать подобные явления как мистические, т. е. как взаимодействие с предельной реальностью. Однако для буддистов это является свидетельством сосредоточенности сознания и представляет собой всего лишь «порождения их собственного сознания» (с. 179). Такой подход коррелирует с попытками нейробиологического объяснения мистических опытов [32]. Однако остаётся вопрос о статусе тончайших структур сознания, таких как Ум Ясного Света.

В традиционных воззрениях тело имеет два уровня организации: тело физическое и тело тонко-энергетическое. Тонко-энергетическое тело может контролироваться сознательно, через практику физических и дыхательных упражнений, визуализации. Формула, проходящая сквозной нитью через все восточные духовные практики (даосизм, буддийская тантра, йога и др.), следующая: «Там, где сознание – там и энергия», т. е. куда направлено внимание – там находится тонкая энергия. Продолжительная практика работы с тонко-энергетической структурой через воображение и визуализацию ведёт, согласно духовным традициям, к изменениям в физическом теле и сознании человека, например, см. [33], [34], [35], [36].

Духовные практики направлены на снятие субъект-объектных отношений Человек – Мир. Общей чертой обозначенных выше традиций является отказ от эгоструктур.

Примечания

1. *Кастанеда К.* Комментарий Карлоса Кастанеды по случаю тридцатилетней годовщины первого издания книги «Учение донна Хуана: путь знания индейцев яки» // Лекции и интервью. М.: ООО Изд. дом «София», 2005. С. 31–43.
2. *Керзин Б.* Буддийское видение смерти и бардо. youtube.com. [В Интернете] 10.09.2012. [Цитировано: 19.09.2013 г.]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=exZUnCjZpuU>.
3. Тибетская книга мертвых. М.: Азбука, 2009.
4. Далай-лама. Диалог с учеными о старости и смерти. Часть 1. youtube.com. [В Интернете] 22.07.2013. [Цитировано: 19.09.2013]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4mVgywsk_Bw.
5. Далай-лама. Диалог с учеными о старости и смерти. Часть 2. youtube.com. [В Интернете] 05.08.2013. [Цитировано: 19.09.2013]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9pgHCYmMi9I>.
6. *Walsb R.* Initial Meditative Experiences Part I // Journal of Transpersonal Psychology 9:151–192, 1977.
7. *Walsb R.* Initial Meditative Experiences: Part II // Journal of Transpersonal Psychology 10:1–28, 1978.
8. *Уолш Р.* Пути за пределы «Эго». М.: Открытый Мир, 2006.
9. *Davidson R. и Lutz A.* “Buddha’s Brain: Neuroplasticity and Meditation [In the Spotlight]”. IEEE Signal Processing Magazine 25 (1): 176–174. 2008.
10. *Davidson R.* Spirituality and Medicine: Science and Practice // Annals of Family Medicine. 2008. September; 6(5): 388–389.
11. *Робинсон К.* Состояние сознания в процессе смерти: научно-медицинский и буддийский подходы // Религиоведение. 2007. № 3. С. 174. Далее ссылки на страницы этого издания будут даваться в крупных скобках.
12. *Ценшаб Серконг Ринпоче.* Внетелесные состояния в буддизме / пер. и ред.: Александр Берзин и Шарпа Тулку, 1976 год. Буддийская библиотека д-ра Александра Берзина. [В Интернете] [Цитировано: 19.09.2013] URL: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/approaching_buddhism/introduction/extra_bodily_states.html.
13. *Тензин Вангьял Ринпоче.* Тибетская йога сна и сновидений / под ред. Марка Далби «Карма Йеше Палдрон», Фонд буддийских изданий и переводов. СПб., 1999.
14. *Laszlo E.* Science and the Akashic Field.: Inner Traditions Rochester, Vermont, 2004. P. 41–44.
15. Берзин А. Портрет Ценшаба Серконга Ринпоче. Буддийская библиотека д-ра Александра Берзина. [В Интернете] Библиотека Берзина, 1998 г. [Цитировано: 19.09.2013]. URL: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/approaching_buddhism/teachers/tsenzhab_serkong_rinpoche/a_portrait_of_tsenzhab_serkong_rinpoche/part_5.html.
16. *Блаватская Е.* Из пещер и дебрей Индостана. М.: Эксмо, 2010.
17. *Парамаханса Йогананда.* Автобиография йога. М.: София, 2008.
18. Пансадховака сутта: Старатель. АН 3.100 (i-x). Перевод SV. Тхеравада.ру. [В Интернете] 10.10.2009. [Цитировано: 19.09.2013]. URL: [http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an3_100\(i-x\)-pansadhovaka-sutta-sv.htm](http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an3_100(i-x)-pansadhovaka-sutta-sv.htm).

19. Йога-сутры патанджали / пер. с санскрита, предисл. и коммент. Б. Загуменнова // Ступени. 1991. № 1–3; 1992. № 1.

20. Козлов В. В. Трансперсональная психология: учебное пособие. М.: Эксмо, 2010.

21. Гроф С. Четвёртая сила Абрахама Маслоу // Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы / пер. с англ. С. Офертас, А. Киселёв. М.: Ганга, 2013. С. 14–32.

22. Harner Michael. The Way of the Shaman: A Guide to Power and Healing. N.Y.: Harper & Row Publishers, 1980.

23. Grof S. Ervin Laszlo's Akashic Field and the Dilemmas of Modern Consciousness Research // World Futures: The Journal of General Evolution, 2006. Vol. 62. P. 86–102(17).

24. Гроф С. Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы. М.: Ганга, 2013.

25. Гроф С. и Гроф К. Холотропное дыхание: новый подход к самоисследованию и терапии. М.: Беловодье, 2010.

26. Керзин Б. Тонкая энергетическая система в пределах грубого физического тела. youtube.com. [В Интернете] 11.09.2012. [Цитировано: 19.09.2013.] URL: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=3nE4AA25z04.

27. Уилбер К. Смерть, перереждение и медитация. integralportal.ru. [В Интернете] [Цитировано: 19.09.2013] URL: <http://www.integralportal.ru/docs/DOC-1773>.

28. Базарон Э. Г. и Асеева Т. А. «Вайдурья-онбо» – трактат индо-тибетской медицины. Новосибирск: Наука, 1984.

29. Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к медицинскому трактату XVII века [«Вайдурья-онбо» или «Голубой берилл»]. Альбом/Колл. авт. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

30. Scripps Research Institute Team Wrests Partial Control of a Memory.scripps.edu. [В Интернете] [Цитировано: 19.09.2013] URL: <http://www.scripps.edu/news/press/2012/20120322mayford.html>.

31. Researchers show that memories reside in specific brain cells. mit.edu. [В Интернете] [Цитировано: 19.09.2013 г.]. URL: <http://web.mit.edu/newsoffice/2012/conjuring-memories-artificially-0322.html>.

32. Малевич Т. Нейротеология: теории религии и наука о мозге. Религиоведческие исследования = Researches in Religious Studies. 2012: № 1–2 (7–8). М., 2013. С. 62–83.

33. Трактат Желтого императора о внутреннем. Часть первая: Вопросы о простейшем / пер. Б. Б. Виноградского. М.: Изд. дом «Профит Стайл», 2007.

34. Трактат Желтого императора о внутреннем. Часть вторая: Ось Духа / пер. Б. Б. Виноградского. М.: Изд. дом «Профит Стайл», 2007.

35. Чжуньюй А. Основы науки цигун / пер. Б. Виноградского; Малое предприятие Научно-практический центр нетрадиционных методов оздоровления, 1992.

36. Чиа М. и Эллибрант Д. Исцеление космосом II – Даосская космология и вселенские исцеляющие связи. М.: Гелиос; София, 2003.

УДК 316.346.32-053.6

А. И. Балог

МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ

В статье обсуждается уровень развития социокультурного потенциала современной студенческой молодежи, пути его формирования. В качестве одного из факторов развития социокультурного потенциала рассматривается социальная активность молодежи. Анализируются способы измерения социальной активности и ее показателей.

In this article the level of development of sociocultural potential of modern student's youth and the ways of its formation are discussed. Social activity of youth is considered as one of the explicating factors of sociocultural potential. Ways of measurement of social activity and its indicators are analyzed here.

Ключевые слова: молодёжь, социокультурный потенциал, социальная активность.

Keywords: youth, sociocultural potential, social activity.

Проблема активизации молодежного потенциала для решения модернизационных задач в современном российском обществе является одной из актуальных и социально значимых, поскольку молодежь является особой социально-демографической группой, от которой во многом зависит будущее любой страны [1]. Среди молодежных проблем особое место занимает проблема социальной активности молодежи, и, как следствие, развития ее социального, культурного и иных видов потенциала. По данным исследования, проведенного на территории г. Кирова в 2011 г., в котором участвовал автор, уровень развития социокультурного потенциала студенческой молодежи может быть оценен как средний. При этом мы определяем социокультурный потенциал как одну из составляющих человеческого потенциала, которая включает в себя следующие аспекты:

- культурный уровень индивидов;
- образованность;
- духовные интересы;
- систему ценностей и устремлений;
- политическую и социальную активность;
- социальные взаимодействия и отношения индивидов [2].

Базовым эмпирическим методом, применённым в данном исследовании, явилось раздаточное анкетирование. В качестве респондентов выступили студенты старших курсов высших и средних специальных учебных заведений. Выбор данной воз-

растной группы обусловлен тем, что в этот период закладываются предпосылки развития потенциала молодежи: с одной стороны, образовательные и квалификационные, с другой стороны, социальные, личностные, экономические. Основными задачами данного возраста являются: профессиональное самоопределение; первичная профессиональная социализация; становление гражданской, юридической, социальной, частично экономической ответственности и самостоятельности [3].

Объём выборки составил 750 человек. Репрезентативность данных обеспечивается ошибкой выборки 4% и доверительным интервалом 95%.

Возраст респондентов составил от 18 до 27 лет, при этом около 70% составляла молодежь в возрасте 22–22 лет. Это было обусловлено тем, что в исследовании принимали участие в основном студенты старших курсов. Наличие в выборке 22% респондентов 18–19 лет объясняется тем, что опрос проводился не только в высших, но и средних специальных заведениях, где студенты обучаются 3 года. В выборке юноши составили 43,2%, а девушки 56,8%.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы о развитии отдельных компонентов социокультурного потенциала молодежи:

1. Был выявлен достаточно высокий уровень социальной активности молодежи. Оказались готовыми принимать участие в деятельности молодежных общественных организаций 21,0%, в сборах средств, вещей, книг в пользу нуждающихся – 17,8%, в акциях по поводу жизни настоящей или будущей работы – 16,9%. Относительно небольшое число составили те, кто оказался не готов принимать участие в какой бы то ни было общественной деятельности – 15,1%.

2. К политической жизни студенты проявили меньшую готовность. Отметим, что не имеют определённой политической позиции 29,8% респондентов; не интересуются политикой, так как есть дела важнее и интереснее 26,0%. Ещё 24,8% респондентов согласны участвовать в политической жизни в основном на выборах в качестве избирателей.

3. Уровень развития образовательных ресурсов студенческой молодежи по итогам анализа можно оценить как средний.

4. Было выявлено, что большинство студентов предпочитает развлекательные формы досуга образовательным.

5. В то же время было установлено, что 39,9% респондентов постоянно работают на перспективу, 28,2% нацелены максимально реализоваться в жизни, ещё 27,7% указало, что для них очень важно сделать карьеру и достичь успеха.

6. Следует отметить, что 49,3% респондентов доверительно общаются, 50,2% проводят досуг и 47,4% получают морально-психологическую под-

держку от близких друзей. При этом 38,0% студентов доверительно общаются с родственниками, ещё 41,2% получают от них морально-психологическую поддержку. Также 16,4% предпочитают проводить с друзьями и приятелями из академической группы, с факультета.

В целом уровень развития социокультурного потенциала студенческой молодежи можно охарактеризовать как средний.

Можно считать, что современный этап развития гражданского общества в России характеризуется наличием весьма широкого круга возможностей для реализации молодым человеком его социокультурного потенциала. В то же время, как выяснилось в ходе исследования, уровень социальной активности студенчества довольно высок. Следовательно, социальная активность может рассматриваться в качестве одного из факторов развития социокультурного потенциала молодежи.

Существенно важен в определении социальной активности учет того, что не всякая деятельность является выражением и показателем социальной активности, но лишь деятельность, имеющая определенные качественные и количественные характеристики в их взаимосвязи. Для того чтобы деятельность можно было считать активной, она должна обладать свойством самостоятельности. Это означает, что деятельность не должна быть навязана извне, а быть внутренне необходимой человеку, порождаемой его потребностями. Потребности являются внутренним источником активности. Кроме того, чтобы охарактеризовать субъект как социально активный, он должен осознавать и сознательно реализовывать свои потребности.

Уточним, что движущим фактором социальной активности являются не все потребности, а лишь те из них, удовлетворение которых имеет социальное значение, затрагивает общественные интересы. Поэтому социальную активность можно определить в качестве сознательной, самостоятельной деятельности, направленной на удовлетворение собственных потребностей личности и решение общественно значимых задач [4].

Традиционно выделяют следующие виды социальной активности:

- трудовая;
- общественно-политическая;
- познавательная.

Говоря об измерении социальной активности и ее показателях, приходится иметь дело с субъективными оценками, поэтому отсутствует четкая общепринятая система ее измерения. Более того, система показателей будет различной для разных видов деятельности и социальных групп.

В рамках исследования социальной активности молодежи особую актуальность приобретает изучение именно студенчества как наиболее продви-

нудой группы молодежи, призванной в будущем пополнить ряды интеллигенции, квалифицированных специалистов, от сознания и поведения которых зависит как успешное развитие экономики страны, так и социальной сферы жизнедеятельности российского общества. Именно в студенческой среде должны формироваться молодежные лидеры, потенциальные общественные деятели, от социальной активности которых зависит решение стоящих перед современной Россией задач.

Представители студенческой молодежи как большой социальной группы связаны между собой общим видом деятельности и образуют в этом смысле определенную социально-профессиональную группу. Специфика данной социально-профессиональной группы связана с общественной деятельностью студентов, которая в сочетании с территориальным сосредоточением порождает у них известную общность интересов, групповое самосознание, специфический образ жизни, причем это дополняется и усиливается относительной возрастной однородностью, которой не имеют остальные социально-профессиональные группы [5].

Рассмотрим способы исследования различных видов социальной активности студенческой молодежи. Здесь мы будем опираться на источник [6].

• **Познавательная активность** направлена на приобретение определенного набора знаний, умений и навыков, необходимого для достижения личностью поставленных целей, и реализуется как в учебном процессе, так и в самостоятельной деятельности индивида, направленной на получение знаний, умений и навыков. Источником познавательной активности является потребность в познании, самореализации, признании в обществе, материальном благополучии и др.

Для определения уровня познавательной активности студентов необходимо выяснить важность, самостоятельность и осознанность ими этого вида деятельности. Для этого могут быть использованы объективные показатели, характеризующие факт деятельности и меру ее интенсивности, а также субъективные показатели, характеризующие значимость деятельности для индивида, обусловленность ее собственными потребностями, которая выражается в отношении к деятельности.

К объективным показателям познавательной активности студенческой молодежи относятся следующие: посещаемость занятий; уровень успеваемости; временные затраты на познавательную деятельность; чтение учебной и научной литературы; посещение библиотек, интернет-ресурсов образовательного направления, просмотр познавательных телепередач; уровень самостоятельности выполнения работ и т. д.

К субъективным показателям относятся: мотив поступления в вуз; уровень заинтересованности; оценка возможности использования по-

лученных знаний и навыков; оценка степени влияния познавательной деятельности на достижение жизненных целей; планы относительно продолжения образования и т. д.

С учетом градаций возможных значений выбранных показателей методика определения уровня познавательной активности может принять следующий вид.

Высокий уровень познавательной активности. Знания и навыки их приобретения являются основной целью. Наиболее выраженной потребностью личности является потребность в познании. Высокий уровень всех объективных показателей.

Средний уровень познавательной активности. Здесь познание является средством достижения других целей, получение знаний не первоочередная потребность. Студент позитивно относится к познавательной деятельности, осознает ее важность для достижения жизненных целей. Успеваемость хорошая, обучению уделяет значительную часть времени. Осознает возможности и сферу использования полученных знаний. Существуют планы по поводу продолжения образования.

Низкий уровень познавательной активности. В этом случае знание не является основной ценностью, осознается лишь необходимость его получения. Важен скорее документ об образовании. Студент занимается обучением по мере необходимости, для сдачи экзаменов. Редкая заинтересованность предметом изучения. Представления об использовании полученных знаний смутные.

Пассивность – отношение к познавательной деятельности негативное. Получение образования является препятствием либо никак не влияет на достижение прочих целей. Временные затраты на обучение минимальны.

• **Социально-политическая активность** может измеряться с помощью следующих объективных показателей: участие в общественных и политических объединениях (политические партии, молодежные движения, студенческие сообщества и др.); участие в выборах; выполнение общественно полезной деятельности; проявление инициативности в общественной деятельности; временные затраты на социально-политическую деятельность и т. д.

Субъективные показатели: отношение к социально-политической деятельности; осознание важности и значимости собственной социально-политической деятельности и т. д.

Уровень социально-политической активности при этом может быть охарактеризован следующим образом.

Высокий уровень социально-политической активности – студент регулярно занимается общественно полезной деятельностью, состоит в общественных объединениях, систематически

участвует в работе собраний. Положительно относится к социально-политической деятельности, осознает ее важность, разделяет цели объединений, в которых участвует. Часто проявляет инициативу. Социально-политической деятельности уделяет значительную часть времени.

Средний и низкий уровни социально-политической активности (в зависимости от степени выраженности критериев) – участие в общественно полезной деятельности несистематическое, собрания общественных объединений посещает редко, по необходимости. Инициативы не проявляет либо проявляет редко. Преследует собственные цели, независимо от согласованности с целями группы.

Пассивность – общественно полезной деятельностью не занимается, в общественных объединениях не участвует (либо только по необходимости). Считает, что ничего в общественно-политической жизни изменить не способен.

Трудовая активность может быть направлена как на получение определенного опыта в профессиональной сфере, умений и навыков, направленных на перспективу дальнейшего карьерного роста, так и только на получение заработка, независимо от вида деятельности и дальнейших целей. Говоря о трудовой активности, следует принимать во внимание степень важности для индивида процесса и результатов труда. Деятельность, направленная исключительно на получение прибыли, не будет свидетельствовать о заинтересованности человека процессом труда, может быть обусловлена внешними обстоятельствами и не иметь внутренней мотивации.

Объективные показатели трудовой активности следующие: производительность труда; использование рабочего времени; состояние дисциплины труда; качество работы; освоение передовых приемов и методов труда; уровень квалификации и профессионального мастерства; участие в трудовых соревнованиях и т. д.

Субъективные показатели: удовлетворенность выполняемой работой; мотивы трудовой деятельности; отношение к деятельности коллектива и отдельным ее сторонам: к состоянию уровня организации и нормирования труда и внедрению передовых форм его организации, к оплате труда, уровню организации трудовых соревнований и т. д.; отношение к повышению квалификации и уровню образования и т. д.

Уровень трудовой активности охарактеризуем следующим образом.

Высокий уровень трудовой активности – важен сам процесс труда, интересная творческая работа (самореализация в труде). Отношение к труду положительное, работа в полную меру сил, систематическое проявление инициатив в труде.

Средний уровень трудовой активности – заинтересованность в трудовой деятельности, однако большее значение имеют результаты труда (самореализация посредством труда). Значения объективных показателей при этом могут являться такими же, как и при высоком уровне трудовой активности.

Низкий уровень трудовой активности – основным являются результаты труда, в наибольшей степени материальное вознаграждение. Трудящиеся довольно безразличны в своем отношении к труду, лишь время от времени или изредка работают в полную меру сил, безынициативны.

Пассивность – трудящиеся, негативно относящиеся к труду, не работающие в полную силу, не проявляющие никакой инициативы в работе.

Далее с помощью предложенных характеристик уровня отдельных видов социальной активности возможно определение уровня социальной активности в целом. Подобный анализ поможет определить общий уровень социальной активности молодежи и сопоставить полученные данные с результатами исследования социокультурного потенциала студенчества, что может послужить развитию знания о способах развития социокультурного потенциала.

Такого рода исследования приобретают сегодня особую актуальность, поскольку трансформирующееся российское общество характеризуется переходом к принципиально новому информационному типу социально-экономического развития. В новых условиях приоритетом общественного преобразования становится совершенствование социокультурного потенциала российского общества, особенно той его части, которая характеризуется интенсивностью процесса социализации, которая воплощает черты будущего, то есть молодежи.

Примечания

1. Тихонов В. Т. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.

2. Бушкова-Шиклина Э. В., Балог А. И. Социокультурный потенциал: концептуализация понятия // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: материалы межвуз. студ. науч. конф. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011.

3. Митягина, Е. В., Бушкова-Шиклина Э. В. Молодежный потенциал: понятийные границы и возможности социологического измерения // Инновационный потенциал современной молодежи: проблемы и условия развития: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 8–19.

4. Серегин А. Н. Управление формированием социальной активности студенческой молодежи вузов России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.

5. Тихонов В. Т. Указ. соч.

6. Серегин А. Н. Указ. соч.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 39(474.3+474.2):94*920/1930

И. Ю. Трушкова

ЭТНИЧНОСТЬ У ЭСТОНЦЕВ И ЛАТЫШЕЙ В ВОЛОГОДСКО-ВЯТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена вопросам преобразования этничности у эстонцев и латышей, стольпинских переселенцев в 1920–1930-х гг. в северное вятское пограничье. Выявляется закономерность дополнения и постепенного замещения этнического самосознания классовым. Политтехнологии советской власти преобразовывали стереотипы ведения хозяйства, обрядовую коммуникацию и традиционную социализацию.

The article deals with transformation of ethnicity, the Estonians and Latvians, Stolypin settlers in 1920–1930-ies. Vyatka in the northern borderlands. Identify patterns complement and gradual replacement of ethnic identity class. Political strategies of Soviet power converted stereotypes farming, ritual communication and traditional socialization.

Ключевые слова: ethnicity, Stolypin settlers, traditional culture, socialist transformation.

Keywords: ethnicity, Stolypin's migrants, traditional culture, socialist ...

Расширение исследовательского поля этнологической науки приводит к актуализации научных изысканий по этнической истории за хронологическими рамками традиционной этнографии, т. е. «классическим XIX – началом XX в.». В связи с этим особый интерес представляет национальная политика советского государства в 1920–30-е гг., а именно формы и методы работы органов власти с теми национальными меньшинствами РСФСР, чья этническая территория осталась за пределами советской России. Преобразования социалистического периода в истории России были отмечены неким балансированием, игрой властей с классовым и этническим сознанием населения. Это сквозной нитью проходит через этническую историю региона в индустриальную эпоху: иногда эти два фактора использовались вместе, иногда – противопоставлялись друг другу, а в ряде случаев происходила идеологическая

подмена одного другим. Конкретное наполнение такой стратегии выявляется на материале вологодско-вятского пограничья, в судьбе здешних эстонцев и латышей. Основная трансформация этнокультур этих стольпинских переселенцев и их потомков приходилась примерно на первое десятилетие советской власти.

Экспедиционные данные в совокупности с архивными и музейными источниками позволяют выявить некоторые закономерности втягивания в социализм хуторян Опаринской округи, в том числе посредством нужного проведения оптации и коренизации.

Прежде всего, нужно было остановить выезд эстонцев и латышей из советской России. Технологии повседневного поведения, ситуативного мировосприятия демонстрируются при анализе документов Эстсекции и Латсекции местных ячеек РКП(б) в Опаринском р-не. В качестве примера может служить протокол одного заседания в начале 1920-х гг. (документ на эстонском языке; перевод Ю. Власова). Типично начало: «Собрание 25 декабря открывается в 10 час. 10 мин....» В духе времени выглядело обсуждение вопроса №1 повестки дня – «Внутреннее и внешнее положение России». Здесь выступил товарищ Лайо(у?)ш. «Исходя из нынешнего международного положения, рано или поздно будет новая мировая война между капиталистическими странами. Советская Республика должна нести на себе царские долги. Говорит, что Франция под влиянием властвующих капиталистических долгов требует царских долгов. ...Россия предложит ответный счет, если ей предъявят счет по царским долгам...» [1] Следующие примерно две страницы протокола посвящены международному положению советской России. Характер текста «бойцовский», видно обращение к общей беде, в преодолении которой и против общего врага нужно сплотиться. Это типичный пример подмены этнического на классовое.

Тов. Ойя и Лайус сделали доклады о нэпе. Собрание до обеда обсуждало перспективы замены продрозверстки продналогом для эстонцев. После обеда все сообщество мужчин-хуторян стало обсуждать вопросы образования в Опаринской округе. «...Тов. Отсус объясняет, что народное образование – это предпосылка пере-

вода народной экономики на более высокий производственный и культурный уровень... Мы должны заботиться о том, чтобы образование и воспитательная мысль стали бы принятыми обществом за свои. Состояние “образовательных рабочих” было настолько плохо, что все эти рабочие в другие отрасли перешли... Общество должно живо участвовать в делах образования и воспитания, но чтобы образование и наука снова не стали средством власти и порабощения... Нэп требует, чтобы школы поддерживали дровами, строительными работами, питанием, в том числе и “образовательных рабочих”. Эти явления, что тут, среди лесов, стоят школы с отсутствием дров – злая шутка, что надо ее немедленно устранить» [2]. Выступавшие использовали словосочетание не «школьный работник», а «школьный рабочий»; вероятно, подчеркивая тем самым пролетарскую важность педагогов. Было предложено от разных налогов и прибыли отдавать определённый процент школам. Должна быть “отаари” (букв.: «помощь самому себе» – эст.).

Эстонцы-переселенцы рассматривали Опаринскую округу как свою новую родину. «Дополнительно берет слово тов. Саак. Экономическое положение зависит, прежде всего, от географических условий. У нас, в Северо-Двинской губернии, есть длинная зима, что затрудняет сельское хозяйство, но нахождение эстонцев здесь – на очень важном месте: три волости – Опарино, Молома и Орувальд (Межевская?, Переселенческая? вол.) 4–5 тыс. эстонцев. Важно у нас именно географическое место. Мы связаны с реками Вяткой, Моломой, Лузой и г. Архангельском. Мы имеем железную дорогу. Дремучие (древние) леса, бесконечные ручьи, богатство сенокосов, красивый ландшафт, который при хорошем возделывании может давать достаточно хлеба. Многие другие благоприятные условия дают возможность понять промышленность тут очень быстро. У нас отсутствует теперь только сила, чтобы большие природные богатства сделать достоинством и с прибылью их использовать. Тут, прежде всего, нужны ум, приложение ума, хозяйственная сметка, среди нас должно воцариться ясное понимание, что мы не должны себя считать побежденными и слабыми, рабами, быть внизу. Мы должны с твердым желанием рваться в лучшее будущее. Мы не должны никогда заниматься единоличным трудом на полях. Мы обязаны чувствовать себя общественными деятелями, работать сообща... Вопрос образования есть вопрос жизни. Только народ сам себе вырвать из власти темноты. 15 января 1922 года здесь откроются курсы...» [3] По-крестьянски, т. е. рачительно, предлагалось преодолевать хозяйственные и другие трудности, это облакалось в социалистические директивы.

По вопросу об образовании в районе «выступил т. Тойкер, руководитель Опаринского района. Он сказал, что в районе 5 эстонских школ, с 291 учеником. В Опаринской школе было 2 учителя, а потом остался один... Летом и последний учитель уехал. В Альмежской и Староверческой оставались двое школьных работников, теперь остался один. В Моломе нет учителя. Ждали из Сибири, но до сих пор зря. В Эстонию уехали пять учителей, оттуда незачем ждать преподавателей. На объявление в газете никто не откликнулся» [4]. Просматривался результат оптации: среди уехавших в Эстонию – не крестьяне, а сельская интеллигенция, учителя, нехватку которых и стали испытывать местные эстонские школы. Небольшой штрих: «Тов. Аксберг говорит, что от русских (начальников) самое частое слово – “исправить”; как будто эстонцы должны только исправлять что-то...» [5]

Идеологическая работа приостановила оптацию прибалтийцев и способствовала более эффективной коренизации. Для эстонцев регулярно выходил центральный орган секции «Эдази», на местах работали Бюро и эстонских секций, и т. д. Политическая работа разворачивалась и в латышском сообществе. Протокол №1 Опаринской районной организации РКП(б) латышей от 2 июня 1920 г. свидетельствовал, что на это собрание явилась от райорганизации Опаринского района т. Лиив Лейла Робертовна, секретарем Опаринского райкома был т. Драйгер Август Карлович, также присутствовала тов. Эйзенграунд Алиса Томовна. Повестка дня включала вопросы: 1) организация коммунистической ячейки и латышей при Опаринском обществе (?) образования согласно постановлению внеочередного собрания членов КВО от 31 мая 1920 г. и 2) текущие дела.

Слушали: 1) доклад Опаринского райорганизатора тов. Лейпа (?) о том, что необходимо для более успешной работы среди латышей организовать ячейку РКП(б) (латышскую секцию) при Опаринском латышском обществе (?) образования, именно потому, что латыши горячо отозвались на это... пошло 18 анкет... но большинство из латышей не знает по-русски, и поэтому они не вступили в партию. Но организация латышской секции этот тормоз будет ликвидировать [6].

Революционный дух захватывал жителей российской провинции.

Некоторые документы говорили о деятельности активистов. «Эйзенграуд Алиса Томовна, делегатка 6-го Всероссийской латышской конференции, получила 24 октября 1920 г. 5000 рублей. 1) уплачено извозчику с Ярославского вокзала до ЦК РКП – 3000 рублей (роспись, 2) то же от ЦК РКП до Ярославского вокзала –

2000 рублей (роспись)» (орфография сохранена. – И. Т.)» [7]. Упомянутая в документах Алиса Эйзенграуд в советское время считалась одним из уважаемых и известных деятелей Компартии Латвии. Показательно, что начальная партийная работа «латышской Крупской» связана с Опаринским районом. Латышские переселенцы и их потомки втягивались в партийно-классовую жизнь.

При проведении коренизации среди малых этнических групп, «национальных меньшинств» («нацмен»), в том числе и среди латышей и эстонцев Опаринско-Моломского переселенческого района, главными направлениями идеологического воздействия из Центра стали образование, культура, общественные организации. Национальные школы в Опаринском районе существовали еще до 1917 г. Поэтому в рассматриваемый период в сельхозкооперативе с модным в то время названием «Интернационал» и в других местах школы продолжали работу.

Отмечен рост культурно-образовательной работы в библиотеках. В Списке эстонских библиотек по Северо-Двинской губернии с 1925 по 1928 г. числились: эстонская библиотека на ст. Опарино, Верхне-Коновский с/с. станция железной дороги, эстонская библиотека – ст. Опарино Северной железной дороги эстонская библиотека в д. Альмеж Альмежского с/с ст. Опарино, эстонская библиотека – д. Люльчинское (?) на ст. Опарино Северной железной дороги, эстонская библиотека – д. Переселенческое ст. Опарино, эстонская библиотека в Пермасской избе-читальне Устюжского р-на, Опаринский Эстонский красный уголок – п/о Опарино, Опаринский р-н, Альмежский эстонский красный уголок, Староверческий эстонский красный уголок, Моломский эстонский красный уголок, Переселенческий эстонский красный уголок [8]. В списке книг, учебников и журналов на эстонском языке, направленных в Опаринский район в 1925–1928 гг., значатся: «Юный географ», «Краткая история РКП(б)», «Класси выйтлус» – 5 шт., «Пролетарская революция в Эстонии» – 5 шт., «Работница и крестьянка» – 5 шт., «Почему ребенок становится суеверным?» – 5 шт., «Давайте ребенку здоровую пищу», «Защищайте сон ребенка», «Почему нельзя наказывать детей», «Возникновение одежды, похоти и стыда», «Как поднять прибыльность скота», «Болезни скота и их лечение», «Эстонская рабочая газета» [9].

Одной из сфер национальной политики стала культурно-массовая работа. В Опаринском районе в 1920-е гг. ставились спектакли. Подробно-

сти – в протоколе заседания: «Намечается подготовить спектакль 15 февраля на русском языке, и 22 февраля на эстонском языке» [10]. В эстонском колхозе «Интернационал» существовал театральный кружок, где тоже устраивались спектакли в 1920-х гг. [11]. Это можно считать следствием работы школы с преподаванием эстонского языка [12].

Анализ отчетных документов о культурно-массовой работе показывает, что даже под прикрытием идеологических лозунгов местное эстонское и латышское население воспроизводило традиционные формы проведения досуга – спектакли и репетиции хора очень были похожи на прежние певческие праздники, пение и обрядность в календарном и семейном циклах этнических культур. Культпросветработа была призвана вносить свой вклад в национальные отношения в 1920–1930-х гг.

Национальная политика РСФСР и СССР была призвана содействовать изменению этнического сознания народов, живших в стране. Внедрялось классовое самосознание, до того существовавшая этничность разрушалась. В ней активно преобразовывались те элементы, которые были связаны с восприятием внешнего мира, стереотипами и ритмом крестьянского труда, проведением праздников и обрядов в деревенском сообществе и собственной семье. Манипулирование классовым и этническим началось в сравнительно мягкой форме в сфере общего, школьного образования, в социализации молодых поколений. Существовавшие в аграрном обществе формы осознания людей и коллективов активно преобразовывались, в том числе и этнических групп, чья историческая родина осталась за пределами советской России.

Примечания

1. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. 1920, Оп.1. Д. 2. Л. 5.
2. ГАСПИ КО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
3. ГАСПИ КО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
4. ГАСПИ КО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
5. ГАСПИ КО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 62. Д. 96. Л. 1–1об.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.62. Д. 96. Л. 13, 16, 1об.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 64. Д. 154. Л. 53–53об.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 64. Д. 154 Л. 72. 76, 77, 82.
10. ГАСПИ КО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 1, Л. 7.
11. ГАСПИ КО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Л. 525, 526.
12. Вятский этнографо-археологический архив (ВЭАА). Ф. 2. Оп. 2. Д. 8. Л. 9; фонды Опаринского районного краеведческого музея.

А. Н. Мазур, О. В. Горбачев

**ВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО
ОБЩЕСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ 1920–1980-х гг.:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В советский период повседневная религиозная культура подверглась существенной трансформации. Она происходила под влиянием массовой атеистической пропаганды, осуждавшей как официальную церковь, так и бытовые проявления религиозности. Религиозность не исчезла, но приобрела новые формы. Ее всплески были тесно связаны с кризисными ситуациями в обществе (Великая Отечественная война, «перестройка»). Варианты трансформации форм религиозного поведения в советский период нуждаются в тщательном изучении и пока не получили достаточного освещения в литературе, поскольку сохранилось мало источников, позволяющих обобщить индивидуальный опыт. В качестве таковых могут быть использованы художественные фильмы 1920–1980-х гг. Их условно можно подразделить на две категории: 1) фильмы пропагандистского характера, осуждавшие и разоблачавшие религию как реакционное и враждебное социалистической культуре явление; 2) фильмы, в которых факты религиозности рассматриваются в качестве второстепенного сюжета. Наибольший исследовательский потенциал по заявленной проблеме имеют фильмы 1960–1980-х гг.

Everyday religious culture of the Soviet era has undergone substantial transformations. Religious culture was influenced by atheistic propaganda that condemned both the official Orthodox Church and everyday forms of religiosity. Religion did not disappear in these conditions, but rather acquired new forms. Its “peak times” corresponded closely to social crises (World War II, perestroika). The variations in the transformation of forms of religious behavior in the Soviet period required careful study. However, they have not yet been sufficiently addressed in the literature. This is not surprising, as few sources allow for the generalization of individual experience. Films from the 1920s–1980s provide an important, but understudied, category of such sources. They may be divided into two groups: 1) films that are frankly propagandistic in nature, “exposing” and condemning religion as a reactionary phenomenon hostile to socialist culture, and 2) films in which religion appears as a secondary, background plot. After providing a proposed periodization of films in the Soviet period, we argue that the latter are particularly useful. Specifically, films from the 1960s–1980s devoted to rural themes provide the greatest research potential.

Ключевые слова: религиозность, повседневная религиозная жизнь, художественное кино, методика изучения кинодокументов, советское общество.

Keywords: religiosity, everyday religious life, art films, the technique of studying film documents, Soviet society.

Немного теории... Прежде чем перейти к анализу художественного кинематографа как исторического источника, необходимо обозначить

те методологические подходы к изучению религиозности, которые важны для оценки информационного потенциала кинодокументов.

Религиозная жизнь советского общества – явление сложное и многомерное, в ее структуре можно выделить официальную и неофициальную сферы. Официальная религиозная жизнь связана с деятельностью религиозных организаций, неофициальная отражает бытовую (индивидуальный) уровень религиозных практик, задаваемых легально действующими религиозными организациями либо не входящими в зону их влияния.

На индивидуальном уровне официальная и бытовая религиозности переплетаются, дополняют, а в ряде случаев могут замещать друг друга, что в значительной степени определяет образ жизни человека. Многое здесь зависит от места и роли религиозных институтов в обществе и государстве. Если церковь и официальные религиозные практики санкционированы и поддерживаются государством, то они определяют и модулируют религиозную жизнь и сознание человека. Если церковь и религия отделены от государства и воспринимаются им как вредный пережиток, с которым нужно бороться, то это способствует свертыванию и сжатию пространства официальной религиозности и росту суеверий, а также ритуальных и духовных практик, внешне противостоящих религии, но фактически являющихся формами стихийной религиозности/иррациональности.

Последний вариант характерен для советского феномена религиозности. Советский период часто называют эпохой победившего разума. Атеизм во второй половине XX в. стал в СССР господствующей общественной идеей. Однако это не только не исключало религиозности, на искоренение которой была направлена вся советская пропаганда и агитация, а скорее наоборот, способствовало формированию нового типа религиозного сознания, основанного не на вере в бога, а на вере в то, что его нет. Он сложился под влиянием таких внешних факторов, как советская государственная антирелигиозная политика, идеология, а в более широком плане – культура модерна [1].

В советский период была сделана попытка замены традиционной религиозности коммунистической идеологией, которая использовала те же практики, приемы влияния и управления общественным сознанием, что и традиционная религия. Был сформирован революционный «катехизис», советский пантеон (апостолы, мученики, святые). Роль творца и пастыря была адресована партии, «Краткий курс истории ВКП(б)» играл роль «священного писания» или одного из текстов-эталонов. Были разработаны ритуалы приобщения и посвящения, сложился обрядовый

комплекс. Идеология приняла на себя многие функции религии, в том числе интегративную, регулятивную, коммуникативную. Появились особые здания с «культовыми» функциями, ориентированные на поддержание и укрепление новой веры – клубы и дворцы политпросвещения. Ту же нагрузку несли многочисленные советские памятники, среди которых главное место принадлежало мавзолею Ленина, игравшему важную роль во время советских массовых мероприятий. Однако процесс оформления новой религии не был, да и не мог быть доведен до конца, поскольку в ней отсутствовало очень важное качество, свойственное всем религиозным учениям, – обращенность к конкретному человеку, его внутреннему миру.

В результате ментальная карта советского человека представляла собой достаточно специфическое явление, где нашли свое место как рациональные, так и иррациональные знания и представления (традиционные религии и верования, догматы научного коммунизма, другие формы иррациональности). В свое время, изучая психологию религии, Д. М. Угринович предложил выделить четыре группы верующих: «убежденные верующие», «верующие», «колеблющиеся», «неверующие», а также пятую группу – «атеистов» [2]. Данная типология интересна тем, что позволяет проследить важный момент: уровень религиозности каждого человека определяется соотношением рационального и иррационального в его сознании, зависящим от психотипа личности и социальных условий ее формирования.

У «убежденных верующих», как, впрочем, и у «атеистов», иррациональное в сознании доминирует, образ жизни полностью подчинен догматам и канонам исповедуемой религиозной доктрины. Они очень близки, поскольку их представления опираются на веру, только с разными знаками. Общая черта – склонность к фанатизму как крайней форме проявления своих чувств.

«Верующие» – это люди, сознательно относящие себя к той или иной конфессии и придерживающиеся рекомендованных религией норм поведения. Вместе с тем для них характерен определенный уровень рациональной рефлексии и, как результат, – вопросы и сомнения в истинности догматов. Еще более высокий уровень рациональности свойственен «колеблющимся», которые не могут окончательно самоопределиться с религиозной принадлежностью, но признают роль иррационального в жизни человека и общества и принимают достаточно активное участие в официальных и неофициальных религиозных практиках. «Неверующих» можно соотнести с типом чистого «рационалиста», что, однако, полностью не исключает иррациональности сознания: они переживают религиозные чувства на подсозна-

тельном уровне, а их религиозные взгляды часто проявляются в форме суеверий, примет, увлечений астрологией, уфологией и другими квазинаучными практиками.

В современном обществе две последние категории – неверующие и колеблющиеся – составляют значительную часть, а иногда и большинство населения. Так, по наблюдениям социологов, в конце 1980-х гг. верующими себя называли только 10% советских граждан, большинство жителей СССР (65%) считали себя неверующими (атеистами) [3]. Эти цифры отражали в первую очередь уровень официальной религиозности и могут рассматриваться в качестве некоего итога советской антирелигиозной политики. Под ее давлением большинство населения отказалось от участия в официальных религиозных практиках. Снижение удельного веса верующих компенсировалось ростом неофициальной стихийной/бытовой религиозности, особенно заметным в 1960–1980-е гг.

Динамика советской религиозности непосредственно связана с процессами модернизации. До середины XX в. (включая послевоенный период), несмотря на индустриализацию, культурную революцию и активную антирелигиозную политику, среди населения преобладали носители традиционного сознания с характерной для него выраженной религиозной доминантой (православной, мусульманской и пр.), а уровень религиозности оставался очень высоким (что подтвердила перепись 1937 г.). С 1950-х гг. ситуация стала меняться. В зрелый возраст вступило поколение 1920–1930-х гг., выросшее в годы советской власти под знаком атеистической пропаганды и мифа о всемогуществе научного познания. Для них характерен уже другой, более рациональный тип сознания, новая ментальная карта, в которой господствовали атеистические идеи, а религиозные практики переместились в область суеверий и предрассудков, основанных частично на проявлениях народной религиозности (христианско-языческой), частично – на использовании иррациональных учений (уфологии, эзотерических и др.), не связанных с традиционными религиями. Именно с этой точки зрения следует рассматривать религиозное сознание среднестатистического советского человека. Его постепенная корректировка началась после изменения государственной политики по отношению к церкви в годы «перестройки» и проявилась в виде активного роста официальной религиозности.

Следует подчеркнуть, что эклектичность религиозных представлений не только результат «советского эксперимента». Она характерна для общества модерна, не зависит от общественного строя и выступает следствием глобализации и информационной революции. Процессы транс-

формации религиозности на индивидуальном уровне можно наблюдать как в странах Запада, так и в ряде азиатских государств. Эти общества хотя и избежали насильственной секуляризации, но, тем не менее, пережили информационный шок. Одним из его последствий стало снижение роли официальных религий в жизни современного человека.

Эволюция религиозности человека в XX в. все чаще становится объектом исследования, к ее изучению обращаются социологи, психологи, философы. Свой вклад в изучение этого вопроса могут и должны внести историки. К настоящему времени в исторической науке сложилось три основных направления исследования религиозной тематики. Они существенно различаются по степени разработанности соответствующих проблем:

– *история церкви и ее взаимоотношений с обществом и государством.* Это направление в большей степени связано с познанием путей эволюции института церкви, его роли в жизни общества, в том числе на уровне отдельного индивидуума. Именно эта проблематика чаще всего выступает объектом исследования. Она достаточно хорошо обеспечена источниками и свидетельствами, что непосредственно отражается на уровне ее разработанности [4]. В рамках данного направления активное развитие получили исследования, нацеленные на изучение религиозных практик и сознания активно верующих, образ жизни которых определяется религиозными канонами;

– *изучение народной религиозной культуры, иррациональных представлений и верований, выходящих за рамки официальной религиозной жизни.* К ним относятся мифологические представления, суеверия, ритуальные практики, направленные на защиту человека, его семьи и окружения; объяснение происходящего; программирование будущего. Чаще всего религиозная народная культура воспринимается как принадлежность традиционных обществ, хотя есть основания говорить о ее существовании в более поздний период, в том числе и в советском обществе. Данное направление развивается в более сложных условиях, так как наталкивается на проблемы источниковой базы, которая ограничена преимущественно документами личного происхождения, свидетельствами из судебной практики, а также этнографическими и устно-историческими источниками. В последние годы появляется достаточно много интересных трудов по проблемам народной религиозности, которые выходят на новый уровень их осмысления [5];

– *изучение религиозной культуры человека в контексте повседневности.* Данное направление тесно связано с пониманием религиозности как естественного свойства сознания и составной ча-

сти образа жизни каждого человека [6]. Если исходить из общепринятого определения этого понятия, в рамках которого религиозность выступает как «*характеристика сознания и поведения отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему*» [7], то становится очевидным, что это – реакция человека на неведомое, неизвестное. Религиозность опирается на присущий каждому человеку страх перед будущим, выполняет функции объяснения еще непознанного и в определенном смысле компенсирует неполноту рационального знания. Социологами отмечено, что уровень религиозности общества и каждого человека может меняться и непосредственно зависит от социальной стабильности: войны и революции провоцируют рост религиозности в обществе, а в частной жизни обращение к Богу часто связано с личными трагедиями и потерями. Таким образом, религия выполняет компенсаторную психотерапевтическую функцию. Всплески религиозности наблюдались в советском обществе в годы Великой Отечественной войны, затем в годы «перестройки» и социальных потрясений 1990-х гг. Противоречивыми оказались последствия научно-технической революции, открывшей тайны атома, но не ответившей на главные вопросы происхождения жизни и материи.

Можно говорить и о социально-групповом своеобразии религиозного сознания и практик. Специфические варианты религиозной культуры формируются в определенных профессиональных группах – военные, спортсмены, студенты и т. д., результаты деятельности которых (а нередко и жизнь) зависят от случая. Обращение к вере характерно также для части интеллектуалов/ученых, которые приобщаются в ходе своих исследований к непознанным тайнам природы и бытия.

Таким образом, религиозное сознание человека XX в. представляет собой сложное социально-психологическое явление, требующее тщательного изучения. Данное направление реализуется в рамках антропологического подхода к пониманию феномена религиозности и развивается в сложных условиях, поскольку наталкивается на проблемы неполноты источниковой базы, слабой разработанности методологического и методического аппарата исследования.

Наиболее адекватный инструментарий для изучения индивидуальных проявлений религиозности разработала социологическая наука. Применяя его в формате исследований по устной истории, можно проследить те изменения уровня и проявлений религиозности, которые происходили во второй половине XX в. Более ранний период для социологических методов недоступен. В качестве дополнительных источников могут быть привлечены документы личного проис-

хождения, периодическая печать, судебные дела, документы спецслужб и прочие тексты, в которых получила отражение частная жизнь человека. Следует подчеркнуть, что, опираясь на эти документы, мы можем получить представление о религиозной жизни прежде всего «убежденно верующих» и «верующих» людей, т. е. активно участвующих в официальных религиозных практиках. Религиозная жизнь обычного советского человека остается, как правило, за пределами их внимания, так как носит сугубо частный характер. Поэтому очевидно, что для изучения официальной и бытовой религиозности в советский период должны быть задействованы и другие источники, среди которых значимое место занимает *художественное кино*.

Как в кино... В последние годы среди историков наблюдается рост интереса к кинодокументам [8]. Обращение к художественному кино вполне закономерный шаг, позволяющий вывести кинематограф за границы искусствоведческих исследований. Вместе с тем использование фильмов в качестве исторического источника требует разработки особых методик их анализа с учетом родовых свойств документов, к которым относятся специфическая художественно-идеальная форма отражения реальности, технотронный характер, особые идеологические, воспитательные и информационные функции кинематографа, его воздействие на сознание и модели поведения людей (эффект кодирования). Кроме того, необходимо учитывать, что фильм – это чаще всего результат коллективного творчества (режиссера, сценариста, актеров, оператора, композитора и пр.), а если еще сюда добавить цензуру, то кино следует рассматривать как отражение коллективного сознательного и бессознательного, в том числе общественных стереотипов [9].

Традиционно кинодокументы подразделяются на два вида: документальные и художественные. Они различаются подходами к отражению реальности. Документальные фильмы не вполне обоснованно считаются более достоверными, чем художественные, поскольку они фиксируют «объективную реальность» [10]. Художественное кино отражает вымышленную реальность. Между тем специфика кинематографа такова, что любые тексты – и документальные, и художественные – семиотичны, т. е. их основным элементом выступает кинообраз, создаваемый различными средствами. При этом художественное кино обладает более широким спектром изобразительных средств – это не только режиссерский замысел, операторская работа, музыка, текст (как в документальном кино), но и игра актеров, диалоговый дискурс, декоративные эффекты и проч. Поэтому для достоверного отражения ре-

альности художественное кино обладает большими возможностями, однако требует от исследователя разработки и обоснования *особой* методики работы с ними.

В качестве *основных методологических принципов*, позволяющих в полной степени реализовать информационный потенциал кино, необходимо выделить следующие:

- семиотический подход к анализу кинотекста;
- отношение к кино как к массовому источнику;
- сочетание феноменологического и статистического анализа при изучении кинодокументов.

Эти принципы были использованы при анализе художественного кино как источника, отражающего религиозную жизнь советской эпохи.

Контрапунктом методики исследования кинодокументов выступает проблема отбора текстов для анализа. На протяжении XX в. был создан огромный массив кинодокументов, включающий тысячи единиц. Представление о нем могут дать имеющиеся сегодня в распоряжении историка информационные ресурсы справочного характера. Так, например, в электронной «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия» (изд. 2-е, 2003) приведены описания и аннотации 6426 художественных фильмов, созданных в 1920–1991 гг. в СССР (включая союзные республики) [11]. Данный массив был использован в качестве основы для отбора кинокартин. Сам отбор осуществлялся по тематическому принципу (религиозная тематика), а также характеру отражения реальности. В нашем случае для изучения религиозности были использованы *актуальные* фильмы, т. е. те, которые отражали современность в режиме реального времени. Ретроспективные (исторические) фильмы к анализу не привлекались, поскольку они в большей степени транслируют образы прошлого.

Поскольку понятия «религиозность» и «религиозные практики» мы рассматриваем в широком контексте, возникла необходимость систематизировать имеющийся в нашем распоряжении массив художественных фильмов: в отдельную группу были выделены довольно немногочисленные картины, в которых религиозная тема была заявлена как основная (13 фильмов). По жанру эти киноленты относятся преимущественно к «религиозной/антирелигиозной» драме или комедии, что само по себе свидетельствует об идейной направленности и смысловой нагрузке текстов. В них получил отражение заказ власти на разоблачение церкви как реакционной организации, основанной на обмане человека и отравляющей сознание людей.

Другую группу фильмов составили картины 1920–1980-х гг., в которых нашли проявление

различные формы религиозности, преимущественно бытовой – суеверия, стихийная религиозность, интеллектуальная религиозность и проч. Количество таких фильмов очень велико. В результате просмотра доступных кинолент было выделено и проанализировано более 100 фильмов – выборка, позволяющая выделить типичные сюжеты и образы религиозности. Это картины 1950–1980-х гг., преимущественно относящиеся к сельской тематике.

Для оценки информационного потенциала кинодокументов как исторического источника необходимо учитывать те ролевые функции, которые выполнял художественный кинематограф на разных этапах советской истории:

- в 1920 – середине 1950-х гг. ему была отведена роль агитатора, пропагандиста, мифотворца. Основной целью кино было убедить зрителя в исторической справедливости свершившейся революции и неизбежности победы социализма. Эта задача определяла эстетику кино, сюжетные решения, образы героев, которые создавались по принципу дихотомии, противопоставления идеальных положительных и подчеркнута отрицательных персонажей;

- на волне хрущевской «оттепели» (вторая половина 1950-х гг. – первая половина 1960-х гг.) кино начинает осваивать новые функции и выполнять роль «воспитателя» с характерной для этой задачи назидательностью, стремлением предложить готовые рецепты, уверенность в знании того, как должно быть. Именно в это время (1960–1962 гг.) наиболее активно создавались антирелигиозные драмы, одна за другой выходили картины, разоблачавшие религию, и прежде всего сектантство;

- во второй половине 1960-х – 1970-е гг. кино наконец обратилось к своему главному предназначению, ранее отодвинутому на второй план, – познанию окружающего мира. Кино начало задавать вопросы (а именно с этого и начинается познание), не предлагая готовых ответов, что отразилось на восприятии религиозности. Она стала оцениваться в культурологическом, антропологическом измерении не как проблема, а как явление, требующее внимания и изучения.

«Бога нет!»... Остановимся сначала на характеристике *антирелигиозных фильмов*. Любопытна динамика их производства: в 1930–1934 гг. было создано 4 фильма; в 1960–1962 гг. – 8, в 1976–1985 гг. – 1. Она находится в прямой зависимости от пульсаций политики государства в отношении церкви, проявлявшихся в форме антирелигиозных кампаний, а также от состояния кинопроизводства. В силу последнего обстоятельства очень напряженный период в истории церкви, относящийся к 1920-м гг., практически выпал

из поля зрения кинематографистов. В новой жизни религии места не находилось. С этого времени и вплоть до середины 1950-х гг. атрибуты религиозности стали составной частью кинематографического образа врага, противостоящего социалистической идее. Крест, молитва, храм, посещение церкви и общение со священниками, таинства – все эти проявления религиозности использовались для создания образа прошлого мира, который необходимо было уничтожить. Сам феномен религиозности не особенно волновал деятелей кино того времени.

Для лучшего понимания специфики отражения официальных религиозных практик в советском кинематографе стоит вспомнить об основных этапах развития отношений советского государства с православной церковью. Они практически никогда не были безоблачными, поскольку формировались в конкурентной борьбе за влияние на человеческое сознание.

1. 1917 – начало 1940-х гг.: жесткое идеологическое противостояние, сопровождавшееся активными репрессиями против деятелей церкви. В границах этого этапа выделяются 1918 г. (декрет СНК от 20 января, отделивший церковь от государства и школу от церкви), 1922 г. (репрессии против церкви в связи с ее попытками помочь голодающим Поволжья), 1925 г. (смерть патриарха Тихона, фактическая ликвидация патриаршества) и 1929 г. (признание церкви «единственной легально действующей контрреволюционной силой»). Именно после 1929 г. было уничтожено наибольшее количество храмов, а репрессии по отношению к священнослужителям оказались самыми масштабными.

2. 1943–1958 гг. – этап либерализации, временного прекращения нападков на религию и церковь со стороны государства. Как известно, инициатором либерализации выступил И. В. Сталин, давший разрешение на восстановление патриаршества. Продолжением начатого курса после смерти Сталина стало издание в ноябре 1954 г. постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [12], где говорилось о фактах грубого давления на церковь и оскорблении чувств верующих. Именно это, по мнению авторов постановления, стало одной из причин неэффективности атеистической пропаганды.

3. 1958 – первая половина 1960-х гг. – новое наступление на религию, предпринятое Н. С. Хрущевым в связи с подготовкой программы строительства коммунизма в СССР (т. е. третьей программы партии). Антирелигиозная кампания была начата запиской Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [13] и затронула не только пра-

вославную церковь, но и другие религиозные организации.

4. Вторая половина 1960-х – начало 1980-х гг. – снижение интенсивности атеистической пропаганды, новая либерализация, венцом которой стала передача православной церкви в 1983 г. московского Данилова монастыря.

5. Современный этап, начатый в период «перестройки». Своеобразной точкой отсчета стал 1988 г., когда, в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси, произошла фактическая реабилитация РПЦ. Полностью прекратились гонения государства и на другие конфессии.

Чередование «приливов» и «отливов» в советской церковной политике может быть интерпретировано в контексте чередования «партийного» и «государственного» начал. Мощный партийный ресурс задействовался на этапах борьбы за власть (1-й и 3-й периоды). В это время новые лидеры активно апеллировали к марксистско-ленинской идеологии, и в борьбе за умы советских граждан церковь оказывалась в положении естественного противника власти. Напротив, усиление «имперских», «государственнических» тенденций в сталинскую и брежневскую эпохи снижало остроту противостояния и даже было способно сделать церковь союзником государства, что с особенной силой проявилось в годы Великой Отечественной войны.

Демонтаж партийной идеологической машины в результате политической реформы М. С. Горбачева имел следствием не только быстрое и решительное укрепление позиций традиционных конфессий, но и заполнение идеологического поля разнообразными приверженцами мистических, эзотерических и прочих течений.

Успех либо неуспех религиозной политики (в зависимости от ее целей) определяется на официальном уровне состоянием и широтой распространения религиозных организаций, на частном – степенью востребованности религиозных практик в повседневной жизни; местом, которое занимает религия в системе ценностей личности.

К первому этапу относятся несколько фильмов, снятых на религиозную тему. Среди них – знаменитая комедия реж. Н. Озорнова «Праздник святого Йоргена» (1930), которая хотя и высмеивала несоветскую действительность, но работала на разоблачение религиозности как проявления отсталости и темноты. Религия, по мнению создателей фильма, – это мир, в котором правят жулики и обманщики, а верующие должны либо прозреть и сбросить с себя паутину заблуждений, либо будут обмануты.

В комедийном жанре был снят и другой фильм – «Хабарда» («Посторонись», «Здесь падают камни», Грузия, 1931, реж. М. Чиаурели). В центре сюжета – вопрос о закрытии церкви, ко-

торый решился вполне в духе первых пятилеток. Исполком Тифлиса задумал начать переустройство квартала и для начала снести старую, ничем не примечательную церквушку. Защитники церкви – нэпманы – поднялись на защиту исторического памятника, но комсомольцы быстро их разоблачили, обнаружив в фундаменте церкви плиту с надписью, опровергавшей все аргументы защитников.

Интересно, что уже в это время в кино появляется тема сектантства, получившая активное развитие в 1960-е гг. Она нашла отражение в кинолентах реж. И. Берхлина «Человек за бортом» (1931) и драме М. Вернера «Живой бог» (1934). В первом случае обыгрывался сюжет о баптистах, в руки которых попался наивный деревенский парень, приехавший в город. Во втором фильме речь шла о секте исмаилитов, которая занималась пособничеством английским колониалистам, т. е. проводилась прямая связь между религиозными организациями и «гнилым империализмом».

Идеологическая война, которая велась по всем направлениям, давала свои плоды. Никогда более, вероятно, уже не было таких яростных атеистов, борцов с религией, как пионеры и комсомольцы 1920–1930-х гг. Именно на них был ориентирован весь агитационный запал кинолент. Дополненные другими формами антирелигиозной пропаганды, эти фильмы сыграли свою роль в формировании новой веры, отрицающей Бога, но признающей в качестве высшей силы партию и ее «апостолов».

Что касается второго периода, то «реабилитация» 1943 г. подчеркнуто касалась только православной церкви. Этот акт следует рассматривать в тесной связи с послевоенным возвышением Сталиным русского народа как главного победителя в войне. С другой стороны, большинство «репрессированных» в 1944–1945 гг. народов (крымские татары, чеченцы, турки-месхетинцы и др.) исповедовали ислам.

В отличие от довоенного периода, идеологическая кампания 1946 г., известная как «ждановщина», фактически обошла церковь стороной. Государство не препятствовало открытию новых приходов и восстановлению контактов с зарубежными епархиями. Однако многочисленные священнослужители, арестованные до войны, продолжали оставаться в заключении. Опосредованно эта двойственность политики государства нашла отражение в кино, где практически отсутствуют какие-либо упоминания о церкви и ее существовании, так же как и о религиозности советских граждан. Церковь не высмеивали, не осуждали, о ней просто не говорили. При самом внимательном просмотре фильмов конца 1940–1950-х гг. в поведении героев, в презентации все-

го строя советской жизни не увидишь ни одного признака религиозности, даже на уровне устойчивых фраз («Господи!» или «Боже мой!»), давно потерявших ритуальный характер. Как христианам грешно помянуть черта, так и в лексике советских киногероев тех лет не найти ни одного упоминания имени Бога. Религиозности как черты сознания у советского человека не могло быть, хотя в реальности этот период связан с ростом как официальной, так и неофициальной религиозности. Позднее, в конце 1960-х гг., это получит отражение в целом ряде фильмов, таких как «Председатель» (1964, реж. А. Салтыков), «Журавушка» (1968, реж. Н. Москаленко), «Тени исчезают в полдень» (1971, реж. В. Усков, В. Краснопольский) и других, в основном относившихся к «деревенскому» кино.

В 1958 г. Н. С. Хрущев пообещал, что «в 1980 г. по телевизору покажут последнего попа». Такая фигура речи (не мулла, не раввина, а именно попа) совсем не означала, что главный удар в ходе строительства коммунизма будет нанесен по православию. Под «попом» имелся в виду собирательный образ священнослужителя. «Крестовый поход» против официальной религии во всех ее проявлениях был поддержан созданием ряда картин на антирелигиозную тему, которые при всем разнообразии сюжетов сводились к одной идее: религия – это заблуждение, недостойное советского человека, которое можно преодолеть только в борьбе за него. И в этой борьбе основное место отводилось не «воинствующим безбожникам» как раньше, а близким людям – любимым, друзьям, т. е. тому окружению, в котором живет верующий. Изменились и способы борьбы – не высмеивание и разоблачение верующих как врагов, а их перевоспитание. Кино этого времени попыталось раскрыть причины роста религиозности и указать путь для ее искоренения.

По глубине анализа причин роста религиозности в послевоенный период выделяется фильм «Исповедь» (1962, реж. В. Воронин), рассказывающий о судьбе молодого художника, который ищет себя, но не находит понимания среди близких и в результате попадает в духовную семинарию. Его жизненная история интересна с позиций понимания личностных причин (смерть матери, чувство вины, одиночество и невнимание окружающих), которые подталкивают человека к богоискательству. Их философское обобщение звучит в размышлениях священника: «Смысл жизни разные люди ищут в разном, кто – в религии, кто – в материализме». Однако анализ этих причин осуществляется с позиций неприятия религии как формы самоопределения личности.

Всего в течение двух лет (1960–1962 гг.) вышло 8 фильмов, снятых в жанре антирелигиозной драмы и посвященных разоблачению не столько

церкви, сколько религиозных символов и практик. В них обыгрывался популярный в годы «оттепели» сюжет, в разных вариантах передаваемый и газетами, и беллетристикой, о том, как церковники и сектанты заманивают в свои сети людей, одиноких, заброшенных, попавших в беду (Чудотворная, 1960, реж. В. Скуйбин; Обманутые, 1961, реж. А. Неретнице; Исповедь, 1962, реж. В. Воронин и др.).

В этот период поражает большое количество картин, снятых на тему сектантства (Тучи над Борском, 1960, реж. В. Ордынский; Люблю тебя, жизнь, 1960, реж. М. Ершов; Цветок на камне, 1962, реж. С. Параджанов; Армагеддон, 1962, реж. М. Израилев; Конец света, 1962, реж. Б. Бунеев). Именно крайние формы сектантства давали наиболее убедительный материал, пригодный для использования в атеистической кампании. Со времен детства помнится фильм «Тучи над Борском», вызвавший глубокое неприятие фанатичности сектантов, которые пытаются распять героиню фильма – юную девушку, доведя ее редениями и уговорами до полубезумного состояния. С другой стороны, сектантство очевидно не соответствовало и православной норме и потому также встречало отторжение со стороны зрителя. Наконец, создается впечатление, что, выполняя политический заказ, кинодеятели не хотели без особой нужды идти на конфликт с православием, укрепившимся в послевоенный период.

Несмотря на явный воспитательно-пропагандистский характер, фильмы этих лет имеют свои отличительные черты и особенности. Язык кино существенно усложнился, образы героев стали более глубокими, психологичными, не такими одномерными, как в сталинский период. Кино учится не только выражать, но и исследовать человеческие чувства и отношения, однако предлагаемые рецепты лечения грешат назидательностью и очень похожи на проповеди.

Помимо собственно фильмов на религиозную тематику в хрущевский период в деревенском кино, и не только, начинают активно использоваться сюжеты и образы, отражающие различные проявления религиозности, но с четких атеистических позиций. Кино было призвано развенчать религию как заблуждение, проявление отсталости, что достигалось использованием определенных штампов. Так, весьма популярным в кино стал образ священника, сыгранный обычно в комедийном ключе, который отказывается или высказывает желание отказаться от своего сана (Королева бензоколонки, 1962, реж. А. Мишурин, Н. Литус; Королевская регата, 1966, реж. Ю. Чулюкин).

Во второй половине 1960–1970-е гг. отношение государства к церкви стало более спокойным, что в целом соответствует характеру бреж-

невской политики и в других сферах жизни советского общества. Количество церковных приходов в связи с интенсивной миграцией из села в город сокращалось, а открытие новых приходов в городах было затруднено. Верующим не были возвращены храмы, закрытые при Хрущеве. В то же время открытых гонений на церковь также не было. Она заняла свое место в жизни страны, не претендуя на многое, но и не теряя почти ничего. Такой вариант социальной гармонии получил отражение в кинематографе.

Период второй половины 1960–1980-х гг. был отмечен выходом всего одного фильма, обращенного к религиозной тематике. Это антирелигиозная социально-психологическая драма «У призраков в плену», снятая в 1984 г. реж. А. Ивановым по роману В. Кашина «Чужое оружие». Героиня фильма Мария попадает в секту пятидесятников. Весь сюжет фильма строится на противостоянии и борьбе молодого человека, любившего девушку, и жестокого, коварного руководителя секты – Лагуты. Появление фильма, снятого в духе начала 1960-х гг., было вызвано кратковременным оживлением антирелигиозной пропаганды с приходом к власти Ю. Андропова, поэтому фильм воспринимается несколько архаично, как отзвук прошлого.

Зато в других фильмах этого периода, где тема религии выступает в качестве второстепенного сюжета или эпизода, транслируется совсем иное восприятие религиозности и религии как определенной нормы общественной и частной жизни. Отсутствие четко выраженной государственной политики по отношению к церкви во второй половине 1960-х – 1970-е гг. привело к полуофициальной институционализации религии в советском обществе. Этому способствовали также нараставший в общественном сознании скепсис по поводу коммунистической перспективы и интерес к русской традиции, инициированный писателями-«деревенщиками». Среди значительной части советской интеллигенции появилась своеобразная религиозная «мода», развившаяся в интересе к культовым предметам, в том числе иконам, крестикам, а вслед за ними и к церковным ритуалам и обрядам. Это увлечение получило отражение в кинематографе и обыгрывалось в основном в комедийном плане (Бриллиантовая рука, 1968, реж. Л. Гайдай; Блондинка за углом, 1984, реж. В. Бортко). Посещать храм, участвовать в обрядах крещения, венчания, отпевания, в религиозных праздниках и т. п. стало не только допустимо, но и вполне «современно». Образы священников в кино этого периода уже не вызывали отрицательных эмоций (Королевская регата, 1966, реж. Ю. Чулюкин, Семь невест ефрейтора Збруева, 1970, реж. В. Мельников).

Особое место в этом ряду кинокартин занимает фильм «Журавушка» (1968, реж. Н. Москаленко), поставленный по повести М. Алексеева «Хлеб – имя существительное» и ставший в 1969 г. одним из лидеров советского проката (37,2 млн зрителей). В центре внимания картины судьба русской женщины, которая невзирая ни на что любит и ждет своего мужа, пропавшего без вести на войне. История верной и чистой любви приобретает почти библейские черты и воспроизводит каноны житийной литературы. Марфа – героиня фильма, сыгранная Л. Чурсиной, – проходит проверку своей веры/любви, преодолевая соблазны, наветы, мороки, причем в качестве главного испытания ей предстоит побороть те религиозные чувства, которые подпитывали надежду на возвращение любимого. Вообще, весь фильм пронизан религиозной символикой и смыслами. И не только по сюжету, в центре которого находится противостояние двух служителей новой и старой веры – парторга, безответно любящего героиню, преданного идеалам коммунизма, и священника – очень интеллигентного и мудрого батюшки, истинного пастыря Божьего, словом и делом старающегося помочь прихожанам. Между ними в течение всего фильма идет борьба за душу Марфы, которая получает отражение в их диалогах. Задача парторга – вернуть Марфу к жизни, задача священника – дать ее душе надежду на чудо. В этом противостоянии побеждает жизнь, но жизнь не реальная, а соответствующая критериям коммунистической морали. Свой смысл жизни Марфа находит в служении делу, детям, но не в личном счастье. Созданный кинематографом образ советской «святой», дополненный чертами характера русской женщины (воспетыми еще Н. А. Некрасовым), надолго становится духовным эталоном.

Фильм очень реалистичен, и в этой кинореальности признаки религиозности проявляются повсюду: в речи героев («Носишь ее портрет, как икону»), в их поведении (например, сцена в лесу, где Марфа «молится» о возвращении мужа, молится не святыми текстами, а душой), в натуральных планах, где на видном месте расположена церковь, а колокольный звон придает сельскому пейзажу особую лиричность и задушевность. В сравнении с фильмами более раннего периода, в которых приметы религиозности изъяты, вымараны цензурой из сценария, данная картина демонстрирует совершенно другой мир, в котором, несмотря на все гонения и идеологические кампании, церковь занимает свое довольно прочное место.

Новым в образе священника является его включенность в жизнь деревенского сообщества, которое принимает его и ценит. В конце фильма отец Леонид в качестве приглашенного гостя на

свадьбе сына Марфы занимает почетное место за столом, и становится понятно, что он не изолированный член общества, общающийся только с верующими стариками, а свой, почти родной человек.

Собственно, с этого фильма можно вести отсчет новой эстетики религиозной тематики в художественном кино, которая воспринимается уже как часть народной культуры и души. Вообще, во второй половине 1960-х гг. советский кинематограф, еще не окончательно придавленный цензурой, оказался в состоянии ставить острые содержательные вопросы. Появился целый ряд фильмов-размышлений (Иваново детство, 1962, реж. А. Тарковский; Андрей Рублев, 1966, реж. А. Тарковский; Журналист, 1967, реж. С. Герасимов; Братья Карамазовы, 1968; реж. И. Пырьев; У озера, 1970, реж. С. Герасимов и др.), в которых проблемы смысла бытия и предназначения человека выходят на первый план.

Интерес к человеку дополняется в кино вниманием к непознанному и таинственному (иррациональному). Один за другим на экраны страны выходят научно-популярные фильмы, обращенные к загадкам человека и его возможностям (Семь шагов за горизонт, 1968, реж. Ф. Соболев, 33,7 млн зрителей; Индийские йоги, кто они?, 1970, реж. А. Серебренников; Я и другие, 1971, реж. Ф. Соболев). Сенсацией стала демонстрация в 1970 г. научно-популярного западногерманского фильма «Воспоминания о будущем», поставленного австрийским режиссером Харальдом Райнлем по книге Э. Дэнникена. В фильме шел разговор об истоках человеческой культуры и цивилизации как результате контакта с пришельцами из других миров.

Подобные киноленты способствовали усилению стихийной (народной) религиозности, в том числе в молодежной и интеллигентской среде. Показательным примером в этом отношении является фильм «Деревня Утка» (1976, реж. Б. Бунеев [14],) поставленный в жанре сказки, но выходящий за рамки чисто сказочного сюжета, поскольку в нем грань между реальным и невидимым мирами очень прозрачна. Фильм воспринимается как народное поверье, передаваемое стариками, а в качестве главного героя выступает домовая. Сюжет фильма прост: в деревню к бабушке из города приезжает девочка и попадает в незнакомый, таинственный мир. Кто-то стучит в печи, задумчиво ходит черный кот, дом наполнен звуками и движением. Душой дома является Шишок, которого могут увидеть только дети. Взрослые теряют эту способность и не замечают его. Только бабушка знает, что в доме есть хозяин, который его бережет и о котором тоже нужно заботиться. В киносказке заложены разные смыслы, не только приоткрывающие двер-

ку к старым верованиям и вписывающие их в ткань настоящего. Есть еще размышления о судьбе человека, порывающего связь с родным домом. По сюжету сын перевозит бабушку в город, Шишок не хочет оставаться в пустом доме и едет за своими хозяевами, но не может прижиться в городской квартире, здесь для него нет места. Сказка заканчивается. И даже возвращение домового вместе с хозяйкой обратно в деревню не воспринимается как хороший конец, так как будущего нет ни у деревни, ни у ее жителей.

* * *

«Бог есть?!»... Именно в этот период (1960–1980-е гг.) кинематограф наконец начинает фиксировать проявления религиозности как некоторую норму, вполне вписанную в советскую повседневность. В отличие от фильмов, снятых на религиозную тему, круг этих кинокартин широк и охватывает практически все жанры и направления: комедии, драмы, киноповести, мелодрамы. Особое место среди них занимает деревенское кино, которое сформировалось как особое направление в послевоенный период и стало основным каналом отражения проблем села и сельского общества. Деревня в фильмах тех лет предстает как особый мир со своей культурой, людьми, в известной мере противостоящий городской цивилизации. Религиозность (официальная и стихийная) рассматривалась как элемент этого мира и выступала составной частью образа деревни.

Анализ этого обширного массива фильмов весьма непрост, так как эпизоды, в которых прочитываются проявления религиозной жизни, с одной стороны, можно встретить практически в каждой картине этого времени, но они очень фрагментарны, часто почти неуловимы, хотя и несут важную семантическую нагрузку для понимания характера героев фильма, их образа жизни, поведения. Обращает на себя и другой момент – широкое использование кинематографистами брежневского времени библейских сюжетов, позволяющих философски интерпретировать современные процессы и проблемы. Широкое распространение получает жанр притчи, кино обращается к религиозным таинствам – покаянию и прощению, переводя их в разряд важнейших проблем бытия. Следует отметить и интерес к абберациям в поведении человека, что способствовало созданию целой галереи фильмов о «чудиках» (напр., Фантазии Фарятьева, 1979, реж. И. Авербах).

На основе частотного анализа повторяющихся сюжетов, тем и образов религиозности можно смоделировать ментальную карту сознания советского человека. В этом, собственно, и состоит уникальность художественного кино как источника, оно позволяет сделать информационный срез общественного сознания, практичес-

ки недоступный другим источникам, в том числе и социологическим.

Если говорить о типичных сюжетах, отражающих проявления религиозных практик и религиозности, то среди них можно отметить следующие:

• **народные верования, гадания, заговоры и практики**, направленные на выздоровление или сохранение здоровья, любви, благополучия, успеха (Берега, 1970, реж. Е. Сташевская; Врача вызывали?, 1974, реж. В. Гаузнер; Однолюбые, 1981, реж. М. Осепьян и проч.). Чаще всего в «брежневский» период эти сюжеты звучат как дополнение к медицинским практикам. При этом характер подачи материала может быть разным: официальная медицина не может помочь, а народные средства и практики помогают; либо в контексте осуждения народной медицины как шарлатанства. Само по себе обращение к народному целительству вполне знаменательно, так как в 1960–1980-е гг. официальная медицина встала на позиции частичного признания рациональности традиционных медицинских практик, что способствовало росту интереса к ним со стороны общества. В этой группе фильмов можно выделить картины, в которых используются сцены гаданий и любовных заговоров (Дело было в Пенькове, 1957, реж. Ст. Ростоцкий; Простая история, 1960, реж. Ю. Егоров; Русское поле, 1971, реж. Н. Москаленко; Кто стучится в дверь ко мне, 1982, реж. Н. Скуйбин). Любопытно, что сюжеты с гаданием встречаются и в сталинском кино (Свинарка и пастух, 1941, реж. И. Пырьев), однако у героев того времени гадание как вредный пережиток не вызывает доверия.

Все эти разновидности религиозных практик характерны в большей степени для традиционного общества, где они фактически институализированы и вписаны в праздничную обрядность и повседневность. Можно с уверенностью говорить об их сохранении в условиях урбанизированного общества, но в более популяризированном и коммерциализированном виде, как развлечение или бизнес.

Особое место в кинематографе занимают студенческие иррациональные практики, обеспечивающие успешную сдачу экзамена. В частности, они получили отражение в комедии А. Гайды «Наваждение» – одной из новелл киноальманаха «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» (1965), а также в других фильмах на студенческую тему. При всей комедийности описываемых ситуаций можно вполне уверенно говорить о формировании системы ритуалов, направленных на достижение студенческого, а также спортивного «счастья» (Королевская регата, 1966, реж. Ю. Чулюкин).

Среди фильмов этой категории особо хочется выделить фильм Э. Климова «Прощание» (1982),

поставленный по повести В. Распутина «Прощание с Матерой». Пронзительная картина о судьбе старинной деревни, ставшей жертвой технического прогресса и готовящейся к затоплению в связи со строительством ГЭС. Последние месяцы жизни деревни – это переход от жизни к смерти, и все художественные средства фильмографии (музыка, диалоги, сценические планы, типаж героев) направлены на выражение этой скорбной идеи. Прощание жителей со своей деревней приобретает глубокие сакральные смыслы, связанные с пониманием предназначения человека и его ответственности перед прошлым и будущим. Фильм пронизан религиозной эстетикой и семантикой, но не официальной (церковь стоит заколоченной), а народной, даже языческой. В этом плане русская деревня предстает хранительницей древней культуры, почти святой нравственности, которая оказывается принесенной в жертву прогрессу/бесу. Весь образный строй фильма, его эстетика реализует модель «жертвоприношения» как поэтапного разрушения гармоничного поэтического мира – «земли обетованной», уничтожения всех ее символов. Фильм начинается сценой прихода в деревню «ангелов смерти» – рабочих, занимающихся расчисткой территории, первым актом которых становится попытка разорения кладбища, затем начинают гореть дома, и заканчивается весь ритуал сожжением основного символа деревни – священного дуба, который веками охранял окружающий его мир. Идея жертвоприношения превращается из художественного образа в реальный акт в заключительных сценах фильма, когда вместе с деревней приговоренными оказываются и ее последние жители, которые не смогли или не захотели покинуть землю предков.

Этот фильм очень сложен для анализа *реальных* религиозных практик, но он несет целостный образ деревни, частью которого выступает религиозность как важнейшее внутреннее качество, присущее народному сознанию и поведению. По нему мы можем судить о глубине религиозности как способа миропонимания, характерного для российской деревни и привнесенного оттуда в городскую среду;

• **использование религиозных символов и элементов поведения в свадебной и похоронной обрядности** (Дело было в Пенькове, 1957, реж. Ст. Ростоцкий; Председатель, 1964, реж. А. Салтыков; Русское поле, 1971, реж. Н. Москаленко; и др.). В целом семейные обряды, связанные с рождением, браком, смертью, относятся к наиболее устойчивым практикам с точки зрения сакральных смыслов и связанных с ними ритуалов. Однако на протяжении советской эпохи происходит их постепенная перестройка: от полного отказа от обрядности в 1920–1930-е гг. к форми-

рованию советского варианта обрядов, во многом повторявшего религиозную традицию.

Следует отметить, что вплоть до 1960-х гг., особенно в сельской среде, преобладала традиционная семейная обрядность, включавшая обязательные элементы религиозных и народных (языческих) практик. Однако сталинский кинематограф эти факты отражал в весьма урезанном виде, оставляя только национальную, народную составляющую обряда (Свинарка и пастух, 1941, реж. И. Пырьев), либо пытаясь наполнить существующую обрядность новым социалистическим содержанием (Шуми, городок, 1939, реж. Н. Садкович; Свадьба с приданым, 1953, реж. Т. Лукашевич, Б. Равенских).

Кинематограф 1950–1960-х гг. начинает более развернуто фиксировать свадьбы и похороны, стараясь сформировать новые образцы обрядности. Эта тенденция в целом совпадает с попытками власти в этот период предложить советским гражданам свою альтернативу религиозной традиции. Кинематограф 1970–1980-х гг. (Однолюбы, 1981, реж. М. Осепьян; Никудашная, 1980, реж. Д. Асанова; Радуница, 1984, реж. Ю. Марухин; Вот моя деревня, 1985, реж. В. Трегубович) отражает те реальные практики, в которых переплелись как черты традиционной, так и новой обрядности, в том числе использование советской символики.

Любопытно, что центральное место в обряде сохраняет проповедь, придававшая всему ритуалу сакральный смысл. Интересным фильмом, отражающим силу и значение слова-пожелания, составляющего главный дискурс любой проповеди, является картина «Желаю вам...» (1987, реж. Ю. Мамин). Главный герой фильма – работник ЗАГСа, регистрирующий все самые важные события в жизни человека, очень ответственно подходит к выполнению своих обязанностей. Он разработал определенный ритуал для каждого случая, главной частью которого является вдохновенная речь о главном в жизни человека – любви, детях, доме, ответственности перед близкими и проч. По сюжету фильма его пожелания имеют свойство сбываться, причем не только хорошие (для их осуществления нужно время и труд), но и плохие. Слово в устах человека становится орудием, которое может служить добру или злу. Истина в общем-то известная, но не теряющая своей актуальности и нуждающаяся в постоянном напоминании, для чего и нужна проповедь;

• *интерпретация библейских сюжетов и религиозных таинств* в сценарном материале кинокартин, в т. ч. сюжетов о возвращении блудного сына, покаянии, прощении, предательстве и искуплении («Билетик на второй сеанс» // «Завьяловские чудики», реж. А. Дубинкин, 1978;

Василий и Василиса, 1981, реж. И. Поплавская; и проч.). Сюжеты о возвращении тиражируются прежде всего в фильмах, посвященных проблемам сельской миграции. Впервые они появляются еще в 1920-е гг., но основным рефреном деревенского кино становятся в 1950–1980-е гг. В этих фильмах нашло отражение современное прочтение библейской притчи о возвращении блудного сына. В 1950–1980-е гг. сюжет о «возвращенцах» встречается десятки раз в различных интерпретациях (Отчий дом, 1959, реж. А. Кулиджанов, Дело было в Пенькове, 1957, реж. С. Ростоцкий; Домой, 1960, реж. А. Абрамов и др.), но с одинаковым финалом: бывший сельский мигрант, когда-то покинувший свою родину по своей или чужой воле, возвращается в родную деревню и переживает нравственное возрождение, находит любовь, смысл и свое место в жизни. Но есть и отличия: если в фильмах 1950-х гг. возвращение героя было его сознательным выбором, то в 1960-е гг. появляются кинокартины, где оно приобретает поистине библейский смысл, подразумевающий покаяние и прощение. В 1960 г. реж. А. Абрамов выпускает кинокартину «Домой», в которой герои (семейная пара) после долгого отсутствия приезжают в отпуск в родной колхоз, где их встречают неприветливо. Но проходит время, отпуск заканчивается, и герои понимают, что не хотят уезжать, и остаются в колхозе. Так они получают прощение. Именно этот сюжет становится рефреном для десятков фильмов о «возвращенцах», снятых позднее. Всего за 20 лет была снята 31 картина на эту тему (Долги наши, 1976, реж. Б. Яшин; Встреча с прошлым, 1966, реж. С. Долидзе; Возвращение чувств, 1979, реж. М. Осипьян; Дорога домой, 1969, реж., А. Сурин; Родное село, 1979, реж. А. Ефремов и др.). Названия этих фильмов говорят сами за себя и доносят до зрителя устоявшийся образ, связанный с осознанием неправильности выбранного в молодости пути, образом покаяния. Призыв к возвращению к своим корням, истокам народной нравственности можно рассматривать как основную мифологему деревенского кинематографа 1960–1970-х гг. Один из позднесоветских фильмов, снятый в 1984 г., так и назывался – «Блудный сын» (реж. М. Гедрис).

Помимо кинокартин о «возвращенцах», которые можно рассматривать как манифест уходящего деревенского мира, традиционной культуры, характерной чертой которой выступает иррациональность, появляются и другие фильмы, обращенные к теме прощения и покаяния, – это наиболее сложные для анализа состояния человека, на которые опираются все религиозные учения и концепты. Данная тематика, в отличие от темы возвращения, имеет более широкое распространение, охватывая не только дере-

венское кино, но и другие направления кинематографа, в том числе детективные и социально-психологические фильмы, очень популярные на рубеже 1970–1980-х гг. и рассматривающие пограничные состояния жизни и души человека. Очень интересен в этом отношении фильм «Василий и Василиса», снятый в 1981 г. реж. И. Поплавской в жанре притчи по одноименной повести В. Распутина. Фильм рассказывает жизненную историю двух человек с выходом на современность. В центре внимания авторов взаимоотношения супругов, связанных детьми, совместной трудной жизнью. В какой-то момент муж поднял руку на жену, потом дал клятву, что это не повторится, и нарушил ее. Этого жена не могла простить мужу вплоть до самой его кончины и только на смертном одре нашла в себе силы для прощения. Идея искупления смертного греха (нарушения клятвы, которую муж дал с соблюдением всех религиозных канонів) и прощения как высшей добродетели человека становится центральной идеей фильма и последовательно раскрывается.

Другой фильм – «Билетик на второй сеанс», входящий в киноальманах «Завьяловские чудики» и поставленный по рассказам В. Шукшина, тоже о деревне, но совсем в другой тональности – это ироническая комедия о вороватом завхозе, которого заела совесть. Он нарушил все Божьи заповеди (не укради, не прелюбодействуй и проч.), и совесть не дает ему покоя, а облегчить душу он не может, так как люди не могут дать отпущения грехов. Вот и мучается человек так, что привиделся ему Николай Чудотворец, которому в пьяном угаре завхоз кается в своих грехах. Правда, в конце фильма оказалось, что это был не святой Николай, а тесть, которого герой не видел двадцать лет.

Несмотря на комедийный характер рассматриваемого кинотекста, в нем поднимается очень важная проблема – место и роль религиозных таинств в жизни человека. Исповедь и отпущение грехов выступают в качестве краеугольного камня любого религиозного учения, они даруют возможность прощения и обновления. Современная (советская) жизнь лишает грешника права на покаяние, так как оно в советской системе ценностей не предусмотрено. В целом эту категорию кинофильмов можно лишь косвенно рассматривать как источник по советским религиозным практикам. Они свидетельствуют о том, что секуляризация не решает этих проблем, и вероятно, не может решить: религия дарует раскаявшемуся человеку прощение, а в светском обществе его нужно заслужить;

• факты религиозной жизни (Конец света, 1961, реж. Б. Бунеев; Председатель, 1964, реж. А. Салтыков; Журавушка, 1968, реж. Н. Моска-

ленко; Блондинка за углом, 1984, реж. В. Бортко и др.). Данная категория включает относительно небольшой список кинолент, где в качестве отдельных сюжетов выступают церковные праздники или ритуалы, в которых участвуют герои. В фильме «Председатель» показаны странники-«слепцы», «именем Божиим» собиравшие подаяние в военные и послевоенные годы. Встречаются образы сельских юродивых – обязательных атрибутов традиционной деревни (Прощание, реж. Э. Климов, 1982).

Динамика репрезентации этих сюжетов интересна. Если в 1950–1960-е гг. участники религиозных действий – это старики и старухи или же «заблудшие души», то в 1970-е гг. – молодое поколение, рассматривающее религию и религиозность как атрибут интеллектуальной жизни (Кто стучится в дверь ко мне, реж. Н. Скуйбин, 1982). Наиболее яркую и отрефлексированную картинку данного феномена демонстрирует фильм режиссера В. Бортко «Блондинка за углом». Один из эпизодов кинокартины колоритно описывает времяпрепровождение советского «полусвета» – людей, уважающих «наши» культурные традиции, в число которых вошло празднование Пасхи, Рождества, Крещения, посещение церкви во время праздничных богослужений и проч. Они старательно носят нательные кресты, зажигают свечи, слушают колокольный звон, но не потому, что веруют, а потому что они «культурные люди» и соблюдают традиции. В этом случае религиозное поведение не является характеристикой религиозности сознания, но отражает новое отношение к религии, сложившееся в годы застоя.

Это движение общества и властей навстречу религии еще более отчетливо проявилось в 1980-е гг. В условиях «перестройки» стал возможен тот «церковный ренессанс», проявления которого мы можем наблюдать и сегодня. Как отмечают социологи, Россия является едва ли не единственной страной в мире, где число религиозных людей растет. Если в 1970–1980-е гг. в Бога верили 7–12% населения, то к 1997 г. их доля выросла до 49–50%, причем удельный вес молодого населения среди верующих стремительно увеличивается [15]. В большей степени это свидетельствует не о генетически высоком уровне религиозности, характерном для российского социума, как иногда считают, а скорее о реакции на снятие запретов с легальной религиозности, всегда порождающей волнообразный компенсаторный эффект.

Таким образом, в течение советского периода происходит заметная трансформация форм как официальной, так и неофициальной религиозности. В основе своей она связана с общими закономерностями секуляризации частной жизни в

условиях модернизации, но имеет и свою советскую специфику. Угнетение естественного проявления религиозности в официально разрешенных формах неизбежно вело к росту религиозности стихийной, представленной в виде суеверий, заблуждений, примет и прочих вариантов иррациональности, с особой силой проявившихся в советскую эпоху. Идеология при всех ее претензиях на многофункциональность, в том числе на приватизацию функций религии, не могла в полной мере ее заменить и на личностном уровне вызвала реакцию отторжения.

Интерпретация информации, заложенной в кинодокументах, требует особой осторожности, поскольку отражает не столько факты, сколько образы религиозных явлений. Художественный кинематограф наиболее аутентично передает информацию об особенностях церковно-государственных отношений на разных этапах их развития, а также о структуре религиозного сознания в позднесоветский период.

В то же время не вызывает сомнений, что художественное кино способно проиллюстрировать и презентовать основные тенденции развития и формы выражения религиозности. Безусловная ценность художественного кино как исторического источника состоит в том, что оно дает возможность изучения в контексте религиозных практик не только социальной группы верующих, но и той большей части населения, которая не избалована вниманием историков-«религиоведов», т. е. «колеблющихся» и неверующих.

Примечания

1. Главное содержание культуры модерна – это максимальное развитие рациональных способов мышления и социальной организации как путь к освобождению от иррациональности мифа, религии, предрассудков, произвола власти, стремление к однозначной (правильной), универсальной интерпретации бытия.

2. Угрюмович Д. М. Психология религии. М., 1986.

3. Пейкова З. И. Отношение к церкви в России и в других странах // Исторический вестник. 2000. № 9–10. URL: http://krotov.info/libr_min/p/peykova.html. (Дата обращения 02.03.2012).

4. См. напр.: Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999): пер. с англ. СПб., 2001; Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002; Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; Русак Вл. История Российской Церкви в XVIII–XX вв. М., 2002; Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1945. Документы и фотоматериалы. М., 1996; Цытин В. История Русской Церкви: 1917–1997. М., 1997 и др.

5. См., напр.: Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000; Голикова С. В. Народная религиозность русского населения Урала XVIII – начала XX веков. Екатеринбург, 2011.

6. См., напр.: Husband W. Godless Communists: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–32. DeKalb, 2000; Luebrmann S. Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic. Bloomington: Indiana University Press, 2011; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009; Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009 и др.

7. Религиозность // Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.

8. См., напр.: Дашкова Т. Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 – начала 1950-х гг. // История страны / История кино / под ред. С. С. Секиринского. М., 2004; Дашкова Т. Визуальная интерпретация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11–12; Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // История страны / История кино / под ред. С. С. Секиринского. М., 2004 (см. также: Отечественная история. 2003. № 6).

9. Особое место занимает так называемое «авторское кино», которое является отражением преимущественно индивидуального авторского видения темы. В этом случае анализ кинотекста будет нацелен на интерпретацию авторской концепции, обычно несущей в себе философские смыслы.

10. См., напр.: Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

11. Энциклопедия представляет собой достаточное полное изложение описаний фильмов советского времени, основанное не только на открытых источниках информации (каталогах киностудий, материалах киножурналов), но и на архивных данных. Однако говорить об абсолютной полноте не приходится. Сравнение описаний энциклопедии с сайтами «Кино – театр», «Русское кино», «Мосфильм», «Ленфильм», а также с информацией ресурса The Internet Movie Database (imdb.com) свидетельствует, что в базе данных энциклопедии есть пропуски, однако они находятся в пределах статистической погрешности и в целом позволяют получить достаточно полное представление о динамике и объемах кинопроизводства.

12. Решения КПСС и Советского государства о религии и церкви. URL: <http://istrorijarossii.narod.ru/oreligii.htm> (Дата обращения 20.02.2012).

13. См. Российское объединение исследователей религии. URL: <http://www.rusoir.ru/03print/02/239/> (Дата обращения 19.02. 2012).

14. Этот же режиссер снял в 1962 г. антирелигиозную комедию «Конец света».

15. Пейкова З. И. Указ. соч.

УДК 002.6:94(470.342)

В. В. Машковцева

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ
ДОКУМЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО ИСТОРИИ ВЯТСКОГО
СТАРООБРЯДЧЕСТВА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В статье рассмотрены основные виды делопроизводственной документации Государственного архива Кировской области, позволяющие охарактеризовать главные направления конфессиональной политики властей по отношению к вятским старообрядцам. Автором проанализированы материалы деловой переписки государственных учреждений.

The article describes the main types of clerical documentation of the State Archives of the Kirov region, allowing to characterize the main lines of religious policy of the authorities in relation to the Old Believers in Vyatka province. The author analyzes the materials clerical correspondence of the government agencies.

Ключевые слова: старообрядчество, делопроизводственная документация, конфессиональная политика, Русская православная церковь, миссионерская деятельность.

Keywords: Old Believers, clerical documentation, confessional politics, Russian Orthodox Church, missionary activity.

К началу рассматриваемого хронологического периода сформировались крупные центры старообрядчества на Вятской земле. Адепты староверия проживали здесь на территории всех уездов, за исключением Котельничского. Официальные власти и Русская православная церковь на протяжении столетий рассматривали старообрядцев как вероотступников. В связи с этим по отношению к ним проводилась активная конфессиональная политика, включавшая в себя как репрессивные, так и увещательные меры. В фондах Государственного архива Кировской области (ГАКО) хранится большое количество материалов по истории староверия. Одним из наиболее информативных источников является делопроизводственная документация, анализу которой посвящена данная статья.

Разновидностью указанной группы исторических источников является переписка вышестоящих органов с подчиненными. Она представлена циркулярами, распоряжениями, предписаниями, запросами и пр. В фонде канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) ГАКО отложились циркуляры министра внутренних дел. Они носят инст-

руктивный, разъяснительный характер и связаны с реализацией на практике того или иного нормативно-правового акта, касающегося положения старообрядцев. В частности, к ним относятся циркуляры, конкретизирующие отдельные положения такого крупного законодательного акта, как указ 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Он свидетельствует о значительной либерализации конфессиональной политики самодержавия по отношению к старообрядцам. Так, например, им были дарованы некоторые гражданские и духовные права, в т. ч. право совершать общественную молитву, исполнять духовные требы, проводить богослужение по своим обрядам. Согласно закону, староверы получили возможность восстанавливать пришедшие в ветхость молельни, не изменяя при этом общий вид здания и при условии предварительного получения разрешения губернатора. По согласованию с министерством внутренних дел и без особой торжественности могло производиться открытие ранее запечатанных молельных домов старообрядцев. Наконец, староверы, вновь с разрешения министра внутренних дел, получили право использовать для организации общественного богослужения уже существовавшие здания. Однако закон требовал, чтобы старообрядческие молельни не имели внешнего сходства с православным храмом; запрещалось также наличие наружных колоколов [1].

Таким образом, спектр духовных прав старообрядцев был существенно расширен. Тем не менее нельзя не признать, что указ 3 мая 1883 г. содержал в себе и ряд ограничений прав и свобод «ревнителю древнего благочестия». Так, например, уставщики, наставники – лица, исполнявшие духовные требы у старообрядцев, по закону не подвергались преследованиям за их деятельность. Однако за ними не признавалось какого-либо духовного сана, им не разрешалось распространять свое вероучение среди адептов Русской православной церкви. Последнее названо в законе «преступным деянием». Кроме того, приверженцам староверия запрещалось «публичное оказательство раскола», то есть крестные ходы, употребление вне домов и молелен монашеского одеяния, публичное ношение икон, пение на улицах «раскольнических песен» [2].

Вышеперечисленных аспектов ограничения прав старообрядцев касается циркуляр министра внутренних дел вятскому губернатору от 30 апреля 1900 г. В частности, в нем идет речь о «заблуждении» старообрядцев-поповцев белокриницкого согласия «относительно истинного характера закона 3 мая 1883 г.». Проявлением этого названо поведение тех служителей старообрядческого культа, которые именуют себя, исполь-

зую терминологию из иерархии духовенства Русской православной церкви. Последнее закон запрещал. Помимо этого министр обращает внимание на недопустимость ношения представителями старообрядческого клира одежды священнослужителей официальной церкви в целях соблюдения п. 11 анализируемого указа. Порицается также организация старообрядцами «самовольных сборищ, именуемых... соборами», издание книг и брошюр в целях пропаганды своего верования. Завершает циркуляр распоряжение министра вятскому губернатору: «Принять меры для пресечения действий раскольников, нарушающих закон 3 мая 1883 г.» [3].

Необходимости установления строгого контроля полиции за старообрядцами с целью выявления и пресечения их «незаконных собраний» посвящен циркуляр министра внутренних дел и более раннего периода. Он вновь адресован вятскому губернатору и датирован 5 февраля 1890 г. Исполняя данное распоряжение министра, губернатор А. Ф. Анисьин адресовал полицейским управлениям циркуляр, содержащий требование обратить особое внимание на деятельность приверженцев федосеевского согласия, среди которых было немало состоятельных купцов [4].

Действительно, предприниматели из числа старообрядцев способствовали поддержанию и развитию общин «ревнителей древнего благочестия». На их средства строились и содержались моленные дома, приобреталась соответствующая религиозная литература, предметы культа и т. п. Они активно помогали материально нуждающимся староверам. Например, в Уржумском уезде Вятской губернии проживали купцы Шамовы и Бушковы. Савва Дмитриевич Шамов содержал на свои средства старообрядческую молельню в деревне Комарово, открытую с разрешения министра внутренних дел, инициировал проведение старообрядческих соборов, приглашая для этого наставников из других губерний. Кроме того, он занимался распространением книг и брошюр в защиту «древнего благочестия». Лесопромышленники Бушковы финансировали молельню староверов в селе Русский Турек. Их роль в развитии старообрядчества подчеркнул миссионер Федор Тихвинский, отметив, что основу турецкой общины составляла «экономическая зависимость населения от щедрот работодателей богатых лесопромышленников – раскольников» [5].

Общей либеральной направленности конфессионального курса Александра II соответствует постановление от 29 ноября 1863 г., согласно которому старообрядцы, не принадлежавшие к «особенно вредным сектам», могли исполнять общественные должности волостного и сельского управления государственных крестьян. Исключе-

ние представляли должности волостного головы и сельского старосты, избираться на которые разрешалось только сторонникам Русской православной церкви. Данное постановление распространялось на Велико-русские и Западные губернии, где часть населения составляли старообрядцы, а другую – адепты официального православия [6]. Разъяснению указанного нормативно-правового акта посвящен циркуляр министра внутренних дел вятскому губернатору от 13 марта 1873 г. В нем подчеркивается, что в случае планируемого избрания старообрядца на ту или иную общественную должность предварительно следовало собрать о нем «подробные сведения» и предоставить их на рассмотрение министра внутренних дел для вынесения окончательного решения. Подобные материалы свидетельствуют об ограничении прав старообрядцев по сравнению с приверженцами Русской православной церкви. И в рассматриваемый хронологический период они по-прежнему воспринимались властями, как светскими, так и духовными, в качестве вероотступников, которых нужно вернуть в лоно официальной церкви. Со временем менялись лишь методы воздействия на старообрядцев: происходило смещение акцента в сторону мероприятий просветительской направленности.

Переписка вышестоящих органов с подчиненными представлена также распоряжениями вятского губернатора, адресованными уездным исправникам. В частности, принимаемая во внимание названный выше циркуляр, губернатор Н. В. Чарыков обратился к вятскому полицмейстеру и уездным исправникам с требованием предоставлять ему «без малейшего промедления» всю информацию о каждом старообрядце, избираемом или уже избранном на ту или иную общественную должность. Исправники должны были выяснить, «к какой раскольнической секте и толку принадлежит... и насколько... привержен к расколу» тот или иной старообрядец [7]. В ответ на данный запрос уездные полицейские исправники составляли соответствующие списки старообрядцев, которые прилагались ими к рапорту вятскому губернатору. Анализ подобных ведомостей позволяет выделить наиболее часто занимаемые старообрядцами должности в системе волостного управления, установить их возраст, социальный статус и принадлежность к тому или иному толку (согласию). В частности, в Малмыжском уезде, согласно данным на 1886 г., 74 старообрядца исполняли общественные должности. Из них 51 – попovцы и 23 – бесполовцы. По своему социальному положению все они являлись крестьянами. Возрастные границы весьма обширны – от 25 до 60 лет. Представление о занимаемых староверами должностях дает нижеприведенная таблица [8].

<i>Должность</i>	<i>Количество старообрядцев</i>
Сельский староста	25
Десятский	23
Волостной судья	10
Сборщик податей	6
Полицейский сотский	4
Волостной старшина	3
Полицейский десятский	1
Волостной заседатель	1
Кандидат в сельские старосты	1

Особую важность имеют замечания исправников относительно поведения старообрядцев, их образа жизни и религиозных воззрений. Так, пристав 3-го стана Малмыжского уезда о сборщике податей – старообрядце поморского толка Д. М. Кузнецове сообщает: «...ведет себя добропорядочно... возложенная на него обязанность им исполняется исправно и влияния на нравственность других исповеданий он не имеет» [9]. Вероятно, последнее замечание касается прежде всего взаимодействия с адептами православной церкви, на которых старообрядцы, с точки зрения властей, могли оказать негативное влияние. Пристав 5-го стана Малмыжского уезда дает в целом характеристику поповцев, проживающих в Сямской и Сельпинской волостях: «Ходят в православную церковь, где наравне с православными христианами молятся за царя и отечество, на исповедь и к святому причастию не ходят и святых икон в свои дома не принимают». Поморцы же, хотя и ведут себя «добропорядочно», но православные храмы не посещают [10].

Распоряжение губернатора Ф. Ф. Трепова от 14 декабря 1895 г. посвящено правилам оформления «вида на жительство» старообрядцам в соответствии с указом 3 мая 1883 г. В частности, губернатор обращает особое внимание уездных полицейских исправников на недопустимость использования терминологии из иерархии православного духовенства применительно к представителям старообрядческого клира. В связи с этим Ф. Ф. Трепов отмечает, что формулировка «священник по старообрядчеству» противоречит действующему закону, способствует «укреплению... раскола, придавая лжесвященству его характер признаваемого правительством учреждения» [11].

Если старообрядцы подавали прошение разрешить им строительство новой молельни или ремонт обветшавшего культового здания, губернатор отдавал распоряжение уездному полицейскому исправнику собрать необходимую для решения возникшего вопроса информацию. Так, исправник должен был предоставить следующие данные: соотношение численности старообрядцев и адептов Русской православной церкви в

данном населенном пункте и близлежащих деревнях и селах; наличие в них старообрядческих молелен; принадлежность староверов к тому или иному толку или согласию; поведение местных старообрядцев и их отношение к приверженцам официальной церкви; лояльность по отношению к властям и т. п. Всю информацию по перечисленным выше пунктам вятский губернатор отправлял в Министерство внутренних дел с приложением своего мнения [12].

Весомый пласт архивных источников является собой переписка равных учреждений. В частности, рапорты благочинных, миссионеров Русской православной церкви служили основанием для составления отношений епископа Вятского и Слободского вятскому губернатору. Как правило, они содержали просьбу принять соответствующие меры с целью пресечения распространения староверия, а в связи с этим – установить полицейский надзор за наиболее активными приверженцами «древнего благочестия», представителями старообрядческого клира. Например, в отношении епископа Вятского и Слободского от 15 марта 1879 г. вятскому губернатору переданы сведения о незаконной богослужебной деятельности старообрядца Ильи Русских в селе Зюздино-Христорождественском Глазовского уезда. Особое внимание преосвященный обращает на совершение им обряда венчания с многочисленными отступлениями от канонов Русской православной церкви. В частности, И. Русских венчает несовершеннолетних или организует названный обряд в непопозволенные дни (в мясопустное воскресенье). Дело о «раскольническом лжепопе» Ильи Русских было рассмотрено Св. Синодом и прокурором Вятского окружного суда. Несмотря на то что И. Русских не был признан виновным в распространении староверия, духовные власти квалифицировали его поведение как вредное для православия. В связи с этим, ссылаясь на соответствующее распоряжение министра внутренних дел, епископ Вятский и Слободской просит губернатора установить за И. Русских строгий надзор со стороны полиции [13].

9 сентября 1903 г. епископ Вятский и Слободской Никон информировал губернатора о приглашении старообрядцами села Волипельга начетчика Пермькова из Саратовской губернии для ведения бесед с православным миссионером. В связи с этим вятский архиерей обратился к губернатору с просьбой отдать соответствующие распоряжения, чтобы «полиция проследила за Пермьковым и не позволяла ему сеять лжеучение среди православных и единоверцев» [14]. Аналогичное обращение Никона вятскому губернатору последовало спустя год – 3 сентября 1904 г., когда стало известно о возможном прибытии Пермькова в село Старая Тушка Малмыж-

ского уезда. Епископ Вятский и Слободской вновь настаивает на установлении жесткого полицейского надзора за старообрядцем-начетчиком, «чтобы он не мог к соблазну православных агитировать путем частных собеседований в частных домах и особенно в присутствии православных лиц против святой православной церкви и ее пастырей» [15]. Обращает на себя внимание датировка событий – начало XX столетия. Уже увидели свет законы 19 апреля 1874, 3 мая 1883 гг., свидетельствующие о либерализации конфессиональной политики самодержавия по отношению к старообрядцам. Однако власти по-прежнему оценивают возможное влияние старообрядцев на adeptов официальной церкви исключительно как негативное и считают первейшей необходимостью пресечь его. При этом, как видно из материалов дела, ставка делается на совместные действия светских и духовных властей – органов полиции и Русской православной церкви. Настаивая на применении мер административно-полицейского порядка, по справедливому замечанию Н. А. Смирнова, православные пастыри тем самым признавали свою несостоятельность противостоять старообрядцам только с помощью их увещевания и назидания.

Реализации вышеобозначенной цели подчинено также обращение епископа Вятского и Слободского Агафангела губернатору относительно недопустимости воспитания старообрядцами детей приверженцев Русской православной церкви. Согласно секретному указу духовной консистории от 22 сентября 1849 г., старообрядцам-поморцам запрещалось «держат в своих домах православных лиц» [16]. Известны случаи, когда староверы игнорировали распоряжения органов власти. В таких случаях епархиальное начальство обращалось к вятскому губернатору с просьбой распорядиться о проведении следствия органами полиции. В частности, Агафангел довел до сведения губернатора, что крестьянин починка Туманура Яранского уезда Григорий Меркушев воспитывал двух детей, родителями которых являлись приверженцы Русской православной церкви, – Марфу Редькину (16 лет) и Василия Денгиных (5 лет). После принятых полицией мер Василий был возвращен в свою семью, Марфа же отказалась жить у родных братьев. Преосвященный ходатайствовал об отобрании Марфы у Григория Меркушева и передаче её православным родственникам. В соответствии с постановлением вятского губернатора полиция провела соответствующую акцию, и с брата Марфы, Тимофея Редькина, была взята подписка в том, что он забирает к себе сестру и обязуется «в дом Меркушева не возвращать её и даже не отпускать к нему на короткое время» [17]. Однако Марфа Редькина вторично не подчинилась ука-

занию властей и вновь вернулась жить к старообрядцу. С помощью полиции она была возвращена в дом брата, а Григория Меркушева обязали подпиской не принимать к себе более Редькину под страхом судебного преследования.

Ценным историческим источником по изучению старообрядчества являются материалы переписки нижестоящих органов с вышестоящими. К таковым относятся рапорты, донесения, представления и пр. В фондах ГАКО отложились многочисленные рапорты священнослужителей, миссионеров Русской православной церкви епископу Вятскому и Слободскому. В частности, они содержат сведения о попытке староверов легализовать свое положение путем распространения «подложных» указов императора и Сената. Таковая имела место быть в 60-е гг. XIX в. Суть распространяемых старообрядцами указов сводится к утверждению обретения ими свободы вероисповедания согласно воле самого императора и разрешения всем «записываться в старую спасенную веру» [18]. Порой староверы называли конкретную дату подписания указа Александром II: например, 1859 г. Вероятно, это связано с желанием придать большую достоверность распространяемой информации. Встречается также четкое обозначение верхней хронологической границы возможности перехода из официальной церкви в староверие – 1862 г. [19] Возможно, тем самым старообрядцы стремились активизировать данный процесс и увеличить число своих сторонников. Так, например, малмыжский окружной благочинный – протоиерей Николай Шибанов – в рапорте епископу Вятскому и Слободскому Агафангелу сообщает о том, что старообрядцы активно распространяют слух о грядущем закрытии всех православных храмов, начиная с апреля 1862 г. При этом все православные служители культа будут изгнаны, поскольку «правительство ныне убедилось, что истинная спасительная вера находится не у православных, а у староверов». В связи с этим «ныне и дана полная свобода переходить из православия в раскол, так что уже никто не смеет преследовать» старообрядцев. Более того, новый закон, по убеждению старообрядцев, разрешает чтение и печать древних, дониконовских книг [20].

Н. Шибанов в своем рапорте приводит вопрос, заданный ему крестьянином-старообрядцем Саввой Пономаревым: «Зачем вы, духовные, зажали указ Государя, которым дозволяется свободно переходить в раскол?» [21] Протоиерей подчеркивает, что крестьяне твердо убеждены в возможности исповедовать старую веру только лишь при условии заявления о своем желании местному начальству и духовенству. Воинствующий настрой старообрядцев, их неприятие православных священнослужителей подтверждает в

рапорте Агафангелу и миссионер Нолинского уезда Михаил Зубарев. Старообрядцы «приходских своих священников не впускают и в дома свои, будучи твердо уверены в том, что ныне предоставлена им свобода» [22].

«Ныне дана свобода и начальство не запрещает: кто хочет, тот и идет в раскол» – так мотивировал легитимность своего перехода в староверие бывший адепт Русской православной церкви крестьянин Демид Решетников. О возникшей ситуации конфронтации в семье Решетниковых сообщил в своем рапорте епископу Вятскому и Слободскому Агафангелу священник Георгий Воецкий. Отец – Алексей Решетников, отчаявшись вразумить сына, потребовал: «...куда будет угодно начальству, но удалить из моего дому и тем избавить мое семейство от расколоучителя» [23]. Самого царя старообрядцы тоже называли приверженцем «древнего благочестия», который защищает их «от волков никонианских» [24].

Помимо этого рапорты миссионеров Русской православной церкви содержат информацию об открытии старообрядческих молелен и школ, совершении староверами таинств крещения, венчания и отпевания, а также богослужений по обрядам дониконовской церкви. Подобные рапорты служили основанием для проведения расследования по распоряжению вятского губернатора. Итогом зачастую становилось закрытие старообрядческого моленной дома, наказание староверов в соответствии с действовавшим законодательством. Все это обостряло и без того непростые отношения «ревнителей древнего благочестия» и духовенства (и в целом – адептов) официальной церкви.

Порой противостояние со стороны старообрядцев перерастало словесные рамки; тогда они применяли физическую силу. В частности, много пришлось претерпеть единоверческому священнику Глазовского уезда Андрею Устюгову за свою миссионерскую деятельность. Соответствующие факты изложены в его рапорте вятскому преосвященному Агафангелу. Так, когда А. Устюгов добился присоединения к Русской православной церкви крестьянина Онисима Веселухина и попытался зайти к нему в дом, отец новообращенного схватил священника за воротник рясы, «толкнул с крыльца своим кулаком... то в грудь, то в спину и так провожал до самой лестницы» с криками: «Прочь-прочь, я здесь хозяин, я сам ребят крещу, тебя знать не желаю». В завершении он так сильно толкнул священника в спину, что тот скатился по лестнице до самого низа [25]. Отход от староверия, обращение в лоно официальной церкви, даже через единоверие, воспринимались старообрядцами крайне негативно – как измена «древнему благочестию». Доказательством тому

является, например, информация, содержащаяся в рапорте миссионера Василия Сырнева епископу Вятскому и Слободскому Аполлосу. Крестьянин деревни Филинской Петр Сентемов порицал своих односельчан за присоединение к Русской православной церкви, публично произносил ругательства в их адрес (называл «собаками») и даже позволил себе применить физическую силу в их отношении.

Религиозные вопросы часто становились причиной обострения внутрисемейных отношений. Старообрядцы жестоко преследовали тех членов своей семьи, которые сохраняли приверженность официальному православию. Обозначенная проблема нашла отражение в рапортах православных миссионеров в Вятскую духовную консисторию. В частности, миссионер Нолинского и Уржумского уездов Василий Мышкин доводит до сведения консистории факты притеснений Григорием Хохловым – старовером – сына Дмитрия и снохи Матрены – адептов Русской православной церкви. Последняя, по словам священника, даже намеревалась покончить жизнь самоубийством, но была остановлена мужем. После увещаний миссионера Дмитрий и Матрена дали обет «неуклонно пребывать в православии» и «во имя Христово» претерпеть все притеснения и гонения со стороны родителей [26]. С просьбой о помощи к миссионеру Глазовского уезда Василию Дьякову обратилась крестьянка Ирина Пешкина. Все члены ее семьи перешли в староверие; она же сохранила приверженность официальному православию. В рапорте в Вятскую духовную консисторию В. Дьяков сообщает, что Ирина Пешкина ежедневно подвергается избиениям со стороны своих домочадцев. Данный рапорт послужил основанием для обращения духовной консистории к вятскому губернатору, который, в свою очередь, предписал глазовскому уездному исправнику принять все необходимые меры для защиты Ирины Пешкиной [27].

Рапорты благочинных и миссионеров позволяют получить представление о взглядах старообрядцев на официальную церковь и причинах их отказа от воссоединения с нею. В числе последних чаще всего фигурирует необходимость соблюдения принципа религиозной преемственности, желание сохранить незыблемой веру предков и передать ее последующим поколениям. Анализируя сложившуюся ситуацию, миссионер Виктор Ардашев в рапорте Аполлосу пишет: «...некоторые из них (старообрядцев. – В. М.), по-видимому, и рады бы оставить свои заблуждения... но боятся нарушить предания своих предков, называя православие “новшеством”» [28]. Староверы не приняли тех обрядовых изменений, которые были введены согласно реформе патриарха Никона. «...В вашей церкви иконы и

книги новые и таинства совершаются не по чину, какой существовал в древней церкви, это-то самое как легло на совесть и оттолкнуло нас от вашей церкви» – так мотивировали свою приверженность «древнему благочестию» старообрядцы Алексей Подьячев и Стефан Соловьев [29]. Действительно, религиозные причины раскола Русской православной церкви доминировали над его социальной сущностью. По словам одного из крупнейших исследователей староверия С. Зеньковского, «без знамени защиты древлего православия боголюбцы и капитоны вряд ли пошли бы на открытый разрыв с церковью» [30]. Еще со времен формулирования концепции «Москва – Третий Рим» на Руси считали истинным и единственно правильным лишь русское православие. Закономерно, что по этой причине русские православные не могли даже допустить мысли о «повреждении» их религиозных обрядов в противовес греческим, требующим исправления [31].

Наконец, старообрядцы негативно отзывались о нравственном облике православных священнослужителей (и адептов Русской православной церкви в целом). В православном храме можно столкнуться «с человеком пьяным, с явным грешником – табащиком» – такую оценку православным прихожанам дали вышеназванные старообрядцы А. Подьячев и С. Соловьев [32]. Не устраивало старообрядцев и взимание платы за совершение духовных треб священнослужителями Русской православной церкви. Отчасти их высказывания, касающиеся обозначенной проблемы, действительно справедливы. Большая часть священников, посвятивших себя работе со староверами, являли собой пример высокой нравственности и безграничной преданности своему делу. Однако среди них встречались и те, кто злоупотреблял своим положением, не отличался чистотой морального облика. Справедливости ради, отметим, что и представители старообрядческого клира служили не бескорыстно, только сами староверы старались не акцентировать на этом внимание, не разглашали данную информацию.

К переписке нижестоящих органов с вышестоящими относятся также рапорты уездных полицейских исправников вятскому губернатору. В частности, они содержат сведения о лицах, подозреваемых или уличенных в распространении старообрядчества. Так, в 1854 г. в Вятку был сослан Егор Гаврилов – «закоренелый и вредный раскольник, один из старшин» на Преображенском кладбище в Москве [33]. За ним был установлен строгий полицейский надзор. Об образе жизни Е. Гаврилова, его поведении, круге общения регулярно сообщает губернатору в своих рапортах вятский полицмейстер. Например, он доводит до сведения губернатора, что старо-

обрядец живет на квартире мещанина Попова скромно и уединенно – «похвально»; выходит только на рынок для приобретения продуктов питания; общается со своей сестрой – Прасковьей Гавриловой, приехавшей в Вятку. Последняя ходатайствовала о разрешении Е. Гаврилову вернуться в Москву. Ее прошение было удовлетворено: согласно постановлению Кабинета министров, Е. Гаврилову позволили вернуться в Москву, но при этом с него была взята подписка «относительно не обнаруживать свою ересь к соблазну православных» [34].

Одно из направлений конфессиональной политики властей по отношению к старообрядцам касается их образовательных учреждений. Весьма обширную информацию о старообрядческих школах, староверах, занимающихся педагогической деятельностью, а также количестве детей старообрядцев, обучающихся в учебных заведениях Министерства народного просвещения, позволяют получить рапорты инспекторов народных училищ директору народных училищ Вятской губернии. Как известно, до издания закона 17 апреля 1905 г. старообрядцы не имели возможности легально открывать свои школы и осуществлять педагогическую деятельность. Строго наказывалось обучение старообрядцами детей адептов официальной церкви. Приверженцы «древнего благочестия» либо давали своим детям домашнее образование, обучая их грамоте по Псалтыри и Часослову, либо открывали школы тайно, без соответствующего разрешения властей. В случае обнаружения они подлежали немедленному закрытию. Несмотря на существовавшую систему запретов, уровень грамотности в среде старообрядцев был выше, чем в среде адептов официальной церкви.

Инспектор народных училищ Нолинского уезда в донесении от 28 февраля 1904 г. отметил, что тайные старообрядческие школы существовали почти во всех крупных деревнях, населенных староверами, особенно в Мальканской и Немской волостях. Инспектор выделил два типа нелегальных школ староверов. В одних детей учили «только механизму славянского чтения... буквосочетательным методом»; обучение письму не предполагалось. В других школах детей готовили к проведению общественных богослужений и с этой целью учили «пению с голоса и по нотам (крюковым)», беглому чтению по славянским книгам, знакомили со старообрядческим уставом [35]. Инспектор народных училищ Малмыжского уезда также указал на существование в старообрядческих селениях тайных школ, в которых велось обучение церковно-славянской грамоте, чтению Псалтыри и молитв. Например, в деревне Хвошанке Вихаревской волости детей учил крестьянин Степан Сухих [36].

Рапорты инспекторов народных училищ содержат информацию о конфессиональном составе учащихся школ, находящихся в ведении Министерства народного просвещения. Изначально старообрядцы выступали категорически против обучения их детей вместе с адептами официальной церкви. В первую очередь их не устраивало совместное изучение Закона Божьего. Однако к концу XIX – началу XX в. процент старообрядцев в министерских и церковно-приходских школах постепенно увеличивается, что является одним из свидетельств нормализации отношений между староверами и приверженцами Русской православной церкви. Например, согласно рапорту уездного инспектора, в 1903 г. в начальных училищах и церковных школах Сарапульского уезда обучалось 357 старообрядцев, что составляет примерно 15,6% от общего числа детей староверов школьного возраста (2295 человек). В Орловском уезде начальные училища Министерства народного просвещения в 1903 г. посещало 296 старообрядцев из 1477 детей староверов школьного возраста (20%), в Глазовском – 312 из 2734 (11,4%), Малмыжском – 470 из 2360 (19,9%) [37].

Таким образом, материалы делопроизводственной документации Государственного архива Кировской области позволяют проанализировать основные направления конфессиональной политики властей по отношению к вятским старообрядцам. В фондах архива содержится большая пласт информации о взаимоотношениях староверов с православным духовенством и адептами официальной церкви. Наконец, ценными являются источники, характеризующие попытки старообрядцев легализовать свое положение.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание третье. Том III. 1883. От № 1293–1933 и дополнения. СПб., 1886. С. 219–220.
2. Там же. С. 220
3. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 582. Оп. 138. Д. 215. Л. 1.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 75. Д. 42. Л. 1.
5. ГАКО. Ф. 811. Д. 669. Л. 3.
6. ПСЗРИ. Собрание второе. Том XXXVIII. Отделение второе. 1863. От 40025 – 40456. СПб., 1866. С. 265.
7. ГАКО. Ф. 716. Оп. 4. Д. 33. Л. 1.
8. ГАКО. Ф. 716. Оп. 4. Д. 123. Л. 165–181.
9. ГАКО. Ф. 716. Оп. 4. Д. 33. Л. 7.
10. Там же. Л. 12–12об.
11. ГАКО. Ф. 716. Оп. 2. Д. 101. Л. 105.
12. ГАКО. Ф. 716. Оп. 5. Д. 22; Ф. 716. Оп. 3. Д. 57, 74.
13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 п. Д. 138.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 144. Д. 351. Л. 1.
15. Там же. Л. 5об.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 11а. Д. 193. Л. 1.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 526. Д. 25. Л. 5–5об.
18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15д. Д. 703. Л. 4.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15д. Д. 977. Л. 3.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15е. Д. 590. Л. 3об.
21. Там же. Л. 5.

22. Там же. Л. 11–11об.
23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15ж. Д. 359. Л. 2об.
24. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15ж. Д. 423. Л. 1об.
25. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15и. Д. 49. Л. 1–1об.
26. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15р. Д. 25. Л. 3об.
27. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15и. Д. 553. Л. 1–7.
28. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15к. Д. 441. Л. 15.
29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15к. Д. 441. Л. 69.
30. Зеньковский С. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 496.
31. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 155.
32. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 к. Д. 441. Л. 69.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 48. Л. 1.
34. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 48. Л. 59об.
35. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2480. Лл. 39об. – 40.
36. Там же. Л. 44об.
37. Там же. Л. 30, 33, 21, 44.

УДК 35.072:94(470)"19/20"

Д. А. Калинина

СИСТЕМА СОПОДЧИНЕННОСТИ ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ*

На основе анализа российского законодательства конца XIX – начала XX в. и оценки исследований ученых в статье сделана попытка воссоздания общей картины сложившейся в России системы взаимодействия органов центрального и местного управления.

Based on the analysis of the Russian legislation the late XIX – early XX century. and evaluation of research scientists in the article is an attempt to recreate the picture in the current Russian system of cooperation between central and local government.

Ключевые слова: система органов центрального управления, органы местного управления, губернатор, подчинение, соподчинение, Россия конца XIX – начала XX в.

Keywords: central government, local government, the governor, obedience, subordination, Russia late XIX – early XX.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области в рамках проекта проведения научных исследований «Взаимодействие системы центрального управления и органов местного управления и самоуправления и их влияние на общественно-политическую жизнь Вятско-Камского региона в конце XIX – начале XX в. (1881–1917 гг.)», проект № 12-11-43004

Совокупность государственных органов и органов самоуправления в конце XIX – начале XX в. можно охарактеризовать как сложную систему, так как она отвечала основным системным признакам: обладала целостностью, общностью условий существования, все элементы механизма управления государства были выстроены в определенной иерархии с четко прописанной системой соподчиненности, между всеми частями государственного института были установлены связи и отношения. Наиболее значимым системным признаком любой действующей модели управления и сейчас остаются связи и коммуникации между органами государственного управления и самоуправления, которые являются главным условием их взаимодействия.

Отношения соподчиненности между центральными и местными учреждениями устанавливали в первую очередь способы воздействия центральной власти на местную администрацию. Целью такого воздействия было проведение единой политики на всей территории империи, своевременное и правильное исполнение решений, имеющих юридическую силу, поддержание порядка и безопасности в регионах, что в целом должно было способствовать сохранению единого государства и власти самодержавного монарха. Первыми подобным воздействием со стороны высших и центральных органов власти подвергались генерал-губернаторы и губернаторы.

Взаимоотношения между центральной и местной властью выстраивались на основе подчинения и соподчинения. Степень контроля над местной администрацией со стороны высших и центральных органов власти в XIX – начале XX в. наглядно иллюстрирует уровень подчинения глав губерний и областей. Известный исследователь института губернаторской власти С. В. Любичанковский выделяет два основных вида подчинения: общее и непосредственное. При общем подчинении над подконтрольным институтом проводится «общее руководство в основном путем установления правил деятельности и осуществления контроля и надзора». При непосредственном подчинении зависимость подведомственного органа намного выше, так как управляющая инстанция берет на себя «решение кадровых вопросов, применение дисциплинарных мер к работникам, элементы непосредственного распорядительства» и т. д. [1] На основании данных критериев можно сделать вывод о непосредственном подчинении глав губерний и областей императору и министру внутренних дел.

Подчиненность и подотчетность губернаторов и генерал-губернаторов была закреплена законодательно, а принцип назначения и снятия с должности волей императора или министра внутренних дел лишал губернаторов какой-либо ав-

тономности от центральных институтов власти. В вопросе о назначении на пост главы губернии заметную роль играл император. Именно он решал все аналогичные кадровые вопросы с момента зарождения системы губернаторства и только с появлением министерств монарх стал делегировать свои полномочия в отношении глав губерний и областей министру внутренних дел. Однако при выборе руководителей ключевых губерний или генерал-губернаторов император принимал самое активное участие, и его мнение было решающим вне зависимости от того, чем он руководствовался в процессе выбора кандидатуры [2]. Министр внутренних дел руководил назначением губернаторов тогда, когда монарх не считал нужным вмешиваться, при этом подобное решение в обязательном порядке оформлялось высочайшим повелением, которое скреплялось подписью императора. Вятская губерния не относилась к числу ключевых, и потому кадровыми вопросами, связанными с руководителями региона, занимался глава МВД. Например, в 1887 г. на пост губернатора Вятской губернии был одобрен действительный статский советник А. Ф. Анисьин [3].

На протяжении конца XIX – начала XX в. неоднократно поднимался вопрос о реформировании системы местного управления и, в частности, процедуры назначения начальников губерний. Из довольно хаотичной ее хотели превратить в детально оговоренный процесс, когда кандидатуры предлагаются министрами, обсуждаются на заседании Комитета министров или Совета министров и только после этого поступают на рассмотрение императора. Подобную практику предложил законодательно закрепить П. А. Столыпин [4]. Однако окончательное решение по поводу реформы местного самоуправления так и не было принято в связи со сложной внутриполитической и международной обстановкой. Правомочия утверждать в должности руководителей губерний оставались в руках высших центральных ведомств и не передавались на усмотрение местного населения в силу необходимости иметь в регионах «своего человека», ставленника, лично обязанного своим назначением и потому послушного проводника высочайших решений и защитника царской власти на местном уровне.

Находясь в непосредственном подчинении министра внутренних дел, губернатор мог получить дисциплинарное взыскание за халатное отношение к должности, невыполнение возложенных обязанностей или ошибки в управлении вверенной ему губернией. Так, в 1892 г. вятскому губернатору А. Ф. Анисьину главой МВД И. Н. Дурново был объявлен выговор за препятствование работе Казенной палаты в условиях конфликта с ее руководителем И. В. Виноградо-

вым [5]. Будучи в ссоре с начальником Казенной палаты, вятский губернатор организовал проверку деятельности этого подведомственного учреждения, на что имел законное право. Однако ревизия проводилась во время составления годового отчета, проводил проверку не лично А. Ф. Аницын, как это должно было быть, а его подчиненные, которые по указанию губернатора требовали доступа к конфиденциальной переписке управляющего Казенной палатой, что выходило за рамки полномочий начальника губернии [6].

Еще одним элементом зависимости глав губерний от высших и центральных ведомств, и в частности Министерства внутренних дел, было право главы министерства и начальников отдельных департаментов издавать распоряжения на имя губернатора. Например, в 1899 г. из МВД был направлен циркуляр о необходимости постоянного наблюдения за тем, чтобы городскими общественными управлениями не взималась плата за место на ярмарках и базарных площадях с лиц, торгующих сельскохозяйственной продукцией [7], или циркуляр от 1900 г. по поводу сектантов и предоставленных прав раскольникам [8]. Министр внутренних дел мог также отменить любое решение губернатора как ошибочное или не отвечающее интересам государства. Так, в Вятской губернии, которая была местом ссылки лиц, находящихся под гласным надзором полиции, были установлены особые ограничения для политических ссыльных, желающих заниматься трудовой деятельностью. На основании этих правил вятский губернатор запретил поднадзорному М. Я. Ситникову заниматься врачебной деятельностью. М. Я. Ситников обратился непосредственно к министру внутренних дел, и запрет был отменен в связи с «отсутствием на то необходимости» [9].

В целом в конце XIX – начале XX в. глава губернии, в подчинении у которого находилось около двадцати местных ведомств, в обязанности которого входили контроль и забота обо всех сферах жизни вверенного ему региона, ответственный за развитие губернии, обладал минимальной долей самостоятельности в принятии решений и вынужден был все свои действия согласовывать с вышестоящим руководством.

Основным каналом воздействия высшей и центральной власти на губернатора была система циркулярных распоряжений и предписаний, исходящих от департаментов Министерства внутренних дел, главы МВД или непосредственно от императора. Письменные распоряжения в зависимости от затрагиваемой области общественной жизни адресовались из разных ведомств, но все они требовали обязательного исполнения и, как правило, отчета о результатах. Глава губернии, являясь посредником между центральной и мест-

ной властью, перенаправлял данные поручения с необходимыми разъяснениями или уточнениями по местным административным ведомствам для исполнения и обязательного отчета о проделанной работе и т. д. по служебной лестнице. С учетом того что Российская империя обладала централизованным аппаратом управления, циркулярные распоряжения касались любых вопросов и детально регламентировали действия местной администрации по их исполнению. Примером может служить циркулярное разъяснение Хозяйственного департамента МВД о порядке установления сроков службы торговых депутатов в городах от 1885 г. [10] или циркуляр Департамента полиции от 1905 г. о появлении агитационных листов консервативной направленности, высказывающихся против революционных организаций, которые следует пресекать, так как подобные листовки «возбуждают одни слои общества против других и могут привести к брожению в массах и погромам» [11].

Немаловажным способом воздействия центральных органов управления на местную власть являлось осуществление главами губерний надзорных функций. В рассматриваемый период после создания системы самоуправления губернатор смог переложить на земства и городские думы большую часть хозяйственных вопросов, как, например, благоустройство городов, сел и деревень, поддержание в порядке дорог и мостов, развитие здравоохранения и образования. Основной задачей начальника губернии стал надзор за исполнением законов и распоряжений и общее наблюдение за развитием региона. Губернатор был основным должностным лицом, которое отчитывалось о состоянии всех дел в губернии перед большинством центральных ведомств. Все губернаторские отчеты делились на специальные, носящие в большинстве случаев единовременный или эпизодический характер, и основные, которые составлялись ежегодно.

К первой группе относилось огромное количество отчетов и сведений. Так, вятский губернатор получал запросы от вышестоящих ведомств на предоставление сведений о городском хозяйстве [12], о дорогах [13], о преобразовании Губернского управления [14], о порядке распределения сборов между Земством и Казной [15], обо всех должностях, существующих по земским и городским управлениям [16], и т. д. В рамках жесткой системы централизации власти с минимальным делегированием полномочий органам местного управления и самоуправления огромное количество таких запросов было вынужденной мерой. Без необходимой информации невозможно было принять правильное решение, касающееся жизни отдельного региона или государства в целом, выяснить уровень развития частей

империи и скорректировать правительственную политику. Начальник губернии, получая подобные запросы, перепоручал сбор необходимых данных подчиненным ему ведомствам, собранные материалы сосредоточивались в Канцелярии губернатора, где составлялся отчет. Огромные трудозатраты и отвлечение чиновников от непосредственных обязанностей потребовали создания Статистического отделения. Помощь губернской и земской статистики позволила облегчить работу местной администрации и передавать из регионов более точные сведения.

К основным ежегодно составляемым данным относились сведения о доходах и расходах города Вятки и уездных городов губернии [17], о составе и размещении политических ссыльных [18] и т. д. Наиболее важным документом, суммирующим деятельность губернатора и органов местного управления, был отчет о состоянии дел в губернии [19]. Составление годовых губернаторских отчетов требовало тесной взаимосвязи губернатора и остальных местных ведомств, поддерживало авторитет главы губернии и формировало практику совместной работы органов центрального и местного управления [20]. Министерство внутренних дел уделяло большое внимание форме таких отчетов и обязательности их исполнения всеми главами губерний и областей. По мнению М. М. Шумилова, МВД использовало практику составления годовых отчетов как способ контроля над губернаторами [21].

Всевозможные отчеты, которые составлялись губернатором и его Канцелярией, относились к формальному контролю со стороны органов центрального и местного управления. Их многочисленность и разнообразность давали возможность губернатору и местным административным учреждениям включать в них недостоверные сведения. Стремясь показать собственные успехи или перенести вину за неудачу, многие губернаторы искажали реальную картину жизни губернии. Поэтому помимо отчетов о состоянии дел в той или иной части Российской империи способом воздействия на местную власть были сенаторские ревизии [22]. Сенаторские ревизии не носили систематического характера и являлись мерой чрезвычайного надзора [23]. Проверка со стороны Сената могла быть направлена на любую часть административного аппарата губернии или области. Итоги этих ревизий и в первую очередь выявленные недочеты доводились до сведения императора и Сената, поэтому подобные проверки считались лучшим методом сбора достоверной информации о регионах и, по мнению историка И. А. Блинова, наиболее надежным способом надзора за губернской администрацией [24]. Сенаторские ревизии, как и отчеты, были направлены на сбор информации с целью ее дальней-

шего использования при корректировке деятельности системы местного управления, которая находила отражение в циркулярах на имя губернатора.

В рассматриваемый период сенаторские проверки в целом негативно отзывались о практике реализации института губернаторства [25] и в качестве сквозного момента среди недостатков деятельности начальников губерний указывали на слишком мягкое отношение губернатора к чиновникам, совершавшим должностные преступления [26]. Подобные дела не доводились до судебного разбирательства, а провинившиеся чиновники, как правило, не увольнялись, а переводились на другую должность. Такая практика имела место и в Вятской губернии. В ночь с 3 на 4 сентября 1904 г. произошло столкновение ссыльного К. Я. Иванова и жандарма Олюнина. Политический ссыльный в телеграмме губернатору, министру внутренних дел и прокурору окружного суда обвинял полицейского в том, что тот в пьяном виде напал на него и шашкой ударил по левой стороне головы, отрубив ухо [27]. Олюнин в свое оправдание заявил, что Иванов специально поджидал его на улице, напал с палкой, которой ударил по правой щеке, и намеревался ударить еще. Олюнин в целях самозащиты обнажил шашку, но, когда это не произвело впечатления, ударил нападавшего [28]. Отсутствие свидетелей происшедшего привело к невозможности выяснить правду, так как обе стороны были заинтересованы в исходе дела и их показания не отличались объективностью. В итоге жандарм Олюнин был подвергнут дисциплинарной ответственности в виде простого ареста с исполнением служебных обязанностей в течение трех недель в г. Вятке.

Среди недостатков работы иных местных ведомств были выявлены бюрократизм, формальный подход к решению даже особо важных дел и низкий образовательный уровень чиновников.

Итак, контроль за деятельностью органов местного управления и в первую очередь за институтом губернаторства осуществляли разные структуры системы государственной власти: император, Сенат, Комитет министров, позднее Совет министров, Министерство внутренних дел и даже реформированный в 1905 г. Государственный совет, который рассматривал все решения главы губернии о целесообразности работы городского и земского самоуправления, а также некоторые дела по контролю за губернаторами [29]. Разнообразие государственных институтов, воздействующих на местные учреждения через надзорные и распорядительные функции, отнюдь не было гарантом эффективности работы губернатора и подотчетных ему ведомств. Отсутствие центрального органа с контролирующими полномочиями, не связанного с местной властью

общими интересами, личными или ведомственными контактами, покровительством, способствовало злоупотреблению служебными полномочиями и снижению реального влияния высших и центральных учреждений на местные.

Примечания

1. Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. С. 83–84.
2. Минаков А. С. Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 3.
3. ГАКО. Ф. 583. Оп. 80. Д. 48. Л. 49.
4. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 731. Л. 6об.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 265. Л. 7.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 191. Л. 78об.
7. ГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 273. Л. 1.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 215. Л. 1.
9. Величкин Н. М. Открытое письмо вятскому губернатору Хомутову // Жизнь. Женева. 1902. № 6. С. 141.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 413. Л. 7.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 215. Л. 11.
12. ГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 186. 128 л.
13. ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 30. 318 л.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 144. Д. 308. 1 л.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 106. Д. 2. 5 л.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 122. Д. 48. 117 л.
17. ГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 9. 190 л.; и др.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71. 21 л.; Оп. 161. Д. 186. 506 л.; и др.
19. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 3а. 24 л.; и др.
20. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблемы взаимоотношений. Орел: Орлик, 2011.
21. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России 50-х – нач. 80-х гг. XIX века. М.: Прометей, 1991. С. 372.
22. Полное собрание законов Т. X. № 10303. § 324.
23. Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход... С. 219.
24. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб.: Типо-лит. К. А. Пенковского, 1905. С. 181.
25. Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход... С. 224.
26. Любичанковский С. В. Практика административного расследования должностных преступлений чиновников в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 38–41.
27. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 106. Л. 11.
28. Там же. Л. 13об.
29. Блинов И. А. Указ. соч. С. 249.

УДК 796.011.3(091)

М. А. Смирнов

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЁЖИ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается организация допризывной подготовки населения и деятельность военно-спортивных комитетов Вятской губернии. Анализируется роль физического воспитания в развитии патриотических чувств и подготовке молодежи к военной службе.

The article deals with the organization of pre-conscription training of the population and activity of military sports committees Vyatka province. The role of physical education in the development of patriotism and preparing young people for military service.

Ключевые слова: физическое воспитание, патриотизм, военно-спортивные комитеты, Первая мировая война, Вятская губерния.

Keywords: physical education, patriotism, military and sports committees, the First World War, Vyatka province.

Первая мировая война оказала огромное влияние на все сферы жизни населения России. Особое внимание государство уделяло физическому воспитанию будущих воинов с целью их подготовки к служению Отечеству, воспитанию патриотических чувств. «Численность армии зависит, во-первых, от количества пригодного для военной службы населения, его физического развития, соотношения рождаемости и смертности» [1]. Армии нужны подготовленные для службы и идеологически правильно воспитанные новобранцы. По мнению Д. А. Отбоевой, в период войны «патриотизм, с одной стороны, становится составной частью общественного сознания, в основе которого лежит любовь к родной земле, языку, традициям, с другой – это же чувство выступает как политический инструмент, как учение о должном, элемент пропаганды» [2]. Физическое воспитание как один из методов воспитания патриотических чувств было использовано на государственном уровне и практически применено в учебных учреждениях Российской империи.

Без грамотного патриотического воспитания и физической подготовки невозможно было создать сплоченную армию и подготовить преданных солдат для службы Отечеству. Один из современников писал: «Для войны требуется сила, ловкость, проворство, мужество, храбрость, вы-

носливость и повиновение дисциплине. Все эти качества наиболее развиваются гимнастикой. Следовательно, если мы в мирное время и с детства не успеем развить этих достоинств, нужных для войны, то не сумеем исполнить нашей священной обязанности защитить свое государство» [3]. Таким образом, был поставлен вопрос о преподавании гимнастики не только для физической подготовки, но и для патриотического воспитания будущих воинов.

В довоенный период прослеживается постепенное нарастание заинтересованности государства, военных, ученых, общественных деятелей в постановке преподавания физического воспитания в виде уроков гимнастики, направленного на телесное развитие и патриотическое воспитание. В учебных учреждениях провинциальной Вятской губернии, одной из первых в Казанском учебном округе, началось преподавание гимнастики с 1871 г. в виде отдельных гимнастических упражнений [4]. С 1872 г. урок гимнастики вводится в Первой Вятской мужской гимназии [5]. А к 1914 г. гимнастика преподается во всех уездах губернии. Особенностью занятий гимнастикой в дореволюционном периоде истории Российской империи была военная квалификация преподавательского состава. С 1888 г. на основании § 25 «Инструкции для преподавания гимнастики» в некоторых учебных заведениях Вятской губернии организовываются военно-гимнастические загородные прогулки, где происходило знакомство с армейской жизнью. Военно-гимнастические загородные прогулки отличались тем, что ученики были одеты в специальную форму «с шинелями по-военному через плечо, обязательным присутствием военного оркестра, частым присутствием именитых гостей-губернатора или командиров батальонов» [6]. Военно-гимнастические прогулки явились стержнем подготовки учеников к службе в пехотных подразделениях, формировали умения пользоваться оружием, амуницией и явились обучающим элементом военно-полевых действий в естественных условиях.

С 1909 г. в учебных заведениях Вятской губернии стали организовывать потешные роты и вводить обучение военному строю [7].

В Российской империи с 1871 по 1914 г. начинает развиваться физическое воспитание в различных вариациях: гимнастика – как урок физического воспитания, военно-гимнастические прогулки и организация потешных рот – как внеурочная физическая подготовка. Проект обучения новобранцев элементам физической культуры для служения Родине в довоенный период можно признать успешным, хотя следует отметить и такие недостатки, как медлительность и неповсеместность внедрения, что напрямую зависело от преподавательского состава и финансирования.

Начало Первой мировой войны оказало влияние на физическое воспитание молодежи. 31 июля 1914 г. началась всеобщая мобилизация в российскую армию. Патриотические призывы к сплочению нации звучали в высочайшем манифесте Николая II: «В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага» [8].

В период боевых действий 1914–1915 гг. были приняты новые меры по развитию физического воспитания. В 1915 г. главнокомандующим физическим развитием народонаселения Российской империи было предложено создать отряды юных разведчиков, на что положительных откликов не было, так как предполагалось это ввести в летний период, а летом ученики, чьи родители в основном крестьяне, разъезжаются по домам и помогают по хозяйству [9]. 1915 год оказался тяжелым для населения Вятской губернии, так как шли военные действия и многие классные комнаты, особенно спортивные залы, превратились в военные госпитали, а ученики помогали своим семьям. Так, в отчете училищный инспектор написал: «В слободе Кукарке не удастся организовать занятий физическими упражнениями в летнее время, так как дети помогают своим родителям, взрослое мужское население ушло в действующую армию и не хватает рабочих рук» [10]. Организация отрядов юных разведчиков большим успехом в провинциальной Вятской губернии не пользовалась.

Для подготовки молодых людей к военной службе и ускорения последующего обучения в войсках высочайшим утверждением 8 декабря 1915 г. вышло «Положение о мобилизации спорта». В собрании указов и распоряжений правительства за 1915 г. № 365, ст. 2746, была введена допризывная подготовка молодых людей. Ее основной целью было облегчить для молодежи усвоение знаний и требований военно-походной жизни и служебной дисциплины, неразрывно связанной с развитием энергии, бодрости духа и осознанием каждым будущим солдатом его долга перед Престолом и Отечеством [11].

Организация допризывной подготовки началась с письменного уведомления губернаторов. Министерством внутренних дел был отправлен циркуляр с патриотическими словами и одобрением создания военно-спортивных комитетов в уездах губерний Российской империи от 31 января 1916 г., № 135104: «Продолжающаяся более 1,5 лет борьба с могущественным врагом потребовала напряжения всех сил государства, дабы поддержать и укрепить военную мощь его для окончательной победы над врагом. Доблестная русская армия нуждается в непрестанном попол-

нении убыли в рядах сражающихся новыми людьми, причем быстрота и качество их подготовки к военной службе в значительной степени должны оказать влияние на достижение общего успеха на театре военных действий. Между тем вновь призываемые люди по своему физическому развитию, выносливости и дисциплине не всегда стоят на высоте требований, предъявляемых современными условиями войны» [12].

В Вятской губернии военно-спортивные комитеты были созданы во всех уездах. В основном комитеты открывались на базе центральных учебных заведений уезда. «В Вятском уезде в Вятской первой мужской гимназии, в Котельничском уезде в Котельничской гимназии, в Елабужском уезде в местном реальном училище, в Уржумском уезде в местном реальном училище, в Яранском уезде в мужской гимназии, в Малмыжском в Малмыжской мужской гимназии, в Сарапульском Сарапульского Алексеевского реального училища» [13]. В порядке исключения в Ижевском уезде комитет работал на базе ижевского завода [14].

Согласно § 14 положения «О мобилизации спорта», утвержденного 8 декабря 1915 г., главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи имел право назначить своего представителя в каждый отдельный комитет. Остальные члены избирались или назначались по представительству губернатора.

Следует отметить, что члены военно-спортивных комитетов были люди достойные и, мало того, каждый из них знал о проблемах физического воспитания в своем уезде и стремился к их решению. Каждый член комитета проверялся на благонадежность Министерством внутренних дел [15]. В основном все они были: преподавателями гимнастики: «учитель Новожильского земского училища Коробов; военными: старший стражник Овечкин в Елабужском уезде, поручик Павлов и штабс-капитан Матвеев в Ижевском; директорами гимназий, в которых преуспели в деле физического развития: директор Елабужского реального училища Воздвиженский, директор Котельничской гимназии Марков, директор Вятской первой гимназии Богатырев, директор Уржумского реального училища Смирнов, директор Глазовской гимназии Пельц, заведующие Быстряковским и Крымско-Слудским двухклассными училищами Елабужского уезда Свинина и Ковалдова, директор Алексеевского реального училища Люминарский; а иногда и представителями местной администрации, так, в Вятском уезде: Шубин, председатель Котельничского уездного земства, начальник 6-го участка: Новоселов, Ижевский местный начальник: Мангуров, Яранский уездный исправник: Стефанов» [16].

Комитеты организовывали съезды, состоявшие из председателя и двух помощников, которые вели

практическую работу в деле допризывной подготовки. Занятия проходили в основном в учебных заведениях, где позволяла спортивная база, на свежем воздухе или в учреждениях военного ведомства. Так, например, военно-спортивный комитет Елабуги организовал обучение верховой езде один раз в неделю по одному часу, пользуясь лошадами стражи, обучение проводил старший стражник Овечкин [17].

Практически допризывную подготовку в Вятской губернии организовали лишь в 1916 г. после циркуляра министра народного просвещения от 30 сентября 1916 г. за № 10108 «О введении допризывной подготовки» [18]. В уездах в срочном порядке создавались военно-спортивные комитеты, которые определяли обучающихся допризывной подготовкой, перечень применяемых упражнений, место ведения занятия – самый большой и подходящий спортивный (гимнастический) зал городского училища и группы учеников определенного возраста. В Сарапуле ученики допризывную подготовку проходили «на базе Сарапульского военно-спортивного комитета с 1 ноября 1916 г.» [19]. В журнале заседаний Сарапульского военно-спортивного комитета отмечено: «Председатель Орлов, товарищи председателя Сергеев, Сухих, представитель военного ведомства подпоручик Алексеев и представитель города Лушников. Предоставлен список 15 учеников, согласована правильная постановка занятий учащихся. Согласовано по возрасту старше 16 лет. Обучение в период всего учебного года не менее чем по 3 часа в неделю. Необходимо обратиться к командиру 166-го полка с просьбой назначить для обучения одного из офицеров полка, желательно сообщить, что допризывная подготовка входит в число общих учебно-воспитательных задач, осуществление коих является конечной целью школьного образования и воспитания вообще. Вознаграждение назначить по 40 рублей в месяц, согласно ст. 7 положения о мобилизации спорта. Выделить помещение в реальном училище» [20]. С 1 ноября 1916 г. были организованы занятия допризывной подготовкой и в городе Малмыже. «Организация занятий Военно-спортивным комитетом поручены унтер-офицеру местной воинской команды Пискунову. Занятия происходят с 14 октября в здании высшего начального училища 2 раза в неделю, по 1,5 урока в день (75 минут). Обучается 27 учеников 4-х и 3-х классов вверенного мне училища и 4 ученика педагогических курсов, всего 31 человек. Военно-спортивный комитет составлен из директора мужской гимназии Воздвиженского (председатель), прапорщика Куимова, председателя съезда земских начальников Довгялло, городского головы Батуева, председателя земской управы Кунгурцева» [21]. В Нолинске составлен список лиц, проходивших курс допризывной подготовки. «Но-

линское народное училище зачислило 20 учеников, изъявивших желание на прохождение физических курсов при местном военно-спортивном комитете, и приступили к прохождению таковых с 13 ноября 1916 г. Ученики 16 лет и старше» [22].

Лица, прошедшие курс допризывной подготовки, имели право на преимущественный, перед прочими нижними чинами равного им образования, за исключением низших чинов, награжденных боевыми наградами или бывших в боях, и бывших народных учителей, прием в школы прапорщиков пехоты при условии удовлетворения всем установленным требованиям для поступления в эти школы, а также преимущественное право на зачисление в учебные команды [23].

Физическое воспитание в виде комплекса мер допризывной подготовки оказало влияние на учащихся Вятской губернии. Патриотическое воспитание в учебных учреждениях региона конца XIX – начала XX в. в рамках физкультурных занятий в основном было с военным уклоном, так как занятия вели отставные или действующие военные, обладающие своеобразной манерой преподавания и армейским опытом.

Спортивная мобилизация охватила все уезды губернии, и лица, готовые к служению Отечеству, организованно проходили физическую подготовку в крупных учебных заведениях уездов. Военно-спортивные комитеты пришли на смену потешным ротам и начали воздействовать и на скаутские дружины, привлекая занимающихся старших возрастов к прохождению курса тренировочных занятий. В ходе мобилизации была выстроена четкая структура государственной системы мобилизационной подготовки.

Допризывная подготовка населения Российской империи имела огромное значение для предвоенного и военного периодов. Государство с помощью мобилизации внутренних процессов в период Первой мировой войны организовало и ускорило развитие различных элементов физического воспитания. Главной целью применения различных элементов физического воспитания служила подготовка к службе в действующей армии и защите Отечества. Практическое применение в масштабах государства физической культуры было действенным методом для подготовки защитников Отечества к выполнению своего долга и воспитания патриотизма, а Первая мировая война стала ускоряющим элементом для физкультурного развития.

Физкультурно-спортивная работа в Вятской губернии велась с 1871 г. с организации физического воспитания, а с 1909 г. дополнилась деятельностью потешных рот и служила основой для системы допризывной подготовки в Вятской

губернии. Особенно активно организация допризывной подготовки в Вятской губернии стала осуществляться с 1916 г., когда были организованы военно-спортивные комитеты. В итоге эти меры привели к основательной спортивной подготовке новобранцев, обучению тактической грамотности и готовности нести военную службу.

После революции 1917 г. советское государство стало создавать свою систему подготовки мужского населения к службе в армии, взяв за основу богатейший опыт, накопленный в Российской империи.

Примечания

1. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 49.
2. Отбоева Д. А. Патриотическое движение в Ярославском крае в связи с началом Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. С. 313–317.
3. Шмидт К. А. Гимнастика в вопросах и ответах: ее история, цель и польза: для сред. и низш. учеб. завед. и для учит. семинарий. СПб.: Лито-тип. Ф. Юргенса, 1877. С. 1.
4. Вятка // Вятские губернские ведомости. 1871. № 86. С. 3.
5. Погудин П. Д. Гимнастика и спорт в средних учебных заведениях казанского учебного округа. Казань: Типо-литография императорского университета, 1912. С. 11; Васильев М. Г. История вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка: Губернская типография, 1911. С. 6.
6. Погудин П. Д. Гимнастика и спорт в средних учебных заведениях казанского учебного округа. Казань: Типо-литография императорского университета, 1912. С. 14; Местный отдел. Первая загородная гимнастическая прогулка учеников Вятской гимназии // Вятские губернские ведомости. 1890. № 32. С. 3; Местный отдел. Гимнастическая прогулка учеников Александровского Вятского реального училища // Вятские губернские ведомости. 1890. № 34. С. 3–4; ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2810. Л. 265, 269; ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2809. Л. 34.
7. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2890. Л. 5, 6.
8. Отбоева Д. А. Указ. соч. С. 313.
9. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3261. Л. 8.
10. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3261. Л. 17, 18.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 32.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 32.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 1а, 14, 15, 19, 28, 36, 47, 57, 66, 70.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 37.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 50.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 1а, 15, 19, 28, 34, 38, 47, 57, 62, 69, 67, 70–74.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 62.
18. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3365. Л. 5.
19. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3365. Л. 4.
20. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3365. Л. 4, 5.
21. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3365. Л. 1.
22. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3365. Л. 2.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 156. Д. 20. Л. 32.

Всеобщая история

УДК 94(7)

В. В. Романов, А. А. Артюхов

ПОНЯТИЕ «ИЗОЛЯЦИОНИЗМА» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ США: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье рассматриваются различные подходы историков и политологов к концептуальным характеристикам «изоляционизма» как одного из ключевых направлений внешнеполитической мысли США.

The article deals with historians' and political scientists' different approaches to conceptual characteristics of "isolationism", as one of the key trend in US foreign-policy thought.

Ключевые слова: внешнеполитическая мысль США, изоляционизм, антиинтервенционизм.

Keywords: US foreign-policy thought, isolationism, non-interventionism.

Внешнеполитическую мысль США принято классифицировать, опираясь на несколько «осей координат». Во-первых, ее основополагающие направления традиционно связывают с наличием двух ключевых политических идеологий современности – либерализма и консерватизма. Во-вторых, при ее типологии зачастую используют и т. н. «ценностные» ориентиры, предполагающие выделение в ней таких парадигм, как «идеализм» и «реализм» (или, по другой терминологии, «морализм» и «прагматизм»). Тем не менее для понимания собственно американских подходов к стратегии своей страны на международной арене наиболее применимым считается третий вариант, который исходит из наличия во внешнеполитической мысли США двух противоположных векторов, получивших название «изоляционизма» и «интернационализма». Нередко в научной литературе вместо последнего термина используют понятия «интервенционализм» или «экспансионизм» [1].

Все три типологии, естественно, опираются на собственную систему концептуальных характеристик каждого из указанных направлений. Многие из этих характеристик можно считать вполне устоявшимися как в академическом, так и в общественно-политическом дискурсе. Так, практически общепризнанными являются суждения относительно базовых постулатов «идеалистического» и «реалистического» подходов к понима-

нию внешнеполитических приоритетов, представленные в многочисленных обобщающих работах по теории международных отношений [2]. Немалую пользу для понимания сущности тех или иных направлений внешнеполитической мысли США несут публикации, посвященные анализу отдельных моделей концептуального оформления глобальной стратегии США в XX в. К их числу можно отнести, в частности, исследования либерального интернационализма, осуществленные в т. ч. и на классических примерах внешней политики президентов В. Вильсона и Ф. Д. Рузвельта [3]. Тем не менее в научной литературе до сих пор не сложилось четкой унифицированной системы концептуальных характеристик «интернационализма» и «изоляционизма» как разновидностей внешнеполитической мысли США. Подобная ситуация может быть отчасти объяснена тем, что дискуссии относительно идейного каркаса, формирующего эти направления, велись длительное время прежде всего на общественно-политическом уровне. Ее участниками преимущественно были журналисты, политики и политические аналитики, которые не ставили перед собой задач теоретического характера. Они зачастую даже и не пытались проанализировать содержательную сторону понятий, которыми оперируют, либо полагаясь на здравый смысл, либо считая эти понятия абсолютно очевидными и не требующими пояснений.

Поэтому довольно часто, по сути дела, одну и ту же внешнеполитическую доктрину называют по-разному. Так, «интернационализм» время от времени в этих дискуссиях называли «интервенционизмом», при этом второй вариант названия, как точно подметил известный российский американист Э. Я. Баталов, чаще используют именно критики данной стратегии [4]. Не является исключением в данном контексте и доктрина «изоляционизма». Наверное, по своей политической значимости она в некоторой степени уступает «интернационализму» [5]. Тем не менее и сегодня «изоляционистские» аргументы активно используются для обсуждения перспектив внешнеполитической стратегии США. В связи с этим нам представляется небезынтересным обратиться к различным трактовкам самого термина «изоляционизм» в научной литературе. В настоящей статье речь пойдет прежде всего о содержательной стороне этого понятия.

Как политическая дефиниция «изоляционизм» вошел в научный лексикон сравнительно недавно. По словам американского историка

Дж. С. Херринга, «термин “изоляционизм” не являлся общеупотребительным до Первой мировой войны» [6]. Более того, долгое время содержательно само слово в общественно-политических дискуссиях имело своеобразную негативную окраску, поскольку использовалось критиками концепции изоляционизма, которая, как правило, противостояла официальной внешнеполитической доктрине. Так, У. С. Коул, говоря о возникновении термина, писал: «Изоляционизм» являлся пренебрежительным термином, придуманным и употреблявшимся в двадцатом столетии, чтобы дискредитировать политику, которой Соединенные Штаты традиционно следовали в период первых ста сорока лет своей независимой истории. Этот термин никогда в полной мере не отражал отличительные черты политики Соединенных Штатов» [7]. Поддерживая данную точку зрения, известный общественный деятель П. Дж. Бьюкенен подчеркивал, что понятие «изоляционизм» и «сегодня используется для посрамления внешней политики, которой Америка следовала со времен Вашингтона до того времени, как Вильсон втянул нас [США. – В. Р., А. А.] в войну, а также двадцатилетнего периода между избранием Гардинга и третьим сроком Франклина Рузвельта» [8]. «Изоляционизм», по образной оценке историка У. МакДугалла, «всего-навсего грязное слово, которым интервенционисты, особенно после Перл-Харбора, швыряют в каждого, кто оспаривает их политику» [9].

Однако понятие «изоляционизм» отражает не только характер общественно-политических дискуссий о приоритетах американской внешней политики. Оно покоится еще и на глубоком смысловом содержании, без осознания которого трудно судить о роли США на мировой арене. Е. Нордлингер, автор одного из наиболее интересных исследований «изоляционизма», рассматривает данную доктрину через призму национальных интересов страны. По его мнению, исторически изоляционизм является прежде всего ключевым компонентом традиционной унитаралистской внешней политики Соединенных Штатов, сдерживающей от «связующих союзов» [10].

Как показывает анализ научной литературы, современные исследователи макростратегических концепций США все еще не достигли консенсуса относительно того, какую именно систему взглядов следует называть «изоляционизмом». В англоязычном политологическом лексиконе, как уже отмечалось выше, существует еще и термин “non-interventionism”, которым иногда заменяют понятие «изоляционизм». При этом само слово “non-interventionism” не имеет общепринятого односложного перевода на русский язык. С точки зрения смыслового значения термина его адекватной трактовкой можно считать «политику

невмешательства (в дела суверенных государств)». Поэтому, на наш взгляд, вполне допустимо использовать для перевода понятия “non-interventionism”, являющегося антитезой более привычного – “interventionism” («интервенционизм»), слово «антиинтервенционизм». М. Смит, авторитетный американский исследователь данного вопроса, на этот счет указывал: «Большинство людей... имеют в виду нечто несколько отличающееся от “изоляционизма”, когда утверждают, что Соединенные Штаты были или должны быть отстранены в политическом или военном отношении от международных дел. Их позиция может быть более корректно определена как “антиинтервенционизм”, что следует понимать как “внешнюю политику политического и военного невмешательства в международные дела или во внутренние дела других стран» [11]. Соединенные Штаты, по словам М. Смита, «иногда следовали краткосрочной политике антиинтервенционизма, более правильно именованной “политикой нейтралитета”. Она началась с провозглашения в 1793 г. Дж. Вашингтоном “Декларации о нейтралитете”, которая оставалась в силе до тех пор, пока несколько лет спустя между Соединенными Штатами и революционной Францией не началось вооруженное противостояние на море». Причиной подмены понятий, с точки зрения М. Смита, могло быть то, что вскоре после своего появления малоизвестный в то время термин «изоляционизм» стали понимать как антитезис к становившейся в свое время все более модной концепции – «интернационализму» [12]. Таким образом, из определения «антиинтервенционизма», данного М. Смитом (которое он скорее ассоциирует с термином «политика нейтралитета»), можно выделить две составляющие – военное невмешательство и политическое невмешательство.

М. Смит в двух цитируемых выше научных статьях, выходящих в разное время, предлагает две несколько отличающихся дефиниции изоляционизма, который он отождествляет с понятием «жесткий антиинтервенционизм» (“strict noninterventionism”). Его более раннее определение изоляционизма звучит как «политика воздержания от экономических и политических отношений с другими странами», тогда как согласно его более позднему определению изоляционизм «включает в себя экономический протекционизм, военное невмешательство в дела других государств и культурную изоляцию». «Наилучшие примеры изоляционистской внешней политики, – добавляет он, – представляют собой Китай XVII в., Япония XVIII в., Корея XIX в. или Северная Корея XX в.» [13].

Как нетрудно заметить, в первом варианте определения М. Смита присутствуют две состав-

ляющие: политическое невмешательство и экономическая изоляция, тогда как во втором – три: военное невмешательство, экономическая изоляция и культурная изоляция. Более раннее определение, данное им, не содержит упоминания ни о культурной изоляции, ни, что, на наш взгляд, довольно странно, о военном невмешательстве, и оттого оно выглядит менее проработанным. Однако и второе определение не оставляет нас без недоуменных вопросов: по нашему мнению, логично было бы предположить, что более позднее определение изоляционизма (в этой же статье отождествляемое Смитом с понятием «жесткий антиинтервенционизм» и позиционируемое им же как расширительное значение термина «антиинтервенционизм») должно было бы включать в себя обе составляющие предлагаемого им определения термина «антиинтервенционизм», а именно политическое невмешательство и военное невмешательство, однако на этот раз уже политическая составляющая в его более позднем определении, по не вполне понятной нам причине, вниманием обойдена.

Сотрудник Гарвардского университета Б. Ф. Браумеллер, посвятивший проблеме изоляционизма специальное исследование, согласен с наличием в определении изоляционизма политической и военной составляющих. Однако в своих рассуждениях он полностью обходит вниманием экономическую и культурную стороны данной внешнеполитической стратегии. При этом Б. Ф. Браумеллер добавляет, что концепция изоляционизма должна подразумевать не только факт изоляции в той или иной форме некоторого государства от международного сообщества, но и наличие свободы действий у этого государства, предполагающей возможность самостоятельно выбирать степень интенсивности различных составляющих своей внешней политики. Он считает заблуждением относить, в частности, Северную Корею к изоляционистским государствам, так как она оказалась в ситуации изоляции во многом не по своей воле. С точки зрения Б. Ф. Браумеллера, она периодически проявляет желание усилить свое присутствие на международной арене, чтобы проводить выгодную ей линию политики. Тем не менее для этого ей чаще всего не предоставлялось соответствующей возможности. Кроме того, он убежден, что изоляционизм может ограничиваться какой-то одной зоной действия, например «географической» или некоторой другой. В связи с этим Б. Ф. Браумеллер предлагает свое определение: ««изоляционизм» – это добровольное самоустранение государства от осуществления воздействия на... политические процессы в некоторой области системы международных отношений, на которую у него существует возможность оказывать влияние» [14].

Таким образом, определение «изоляционизма» Б. Ф. Браумеллера больше похоже на определение «антиинтервенционизма» М. Смита, к которому добавляется условие добровольности самоустранения от интенсивной внешней политики, а также возможность ограничения тем или иным регионом мира. В отношении фактора добровольности как неотъемлемой части определения изоляционизма, предлагаемого Б. Ф. Браумеллером, следует, однако, выразить некоторые сомнения. По нашему мнению, любые активные действия на международной арене, проводимые даже самым могущественным актором международной политики, могут быть сопряжены с некоторым риском, и степень добровольности отказа от них может представляться весьма условной и определяться парадигмой, в которой оцениваются возможные риски.

Б. Р. Позен, профессор политологии из Массачусетского технологического института, и Э. Л. Росс, профессор в области национальной безопасности из Военно-морского колледжа США, в одной из своих совместных статей, посвященных альтернативным внешнеполитическим концепциям США, так же как и Б. Ф. Браумеллер, обходят своим вниманием экономическую и культурную составляющие изоляционизма. При этом стоит отметить, что они, однако, оговариваются тем, что доктрина изоляционизма, как и любая другая внешнеполитическая альтернатива, все же должна содержать экономическую составляющую, которой, по их мнению, следовало бы посвятить отдельное исследование. Вместе с тем их позиция относительно того, как именно экономическая составляющая должна соотноситься с исследуемой нами концепцией изоляционизма, исходя из данного уточнения, не становится яснее. В связи с этим мы считаем возможным полагать, что позиция Б. Р. Позена и Э. Л. Росса заключается в послышке, что в основе этой идеологии лежит именно политическое и военное невмешательство в международные конфликты и в дела суверенных государств [15], что также делает изоляционизм в их трактовке более похожим на антиинтервенционизм М. Смита. В варианте трактовки концепции изоляционизма, предлагаемой Б. Р. Позеном и Э. Л. Россом, важное место занимает необходимость избегать участия в постоянных альянсах, таких как НАТО, которые связывали бы Соединенные Штаты недвусмысленными военно-политическими обязательствами в отдаленном будущем. Любые усилия, направленные на поддержание мира в рамках подобной структуры, очень быстро могут превратить Соединенные Штаты в сторону конфликта. Вопрос о необходимости продолжения участия США в иных международных организациях невоенного характера им представляется дискус-

сионным. Так, участие в деятельности организаций, координирующих международные усилия по повышению качества жизни, с точки зрения этих исследователей, не будет противоречить доктрине изоляционизма [16].

Некоторые исследователи, затрагивавшие в своих работах варианты трактовки понятия изоляционизма, полагают, что именно воздержание от заключения постоянных военных союзов является наиболее важной составляющей доктрины изоляционизма. В частности, авторитетнейший американский историк А. М. Шлезингер-мл. уверен, что «изоляционизм» никогда не подразумевал изоляцию Америки от остального мира, а его сутью было именно воздержание от принятия на себя перманентных военных обязательств перед другими странами и сохранение у государства ничем не стесненной свободы действий [17]. Другими словами, именно отказ от заключения постоянных военных союзов, по мнению А. М. Шлезингера-мл., лежит в основе политики изоляционизма.

Подобную точку зрения в отношении несовместимости военных союзов с идеалами изоляционизма разделяет и упоминавшийся выше М. Смит. Он подчеркивает, что заключение временных союзов, отвечающих текущим интересам государства, вполне согласуемо с концепцией изоляционизма. Напротив, постоянные союзы входят с ней в противоречие. М. Смит пишет: «Сохранение независимости, конечно, не является в принципе несовместимым с заключением союзов, но следует делать важное различие между временными союзами и постоянными» [18].

Б. Ф. Браумеллер выступает с критикой вышеизложенной позиции. Он полагает, что стремление избегать постоянных альянсов следует исключить из общего определения изоляционизма, поскольку такой показатель может являться лишь формой, но не содержанием изоляционизма. Изоляционистское государство, по его мнению, вполне может сторониться заключения постоянных военных союзов, но причиной подобной стратегии может быть отнюдь не только стремление к изоляции. В связи с этим он напоминает об особенностях традиционной внешней политики Великобритании, частью которой уже с XVII в. в течение столетий являлось сохранение в Европе баланса сил. Осуществление данной целевой установки на практике предполагало, что Великобритания, как правило, поддерживала более слабые государства, для того чтобы иметь возможность вместе с ними противостоять наиболее сильному государству, что исключало бы, таким образом, вероятность установления гегемонии последнего. Частью такой политики, несомненно, должно было являться воздержание от заключения постоянных военных альянсов, притом что,

по мнению Б. Ф. Браумеллера, ее в таком случае чрезвычайно сложно было бы назвать изоляционистской [19]. С точки зрения Б. Ф. Браумеллера довольно трудно не согласиться, и стремление воздерживаться от заключения перманентных военных союзов само по себе, по-видимому, действительно не всегда будет являться свидетельством следования политике изоляционизма. Однако, по нашему мнению, общее определение изоляционизма все же должно включать в себя условие невозможности состояния в постоянных военных альянсах.

Р. Дж. Арт применительно к содержательной стороне определения пишет следующее: «Я использую термин “изоляционизм” для описания ситуации, в которой Соединенные Штаты не имеют обязывающих военных союзов в мирное время и все их сухопутные и военно-воздушные силы находятся в пределах территории своего государства. ...В этой связи я своим определением не утверждаю ни того, что Соединенные Штаты по нему должны быть отстранены от политического вмешательства в международные процессы, ни того, чтобы они являлись экономической автаркией» [20]. Таким образом, из определения, предложенного Р. Дж. Артом, можно выделить лишь составляющую военного невмешательства и условие невозможности участия в военных альянсах.

Таким образом, изучение точек зрения ряда американских историков и политологов позволяет заключить, что понятия «антиинтервенционизм» и «изоляционизм» синонимами все же не являются. Оценивая смысловое наполнение рассмотренных терминов, выскажем и свою точку зрения. Касаясь первого термина, можно согласиться с точкой зрения М. Смита, понимающего под словом «антиинтервенционизм» внешнеполитическую концепцию «военного и политического невмешательства в международные дела и во внутренние дела суверенных государств». «Изоляционизм», по нашему мнению, следует трактовать более широко, как внешнеполитическую макростратегию военного и политического невмешательства в международные дела и во внутренние дела суверенных государств, сопряженную с экономическим протекционизмом и культурной изоляцией, а также с невозможностью состоять в постоянных военных альянсах, с сохранением, однако, возможности участия во временных военных союзах, отвечающих текущим интересам государства и в постоянно действующих международных организациях невоенного характера. Данные терминологические уточнения позволяют более адекватно использовать имеющийся понятийный аппарат при рассмотрении не только исторических традиций, но и современного состояния «изоляционистского» вектора внешнеполитической мысли США.

Примечания

1. Малащенко И. Е. США: в поисках консенсуса. Внешнеполитические ориентации в американском массовом сознании. М.: Наука, 1988. С. 19–36; Категории политической науки / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО (У) МИД РФ, РОССПЭН, 2002. С. 593–608; Encyclopedia of American Foreign Policy: Studies of the Principal Movements and Ideas / ed. by A. DeConde [et al.]. Vol. 1–3. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 2002. Vol. 2. P. 241–258, 337–352. Vol. 3. P. 311–328.

2. См.: Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002; Современные теории международных отношений / под ред. В. Н. Копышева, А. А. Сергунина. М.: РГ-Пресс, 2013.; Crawford R. M. A. Idealism and Realism in International Relations. Beyond the Discipline. L.; N. Y.: Routledge, 2000; Griffiths M. Realism, Idealism and International Politics. A Reinterpretation. L.; N. Y.: Routledge, 2002.

3. См.: Робертс А. Д. М. Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003; Романов В. В. В поисках нового мирового порядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005; Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998; Ambrosius L. E. Wilsonianism: Woodrow Wilson and His Legacy in American Foreign Relations. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002; FDR's World: War, Peace, and Legacies / ed. by D. B. Woolner, W. F. Kimball, D. Reynolds. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002; Steigerwald D. Wilsonian Idealism in America. Ithaca: Cornell University Press, 1994.

4. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 240.

5. Posen B. R., Ross A. L. Competing Visions for U. S. Grand Strategy // International Security. Vol. 21. № 3. Winter 1996/97. P. 7; Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 236.

6. Herring G. C. From Colony to Superpower: U. S. Foreign Relations Since 1776. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 6.

7. Cole W. S. Determinism and American Foreign Relations during the Franklin D. Roosevelt Era. Lanham, Maryland: University Press of America, 1995. P. 92.

8. Buchanan P. J. A Republic, Not an Empire: Reclaiming America's Destiny. Washington, D. C.: Regnery Publishing, inc., 1999. P. 49.

9. McDougall W. A. Promised Land, Crusader State: the American Encounter with the World since 1776. N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1997. P. 40.

10. Nordlinger E. A. Isolationism Reconfigured: American Foreign Policy for a New Century. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 4–5.

11. Smith M. The Myth of American Isolationism. Part I: American Leadership and the Cause of Liberty. Washington D. C.: The Heritage Foundation, 2010. P. 2.

12. Smith M. Neither Isolationist nor Noninterventionist: The Right Way to Think About Foreign Policy. Washington D. C.: The Heritage Foundation, 2011. P. 1–2.

13. Smith M. The Myth of American Isolationism. P. 2; *Idem*. Neither Isolationist nor Noninterventionist. P. 1.

14. Braumoeller B. F. The Myth of American Isolationism. Cambridge: Harvard University Department of Government, 2010. P. 7–8, 10.

15. Posen B. R., Ross A. L. Competing Visions for U. S. Grand Strategy // International Security. Vol. 21. № 3. Winter 1996/97. P. 6, 11.

16. *Ibid*. P. 11–12.

17. Schlesinger A. M. The Cycles of American History. Boston: Houghton Mifflin Company, 1999. P. 58.

18. Smith M. The Myth of American Isolationism. P. 4.

19. Braumoeller B. F. *Op. cit.* P. 8.

20. Art R. J. A Defensible Defense: America's Grand Strategy after the Cold War // International Security. Vol. 15. № 4. Spring 1991. P. 6.

УДК 327.2:32.001

Т. А. Грищенко

«ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ» З. БЖЕЗИНСКОГО: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ОСНОВНЫЕ ИДЕИ

В статье исследуются политические и личностные факторы, а также некоторые компаративные аспекты возобновленного интереса З. Бжезинского к советологии в середине 1980-х гг., его взгляды на СССР как долговременного геостратегического соперника США и выдвигавшее им предложение Америке придерживаться геополитических установок в ее усилиях взять верх над Советским Союзом.

Political and personal background, as well as some comparative aspects of Z. Brzezinski's renewed interest in the Soviet studies in the middle of the 1980's, his perception of the USSR as a long term geostrategic rival of the USA and his suggestion, that the latter might adhere the geopolitical tenets in its own efforts to prevail over the former are studied in the article.

Ключевые слова: Збигнев Бжезинский, геостратегия, советология, геополитические концепции.

Keywords: Zbigniew Brzezinski, geostrategy, Soviet studies, geopolitical concepts.

В конце XX – начале XXI столетия З. Бжезинский прочно закрепил за собой репутацию ведущего международного стратега, к мнению которого прислушивается вся американская политико-формирующая элита. Его «новая геостратегия» стала едва ли не наиболее известной системой взглядов, объясняющей состояние международных отношений и предлагающей интеллектуальные ключи к реализации интересов США в мире. Между тем обращение З. Бжезинского к геостратегической проблематике произошло еще в первой половине 1980-х гг., и знание того, каковы были исторические и личностно-интеллектуальные обстоятельства этого события, немаловажно не только для объяснения дальнейшего развития его международно-теоретических воз-

© Грищенко Т. А., 2013

зрений, но и для понимания истории американской внешнеполитической мысли.

Поворотное событие в биографии З. Бжезинского – завершение правительственной деятельности в связи с поражением команды Дж. Картера на выборах 1980 г. – совпало с важными сдвигами в мировой политике и соответствующими им действиями рейгановской администрации. Второй раз за годы своей общественно-политической деятельности З. Бжезинский оказался в оппозиции к Белому дому (первый – во времена Р. Никсона – Г. Киссинджера). Но если несогласие с рейганистами было неабсолютным и недолговременным, то интеллектуальный вызов, брошенный международными реалиями недавнему «великому визирию» Белого дома (так полусуто величал он себя в одном из интервью конца 1980 г.) [1], был куда более серьезным. Войдя в коридоры верховной власти с признанной репутацией яркого советолога 1960-х гг., а в первой половине 1970-х гг. – толкователя американских интересов и возможностей в «техно-эру», теперь З. Бжезинский нуждался в обновлении своих аналитических и концептуальных ресурсов.

Между тем в начале 1980-х гг. Москва снова начала приковывать к себе озабоченное внимание политиков мира. Углубление внутреннего кризиса СССР (экономика, геронтократический Кремль, общественный скептицизм), умноженного на все еще значительные возможности страны влиять на мировую историю (Афганистан, Польша, сателлитные режимы и политические силы) не могли оставить З. Бжезинского равнодушным к сверхдержаве, которая, ко всему прочему, непосредственным образом была причастна к драматическим поворотам в судьбе его польской родины. Сумма вышеупомянутых факторов, а также стремление З. Бжезинского раскрыть новую страницу в своей интеллектуальной биографии и сформировали исходные условия для его обращения к анализу природы и проблем советской сверхдержавы, а следовательно, и американо-советских отношений под новым углом зрения.

Первым значительным шагом на пути выполнения этой задачи стал доклад, представленный им на научной конференции в Оттаве, состоявшейся в ноябре 1983 г. [2] Своими положениями он, несмотря на ассоциативную связь с хрестоматийными идеями Дж. Ф. Кеннана, производил впечатление весомой попытки выдвинуть новую версию теории внешнеполитического поведения СССР. Экономическая второстепенность и идеологическая недееспособность СССР, полагал З. Бжезинский, свели его возможности к военной «одномерности», а следовательно, лишили возможности действовать «в способ, традиционный для мировых держав». Самым главным сво-

им следствием для мира эти реалии имели неспособность СССР к «конструктивному и постоянному лидерству» в случае занятия места США как первостепенной мировой державы. Ущербность советской сверхдержавы, полагал аналитик, усиливает традиционные доктринерско-советские подозрения относительно близлежащего мира и, что является особенно опасным, приводит к отрицанию мирового статус-кво, «бессмысленному поведению» в отношениях с Америкой и в конечном итоге к тому, что «политика последовательного подрыва американского глобального первенства является ключевым аспектом исторического самоопределения Советского Союза как глобальной силы» [3]. Все это подводит, – отмечал исследователь, – к более широкому обобщению. Реальную угрозу Западу составляет не то, что Советский Союз когда-то построит Пак Советика, а то, что в желании занять место США он приведет к «глобальной анархии, от которой будут страдать все» [4]. Одновременно «одномерная» советская сверхдержава подвергает себя риску перенапряжения и крупномасштабной катастрофы внешнего происхождения. «Учитывая это, – резюмировал З. Бжезинский, – осуществляемая Москвой стратегия преднамеренной эксплуатации глобальной неразберихи может обернуться для нее исторической катастрофой» [5].

Отмечая фундаментальные слабости СССР, З. Бжезинский, однако, не допускал в первой половине 1980-х гг., что главный антагонист Америки сойдет с исторической арены в предсказуемом будущем. По мнению стратега, в конце 1980-х Советский Союз мог погрузиться в масштабный внутренний кризис, который, тем не менее, «вероятно будет сдержан чрезвычайно структурированной и бюрократически догматичной советской политической системой» [6]. Зато советский антагонист имел перспективу маргинализации в глазах Вашингтона, который с растущим вниманием должен был присматриваться к новому «определяющему конструктивному фокусу мировой политики» – тихоокеанскому региону. З. Бжезинский придавал этой тенденции такой вес, что даже приходил к выводу, что «новый стратегический треугольник – Соединенные Штаты, Япония и Китай» – должен был приобрести большее значение, чем НАТО [7]. Эти свои тезисы аналитик вмещал в контекст более широкой концепции формирования в 1980-х гг. «постевропейского» (то есть такого, который определялся свертыванием американо-советского противостояния в Европе) международного порядка и «подлинно глобальной международной системы». Единственно для США оправданной политикой при таких обстоятельствах, по его мнению, была политика «конструктивного глобализма» [8].

Изменения в мире и трансформация американского общества в годы правления президента Р. Рейгана наряду с осмыслением собственного правительственного опыта создали почву для поисков З. Бжезинским обновленных теоретических подходов. Ни одна из методологических позиций, исходя из которых в прошлом он выстраивал свой мирополитический анализ, в новых условиях не выглядела оригинальной и общественно продуктивной. Вот почему З. Бжезинский решил презентовать свой консолидированный взгляд на отношения из СССР в первом значительном послевластном труде, который, как было понятно уже с его первых страниц, базировался на традициях классической англо-американской геополитики первой половины XX в.

В текстах З. Бжезинского конца 1970-х – первой половины 1980-х гг. встречалась терминология, которая лексически и семантически воспринималась как геополитическая («геополитический», «дуга кризиса», «три стратегические взаимосвязанные зоны» и тому подобное). Однако опубликованная в 1986 г. монография «План игры. Геостратегические рамки ведения Америкой соревнования с Советским Союзом» была отмечена новаторством, которое действительно делало ее значительным событием в процессе поиска американским политико-формирующим слоем ответов на вызовы мирового развития. Книга основывалась на трех главных посылах и содержала ряд рекомендаций для Америки. Во-первых, автор стремился убедить в том, что истинный государственный подход предусматривает осознание всей значимости пространственно-географических факторов большой международной политики. Во-вторых, он выдвигал концепцию, согласно которой американо-советское противостояние было столкновением двух империй, которому были присущие черты как классических межимперских поединков, так и уникальные особенности. В-третьих, отмечал исследователь, главной сценой, на которой разворачивается американо-советское соревнование, является Евразия, и в этом соревновании задействованы другие страны-участницы, часть из которых имеет особые геополитические ролевые функции [9].

Свою книгу З. Бжезинский начал с эпизода, о котором ему, как он будет вспоминать позднее, рассказал министр иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншер [10]. Когда в начале 1985 г. последний посетил с визитом Москву, его принял в служебном кабинете глава советской дипломатии А. Громыко. В порыве неожиданной дружелюбности хозяин открыл одну из дверей в комплексе служебных помещений министра и пригласил его в небольшую комнату, оказавшуюся вторым рабочим кабинетом. Удобное кресло в нем расположилось напротив повешенной на сте-

не большой карты мира. «Около часа, – сказал А. Громыко, – я ничего, не делая, просто сижу, рассматривая карту, и размышляю» [11]. «Просто, но впечатляюще!» – восхищался З. Бжезинский советским внешнеполитическим старейшиной, работавшим с девятью американскими госсекретарями, и отмечал, что вряд ли многие из них «потратили долгие часы в глубоких размышлениях об исторических и геополитических императивах, которые формируют отношения страны с миром» [12]. «Вероятно, – продолжал З. Бжезинский, – карта может не только учить, но и дезориентировать, она не способна отобразить экономическое могущество, отразить такие не вещественные факторы, как социальная креативность и инновационность в высоких технологиях или культурный динамизм. Однако отбрасывание “территориального взгляда на внешнюю политику” является другой распространенной ошибкой государственных мужей. Этот взгляд позволяет сосредоточиться на потаенной связи между географией и политическим могуществом, территорией и народом, историческими импульсами и геополитическими приоритетами». «Без нее, – отмечал исследователь, – внешней политике недостает крайне необходимой связи между национальным могуществом и глобальной стратегией» [13].

Переходя к своей концепции «двух империй», З. Бжезинский констатировал то, что американо-советские отношения были не просто классическим историческим конфликтом между двумя сверхдержавами, но и противостоянием двух имперских систем, которое впервые в истории велось за глобальное господство. Примечательной чертой конфликта Вашингтона и Москвы было и то, что он был «наследником» старых, традиционных и геополитических столкновений между большими океаническими и господствующими сухопутными державами. В этом смысле Соединенные Штаты были наследниками Великобритании, которой предшествовали Испания и Голландия, а Советский Союз имел своими предшественниками Германию или наполеоновскую Францию. Кроме такой геополитической несовместимости, которая, исходя из исторического опыта, отличалась особенно длительным и непреодолимым характером, две новейшие сверхдержавы были разделяемы рядом глубоких отличий. Они касались: 1) исторического опыта, который сформировал «политическое подсознательное» каждой нации; 2) философских ценностей, которые или формируют национальное мировоззрение, или «формализуются через идеологию»; 3) политической организации и политической культуры, которые определяют то, как принимаются решения; 4) взаимосвязи между «духовным и политическим, которая помогает

определить внутреннее содержание человеческого индивидуума»; 5) экономической организации; 6) жизненных стилей, которые отражают личностное стремление к самовоплощению; 7) идеологической привлекательности двух систем, которая определяется тем, как они воспринимаются в мире; 8) исторических циклов, через которые прошли две большие нации в процессе подъема, пребывания в расцвете и упадка их витальности и могущества (Америка – на вершине или даже прошла ее, а Советский Союз все еще в состоянии стремления состояться как Третий Рим, а следовательно, жаждет преобладания и готов ради этого идти на жертвы); 9) дефиниции исторической победы, которая опосредованно влияет на формирование текущей цели (американский идеал «всемирного мира» и демократии против советского стремления «обогнать Америку» и превратиться в центр социалистического мира и Евразии, свободной от присутствия американского соперника) [14]. Соперничества такого размаха, отмечал автор, исторически выливались в войну. К счастью, этого не случилось из-за действия могучего сдерживающего фактора – ядерного оружия.

Имперский аспект американско-советского соперничества, – подчеркивал З. Бжезинский, – добавляет последнему свои важные характеристики. Употребляя термин «империя» как «морально нейтральный» и необходимый для описания «иерархической системы политических отношений, которые идут от центра», исследователь акцентировал внимание на принципиальных отличиях между двумя имперскими образованиями. Московская империя имела три слоя: Великороссийскую империю, в которой 135 млн великороссов доминировали над 140 млн нерусских; Советскую империю, которую формировали сателлитные восточноевропейские государства, Афганистан и Монголия; Коммунистическую империю, к которой принадлежали советские клиенты наподобие Кубы, Вьетнама, Анголы и Северной Кореи. Американская имперская система, которая на началах своего формирования напоминала русскую, сформировалась в полной мере лишь после Второй мировой войны. Ее примечательной чертой был «неохотный империализм», проявлением которого стали перманентные дискуссии в американском обществе относительно целесообразности владения имперской структурой. По своему строению она характеризовалась географической разбросанностью и цементировалась через множество не прямых связей. В ее составе были «протектораты» (Западная Европа, Канада, Япония, Южная Корея) и «зависимые клиенты» (Израиль, Египет, Пакистан, Таиланд, Филиппины). Гибкость американской империи предопределялась вне-

шними и внутренними факторами. Внешние порождались взаимными интересами безопасности «метрополии» и «периферии». Внутренние возникали через полиэтничность американского общества. «В противовес Советскому Союзу, где полиэтничность подчинена господствующей нации и может вызывать опасный внутренний взрыв, – утверждал аналитик, – американская полиэтничность породила обратный культурный “взрыв”, влияя на страны происхождения многих американцев» [15]. Еще одной типологической чертой обеих империй был дуалистический этап в их истории. Американско-британский дуализм, олицетворяемый в первую очередь союзом Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля, постепенно отошел на задний план в связи с потерей Британией своего веса в мире. Зато советско-китайский дуализм в коммунистическом мире переродился во вражду, которая существенно ослабила позиции Кремля. Подытоживая свое компаративное исследование двух империй, З. Бжезинский отмечал, что американско-советский конфликт был «длительным историческим соревнованием на выносливость», в котором участникам ядерное оружие диктовало осмотрительность и результат которого впервые в истории подобных противостояний «вряд ли определится в непосредственном вооруженном столкновении» [16].

Признавая глобальный размах американско-советского противостояния, исследователь настаивал на том, что оно имеет «центральный приоритет» – Евразию. «Этот массив суши является геостратегическим фокусом соревнования и его геополитическим призом. Борьба за Евразию всеобъемлюща и ведется на трех центральных стратегических фронтах – далекозападном, дальневосточном и югозападном», – отмечал З. Бжезинский [17]. Концепция трех стратегических фронтов была не новой для ее автора, который еще в 1980 г., работая в Белом доме, говорил о западноевропейской, дальневосточной и югозападно-азиатской «центральных стратегических зонах» [18]. Наряду с ней в «Плане игры» он сформулировал концепцию «страны-чеки» (linchpin state). Такая страна определялась по признакам ее существенной важности и привлекательности быть взятой под контроль, геостратегического расположения, делавшего ее значимой с военной точки зрения, геополитической позиции, которая предоставляла этому государству возможность оказывать региональное политическое влияние. Согласно З. Бжезинскому, в перечень таких стран попадали Польша и Германия на далекозападном фронте, Южная Корея и Филиппины на дальневосточном, Иран или комбинация Пакистана с Афганистаном на югозападном фланге Евразии. Очевидным было то, что решающее значение для зачисления большинства вышеотмеченных государств в особый список имела их потенциаль-

ная роль в противостоянии США с СССР. Естественно, что первостепенное внимание автором уделялось Польше относительно которой он, в частности, отмечал: «Более автономная Польша неотвратимо нарушила бы советский контроль над Литвой и Украиной. Польские религиозные и исторические связи с этими странами глубоко укоренены, и свободная от контроля Москвы Польша, вероятно, электризовала бы установки на независимость во вред великороссийскому господству» [19]. В контексте таких реалий советская евразийская стратегия имела двуединое задание. Москва стремилась к предотвращению окружения Советского Союза Америкой и ее союзниками в Евразии, а с другой стороны, пыталась разрушить связь Соединенных Штатов со всеми флангами материка [20].

Изложив принципы своего восприятия противостояния с СССР в геополитическом смысле и посвятив отдельный раздел книги изображению Советского Союза как «одномерной сверхдержавы», З. Бжезинский перешел к рекомендательной части своей книги. По его убеждению, Америка должна была руководствоваться четырьмя широкими геополитическими приоритетами: 1) ускорить возникновение более самодостаточной Западной Европы и в конечном итоге единой Европы, которая преодолела послевоенное разделение; 2) способствовать «неформальному стратегическому треугольнику» на Дальнем Востоке путем расширения экономического и политического сотрудничества между Соединенными Штатами, Японией и Китаем; 3) «подпереть» зону риска юго-западной Азии путем политического укрепления и предоставления военной подмоги южным соседям Советского Союза; 4) поддержать внутреннее напряжение в подчиненных Москве восточноевропейских государствах и даже в самом СССР с целью достижения в них большего политического разнообразия и толерантности. Похоже, З. Бжезинский верил в то, что в исторических условиях середины 1980-х гг. максимальным достижением для Америки могло бы стать ослабление контроля Москвы над Восточной Европой, в частности Польшей, в которой, по его оценке, для этого «созрели условия» [21].

Завершая свой анализ закономерностей американо-советского поединка, аналитик изложил свое видение самого главного вопроса, который возникал у каждого, кто интересовался перспективами отношений между Вашингтоном и Москвой: когда и как определится победитель в этом самом грандиозном в истории соревновании великих держав? Относительно временных рамок суждения З. Бжезинского были неизменными: соревнование является исторически длительным, и Америка должна быть готовой вести его по меньшей мере «несколько десятилетий». Но даже

тогда, когда чаша весов истории качнется в пользу США, это не будет выглядеть как победа в привычном понимании. Даже более, не «победа», а «превалирование» было тем понятием, которое лучше всего соответствовало сущности проблемы. «Для Соединенных Штатов, – отмечал исследователь, – превалировать означает трансформировать международное поведение Москвы, а также предусматривает определенную степень внутренней эволюции советской системы в направлении меньшей закостенелости» [22]. Зато, считал З. Бжезинский, долгосрочное будущее Советского Союза было неопределенным в связи с его имперской природой. Соперник Америки мог потерять территориальную целостность вследствие выхода из-под подчинения Москве нерусских народов. Это, в свою очередь, повлечет за собой ослабление «внешнего великороссийского имперского импульса». «Прогресс в направлении этой отдаленной цели, терпеливо преследуемой на протяжении нескольких десятилетий, – отмечал аналитик, – станет конкретным проявлением того, что я формулирую как историческое превалирование» [23].

«План игры» вызвал во властном Вашингтоне реакцию, которой давно уже не удостаивалась публикация, посвященная мировой политике. Президент Р. Рейган лично позвонил ее автору, чтобы выразить благодарность. Шеф Пентагона К. Уайнбергер прислал благодарственное письмо, а президентский помощник по вопросам национальной безопасности Дж. Пойндкестер распорядился, чтобы аппарат СНБ в обязательном порядке ознакомился с книжкой [24]. Широкий резонанс, порожденный публикацией, содержал, как и следовало ожидать, большой диапазон оценок. Старый гарвардец с репутацией бескомпромиссного критика русского экспансионизма Р. Пайпс в рецензии, опубликованной в «Уолл Стрит Джорнал», писал о том, что «План игры» может быть «с удовольствием рекомендован как реалистичный и хорошо обоснованный подход к центральной проблеме американской внешней политики» [25]. Зато московская «Литературная газета», которая к тому времени уже обрела репутацию главной трибуны советского «бжезинсковедения», поместила острый комментарий за подписью своего ведущего журналиста-международника А. Сабова. В материале под заглавием «Топор под компас» рецензент отмечал, что, по его мнению, настоящая геополитика – это «компас с топором», и завершал свои размышления в вульгарно-критическом стиле: «Вон едва узнаваемый во мгле десятилетий Макиндер, верхом на нем теоретики из геббельсовского министерства пропаганды, а выше всех на пирамиду пристраивается наш современник (считается, что современник) Бжезинский» [26].

Книжный успех З. Бжезинского не гарантировал, однако, того, что формулировки и рекомендации его бестселлера в полном объеме будут отвечать запросам времени. Исторический момент, в который увидел свет «План игры», характеризовался невероятным динамизмом политических изменений в СССР и социалистическом лагере. З. Бжезинский замечательно чувствовал дух времени, хотя и не был склонен спешить со своим некрологом «холодной войне». Это объяснялось тем, что для него эта страница истории могла считаться перевернутой лишь в случае появления явных признаков приобретения Восточной Европой высокой степени независимости от Москвы, а также отказа последней от целого ряда кардинальных принципов своей внешней политики. Как дал он понять в своем выступлении на конференции «90-е годы: судьбоносные изменения», состоявшейся в Брюсселе в апреле 1989 г., завершение «холодной войны» было, по его мнению, больше многомерным процессом, а не фиксированным событием. Он четко говорил о конкретных свидетельствах завершения большого международного противостояния. «Берлинская стена и свободные выборы – это не просто лозунги, они в основании политического противостояния. Следовательно, – делал вывод З. Бжезинский, – окончательная дата завершения “холодной войны” станет известной в случае, когда будет определена дата несения стены и когда в некоторых (даже если не во всех сразу) восточноевропейских странах будет четко установлено время свободных выборов» [27]. Примечательно, что брюссельский доклад лег в основу статьи, напечатанной ее автором в журнале советского МИД «Международная жизнь» [28]. Впрочем, эта публикация не была свидетельством подлинного сближения взглядов автора «Плана игры» и Кремля.

Казалось, что исчезновение с политической карты мира СССР с неизбежностью отводило «Плану игры» и идеям его автора единственное место – на полках хранилищ университетских библиотек. Однако если сама книга осталась в большей мере интересной историкам, то многие ее мысли и подходы в переработанном виде вскоре возвратятся в центр процесса поисков оптимальной внешнеполитической стратегии США, чему в немалой степени будут способствовать новые резонансные книги самого З. Бжезинского. В связи с этим вопрос относительно того, почему в первой половине 1980-х гг. З. Бжезинский решил прибегнуть к геополитическому понятию аппарату и поместить проблему американо-советских отношений в плоскость пространственно-географических реалий, приобретает новое звучание. В своем монографическом исследовании масштабной панорамы формирования и

борьбы внешнеполитических концепций в США эпохи Второй мировой войны В. Т. Юнгблуд, в частности, рассматривает феномен геополитического анализа тех лет. Исследователь замечает, что часть американских участников борьбы внешнеполитических идей в условиях, когда «послевоенный мир сулил полное крушение старых схем безопасности», сосредоточились на наиболее устойчивых факторах, определявших судьбу мирового сообщества. Немалую роль в распространении интереса к геополитике сыграли и предпосылки тактического характера. Так, убежденный антивильсонист У. Липпман в своей полемической борьбе с оппонентами брал на вооружение результаты «еще не очень распространенных, но с каждым днем завоевавших новых сторонников, теорий», среди которых были и геополитические [29]. В определенной степени З. Бжезинский в первой половине 1980-х гг. оказался в положении, схожем с тем, в котором задолго до него пребывали У. Липпман и другие внешнеполитические стратеги, попытавшиеся найти новое применение классической геополитике, являвшейся продуктом позднепозитивистского рубежа XIX–XX столетий. Интуитивное предвосхищение краха СССР (вероятно, не следует излишне доверять в связи с этим прогнозированию им его долголетия), усиленное непоколебимым антисоветизмом, подталкивало З. Бжезинского к формулированию новых трактовок состояния СССР и определению путей и инструментов, суливших Америке победу в поединке со своим исторически наиболее грозным соперником. Таким образом, «геостратегическая советология» З. Бжезинского предстала не только как новый подход ее творца к СССР, но и стала его первым весомым достижением в деле осмысления закономерностей и противоречий мира конца XX – начала XXI столетий, осуществляемого на новых методологических основаниях. Ели уже продолжить сравнение рассматриваемой страницы в творчестве З. Бжезинского с американской «геополитикой» эпохи Второй мировой войны, то нельзя не сделать еще одного вывода. Как в первом случае с З. Бжезинским, так и в случае с международными стратегами тех далеких лет, мы обнаруживаем скорее не признаки последовательного развития классической геополитики конца XIX в. – 1930-х гг. с присущими ей пространственно-географическим редуционизмом и социал-дарвинизмом (особенно характерным для Р. Челлена и учеников К. Хаусхоффера), а примеры использования геополитической стилистики и аналитических приемов, позволявших предложить на рынке внешнеполитических идей концепции, приемлемые для максимально широкого спектра американского общества. В обоих упоминаемых случаях такие интеллектуальные усилия имели одну

политическую цель – консолидацию внешнеполитического консенсуса Америки в эпоху создания нового международного порядка.

Примечания

1. Urban G. A Long Conversation with Dr. Zbigniew Brzezinski 'The Perils of Foreign Policy' // Encounter. 1981. V. LVI. № 5. P. 15.
2. Brzezinski Z. The Soviet Union : World Power of a New Type. Address presented at the International Institute of Strategic Studies, Silver Jubilee Annual Conference, Ottawa, Canada, 8–11 September 1983 // Proceedings of the Academy of Political Science. 1984. Vol. 35. № 3.
3. Op. cit. C. 154.
4. Op. cit.
5. Op. cit. C. 158.
6. Brzezinski Z. From Loss of Nerve to Loss of Control. Keynote address at the twenty-fifth anniversary conference of the Center for International Affairs at Harvard University on June 9, 1983 // Brzezinski Z. In Quest of National Security. Boulder and L., 1988. P. 14.
7. Там же.
8. Там же. С. 19.
9. Brzezinski Z. Game Plan. A Geostrategic Framework for the Conduct of the U. S. Soviet Contest. N. Y., 1986. С. 8, 30.
10. Interview #2 given by Dr. Z. Brzezinski to T. Hryshchenko. Audiotaped July 7, 1998, CSIS, Washington D. C.
11. Brzezinski Z. Game Plan. P. 3.
12. Op. cit. P. 3–4.
13. Op. cit. P. 7–8.
14. Op. cit. P. 12–15.
15. Op. cit. P. 25.
16. Op. cit. P. 29.
17. Op. cit. P. 41–49.
18. National Security Adviser Brzezinski Interviewed on "Issues and Answers" // Department of State Bulletin. 1980. V. 80, № 2039. P. 49.
19. Brzezinski Z. Game Plan. P. 55.
20. Op. cit. P. 65.
21. Op. cit. P. 196.
22. Op. cit. P. 244.
23. Op. cit. P. 249–250.
24. Lubowski A. Zbig. Cziowiek, ktyry podminowai Kreml. W., 2011. P. 222.
25. Pipes R. Making Moves on the Geopolitical Chessboard // The Wall Street Journal. 1986. July 15.
26. Сабов А. Топор под компас // Литературная газета. 1986. 5 ноября.
27. Brzezinski Z. Ending the Cold War // The Washington Quarterly. 1989. Vol. 12, № 4. P. 33.
28. Бжезинский З. Окончилась ли «холодная война»? // Международная жизнь. 1989. № 10.
29. Юнгблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998. P. 140–141.

УДК 94

А. А. Калинин

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ: АМЕРИКАНСКОЕ УЧАСТИЕ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ГРЕЦИИ В 1949–1952 гг.

В статье рассматривается американское вмешательство во внутриполитическую борьбу в Греции в 1949–1952 гг. Усилия американских дипломатов привели к формированию в 1952 г. правоцентристского правительства во главе с маршалом А. Папагосом.

The article deals with American intervention in the internal political struggle in Greece in 1949–1952. U.S. diplomatic efforts led to the formation of the center-right government at the head of Marshal A. Papagos in 1952.

Ключевые слова: внешняя политика США, гражданская война в Греции, холодная война, правительство Греции, избирательная система, А. Папагос.

Keywords: U. S. foreign policy, Greek Civil War, Cold War, Government of Greece, electoral system, A. Papagos.

Реализация доктрины сдерживания коммунизма в Греции потребовала масштабной финансовой помощи со стороны Соединенных Штатов. Нараставшая помощь этой стране, Вашингтон столкнулся с проблемой неэффективности греческих властей, что заставило американцев пойти на серьезное вмешательство в греческие внутренние дела и способствовать изменению политической системы страны. Американское вмешательство в греческую внутреннюю политику оказало серьезное влияние на развитие страны в 1950–1970-е гг.

Оценка американского участия во внутренних делах Греции в конце 1940-х – начале 1950-х гг. стала дискуссионным вопросом в историографии. Греческая политика США в американской историографии была подвергнута критике представителями радикально-критической школы. Вашингтон был обвинен в потворстве консервативным силам, способствовавшим установлению в Греции правоконсервативного режима [1]. Весьма

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблюд

своеобразным сочинением является работа выдающего политика, премьер-министра Греции (в 1981–1989 и 1993–1996 гг.) А. Папандреу «Демократия под дулом пистолета: греческий фронт». Он подверг политику Вашингтона резкой критике, обвинив американцев в последовательной поддержке правых сил. В результате прихода к власти при активном американском содействии А. Папагоса Греция превратилась в колонию США. Папандреу считал, что Соединенные Штаты принесли в жертву греческую демократию ради превращения этой балканской страны в своего военно-политического союзника [2]. Другая группа греческих и американских исследователей оправдывает политику США, связывая ее с американскими интересами национальной безопасности. Для того чтобы не допустить установления в Греции коммунистического режима, американцы вынуждены были пойти на некоторое ущемление суверенитета этой страны и оказывать влияние на ее внутреннюю политику [3].

Гражданская война в Греции завершилась в конце августа 1949 г. разгромом коммунистического повстанческого движения. Однако внутриполитическая нестабильность в стране сохранялась. После смерти в июне 1949 г. престарелого премьер-министра Греции, лидера Либеральной партии Ф. Софулиса не без участия Вашингтона и Лондона пост главы греческого правительства занял нейтральный А. Диомидис.

В связи с перманентной политической нестабильностью все большей популярностью в греческой элите пользовалась идея выхода на политическую арену авторитетного военного, который мог бы сплотить политиков правого спектра. Наиболее очевидной кандидатурой на эту роль был Александрос Папагос – герой войны с Италией 1940–1941 гг. и победитель партизан в 1949 г., обладавший неоспоримыми лидерскими качествами. Политическим советником Папагоса был С. Маркезинис – лидер Новой партии, имевший также тесные связи с королевским двором. Кандидатура Папагоса на пост премьер-министра рассматривалась Двором еще в 1948 г. В следующем году он был назначен главнокомандующим вооруженными силами Греции, а после разгрома партизан ему было присвоено высшее воинское звание – стратарх, соответствующее фельдмаршалу.

Осенью 1949 г. в греческих политических кругах широко обсуждалась возможность создания до выборов временного правительства во главе с А. Папагосом, которое должно было провести ряд неотложных реформ. Эта идея, публично озвученная в серии статей Маркезинисом, получила поддержку влиятельных политических и экономических кругов. В то же время лидеры либералов и популистов опасались, что успех

Папагоса подорвет их позиции на политической арене. Премьер Диомидис обратился по этому вопросу в американское посольство. Во время беседы с поверенным в делах США в Греции Г. Минором он отметил, что ставка на Папагоса вовлечет в политику армию и королевский двор в ущерб долгосрочной стабильности греческого политического режима. Против идеи назначения Папагоса выступили как американское, так и британское посольства. В итоге Двор принял решение пока держать Папагоса во главе армии, но вне политики. Король Павлос I заверил американцев, что «на сей раз» Папагос не будет участвовать в выборах [4].

Центральное разведывательное управление в феврале 1950 г. не исключало установления в Греции авторитарного режима Папагоса [5]. Соединенные Штаты первоначально относились к Папагосу осторожно, так как он считался сторонником правых сил [6]. «Решение Папагоса» наряду с плюсами таило в себе и опасности. Американский посол в Греции Г. Грейди, который придерживался либеральных взглядов, последовательно выступал против такого варианта, который не способствовал бы утверждению демократической политической системы [7].

Окончание гражданской войны позволило американцам в большей степени сконцентрироваться на проблемах экономического и политического развития Греции. В меморандуме заместителя госсекретаря Дж. Вебба от 6 марта 1950 г. с удовлетворением было констатировано, что с американской помощью проведены некоторые реформы в сфере государственной службы и финансов, однако греческий правительственный аппарат по-прежнему не соответствовал западным стандартам. США, отмечал Вебб, последовательно пытались подталкивать греков к созданию устойчивого, демократического и эффективного правительства [8].

Американцы решительно высказались в пользу проведения новых выборов в греческий парламент, надеясь, что по их итогам будет сформировано сильное и эффективное правительство, которое сможет приступить к реформированию страны. Выборы были также призваны продемонстрировать американскому и мировому общественному мнению, что после разгрома партизан Греция уверенно встала на путь демократического развития.

Сохранить правительство Диомидиса не удалось. Уже в декабре 1949 г. кабинет потряс ряд финансовых скандалов, а 5 января 1950 г. правительство пало в результате отказа лидера Либеральной партии С. Венизелоса его поддерживать. Уже на следующий день Павлос I без консультации с греческими политиками и американцами назначил премьер-министром И. Феотокиса, пра-

вительство которого проработало до мартовских выборов. В планы короля входило и введение мажоритарной избирательной системы, явно призванной способствовать созданию сильного, устойчивого и надежного правительства во главе с А. Папагосом, однако по этому вопросу он столкнулся с противодействием всех политических партий и вынужден был отказаться от этой затеи. Американский и британский послы также не поддержали инициативы короля, но сочли прямое вмешательство несвоевременным. Правительство Феотокиса было встречено резко негативно как греческой прессой, так и ведущими политиками. Лидер Народной партии К. Цалдарис даже заявил об угрозе установления военной диктатуры [9].

Перед выборами американцы и англичане потребовали отменить наиболее одиозные антидемократические законы периода гражданской войны. Правительство Феотокиса вынуждено было пойти на уступки, и в феврале военное положение в Греции было отменено, как и запрет любой политической деятельности, «подвергающей опасности безопасность государства», также были сняты большинство ограничений на свободу передвижений [10].

5 марта 1950 г. в Греции состоялись парламентские выборы, проходившие по запутанной пропорциональной системе и изменившие политический расклад. По их итогам крайне правая Народная партия К. Цалдариса получила заметно меньше мест, чем на выборах 1946 г., – 62 (18,8% голосов избирателей). Либеральная партия во главе с С. Венизелосом завоевала 56 мест (17,2% голосов), другая центристская партия – Национальный прогрессивный союз центра (ЭПЭК) Н. Пластираса и Э. Цудероса – получила 45 мест (16,4%), Демократическая социалистическая партия Г. Папандреу обеспечила себе 35 мест (10,7%). Демократический блок (А. Сволос, И. Софианопулос, Н. Грегориадис), в работе которого принимала участие официально запрещенная Коммунистическая партия Греции (КПГ), получил 9,6% голосов избирателей и 18 мест в парламенте. Всего из 250 мест в парламенте центристские и левоцентристские партии завоевали 157, что было их очевидным успехом. Впервые с 1933 г. правые лишились преобладания в парламенте. Грейди отметил, что выборы прошли в условиях порядка, свободы слова и передвижений [11]. Таким образом, новым трендом греческой политической жизни было некоторое уменьшение поляризации политического спектра и усиление влияния центристских и левоцентристских партий.

Переговоры лидеров центристских партий после выборов завершились принятием решения о формировании коалиционного правительства

во главе с Н. Пластирасом. США поддержали достигнутую договоренность, так как считали, что она будет способствовать достижению большей политической стабильности и позволит сосредоточиться на решении насущных экономических проблем. Американцы фактически сделали ставку на формирование широкого центристского блока, призванного привнести стабильность в греческую политику. 15 марта во время беседы с королем Греции Павлосом I посол США Г. Грейди высказался в поддержку кандидатуры Н. Пластираса на пост премьер-министра Греции и против нового лидера либералов С. Венизелоса [12]. В Вашингтоне считали, что выборы показали колебание общественных настроений в Греции в пользу умеренных политических сил левого фланга и необходимы «новые лица» в греческом правительстве [13]. Однако Павлос, который не любил республиканца Пластираса, участвовавшего в перевороте против его отца короля Константиноса I, сначала попытался предложить пост премьер-министра К. Цалдарису, но затем вынужден был отказаться от этой затеи. Королевский двор безуспешно пытался убедить американцев отказаться от идеи сделать Пластираса премьер-министром. Тогда, игнорируя позицию американских дипломатов, король назначил премьер-министром С. Венизелоса и настоял на аннулировании достигнутого соглашения о формировании коалиционного правительства. Теперь новый кабинет, сформированный 23 марта Либеральной партией, стал правительством меньшинства, но был поддержан в парламенте правыми партиями. Такое развитие событий вызвало недовольство в американском посольстве, так как сохраняло внутривнутриполитическую нестабильность. Грейди в своих мемуарах не скрывает негативного отношения к лидеру либералов, отметив, что «группа под руководством Венизелоса была озабочена исключительно своей политической судьбой» и ее мало интересовала греческая экономика [14]. Поверенный в делах Соединенных Штатов в Греции Г. Минор в телеграмме госсекретарю Д. Ачесону писал, что неожиданное решение Павлоса, который проигнорировал позицию США, вызвало шок в американском посольстве. Дипломат отмечал, что новое правительство будет представлять лишь 20% электората и поддерживаться правыми партиями, пока те считают это целесообразным [15]. Афины обращались через собственное посольство напрямую в госдепартамент в надежде, что в Вашингтоне не в полной мере разделяют позицию американского посольства. Однако там им четко дали понять, что позиция Грейди является и позицией официального Вашингтона [16].

31 марта американский посол послал письмо новому премьер-министру Венизелосу, которое

также было передано для публикации в прессу. Деятельность греческого правительства в экономической сфере в письме была оценена как неудовлетворительная. Грэйди выступил за создание «стабильного и эффективного правительства, поддерживаемого народом и парламентом», способного проводить долгосрочный курс и эффективно использовать американскую помощь. Дипломат осудил «безответственные разговоры о приостановлении работы парламента или новых выборах», что может «только создать атмосферу политической и экономической неопределенности». Грэйди потребовал резкого сокращения правительственных расходов, в том числе на вооруженные силы, установления потолка государственного долга, упрощения и рационализации налоговой системы и поддержки частных инвестиций. В документе давалось понять, что в противном случае американская помощь Греции может быть прекращена [17]. В телеграмме госсекретарю Грэйди писал, что своим письмом он пытается побудить «слабое и безответственное» греческое правительство к действию. Он отмечал, что «мягкое убеждение» не всегда оказывается эффективным при работе «с безответственными политическими деятелями и упрямыми монархами» [18]. Венизелос после появления письма попытался сохранить свое правительство, однако давление Вашингтона с каждым днем усиливалось. В американской прессе стали появляться сообщения, что игнорирование греческими политиками позиции США может иметь негативные последствия для американо-греческих отношений. Надежды Венизелоса, что американцы не прибегнут на этот раз к угрозе прекратить помощь, также не оправдались. Госдепартамент поручил Грэйди дать понять Венизелосу, что американская помощь может быть приостановлена. Англичане поддержали позицию американцев. Венизелос оказался в тупике, и его правительство 14 апреля подало в отставку [19]. Правда, Грэйди отрицал, что он и глава Администрации экономического сотрудничества П. Портер использовали методы экономического шантажа, чтобы добиться отставки Венизелоса [20].

Греческая пресса и сам король расценили письмо Грэйди как вмешательство США во внутренние дела Греции. Действия Грэйди вызвали резкое недовольство Двора, особенно супруги короля Фредерики, вероятно, по настоянию которой Павлос дал интервью, в котором открыто осудил вмешательство американского посла во внутривластные дела Греции [21]. 14 марта по инициативе короля Павлоса I состоялась беседа его адъютанта и политического советника А. Метаксаса с офицером Центрального разведывательного управления в Афинах, которая продолжалась в течение 5 часов. Метаксас ска-

зал, что король очень встревожен политической ситуацией в Греции и не доверяет Пластирасу. Он также возложил на американское посольство ответственность за обострение политической обстановки и попросил предоставить Павлосу возможность переговоров с президентом Г. Трумэнном с целью разрешения кризиса. ЦРУ сообщило о содержании разговора только в Белый дом и госсекретарю Д. Ачесону [22]. Реакция президента на просьбу греческого короля неизвестна, однако 18 марта помощник госсекретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Дж. Макги подготовил меморандум с выводом, что в период политического кризиса в Греции посол Грэйди действовал в рамках инструкций. В госдепартаменте поддерживали курс Грэйди и решили игнорировать обращения греческого короля и правых политиков [23]. В Вашингтоне считали, что теперь главная опасность для Греции исходит не извне, а изнутри. Так, распад центристской коалиции, по мнению госдепартамента США, мог привести к политическому хаосу и негативно сказаться на реализации программы реконструкции Греции [24].

После отставки Венизелоса греческому королю не оставалось ничего другого, как предложить пост премьер-министра Н. Пластирасу, который сформировал правительство 15 апреля. Г. Папандреу стал его заместителем. Однако левоцентристское правительство Пластираса также оказалось неустойчивым, подвергаясь постоянным нападкам со стороны королевского двора.

Среди американцев также не было единства в поддержке правительства Пластираса: его деятельность одобряли американские дипломаты [25], однако глава американской Объединенной группы военных советников генерал Дж. Ван Флит считал это правительство «опасным». Политика Пластираса, особенно амнистирование политических заключенных, по его мнению, способствовала восстановлению влияния прокоммунистических элементов [26]. К августу 1950 г. и госдепартамент разочаровался в правительстве Пластираса. Начало Корейской войны привело к изменению американского восприятия ситуации в мире, в том числе и на Балканском полуострове. Главным источником опасности для Греции американцы теперь считали не столько внутреннюю ситуацию, сколько угрозу со стороны Советского Союза и его сателлитов. Соответственно, США сконцентрировались на борьбе с коммунистической угрозой, в том числе внутри Греции. В связи с этим курс Пластираса на умиротворение, попытки проведения амнистии политических заключенных воспринимались все более настороженно [27].

Г. Трумэн после получения известий о нападении Северной Кореи на Южную поделился со

своим помощником опасениями, что следующей целью коммунистов может стать Ближний Восток. Президент назвал Корею «Грецией Дальнего Востока» и отметил, что США должны действовать так же решительно, как в Греции три года назад, чтобы не допустить распространения коммунистической агрессии на Ближний Восток [28].

В новой ситуации Вашингтон явно готов был более лояльно отнестись к возможности назначения А. Папагоса премьер-министром. 31 июля Макги писал Пьюрифою, что политика Пластираса в отношении коммунистов и их попутчиков «опротечива», и рекомендовал изучить возможность формирования более сильного правительства во главе с маршалом Папагосом [29].

28 июня 1950 г. Г. Грейди был назначен послом в Иране. Новый посол и одновременно руководитель американской миссии помощи Греции Дж. Пьюрифой, который прибыл в Афины 22 сентября, был заметно консервативнее либерала Грейди. 25 сентября состоялась встреча Пьюрифоя с греческим королем и королевой. Греческий монарх высказал желание более тесно работать с американским посольством. Пьюрифой обещал поддерживать Павлоса и Фредерику [30].

В августе в Греции разразился новый правительственный кризис. 19 августа госсекретарь Д. Ачесон сообщил посольству в Афинах, что любое правительство с Пластирасом в качестве премьера будет «нежелательно». Ачесон не исключал и возможности назначения новых выборов, но сомневался в целесообразности их проведения по пропорциональной системе, так как они вряд ли привели бы к победе какой-либо одной партии или складыванию долгосрочной коалиции, что могло бы обеспечить формирование устойчивого правительства. Что касается возможного назначения главой правительства Папагоса, то, по мнению Ачесона, этот шаг мог быть сделан только через парламентские выборы [31]. 21 августа Венизелос вернулся на пост премьер-министра. Пьюрифой заверил его в поддержке американского посольства и обещал не действовать, подобно Грейди в марте [32].

Попытка Венизелоса, которого в этом поддерживали американцы, создать центристское правительство провалилась. Вотума доверия парламента получить не удалось. В итоге 13 сентября было сформировано правоцентристское коалиционное правительство, в которое вошли представители Народной партии Цалдариса, Либеральной партии Венизелоса и Демократической социалистической партии Папандреу. При этом коалицию удалось создать только после угрозы короля передать мандат на формирование правительства Папагосу и провести новые выборы с

его участием [33]. Просуществовала эта коалиция лишь до ноября. Венизелос 3 ноября сформировал новый кабинет уже без участия представителей Народной партии.

В целом 1950 г. стал очередным разочарованием для американских дипломатов в вопросе достижения внутренней стабильности в Греции. Правительства Пластираса и Венизелоса – Папандреу, не располагая собственным большинством в парламенте, постоянно находились в зависимости от оппозиционных партий, которые могли вынести вотум недоверия. Ситуация с постоянной сменой правительств, далеко не все из которых смогли заручиться поддержкой парламентского большинства, не могла устраивать океанских дипломатов. В посольстве США все больше склонялись к мысли, что без новых выборов и устойчивого большинства в парламенте Греция не будет в состоянии эффективно использовать американскую помощь [34].

Дж. Пьюрифой все больше склонялся к поддержке Папагоса, считая, что он может привнести стабильность в греческую политику. 3 ноября 1950 г. состоялась встреча Пьюрифоя и короля Павлоса. Монарх высказал мнение, что очередное греческое правительство во главе с Венизелосом недолго продержится у власти и в случае его падения он намерен назначить проведение новых выборов. В качестве кандидата на пост будущего правительства Павлос рассматривал Папагоса, который должен был сформировать блок и имел шансы уверенно победить на выборах. Американский дипломат в целом поддержал планы греческого короля, назвав его решение «оптимальным для Греции», и заверил Павлоса в полной поддержке посольства [35]. Госсекретарь Д. Ачесон в ответ на запрос Пьюрифоя согласился с мыслью, что в рамках существующего парламента невозможно образование никакой долговременной коалиции, поэтому проведение в ближайшей перспективе новых выборов по мажоритарной системе было бы разумной мерой. Ачесон поддержал идею прихода к власти Папагоса в случае его победы на выборах. Глава госдепартамента выражал озабоченность позицией королевского двора в отношении ЭПЭК и лично Н. Пластираса, подчеркнув, что Вашингтон выступает против любых решений, которые могут привести к очередному расколу греческой политической элиты. Таким образом, госсекретарь вновь подтвердил линию США на противодействие политической поляризации в стране [36]. Американское посольство отслеживало ситуацию вокруг «решения Папагоса» [37].

Очередной правительственный кризис февраля 1951 г. вновь продемонстрировал неустойчивость правительства Венизелоса – Папандреу. Его кабинету удалось заручиться вотумом доверия

во многом по причине того, что правые партии не хотели проведения новых парламентских выборов, опасаясь за их результаты. Отмечался рост популярности ЭПЭК Н. Пластираса при одновременном ослаблении позиций Народной партии. Американцы вынуждены были констатировать, что греческие центристские лидеры не в состоянии достичь жизнеспособной договоренности [38].

В марте госдепартамент поддержал выдвинутую либералами идею объединения Либеральной партии и ЭПЭК, при этом Венизелос становился председателем новой партии, а Пластирас – премьер-министром. Этот план возрождал надежды на формирование устойчивого центра, что создавало предпосылки политической стабильности в стране. Однако эта схема провалилась, как и не удалась попытка Дворца реформировать Народную партию. Позиции популистов продолжали слабеть [39].

Весной 1951 г. отношения Папагоса и короля резко ухудшились. У фельдмаршала были собственные представления о своем политическом будущем и чувство гордости, и он не собирался быть пешкой в политических играх королевского двора. Павлос и особенно его супруга королева Фредерика опасались, что Папагос затмит короля на политической арене, к тому же его влияние в армейских кругах продолжало расти при одновременном ослаблении позиций короля. Так, фельдмаршал имел тесные связи с влиятельной тайной праворадикальной офицерской организацией «Священный союз греческих офицеров» (ИДЕА). Масло в огонь подлили постоянные жалобы Папагоса королю на его ближайшего друга и советника А. Метаксаса. В феврале близкая Папагосу газета опубликовала материал, призванный скомпрометировать советника короля. После этого Павлос окончательно отказался от «решения Папагоса». Американцам он дал понять, что этот вариант им более не рассматривается [40].

Пьюрифой в марте 1951 г. отмечал, что посольство пока не видит причин поощрять «решение Папагоса», если не произойдет ухудшения международной ситуации или все иные средства создать в Греции устойчивое правительство потерпят неудачу. Американский посол отметил также охлаждение Дворца по отношению к Папагосу. Ачесон поддержал рекомендацию Пьюрифоя, согласно которой «решение Папагоса» следовало оставить на крайний случай [41].

Госсекретарь в телеграмме американскому посольству в Афинах от 17 мая отмечал, что проведение новых выборов имеет смысл только в том случае, если они приведут к формированию более устойчивого правительства. Госдепартамент выступал за введение мажоритарной системы или,

по крайней мере, за изменение пропорциональной системы таким образом, чтобы уменьшить фракционность греческой политической системы. В Вашингтоне считали, что слияние Либеральной партии и ЭПЭК может принести большую стабильность в греческую политику и возможен возврат к политической системе, основанной на конкуренции либералов и популистов [42].

В начале мая Венизелос, Папандреу и Пластирас предложили провести новые выборы в сентябре. Американцы сосредоточились на продвижении системы большинства с целью предотвратить фрагментацию политических сил, а также пытались укрепить традиционные партии либералов и популистов.

Важным событием в политической жизни Греции стали события 30–31 мая 1951 г., когда была совершена попытка военного переворота в связи с отставкой фельдмаршала А. Папагоса. Король задумал лишить Папагоса его широких полномочий главнокомандующего военного времени. А. Метаксас, который в это время посещал США, дал понять, что скоро фельдмаршал будет лишен единоличного контроля над вооруженными силами. Эта информация быстро дошла до Папагоса, и теперь он был полон решимости уйти в отставку, если король не избавится от Метаксаса. Утром 29 мая Папагос официально подал в отставку с поста главнокомандующего греческой армией. Командование вооруженными силами Павлос возложил на себя лично. Только на следующий день американцы узнали об этом и сразу же предложили Папагосу пересмотреть решение, однако фельдмаршал был непреклонен. Наконец вечером 30 мая об отставке Папагоса объявило афинское радио. В качестве причины было названо «плохое состояние здоровья» [43].

В ответ в ночь с 30 на 31 мая члены ИДЕА предприняли попытку путча: подчиненные им войска вышли из казарм, был занят ряд объектов в Афинах. Инициатива организации путча исходила от командиров среднего звена. В этой ситуации Папагос рано утром 31 мая прибыл в Генеральный штаб и потребовал немедленно прекратить выступление, пообещав также, что против организаторов акции не будет принято никаких санкций. К полудню порядок в Афинах был восстановлен [44]. Сыграл свою роль также отказ некоторых подразделений поддержать мятежников [45].

Пьюрифой попытался убедить Папагоса вернуться на пост главнокомандующего, однако фельдмаршал сослался на позицию короля, который не пожелал искать взаимопонимания [46]. Король в свою очередь отказался уступить требованиям фельдмаршала и заявил американцам, что потерял веру в лояльность Папагоса [47]. 6 июня Пьюрифой официально заявил, что Па-

пагос не согласился отменить свое решение и «греческий народ, благодарный маршалу за услуги, оказанные им Греции, воспользуется его услугами и в будущем». Тем самым, как отмечали дипломаты советского посольства, «госдепартамент США устами своего посла благословил выступление Папагоса на политической арене и показал свое благосклонное отношение к этому варианту» [48]. Вашингтон в условиях новой политической ситуации в Греции склонялся к скорейшему проведению выборов. В госдепартаменте считали, что попытки избежать выборов через расширение правящей коалиции вряд ли что-то дадут [49]. Также важным вопросом, во многом определяющим успех американской программы помощи Греции, госсекретарь Д. Ачесон считал замену пропорциональной избирательной системы на систему большинства [50]. 24 июля было объявлено о создании партии Папагоса, которая получила название Греческий Сбор, сходное с «Объединением французского народа» генерала Шарля де Голля. Фельдмаршал попытался реорганизовать правый политический спектр и в целом добился определенных успехов. В Греческий Сбор активно вступали бывшие члены Народной партии Цалдариса. Также о своем намерении вступить в партию Папагоса сразу же сообщили правоцентристские политики С. Стефанопулос и П. Канеллопулос. Фактически же в свою политическую организацию Папагос предполагал объединить всех политиков, начиная с крайне правых до центристов. Правда, привлечь заметное количество членов Либеральной партии в Греческий Сбор Папагосу не удалось. Фельдмаршала также поддержал издатель влиятельных газет «То Вима» и «Та Неа» Д. Ламбракис [51].

После достижения согласия относительно проведения выборов политическая борьба развернулась по вопросу изменения избирательной системы. Американцы выступали за систему большинства. Принятый в июле закон установил несколько измененную пропорциональную систему, которая давала определенные преимущества крупным политическим партиям. 30 июля был распущен парламент, и на 9 сентября назначены выборы. Папагос немедленно объявил о своем решении в них участвовать. Королевский двор развернул кампанию по его дискредитации. В прессе были опубликованы документы, призванные скомпрометировать фельдмаршала. Король публично заявил, что место Папагоса в армии, а не в политике. С целью уменьшить результат Греческого Сбора на выборах Дворец задумал лишить военнослужащих права голоса. Пьюрифой немедленно довел до сведения Венизелоса и Павлоса свое резко негативное отношение к этой затее, и греческие власти от нее быстро отказались [52]. Американский посол пытался также

нормализовать отношения короля и фельдмаршала. Павлос заверил, что он готов дать Папагосу мандат на формирование правительства в случае победы Греческого Сбора на выборах, однако не был готов изменить свое отношение к нему [53]. Маневры Дворца вызвали негативную реакцию Вашингтона. Ачесон дал указание Пьюрифой конфиденциально переговорить с королем по этому поводу [54].

В итоге на выборах Греческий Сбор во главе с Папагосом не смог собрать большинства голосов, получив только 36,5% и 114 из 258 мест в парламенте. ЭПЭК Пластираса вышла на второе место с 23,5% голосов, обеспечив 74 места. Либералы Венизелоса получили только 19% голосов и 57 мест. Центристские партии вместе набрали 46%. Зарегистрированная в августе 1951 г. Единая демократическая левая партия (ЭДА) смогла получить 10 мест в парламенте. Американцы вынуждены были признать, что недооценили Пластираса. Король выступил за формирование трехсторонней коалиции Папагоса, Пластираса и Венизелоса, однако фельдмаршал отказался. Пластирас и Венизелос достигли соглашения о формировании коалиционного правительства. Папагос, который не считал устойчивой коалицию Пластираса и Венизелоса, отказался войти в новое правительство и потребовал проведения новых выборов на основе системы большинства. Премьер-министром стал Н. Пластирас, Венизелос – заместителем премьера. Госдепартамент высказывался в поддержку создания коалиции Венизелоса и Папагоса, которые вместе смогли бы создать устойчивое правительство [55]. Новый премьер Пластирас всячески демонстрировал лояльность США и даже говорил американскому послу, что готов свергнуть короля Павлоса, если того пожелает Вашингтон. Генерал также заверил Пьюрифой, что во внешней политике будет следовать советам американцев [56].

В целом итоги выборов принесли разочарование в американское посольство. Пьюрифой считал, что коалиция ЭПЭК и либералов не будет долговременной. В то же время бескомпромиссная позиция Папагоса, который не желал участвовать ни в каких коалициях, делала вариант трехстороннего правительства нереализуемым [57]. В Вашингтоне по-прежнему изучали различные варианты коалиций, которые могли бы привести к формированию устойчивого правительства. В ноябре лучшим вариантом представлялась коалиция Греческого Сбора и Либеральной партии [58].

В конце 1951 – начале 1952 г. внутривнутриполитическая ситуация в Греции оставалась напряженной. Усиливались разногласия между двумя политическими лагерями – правительственной коалицией и оппозиционным Греческим Сбором

Папагоса. В середине ноября резко ухудшилось состояние здоровья Н. Пластираса, что еще больше ослабило правительство ЭПЭК и либералов. В декабре возобновились переговоры между Венизелосом и лидерами Греческого Сбора, однако компромисса достичь не удалось из-за позиции Папагоса, выступавшего за проведение новых выборов [59]. Греческий Сбор избрал тактику дискредитации правительства Пластираса как дома, так и за границей с тем, чтобы разрушить парламентское большинство и вызвать крах правительства. Пресса, поддерживавшая Папагоса, развернула громкую антиправительственную кампанию, выдвигая обвинения в том числе и в прокоммунистических симпатиях членов кабинета [60].

Американский посол Пьюрифой многократно совещался с партийными лидерами и королем Павлосом I с целью донести позицию Вашингтона, что только политическая стабильность и национальное единство будут содействовать оказанию американской помощи [61]. Венизелос дал понять американцам, что готов к коалиции с Папагосом, однако он выступал против изменения избирательной системы. Лидер же Греческого Сбора последовательно отстаивал идею проведения выборов на основе системы большинства и соглашался сотрудничать с либералами только после назначения выборов [62].

В этой ситуации США все больше склонялись к варианту прихода к власти Папагоса с целью быстрого решения проблемы хронической политической нестабильности в Греции. В начале года в Вашингтон через дипломатические каналы и по линии ЦРУ поступили тревожные сообщения о неспособности правительства Пластираса стабилизировать политическую ситуацию, новых интригах королевского двора против Папагоса. К тому же оставяло желать лучшего состояние здоровья самого Пластираса, который страдал серьезным заболеванием сердца. Свою озабоченность ситуацией в Греции высказал в беседе с госсекретарем Д. Ачесоном президент Г. Трумэн. Ачесон сообщил президенту о намерении посольства США в Греции оказать давление на короля и греческих политиков с целью включения в правительство Папагоса, а возможно, и проведения новых выборов по мажоритарной системе [63].

Однако давление со стороны американского посольства вызывало все большее сопротивление со стороны греческого монарха и правительства. Павлос отклонил попытки американцев вмешаться в вопросы назначения командного состава греческих вооруженных сил. Король и Венизелос также выступили против идеи проведения новых выборов на основе системы большинства. Глава либералов во время своей встречи с госсекретарем Д. Ачесоном прямо обвинил американское

посольство в стремлении подорвать стабильность греческого правительства в интересах А. Папагоса. Главе британской дипломатии А. Идену Венизелос сказал, что американцы стремятся свергнуть нынешнее греческое правительство и принудить либералов к союзу с Папагосом [64].

С целью ослабления позиций Папагоса король Павлос и С. Венизелос задумали внести изменения в избирательный закон и вернуться к простой пропорциональной системе. Закон явно был призван лишить фельдмаршала надежды получить большинство мест в парламенте. Королевский двор опасался ослабления своего политического влияния в случае доминирования в парламенте какой-либо одной партии (Папагоса или Пластираса). Посол Дж. Пьюрифой выступил последовательным сторонником мажоритарной системы, основанной на принципе большинства. В марте 1952 г. он публично заявил, что пропорциональная система выборов в стране не будет способствовать стабилизации политического положения. При этом американский представитель аргументировал свое вмешательство возможностью неэффективного использования экономической помощи США. Греческое правительство под давлением американцев вынуждено было отозвать законопроект, уже внесенный в парламент, который предусматривал восстановление простой пропорциональной избирательной системы [65]. Во время беседы с американским послом лидер либералов Венизелос вынужден был заверить, что, хотя он и принимал участие в подготовке законопроекта о пропорциональной системе, у него не было намерений внести его в парламент без предварительной консультации с Пьюрифоем. Посол писал в госдепартамент, что, по его мнению, «есть моменты, когда наше вмешательство в интересах США и американского налогоплательщика должно быть своевременным, твердым и решительным» [66]. Король Павлос впоследствии признавал, что мажоритарная система была принята по настоянию американского посла [67].

На заседании парламента 18 августа 1952 г. А. Папагос заявил, что выборы в сентябре 1951 г. были сфальсифицированы, и потребовал проведения нового голосования по мажоритарной системе. Американский посол также высказался за проведение новых выборов и объявил, что теперь главный вопрос следующий: «Кого желает видеть во главе правительства греческий народ: маршала Папагоса или генерала Пластираса?» Пьюрифой также поддержал заявление фельдмаршала о том, что «коммунисты участвуют в управлении Грецией», указывая на присутствие в парламенте депутатов от Единой демократической левой. Высказывания посла о потребности для Греции устойчивого правительства официально поддержал и госдепартамент США [68].

Заявление Пьюрифоя вызвало новую волну критики со стороны греческой прессы. Газета «Аллаги» отмечала, что греческие парламентские круги не скрывают своего возмущения действиями американского посла, который открыто вмешивается в дела страны, указывая не только на необходимость скорейшего проведения выборов, но и даже на то, по какой избирательной системе они должны проводиться [69]. Последнюю попытку убедить американцев не поддерживать Папагоса предприняли король Павлос и королева Фредерика, которые лично, вопреки протоколу, внезапно явились в американское посольство для беседы с Пьюрифоем. Однако повлиять на позицию американцев им не удалось [70].

В телеграмме в госдепартамент от 25 сентября Пьюрифой попытался подвести итоги американской политики в отношении Греции и наметить перспективу дальнейших действий американцев. Посол с удовлетворением констатировал, что США удалось убедить греческих политиков изменить избирательную систему и ввиду высокой неустойчивости правительства Пластираса он считал необходимым скорейшее проведение выборов. Пьюрифой высказался за продолжение конфиденциального и осторожного давления на короля и правительство, чтобы не допустить откладывания выборов. В то же время посол выступил за пересмотр прежней тактики американского участия в греческих внутренних делах. Отношения Греции с США должны были в перспективе выстраиваться по аналогии с взаимоотношениями Вашингтона с другими странами НАТО, они должны были становиться «братскими, а не отеческими». Прямое американское давление следовало ограничить только жизненно важными для Вашингтона вопросами и осуществлять его конфиденциально. Предпочтительными каналами американского влияния признавались многосторонние институты, например НАТО [71].

Новая избирательная система была утверждена парламентом в сентябре 1952 г. В Греции устанавливалась мажоритарная система, женщины получили право голоса. Одной из задач реформы было прекращение постоянной ротации премьер-министров. США выступили за скорейшее проведение выборов по новой системе [72]. Пьюрифой дал понять, что правительство Пластираса теперь неприемлемо для США [73]. 11 октября кабинет Пластираса ушел в отставку.

На выборах 16 ноября 1952 г. Папагосу, которого открыто поддерживали американцы, удалось выиграть у центристских партий. Греческий Сбор собрал больше 49% голосов и получил 247 из 300 мест в парламенте. ЭПЭК во главе с генералом Пластирасом, несмотря на то что за него проголосовали 36% избирателей, получил толь-

ко 51 место. Единая демократическая левая партия получила около 10% голосов, но из-за мажоритарной системы не смогла обеспечить ни одного места в парламенте. По итогам выборов было сформировано первое после гражданской войны однопартийное правительство. Политический расклад резко изменился. Теперь правительство, опиравшееся на парламентское большинство, обрело стабильность, Греция получила сильного премьер-министра, ослабили позиции королевского двора [74]. Таким образом, к власти в Греции пришло правоцентристское правительство во главе с фельдмаршалом Папагосом, приоритеты которого совпадали с американскими. Но подтвердились и опасения американцев, что Папагос будет проводить более самостоятельную внутреннюю политику, избегая советов из-за океана.

Таким образом, американцам удалось решить проблему нестабильности греческих правительств. Пропорциональная избирательная система, пестрота политического спектра приводили к чрезвычайной неустойчивости греческих правительств, что делало невозможным проведение долговременных реформ, без которых, как считали американские советники, нельзя было создать прочный экономический фундамент для поступательного развития страны. Поэтому Соединенные Штаты выступили за переход к мажоритарной избирательной системе, позволявшей создать в парламенте устойчивое большинство. Фактически принятие доктрины Трумэна де-факто означало ограничение суверенитета Греции. Американские дипломаты не останавливались и перед открытым вмешательством в греческие внутренние дела. На политику США заметное влияние оказало также начало Корейской войны. Соединенные Штаты теперь готовы были поддерживать и откровенно недемократические режимы. Приоритетом американцев стало превращение Греции в полноценного союзника для ее участия в «сдерживании коммунизма». Эта цель также была достигнута: в 1952 г. Греция стала членом Северо-Атлантического альянса. В то же время большинство «болезней» греческой политики и экономики не были изжиты. Так, греческий клиентелизм не был разрушен в результате американского вмешательства и сохранился вплоть до настоящего времени, явившись одной из причин современных греческих экономических проблем.

Соединенные Штаты поддержали Папагоса, а после его смерти в 1955 г. – К. Караманлиса в первую очередь в силу заинтересованности в стабилизации греческого политического режима в условиях холодной войны. Фактически маршал А. Папагос сыграл роль греческого Ш. Де Голля. Правительство Папагоса – Маркезиниса смогло приступить к проведению экономических ре-

форм, сделав ставку на развитие свободной рыночной экономики, считая своим приоритетом интеграцию Греции в сообщество западных стран.

В то же время это решение американцев имело и определенные негативные последствия. Позиция США оказала влияние на последующее политическое развитие Греции. Приход к власти Папагоса законсервировал правый политический режим, усилил позиции армии и означал отказ от любых попыток поиска путей преодоления политического раскола греческой нации. Фактически ставка Вашингтона на правоцентристские силы способствовала ослаблению левого фланга греческого политического спектра и привела к блокированию возможности развития Греции по демократическому пути, а также стала одной из предпосылок установления диктатуры «черных полковников» в 1967 г. Левоцентристская альтернатива, которую олицетворяла коалиция Либеральной партии и ЭПЭК, не реализовалась. С 1952 по 1963 г. Грецией управляли только правые правительства, американцы поддерживали институт монархии как гаранта политической стабильности и лояльности страны Западу. Вплоть до 1962 г. в Греции сохраняло действие репрессивное законодательство периода гражданской войны. Лишь после свержения хунты «черных полковников» в 1974 г. Греция смогла постепенно встать на путь демократических преобразований. Левоцентристское правительство вернулось к власти в 1981 г., когда премьер-министром стал А. Папандреу.

Примечания

1. *Amen M. M.* American Foreign Policy in Greece 1944–1949. Economic, Military and Institutional Aspects. Frankfurt, 1978; *Roubatis Y. P.* Tangled Webs: The U. S. in Greece, 1947–1967. N.Y., 1987; *Wittner L. S.* American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982; *Miller J. E.* The United States and the Making of Modern Greece: History and Power, 1950–1974. Chapel Hill (N. C.), 2009; и др.

2. *Papandreou A.* Democracy at Gunpoint: The Greek Front. Garden City; N. Y., 1970. P. 92–93.

3. *Averoff-Tossizza E.* By Fire and Axe: The Communist Party and the Civil War in Greece, 1944–1949. N. Y., 1978; Jones H. “A New Kind of War”. America’s Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. N. Y.; Oxford, 1989; и др.

4. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1949. Vol. 6. P. 465–466; *Stefanidis I.* United States, Great Britain and Greece, 1949–1952: the Problem of Greek Security and Internal Stability: Thesis Submitted for the PhD Degree in International History London School of Economics and Political Science. L., 1989. P. 115–118.

5. Current situation in Greece (ORE 4-50). 2/28/1950. URL: http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000258841. P. 5.

6. *Papandreou, A.* Democracy at Gunpoint: The Greek Front. Garden City; N. Y., 1970. P. 82–83.

7. *Miller J. E.* Op. cit. P. 25–26.

8. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 344.

9. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 120–122.

10. *Ibid.* P. 122–123.

11. *Papandreou A.* Op. cit. P. 83–84; FRUS. 1950. Vol. 5. P. 341; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 127–128; *Clogg R.* Parties and Elections in Greece: The Search for Legitimacy. L., 1987. P. 24–26.

12. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 345–347; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 82.

13. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 347–348.

14. *Jeffery J. S.* Ambiguous Commitments and Uncertain Policies: The Truman Doctrine in Greece, 1947–1952. Lanham (Md.), 2000. P. 223; The Memoirs of Ambassador Henry F. Grady. From the Great War to the Cold War / ed. with an Introduction by John T. McNay. Columbia; L., 2009. P. 149–150; см. также: *Papandreou A.* Op. cit. P. 84; *Miller J. E.* Op. cit. P. 27–28.

15. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 351–352.

16. *Ibid.* P. 355.

17. Department of State Bulletin. Vol. 22, No. 563. April 17, 1950. P. 600–601; FRUS. 1950. Vol. 5. P. 356; DAFR. Vol. XII. Boston, 1951. P. 599–602; Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 566. Оп. 17. П. 492. Д. 179. Л. 48; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 83.

18. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 356–357, 364–365; *Jeffery J. S.* Op. cit. P. 224.

19. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 137–138.

20. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 364–365.

21. *Papandreou A.* Op. cit. P. 85.

22. *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 84; *Dimitrakis P.* Greece and the English: British Diplomacy and the Kings of Greece. L.; N.Y., 2009. P. 70.

23. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 365–367; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 84–85.

24. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 369–371.

25. См., например: АВП РФ. Ф. 566. Оп. 17. П. 492. Д. 179. Л. 82–83, 105–106.

26. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 380; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 86–87; *Wittner L. S.* Op. cit. P. 288–289.

27. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 150; *Mihalakis E. N.* The Greek Internal Conflict in the 1940’s: A Dissertation Submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy: Vol. II. Boston (Massachusetts), 1997. P. 353; и др.

28. *Jones H.* Op. cit. P. 234.

29. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 395–396; *Wittner L. S.* Op. cit. P. 290; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 152.

30. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 416–417.

31. *Ibid.* P. 401–402.

32. *Ibid.* P. 418–422.

33. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 154–157.

34. *Miller J. E.* Op. cit. P. 35.

35. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 432–433; *Mihalakis E. N.* Op. cit. P. 356; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 162.

36. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 433–435.

37. См., например: FRUS. 1951. Vol. 5. P. 445–446; и др.

38. *Ibid.* P. 466–469.

39. *Ibid.* P. 471–472; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 169.

40. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 174–176.

41. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 469–471; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 174.

42. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 474.

43. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 176–178.

44. См., например: *Dimitrakis P.* Op. cit. P. 71–72; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 178–179.

45. *Papandreou A.* Op. cit. P. 87.
46. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 476–478.
47. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 180–181.
48. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26а. П. 59. Д. 13. Л. 7.
49. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 480–481.
50. Ibid. P. 483–485.
51. *Papandreou A.* Op. cit. P. 88; см. также: *Mihalakis E. N.* Op. cit. P. 359; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 186–189.
52. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 500–502; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 190–191.
53. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 499–501.
54. Ibid. P. 502–503.
55. Ibid. P. 517–518; *Stefanidis I.* Op. cit. P. 194–195; итоги выборов: *Clogg R.* Op. cit. P. 27–29.
56. *Miller J. E.* Op. cit. P. 26–27.
57. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 508–509.
58. Ibid. P. 517–518.
59. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 199.
60. Ibid. P. 200–201.
61. АВП РФ. Ф. 5956. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 134.
62. FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 780–781.
63. Ibid. P. 782; см. также: *Miller J. E.* Op. cit. P. 37–38.
64. *Stefanidis I.* Op. cit. P. 203–206.
65. АВП РФ. Ф. 5956. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 457–458, 466; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 115.
66. FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 789–790; *Miller J. E.* Op. cit. P. 38.
67. *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 115.
68. АВП РФ. Ф. 5956. Оп. 1. П. 134. Д. 302. Л. 293–298, 307; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 114–115.
69. АВП РФ. Ф. 5956. Оп. 1. П. 135. Д. 303. Л. 1.
70. *Miller J. E.* Op. cit. P. 39.
71. FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 806–809.
72. Ibid. P. 807. Новый избирательный закон был одобрен парламентом 12 сентября 132 голосами «за» и 121 «против». При этом Пластирас и Венизелос вынуждены были потребовать от депутатов своих партий, которые выступали за пропорциональную систему, голосовать за закон в порядке партийной дисциплины (АВП РФ. Ф. 5956. Оп. 1. П. 135. Д. 303. Л. 42, 48, 58).
73. *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 116.
74. *Miller J. E.* Op. cit. P. 39; *Roubatis Y. P.* Op. cit. P. 113; итоги выборов: *Clogg R.* Op. cit. P. 30–31.

УДК 342.951:339.524

А. М. Розуван, Е. Е. Титов

**ГАРМОНИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ
РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА
О НАРУШЕНИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ В СФЕРЕ
АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена вопросам гармонизации юрисдикционных процедур в антимонопольной сфере. Автором проанализировано соотношение сроков давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, а также сроков давности привлечения к административной и уголовной ответственности за правонарушения в антимонопольной сфере. На основе анализа позиций Конституционного суда РФ автором сделан вывод о необходимости гармонизации указанных сроков.

The article is devoted to the item of harmonization of antimonopoly jurisdictional proceeding. In the article correlation of periods of limitation antimonopoly breach proceeding and administrative and criminal responsibility proceedings are analysed. In compliance with judgement of Constitutional Court of Russian Federation the author concluded necessity of harmonization mentioned periods of limitation.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольное законодательство, юрисдикционные процедуры, сроки давности.

Keywords: competition; antitrust law; jurisdictional proceeding, periods of limitation.

В последние годы наметилась тенденция к снижению количества установленных нарушений антимонопольного законодательства. Так, в 2012 г. установлено 8173 нарушения антимонопольного законодательства, в 2011-м – 9064 нарушения, в 2010-м – 9331 нарушение [1]. Тем не менее ФАС России по-прежнему обеспечивает высокий уровень поступлений в бюджет от уплаты штрафов, в первую очередь оборотных. Так, в 2010 г. уплачено 5664,8 млн руб. оборотных штрафов, в 2011-м – 12304,2 млн руб., в 2012-м – 6747 млн руб.

Одним из самых распространенных видов нарушений антимонопольного законодательства является ограничение конкуренции властными

субъектами – государственными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, иными осуществляющим функции указанных органов органами или организациями, организациями, участвующими в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации. Согласно данным отчета ФАС России о работе по выявлению нарушений антимонопольного законодательства [2], в 2012 г. из 8173 нарушений антимонопольного законодательства 2890 – это нарушения ст. 15 Закона о защите конкуренции (незаконные акты и действия властных органов). На втором месте – нарушения запрета на злоупотребление доминирующим положением (ст. 10 Закона о защите конкуренции нарушений) – 1907 нарушений. Замыкают тройку лидеров нарушения антимонопольных требований к торгам – 919 нарушений.

Приведенные данные подчеркивают важность организации эффективного антимонопольного контроля и привлечения виновных лиц к административной ответственности. Во многом решение данного вопроса зависит от эффективного сочетания процедуры антимонопольного контроля и производства по делу об административном правонарушении.

Производство по делу об административном правонарушении в антимонопольной сфере тесно взаимосвязано с процедурой рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства в порядке гл. 9 ФЗ «О защите конкуренции», поскольку поводом для возбуждения административных дел о нарушении антимонопольного законодательства является решение комиссии, вынесенное в порядке гл. 9 ФЗ «О защите конкуренции».

В связи с этим существенным является вопрос о сроке давности привлечения к административной ответственности за совершение антимонопольного правонарушения. Согласно ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ, срок давности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 14.9, 14.31, 14.31.1–14.33 КоАП РФ, начинается со дня вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации. «Такое

законодательное решение связывает между собой два отдельных производства – по делу о нарушении антимонопольного законодательства и по делу об административном правонарушении» [3]. В 2010 г. Конституционный суд РФ рассматривал вопрос об увязке сроков давности привлечения к административной ответственности с юридическим фактом отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела по вменяемому лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, обстоятельствам [4]. Тогда суд признал такую увязку неконституционной, поскольку публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, оправдывают правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод.

Высказанная Конституционным судом РФ позиция могла бы стать основой для аналогичного подхода и в случае с увязкой срока давности привлечения к административной ответственности с датой вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, но не стала [5]. Начальник Управления конституционных основ публичного права Конституционного суда РФ Е. Тарибо указывает на то, что «на самом деле ситуация перехода антимонопольного производства к административному преследованию имеет лишь внешнее сходство со случаями возбуждения административных дел после прекращения дел уголовных» [6]. При этом автор указывает на три основных довода в пользу принятых Конституционным судом РФ отказных решений [7]:

1) ответственность за нарушение антимонопольного законодательства носит иной характер, она принципиально отличается от уголовной и административной ответственности. В связи с этим не может быть применен аналогичный подход в разграничении производств привлечения к уголовной и административной ответственности, поскольку последние имеют родовую общность;

2) злоупотребления, направленные против конкуренции, совершаются хозяйствующими субъектами в условиях неочевидности, что затрудняет их обнаружение и квалификацию в качестве административно-правовых нарушений. Данный довод, получивший закрепление в Постановлении Конституционного суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П [8], в свете позиции опять-таки Конституционного суда РФ о том, что цели одной рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод, является спорным. Кроме того, в условиях неочевидности может

быть совершено и множество других административных правонарушений, однако это не означает, что срок давности должен отсчитываться с момента их выявления, а не совершения;

3) антимонопольное и административное законодательство не предполагают затягивание сроков вынесения решений в отношении нарушения антимонопольного законодательства.

Последнего довода, на наш взгляд, недостаточно для обоснования конституционности ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ. Сроки давности привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства (максимум 4 года) хоть и ограничены, но превышают сроки давности привлечения к уголовной ответственности за антиконкурентное преступление.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 178 УК РФ определенные способы ограничения конкуренции (заклучение хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), неоднократное злоупотребление доминирующим положением, выразившееся в установлении и/или поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованный отказ или уклонение от заключения договора, ограничение доступа на рынок) наказываются, в том числе лишением свободы на срок до трех лет.

Учитывая размер наказания и принимая во внимание положения ч. 2 ст. 15 Уголовного кодекса РФ, деяние, преследуемое ч. 1 ст. 178 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести. Следовательно, срок давности привлечения к уголовной ответственности не может превышать 2 года со дня совершения преступления (ст. 78 УК РФ). Деяния, преследуемые по ч. 1 ст. 178 УК РФ, несомненно, являются более вредными по сравнению с административными правонарушениями, закрепленными в ст. 14.9, 14.31, 14.31.1–14.33 КоАП РФ, поскольку в любом случае влекут причинение крупного ущерба (свыше одного миллиона рублей) гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере (свыше пяти миллионов рублей). Однако срок давности привлечения к административной ответственности, например за злоупотребление доминирующим положением в виде навязывания контрагенту невыгодного условия ценой в 1000 руб. (ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ), будет составлять 4 года. Несправедливость очевидна. Конституционный суд РФ в Постановлении от 13.07.2010 г. № 15-П, о котором речь шла выше, установил, что не исключается правомочие федерального законодателя устанавливать для таких случаев, а равно для отдельных составов административных правонарушений специальные сроки давности привлечения к административной ответственности, которые превышают существу-

ющие, но, во всяком случае, не могут быть больше минимальных сроков давности привлечения к уголовной ответственности и должны иметь не зависящее от каких-либо юридических фактов календарное исчисление.

Однако данная позиция порождает еще ряд вопросов. Минимальный срок давности привлечения к уголовной ответственности составляет 2 года согласно ст. 78 УК РФ. Значит ли это, что срок давности привлечения к административной ответственности за любое административное правонарушение не может превышать два года с момента совершения? Или имеются в виду сроки давности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на тот же объект, что соответствующее административное правонарушение? Этот объект должен быть определен как родовой или видовой? Однако данные вопросы не касаются избранной темы и отдельно рассматриваться не будут.

Сформулированный в приведенной позиции Конституционного суда РФ принцип явно нарушен. Видится, что решение обозначенной проблемы возможно двумя способами. Первый – это ужесточение уголовного наказания за ограничение конкуренции, перемещение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ, из категории преступлений небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести, что влечет применение шестилетнего срока давности привлечения к уголовной ответственности. Второй способ – сокращение сроков давности применения мер административного принуждения за нарушение антимонопольного законодательства (мер принуждения применяемых, по результатам процедуры рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства в порядке Закона о защите конкуренции, и мер административной ответственности).

Первый способ в нынешних условиях смягчения уголовной ответственности за совершение экономических преступлений едва ли можно считать популярным, он противоречит современным тенденциям. Второй способ имеет своих сторонников. Например, А. М. Евсиков обосновывает целесообразность сокращения срока давности привлечения к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства с трех до двух лет. «Такое сокращение срока давности позволит, с одной стороны, обеспечить оперативность наступления административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, а с другой стороны, сохранит достаточный срок для определения факта нарушения антимонопольного законодательства. В настоящее время решение комиссии антимонопольного органа может быть вынесено не позднее чем через три года после совершения правонару-

шения, а срок вынесения решения о привлечении к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства начинает течь с момента вынесения решения комиссией антимонопольного органа. Соответственно, со дня совершения правонарушения, предусмотренного ст. 14.9, 14.31–14.33 КоАП РФ, до дня привлечения виновного лица к административной ответственности по указанным статьям может пройти до четырех календарных лет, что противоречит такой характеристике административной ответственности, как оперативность ее наступления» [9].

Однако снижение срока давности, предусмотренного ст. 41.1 Закона о защите конкуренции, до двух лет также не способно выровнять отмеченный неконституционный перекоп в сроках давности привлечения к административной и уголовной ответственности за ограничение конкуренции. Действуя вторым из указанных способов для устранения обозначенной проблемы, срок давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства необходимо сокращать как минимум до одного года либо «жертвовать» сроком административного производства в порядке КоАП РФ. Однако, на наш взгляд, сокращение первого срока до одного года, равно как и установление второго срока продолжительностью менее года, чревато уходом виновных лиц от административной ответственности за ограничение конкуренции. Поэтому представляется все же целесообразным переместить преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 178 УК РФ, в категорию преступлений средней тяжести, тем более что для достижения отмеченных целей ужесточение наказания возможно произвести незначительно. Однако необходимо понимать, что с изменением категории преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ, изменится не только срок давности привлечения к уголовной ответственности, изменится порядок назначения уголовного наказания, основания прекращения уголовного дела (см. ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса РФ) и т. п.

Примечания

1. Презентация И. Ю. Артемьева «Основные итоги работы за 2012 год. Стратегия развития». URL: http://fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_30895.html.
2. URL: http://fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_30892.html.
3. Тарифо Е. Ответственность за антимонопольные нарушения: судебное-конституционное измерение // Конкуренция и право. 2012. № 5. С. 6.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, А. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. См.: Определения КС РФ от 21 июня 2011 № 923-О-О и от 02.11.2011 № 1570-О-О.

6. *Тарибо Е.* Указ. соч. С. 7.

7. Там же.

8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Евсиков А. М.* Административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

УДК 34:331.55

Д. Г. Домрачев

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрено обязательное тестирование трудовых мигрантов на предмет знания русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации. Для выполнения этой задачи уполномоченным государственным органам необходимо срочно приступить к формированию новой нормативно-правовой базы в сфере миграционного законодательства.

The concept of migration policy of the Russian Federation for the period until 2025 provides for the mandatory testing of migrant workers on the subject of knowledge of the Russian language, Russian history and the basic legislation of the Russian Federation. For this task by the authorized public authorities should urgently proceed to the formation of a new legislative basis in the sphere of migration legislation.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовые мигранты, нормативно-правовое регулирование, система подготовки и тестирования.

Keywords: migration policy, labour migrants, legal regulation, the system of training and testing.

В последние годы миграция населения приобретает глобальные масштабы, становясь важнейшим фактором экономического, социального, политического и культурного развития населения отдельных стран и регионов, в том числе Российской Федерации.

При этом трудовая миграция является одним из важнейших элементов российской экономики, действенным инструментом защиты внутреннего рынка труда, стабилизации социально-по-

литической ситуации как в отдельных регионах страны, так и в Российской Федерации в целом.

В настоящее время труд мигрантов является также важным фактором пополнения трудовых резервов. Только продажа патентов принесла в прошлом году бюджетам субъектов Российской Федерации 6,5 миллиарда рублей. Всего иностранцы купили два миллиона патентов, 1,2 миллиона из них – в прошлом году.

В ближайшее время трудовые мигранты должны будут стать полноценными плательщиками налогов в России. Комиссией Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности одобрен проект закона, предусматривающий постановку трудовых мигрантов на налоговый учет в момент обращения за разрешением на работу или патентом (проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в РФ”, иные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ»).

Вместе с тем взятый Правительством Российской Федерации курс на модернизацию российской экономики и ее дальнейшее развитие, в том числе путем внедрения инновационных технологий и научных достижений, предполагает не просто увеличение спроса на труд в целом, но и изменение его профессионально-квалификационной структуры.

Совершенствование механизмов привлечения и использования иностранной рабочей силы является одной из задач государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения», которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 2149-р.

В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил особое внимание на проблемы российской миграционной политики. Он отметил, что «Россия нуждается в притоке новых сил. Безусловно, нуждается в умных, образованных, трудолюбивых людях, которые не просто хотят здесь подработать и уехать, а хотят перебраться, обосноваться в России и считают Россию своей родиной».

Это означает, что в современных условиях миграционная политика становится одним из приоритетных направлений в политической и экономической деятельности нашего государства, поэтому от законодательной и исполнительной власти требуются взвешенные и обоснованные решения в сфере миграции, способные позитивно повлиять на миграционную ситуацию и содействовать развитию территорий.

При этом важнейшим условием эффективной социальной адаптации и последующей интегра-

ции в общество значительного количества иностранных граждан является знание языка принимающего государства, основ государственно-правового устройства, ценностей, истории, культурных традиций, норм поведения.

Обеспечение этого условия не только укрепляет единство общества, но и препятствует обособлению и сегрегации этнических групп мигрантов, способствует вхождению всех членов общества в единое правовое поле, обеспечению законных интересов, прав и свобод как российских, так и самих иностранных граждан, а также способствует укреплению межнационального мира в российском обществе.

Решение указанных задач предусмотрено первым этапом (2012–2015 гг.) реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г.

В частности, в соответствии с Концепцией (пункт «д» ст. 28) планируется создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации.

Введение обязательного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для трудящихся-мигрантов, за исключением высококвалифицированных специалистов, предусмотрено также Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» и проектом Федерального закона «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” и в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», принятым в первом чтении Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации 10 апреля 2013 г.

Необходимость и обоснованность этих мер подтверждается в процессе интеграции мигрантов в российское общество и осуществления ими повседневной, в том числе трудовой, деятельности.

Отсутствие достаточного уровня знаний трудовыми мигрантами русского языка и российского законодательства неизбежно становится, с одной стороны, причиной злоупотреблений недобросовестных работодателей, других граждан в отношении мигрантов, нарушения их законных прав и интересов. С другой стороны, препятствует надлежащему исполнению иностранными гражданами возложенных на них законодательством обязанностей, способствует совершению правонарушений.

Так, например, по результатам проведенных Федеральной миграционной службой в 2012 г. проверок за нарушения миграционного законодательства Российской Федерации привлечен к административной ответственности 349 861 чел., в том числе: за нарушение правил привлечения и использования иностранной рабочей силы – 81 930 юридических лиц; за нарушение режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации – 183 690 чел.; за иные правонарушения – 84 154.

Как показывает анализ правоприменительной практики, во многих случаях правонарушения допускаются мигрантами не умышленно, а ввиду незнания основных норм российского законодательства.

Введение для иностранных граждан системы обязательной подготовки и тестирования по истории России позволит им понять национальные, религиозные и культурные традиции нашего государства и его народа, что, безусловно, будет содействовать процессу более легкой, безболезненной и глубокой интеграции мигрантов в российское общество, быстрой адаптации в нем. Это, в свою очередь, позволит избежать возникновения постоянно происходящих этнических конфликтов, когда нарушение мигрантами стереотипов поведения вызывает неприязнь, а порой и агрессию со стороны местного населения.

Актуальность этих преобразований подтверждается также многолетним опытом формирования миграционной политики в зарубежных странах.

Например, в европейских странах интеграция иностранных трудовых мигрантов тесно связана с предоставлением гражданства, зависящим от успешной сдачи тестов. Например, курсы языковой и гражданской интеграции обязательны и достигают 30–40 часов по гражданской и 600 часов по языковой интеграции. Такая практика существует в Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Испании, Люксембурге, Нидерландах, Франции и других странах.

На основании изложенного следует вывод о том, что актуальность создания системы обучения и подготовки к тестированию по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации в России и за рубежом для различных категорий граждан стран дальнего и ближнего зарубежья продиктована острой необходимостью решения следующих основных государственных проблем.

1. Исправление демографической ситуации в целом.
2. Пополнение трудовых ресурсов.
3. Повышение темпов экономического развития.
4. Пополнение бюджета за счет легальной трудовой деятельности мигрантов.

5. Адаптация мигрантов в российском обществе, предотвращение межнациональных конфликтов.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование вопросов государственного тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации и за рубежом осуществляется на основании следующих действующих правовых актов.

1. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»

Устанавливает, что при наличии в документе иностранного государства об образовании (на уровне не ниже основного общего образования), признаваемом на территории Российской Федерации, записи об изучении его обладателем курса русского языка такой документ подтверждает владение его обладателем русским языком на определенном уровне, необходимом в соответствующем случае, предусмотренном законодательством Российской Федерации (п. 6.1. ст. 27.2).

2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»

Устанавливает обязательным условием обращения иностранных граждан и лиц без гражданства с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации владение русским языком.

3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

Определяет правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации, а также регулирует отношения между иностранными гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации и осуществлением ими на территории Российской Федерации трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

Устанавливает обязательным условием осуществления иностранным гражданином трудовой деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли или бытового обслуживания владение русским языком на уровне не ниже базового уровня владения русским языком.

Иностранный гражданин подтверждает владение русским языком на уровне не ниже базового уровня в том числе сертификатом о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку, выданным в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, и

удостоверяющим, что иностранный гражданин владеет русским языком на уровне не ниже базового уровня владения русским языком (п. 8.1, 8.2 ст. 13.1).

4. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации»

Утверждает Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, предусматривающее обязательное предоставление лицом, претендующим на получение гражданства документа, подтверждающего его владение русским языком на уровне, достаточном для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды.

5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»

Предусматривает разработку комплекса мер по введению до ноября 2012 г. обязательного экзамена по русскому языку, истории России, основам законодательства Российской Федерации для трудящихся-мигрантов, за исключением высококвалифицированных специалистов.

6. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 19.01.1998 № 87 «Об утверждении положения о головном центре тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку в Московском педагогическом государственном университете»

Устанавливает правовой статус головного центра тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку.

7. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 18 февраля 2004 г. № 735 «Об утверждении перечня образовательных организаций (учреждений), проводящих государственное тестирование по русскому языку как иностранному иностранных граждан и лиц без гражданства для приема в гражданство Российской Федерации»

Устанавливает перечень образовательных организаций (учреждений), проводящих государственное тестирование по русскому языку как иностранному иностранных граждан и лиц без гражданства для приема в гражданство Российской Федерации.

8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2009 г. № 463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному языку»

Устанавливает федеральные государственные требования по русскому языку как иностранному языку, определяет уровень владения и степень сформированности коммуникативной компетенции по русскому языку как иностранному языку иностранными гражданами и лицами без гражданства.

9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 марта 2010 г. № 207 «Об утверждении порядка государственного тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства по русскому языку как иностранному языку»

Определяет правила организации государственного тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства по русскому языку как иностранному языку образовательными учреждениями (организациями) на территории Российской Федерации или за рубежом, которым Министерством образования и науки Российской Федерации разрешено проведение тестирования.

10. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 765 «Об утверждении порядка выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования граждан иностранных государств по русскому языку как иностранному языку, выдаваемого образовательным учреждением (организацией) на территории Российской Федерации или за рубежом, которому Министерством образования и науки Российской Федерации разрешено проведение такого тестирования»

Устанавливает правила выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования граждан иностранных государств по русскому языку как иностранному языку, выдаваемого образовательным учреждением (организацией) на территории Российской Федерации или за рубежом, которому Министерством образования и науки Российской Федерации разрешено проведение такого тестирования.

11. Приказ Федеральной миграционной службы от 19 марта 2008 г. № 64 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной миграционной службой государственной функции по осуществлению полномочий в сфере реализации законодательства о гражданстве Российской Федерации»

Устанавливает:

– порядок исполнения государственной функции по определению наличия гражданства Российской Федерации, приобретению или прекращению гражданства Российской Федерации, со-

гласованию или отклонению либо отмене решений по вопросам гражданства, ведению учетов лиц, изменивших гражданство;

– требования, предъявляемые к порядку исполнения государственной функции, сроки и последовательность действий (административные процедуры) Федеральной миграционной службы и территориальных органов ФМС России, порядок и формы контроля за исполнением государственной функции, порядок обжалования действий (бездействия) должностного лица или принимаемого им решения, а также взаимодействие ФМС России, ее территориальных органов и их структурных подразделений с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления при осуществлении данных полномочий.

12. Приказ ФМС РФ № 89, Минздравсоцразвития РФ № 202, Минтранс РФ № 62, Росрыболовства № 323 от 21.04.2009 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в области содействия занятости населения, Федеральным агентством морского и речного транспорта и Федеральным агентством по рыболовству государственной услуги по выдаче заключений о привлечении и об использовании иностранных работников, разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства»

Устанавливает порядок предоставления Федеральной миграционной службой, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в области содействия занятости населения, Федеральным агентством морского и речного транспорта и Федеральным агентством по рыболовству государственной услуги по выдаче заключений о привлечении и об использовании иностранных работников, разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, определяет сроки и последовательность действий (административных процедур) Федеральной миграционной службы и ее территориальных органов, представителей ФМС России за рубежом, органов государственной службы занятости населения субъектов Российской Федерации, Федерального агентства морского и речного транспорта и Федерального агентства по рыболовству, а также по-

рядок взаимодействия этих органов при осуществлении полномочий в сфере выдачи заключений о привлечении и об использовании иностранных работников, разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Анализ содержания указанных документов показывает, что для решения задач, поставленных Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», требуется существенная доработка нормативно-правовой базы в сфере регулирования вопросов подготовки и государственного тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации и за рубежом по следующим причинам.

1. Действующие нормативно-правовые акты предусматривают обязательное тестирование мигрантов для решения вопросов предоставления им российского гражданства или права на осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации только по русскому языку.

2. В настоящее время правовой статус головных центров тестирования юридически не урегулирован, так как Приказ Министерства образования Российской Федерации от 19.01.1998 № 87 «Об утверждении положения о головном центре тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку в Московском педагогическом государственном университете» распространяет свое действие только на указанное в нем образовательное учреждение, которое в настоящее время фактически уже не выполняет функции головного центра тестирования.

3. Фактический состав центров тестирования в Российской Федерации и за рубежом не соответствует перечню образовательных организаций (учреждений), проводящих государственное тестирование по русскому языку как иностранному иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденному приказом Министерства образования Российской Федерации от 18 февраля 2004 г. № 735, и постоянно меняется.

4. В настоящее время нормативно не определены порядок включения вузов в перечень головных центров государственного тестирования и критерии, которым должен соответствовать такой вуз.

5. Не утверждены в установленном порядке федеральные государственные требования к определению уровня знания истории России и основ законодательства Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Вместе с тем уполномоченные органы законодательной и исполнительной власти уже при-

ступили к разработке нормативно-правовой базы по обеспечению реализации поставленных руководством государства в сфере миграционной политики задач.

В 2012 г. депутатами Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации В. Н. Плигиным, Д. Ф. Вяткиным, Т. К. Агузаровым, А. Н. Хайруллиным, М. А. Шакумовым, М. С. Селимхановым, Р. Ш. Хайровым, И. Б. Богуславским на рассмотрение Государственной думы внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” и в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” (об установлении обязанности подтверждения в установленном порядке владения русским языком и знания истории России и основ законодательства Российской Федерации для отдельных категорий иностранных граждан, обратившихся за получением обыкновенной рабочей визы или вида на жительство в Российской Федерации либо прибывающих в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, для осуществления трудовой деятельности на основании разрешения на работу или патента)».

Постановлением Государственной думы Федерального Собрания от 10.04.2013 № 2023-6 данный законопроект принят в первом чтении и направлен в соответствующие компетентные органы для повторного изучения.

Принятие указанного Федерального закона не повлечет дополнительных расходов средств федерального бюджета, но потребует принятия приказов Минобрнауки Российской Федерации об утверждении:

1) порядка и критериев включения организаций в перечень организаций, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации;

2) перечня указанных организаций;

3) форм и порядка проведения экзамена по русскому языку как иностранному языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации;

4) требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена;

5) порядка выдачи и формы сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации.

В текущем году Министерством образования и науки также были предприняты меры по систематизации и приведению подзаконных правовых актов, действующих в сфере организации

тестирования мигрантов, в соответствии с изменениями, внесенными в федеральное законодательство (Федеральный закон от 12.11.2012 № 185-ФЗ «О внесении изменений в статью 13.1 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в РФ” и статью 27.2 Закона РФ “Об образовании”») и подзаконные нормативно-правовые акты (Указ Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации»).

В этих целях разработаны проекты приказов Минобрнауки РФ:

- «Об организации тестирования по русскому языку как иностранному»;
- «Об утверждении федеральных государственных требований к определению уровня владения русским языком трудящихся мигрантов»;
- «Об утверждении условий, порядка выдачи, формы и технических требований к сертификату о прохождении государственного тестирования по русскому языку».

Также разработан проект Указа Президента России о внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента России от 14 ноября 2002 г. № 1325.

Однако все эти проекты правовых актов не учитывают задачи введения обязательного экзамена по истории России и основам законодательства Российской Федерации для трудящихся-мигрантов, предусмотренные Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г., и проектом Федерального закона «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” и в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации...”».

Вместе с тем, учитывая, что проекты указанных документов соответствуют требованиям, предъявляемым к такого рода документам, целесообразно проекты новых правовых актов разработать на их основе, дополнив текст соответствующим содержанием, и утвердить после принятия Федерального закона «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” и в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”»...

Таким образом, для выполнения поставленных Президентом Российской Федерации в сфере

миграционной политики целей в настоящее время государство в лице его уполномоченных административных органов должно срочно приступить к решению важной задачи – формированию новой системы подготовки и тестирования трудовых мигрантов в России и за рубежом.

Использованные источники

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

3. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Собрание законодательства РФ». 1996. № 3. Ст. 1504.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // Официальный сайт Президента Российской Федерации www.kremlin.ru.

5. Указ Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4571.

6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2339.

7. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 19.01.1998 № 87 «Об утверждении положения о головном центре тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку в Московском педагогическом государственном университете» // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/>

8. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 18 февраля 2004 г. № 735 «Об утверждении перечня образовательных организаций (учреждений), проводящих государственное тестирование по русскому языку как иностранному иностранных граждан и лиц без гражданства для приема в гражданство Российской Федерации» // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/>

9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2009 г. № 463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному языку» // Официальный сайт Мини-

стерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/>

10. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 765 «Об утверждении порядка выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования граждан иностранных государств по русскому языку как иностранному языку, выдаваемого образовательным учреждением (организацией) на территории Российской Федерации или за рубежом, которому Министерством образования и науки Российской Федерации разрешено проведение такого тестирования» // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/>

11. Приказ Федеральной миграционной службы от 19 марта 2008 г. № 64 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной миграционной службой государственной функции по осуществлению полномочий в сфере реализации законодательства о гражданстве Российской Федерации» // Официальный сайт Федеральной миграционной службы. URL: <http://www.fms.gov.ru/>

12. Приказ ФМС РФ № 89, Минздравсоцразвития РФ № 202, Минтранса РФ № 62, Росрыболовства № 323 от 21.04.2009 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в области содействия занятости населения, Федеральным агентством морского и речного транспорта и Федеральным агентством по рыболовству государственной услуги по выдаче заключений о привлечении и об использовании иностранных работников, разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства» // Официальный сайт Федеральной миграционной службы. URL: <http://www.fms.gov.ru/>

13. Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” и в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» (об установлении обязанности подтверждения в установленном порядке владения русским языком и знания истории России и основ законодательства Российской Федерации для отдельных категорий иностранных граждан, обратившихся за получением обыкновенной рабочей визы или вида на жительство в Российской Федерации либо прибывающих в Российскую Федерацию в порядке,

не требующем получения визы, для осуществления трудовой деятельности на основании разрешения на работу или патента) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>

14. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2012 год и плановый период 2013 и 2015 годов // Официальный сайт Федеральной миграционной службы. URL: <http://www.fms.gov.ru/>

15. Миграционная политика России (доклад в Совете Федерации) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2012. № 6.

16. Федотова М. Ф., Шойко И. С. Современная миграционная политика Российской Федерации / Информационно-аналитическое управление Аппарата Московской городской Думы // Право и безопасность. 2010. № 2(35).

УДК 34

П. П. Востриков, А. А. Добровольский

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР (1917–1945 гг.) В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЁНЫХ

Статья посвящена исследованию историографии проблемы правового обеспечения дисциплины труда в Советской России и СССР (1917–1945 гг.).

The article is devoted to research of historiography of problem of law ensuring labour discipline in Soviet Russia and USSR (1917–1945).

Ключевые слова: советское право, правовое обеспечение, дисциплина труда.

Keywords: Soviet law, law ensuring, labour discipline.

Изучение истории правового обеспечения дисциплины труда в Советской России и СССР шло практически одновременно с развитием законодательства в данной сфере. Этим обусловлен тот факт, что основное содержание работ, так или иначе связанных с данной проблемой, имеет не строго историко-правовой, а комментирующий характер.

Тем не менее уже в начальный период развития советского трудового права стали появляться работы, посвященные его историческим аспектам. Среди них нужно отметить работы Е. Даниловой [1], А. В. Забелина, М. Н. Левина и

Я. Р. Эмдина [2], А. Н. Трайнина [3], И. Войтинского [4], А. И. Соловьева [5], А. Бахутова [6], П. Д. Каминской [7], А. Этчина [8], П. И. Недзведского [9]. В них отразились основные теоретические воззрения советской теории права на проблемы обеспечения дисциплины труда на советских социалистических предприятиях.

Длительное время правовые аспекты обеспечения дисциплины труда не являлись предметом научного анализа, что было связано с чрезвычайными обстоятельствами, вызванными Великой Отечественной войной. Можно лишь назвать книгу председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, в которой определенное внимание уделено регулированию дисциплины труда в этот период [10].

После окончания войны и восстановительного периода интерес к проблеме правового обеспечения дисциплины труда возрос. В первую очередь это было связано с попыткой определить сущность социалистической дисциплины труда.

Для науки советского трудового права было характерно понимание трудовой дисциплины на основе ленинского определения социалистической дисциплины труда как самодисциплины сознательной и непринужденной. Значительное количество публикаций было посвящено влиянию ленинского теоретического наследия на формирование правовых основ регулирования трудовой дисциплины в СССР [11].

В литературе, посвященной изучению других отраслей советского права (государственного, административного, колхозного, уголовного), также затрагивались некоторые вопросы, связанные с дисциплиной труда.

При этом одни учёные первостепенное внимание уделяли моральной стороне дисциплины труда, а другие – её правовым аспектам.

Например, Н. Г. Александров при определении социалистической дисциплины труда исходил из того, что она «является дисциплиной добровольной, так как подавляющим большинством трудящихся обязанность блюсти дисциплину труда рассматривается в качестве первого морального долга по отношению к обществу» [12].

В работе О. Ф. Горнова первостепенное внимание также было уделено моральным аспектам воспитания дисциплины труда и ни слова не говорилось о правовом воздействии, методах принуждения и т. п. [13]

А. О. Ляпин отмечал социалистический характер дисциплины труда в СССР в качестве основы ее функционирования: «Социалистическая дисциплина труда, в отличие от дисциплины труда при капитализме, создается и укрепляется, прежде всего, методом убеждения трудящихся, путем

сознательного отношения к труду, путем организации социалистического соревнования, широкого распространения передового опыта» [14]. В этом же контексте следует назвать работу А. Е. Пашерстника [15].

С подобной точкой зрения выступал и Я. А. Киселев, который считал, что трудовая дисциплина в социалистическом государстве являлась выражением «новых общественных связей, новых отношений между людьми, основанных на товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей». При этом он отмечал, что «важное значение имеет то, что все работники предприятия и руководящий персонал являются товарищами, членами одного производственного коллектива, кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства» [16].

Г. И. Гуляев под социалистической дисциплиной труда понимал сознательную и добровольную дисциплину самих трудящихся масс, которые не знали «над собой никакого ига и никакой власти, кроме их собственного объединения» [17].

Е. А. Панова определяла социалистическую дисциплину труда как дисциплину самих трудящихся, которая «есть сознательная, добровольная, товарищеская дисциплина... Подавляющее большинство трудящихся считает своим моральным долгом соблюдать требования дисциплины труда и выполнять их добровольно» [18].

В 1959 г. вышла работа А. М. Кафтановской и Р. З. Лившица. Авторы отмечали, что «трудовая дисциплина необходима при всяком совместном труде. Любая коллективная работа требует подчинения ее участников определенному трудовому распорядку. Однако содержание дисциплины может быть различным, оно зависит от характера общественного строя, от типа собственности на средства производства» [19].

Особое внимание, и это характерно для данного периода, исследователи обращали на социалистический характер дисциплины труда в СССР: «Социалистическая дисциплина труда в корне отличается от принудительной дисциплины буржуазного строя. В нашей стране дисциплина труда не навязана трудящимся извне, а является сознательной дисциплиной самих трудящихся, основанной на глубокой и искренней заинтересованности работников в хорошей и четкой работе производства. Подавляющее большинство трудящихся считает своим моральным долгом перед советским обществом соблюдать дисциплину труда. Поэтому социалистическая дисциплина является дисциплиной добровольной» [20].

Вторая точка зрения при определении понятия социалистической дисциплины труда выра-

жена учёными, которые усматривали в ней, главным образом, правовое начало.

Можно выделить, в частности, работы Г. С. Ривина, определявшего трудовую дисциплину как «совокупность юридических норм, устанавливающих трудовые обязанности рабочих и служащих в соответствии с их трудовой функцией» [21], и А. О. Бакакина, обращавшего внимание на сущность дисциплины труда: «В СССР дисциплина труда есть форма общественной связи между людьми в процессе совместного труда. В более узком смысле слова понятие дисциплины труда означает обязанность каждого трудиться, строго соблюдая правила трудового распорядка, установленного на предприятиях, в хозяйствах, учреждениях» [22].

Н. Г. Александров одним из первых обратил внимание на двойное понимание смысла дисциплины труда – дисциплины в объективном и субъективном смысле. Признавая, что «в учении о трудовом правоотношении понятию трудовой дисциплины должна принадлежать центральная роль» [23], он давал определение понятия социалистической дисциплины в двойном смысле: «Понятию дисциплины вообще... может быть придан двойкий смысл – объективный и субъективный. Под трудовой дисциплиной в объективном смысле следует понимать совокупность правил поведения, требуемого от лиц, входящих в личный состав работников хозяйств (предприятий, учреждений), основанных не на единоличном труде. Из этих правил поведения складывается внутренний трудовой распорядок указанных хозяйств (предприятий, учреждений). В субъективном смысле под трудовой дисциплиной следует понимать подчинение работника установленному в хозяйстве (предприятии, учреждении) распорядку труда и, в частности, подчинение указаниям и контролю руководителя процесса труда» [24].

Ф. М. Левиант предлагала следующее определение: «Под дисциплиной труда в Советском государстве следует понимать честное и добросовестное выполнение рабочими и служащими, колхозниками и членами промысловых артелей своих трудовых обязанностей, предусмотренных законом, правилами внутреннего трудового распорядка и иными нормативными актами» [25].

А. А. Абрамова, признавая сознательность и добровольность в качестве характерных черт социалистической дисциплины труда, давала следующее определение правового института дисциплины труда: «Под правовым институтом социалистической дисциплины труда понимается совокупность правовых норм, устанавливающих трудовые обязанности рабочих (служащих) и администрации предприятий (учреждений), определяющих меры поощрения за образцовое вы-

полнение и ответственность за виновное невыполнение этих обязанностей» [26].

Сходный с этим подход к определению трудовой дисциплины содержится в работе В. З. Янчука, который считал, что «трудовая дисциплина – это совокупность действий или воздержания от действий, составляющих содержание трудовых прав и обязанностей члена колхоза, определенных специфическими условиями производственной деятельности сельскохозяйственной артели и нормами права» [27].

Как и в случае с исключительным вниманием к моральным аспектам сущности трудовой дисциплины, такое рассмотрение правовой стороны вопроса не позволяет адекватно решить исследовательские задачи.

Компромисс в определении сущности дисциплины труда при социализме был достигнут в работах учёных, которые в равной степени признавали влияние и принципов социалистической нравственности, и принципов советского права в обеспечении дисциплины труда в СССР.

М. Кареева, отмечая значимость таких принципов советской морали, как охрана общественной социалистической собственности, точное соблюдение государственной, колхозной, трудовой дисциплины, обеспечение прав и законных интересов личности, считала, что именно они лежат в основе всех отраслей советского права [28].

По мнению Я. И. Давидовича и Б. Ф. Хрусталева, «дисциплина труда заключается как в добросовестном отношении к порученному делу, так и в знании и выполнении тех конкретных правил поведения, которые установлены для работников данного предприятия, учреждения, организации» [29].

Е. Г. Неидзе, критикуя разделение единого понятия социалистической дисциплины, отмечал: «Дисциплина в объективном смысле, понимаемая как порядок в организации и деятельности коллектива, уже обуславливает и включает в себя субъективное начало, т. е. сознательное соблюдение и подчинение установленному для данного коллектива трудовому распорядку» [30].

Автор ставил характер дисциплины труда в зависимость от того, кто является распорядителем и собственником орудий производства. Только отталкиваясь от этого, можно судить о содержании трудовых отношений, о характере дисциплины труда. Именно поэтому, считал Е. Г. Неидзе, «нельзя говорить о едином для различных общественных формаций понятии трудовых отношений, о едином понятии трудовой дисциплины. Трудовая дисциплина представляет собой историческую категорию. Трудовой дисциплины, пригодной для всех форм и формаций, нет и быть не может» [31].

Таким образом, в 1960-е гг. был проведен серьезный анализ сущности трудовой дисциплины, хотя он и не дал общепризнанных результатов. Изучение дисциплины труда оставалось преимущественно в рамках ленинского определения. Всего с 1917 по 1969 г. появились 272 библиографические единицы, отражающие изучение трудовой дисциплины в условиях становления и развития социалистической экономики [32].

К таким работам можно отнести книги Н. Тимонова [33], Н. Н. Бородиной [34], Ю. Е. Волкова [35], Л. Б. Генкина [36], Н. С. Дворникова [37], А. П. Ляпина [38], Г. К. Москаленко [39].

В период с 1970 по 1975 г. было издано 184 наименования книг, журнальных и газетных статей, посвященных различным вопросам дисциплины труда [40].

Среди них можно выделить работу К. П. Горшенина [41]. Он считал, что «право при социализме необходимо как регулятор (определитель) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. Отсюда его организующая и дисциплинирующая роль в социалистическом обществе. Устанавливая правильное соотношение между мерой труда и мерой вознаграждения за труд, право активно воздействует на отношение людей к труду, к своим обязанностям в обществе, на соблюдение государственной, плановой и трудовой дисциплины» [42].

Особую актуальность проблемы дисциплины труда приобрели в начале 1980-х гг. и особенно в период руководства государством Ю. В. Андропова. Так, с июля 1980 г. по 1983 г. включительно в СССР были изданы 403 работы, так или иначе затрагивавшие проблемы трудовой дисциплины [43]. Следуя в основном злободневной конъюнктуре социалистической действительности, различным аспектам правового обеспечения трудовой дисциплины посвятили свои работы А. Будылин [44], Д. А. Гавриленко [45], Н. И. Данченко и А. Р. Мацюк [46], П. Н. Ершов [47], В. Л. Смирнов [48], В. И. Чуднов [49], И. Е. Быховский [50], В. В. Глазырин и В. И. Никитинский [51], Ф. Глух [52], Р. И. Кондратьев [53], В. Малахов [54], Ю. П. Орловский [55], И. А. Ходаковский [56], В. С. Юрченко [57] и многие другие учёные.

В качестве примера наиболее распространенного в этот период определения дисциплины труда можно привести следующее: «Трудовая дисциплина – это основанный на принципах социалистической морали и регулируемый нормами права порядок или правила поведения участников общественного производства в ходе их трудовой деятельности» [58].

С началом перестройки в СССР, новыми рыночными тенденциями в экономике страны в 1990-е гг.

интерес к изучению проблем дисциплины труда резко снизился. Лишь отдельные работы были посвящены этой теме. Среди них можно выделить работы Г. М. Севостьянова [59], В. Г. Малова [60], а также коллективный труд, посвященный дисциплине труда в условиях формирования правового государства [61].

В основном же в начале 1990-х гг. историко-правовая литература была посвящена изучению репрессий и трудовых отношений в новых условиях [62], правам человека [63], регулированию труда в условиях рыночной экономики [64].

По сути, только в начале XXI в. ряд авторов возвращается к исследованию теоретических и практических аспектов правового обеспечения дисциплины труда в СССР.

Так, А. А. Ковалева и В. А. Журавлева обращают внимание на особенности обеспечения трудовой дисциплины в 1930-е гг. на предприятиях Урала. Они отмечают влияние курса на форсированную индустриализацию, резкого ухудшения экономического положения страны в начале 1930-х гг., международной обстановки в середине 1930-х гг. на принятие чрезвычайных мер в народном хозяйстве. «В конкретных условиях третьей пятилетки сохранялась единственная возможность: с целью упорядочения использования рабочей силы необходимо было ужесточить меры ответственности за нарушение трудовой дисциплины» [65].

В то же время А. А. Ковалева и В. А. Журавлева выяснили, что «зависимость между дисциплинированностью и ростом производительности труда была гораздо сложнее, чем это казалось приверженцам администрирования. Существует порог принуждения, за которым оно оказывает преимущественно разрушительное воздействие, только рождая иллюзию порядка» [66].

Состоянию трудовой дисциплины на промышленных предприятиях Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в 20–30-е гг. XX в. посвящена работа Т. У. Эльбуздукаевой. В ней анализируется проблема производственной дисциплины в 20–30-е гг. XX в., выявляются причины ее падения, делается вывод о том, что власти, не имея эффективных рычагов воздействия на ситуацию, перемещали проблему в плоскость классовой борьбы [67].

Б. Е. Рошин посвятил свою работу проблеме правового обеспечения трудовой дисциплины в условиях военного коммунизма [68]. В статье рассмотрены некоторые основные особенности правового регулирования трудовой дисциплины в период проведения государственной политики, получившей название военный коммунизм (1918–1920 гг.). Проанализированы основные нормативные правовые акты социально-трудовой сферы, принятые на основе соответствующих государ-

ственных идеологических установок в рассматриваемый исторический период.

Таким образом, подводя итоги анализа историографии проблемы правового обеспечения дисциплины труда в Советской России и СССР (1917–1945 гг.), можно, с одной стороны, констатировать наличие значительного пласта исследовательской литературы, а с другой – признать ее недостаточность для наиболее полного понимания сути проблемы. Это во многом объясняется тем, что долгое время исследования этой проблемы проводились в рамках жесткой идеологической парадигмы, что сужало исследовательские возможности, а затем, в конце 1980–1990-х гг., проблема не входила в разряд «перспективных».

Даже несмотря на то что сегодня наметилась тенденция возвращения к предмету исследования, относящегося к дисциплине труда в СССР, нельзя сказать, что «белые пятна» в его изучении ликвидированы в полной мере. Это относится как к теоретическим аспектам, связанным с объективным анализом влияния ленинского наследия на определение сущности социалистической дисциплины труда, так и к аспектам практического характера.

Примечания

1. См.: Данилова Е. Кодекс законов о труде в его историческом развитии // Советское право. 1923. № 1(4).
2. См.: Забелин А. В., Левин М. Н., Эмдин Я. Р. Регулирование вопросов труда в промышленности. М.; Л., 1925.
3. См.: Трайнин А. Н. Хозяйственные преступления. М., 1925.
4. См.: Войтинский И. История текста КЗоТ издания 1922 года // Вопросы труда. 1925. № 1, 2; Он же. К пятнадцатилетию советского трудового права // Советское государство. 1932. № 9, 10.
5. См.: Соловьев А. И. Трудовая дисциплина служащих в государственных учреждениях. М.: ВТ, 1927.
6. См.: Бахутов А. Советское трудовое законодательство за десятилетие существования Советской власти // Вестник труда. 1927. № 10.
7. См.: Каминская П. Д. Очерки трудового права. М., 1927.
8. См.: Этчин А. О трудовой дисциплине. М.; Л., 1929.
9. См.: Недзведский П. И. Трудовое законодательство. М.; Л., 1933.
10. См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
11. См., например: Смирнов В. Н. В. И. Ленин об убеждении и принуждении как методах укрепления дисциплины труда в социалистическом обществе // Ленин о труде и праве: сб. ст. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 53–83; Абдурахманов И. И. В. И. Ленин о социалистической дисциплине труда // Ленинское философское наследие и методологические проблемы современного знания. Ташкент: Ташкент. гос. ун-т, 1980. С. 122–125; Абрамова А. Ленинские положения о трудовой дисциплине и современность // Хозяйство и право. 1983. № 11. С. 3–8; Вагашвили А. В. В. И. Ленин о социалистической дисциплине труда // Коммунист Грузии. 1983. № 4. С. 33–40; Глазырин В. В. В. И. Ленин о дисциплине труда и современность // Человек и закон. 1981. № 4. С. 5–11; Носач В. И., Котеленц Е. А. В. И. Ленин и становление социалистической дисциплины труда. М.: Политиздат, 1982; Карягин В. И. Ленинские принципы дисциплины труда: история и современность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1990 и др.
12. Александров Н. Г. Социалистическая дисциплина труда. М., 1949. С. 7.
13. См.: Горнов О. Ф. Воспитание социалистической дисциплины труда. М., 1952.
14. Ляпин А. О социалистической организации и дисциплине труда в СССР. М., 1953. С. 21.
15. См.: Пашерстник А. Е. Соблюдение дисциплины труда. М., 1953.
16. Киселев Я. А. О социалистической дисциплине труда. М., 1955. С. 6.
17. Гуляев Г. И. Правовое регулирование социалистической дисциплины труда рабочих и служащих. М., 1956. С. 7.
18. Панова Е. А. Советское право – орудие воспитания коммунистического отношения к труду. М., 1957. С. 31.
19. См.: Кафтановская А. М., Лившиц Р. З. Дисциплина труда в СССР. М., 1959. С. 3.
20. Там же.
21. Ривин Г. С. Правовое регулирование дисциплины труда рабочих и служащих по советскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1948. С. 105.
22. Бакакин А. О трудовой дисциплине в социалистическом обществе. Иваново, 1955. С. 14.
23. Александров Н. Г. Отличительные признаки трудового правоотношения // Вопросы трудового права: сб. ст. Ч. 1. М., 1948. С. 30.
24. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 126.
25. Левиант Ф. М. Социалистическая дисциплина труда. Л., 1957. С. 5.
26. Абрамова А. А. Дисциплина труда в СССР. М., 1961. С. 11.
27. Янчук В. З. Ответственность колхозников за нарушение трудовой дисциплины. М., 1962. С. 9.
28. См.: Карева М. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951. С. 81.
29. Давидович Я. И., Хрусталева Б. Ф. Прием на работу, перевод, дисциплина труда и увольнение работников. Л., 1962. С. 42.
30. Неидзе Е. Г. Сущность и методы регулирования дисциплины труда в СССР. Тбилиси, 1964. С. 29.
31. Там же. С. 3.
32. См.: Советское трудовое право. Указатель литературы 1917–1969 гг. / сост. А. К. Безина, Ж. В. Щельянова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971. С. 148–160.
33. См.: Тимонов Н. Трудовая дисциплина в коллективе. М., 1966.
34. См.: Бородина Н. Н. Социалистическая дисциплина труда. М., 1969.
35. См.: Волков Ю. В. Крепить дисциплину труда. М., 1968.
36. См.: Генкин Л. Б. Становление новой дисциплины труда. М., 1967.
37. См.: Дворников Н. С. Товарищеские суды и их роль в борьбе за укрепление дисциплины труда. М., 1956.

38. См.: *Ляпин А. П.* Социалистическая дисциплина труда. М., 1967.

39. См.: *Москаленко Г. К.* Материалы к лекции «Закон и трудовая дисциплина». М., 1967.

40. См.: Трудовое право. Указатель литературы 1970–1975 гг. / сост. А. К. Безина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 94–104.

41. См.: *Горшенин К. П.* Право и трудовая дисциплина. М., 1971.

42. Там же. С. 4.

43. См.: Дисциплина труда в развитом социалистическом обществе. Библиографический указатель. М.: Государственная библиотека СССР, 1984.

44. См.: *Будылин А.* Трудовая дисциплина в системе социалистического образа жизни // Экономические науки. 1983. № 9. С. 39–43.

45. См.: *Гавриленко Д. А.* Дисциплина, мораль, право. Минск: Наука и техника, 1983.

46. См.: *Данченко Н. И., Мацюк А. Р.* Дисциплина труда. Киев, 1983.

47. См.: *Ершов П. Н.* Дисциплина и труд. Хабаровск, 1982.

48. См.: *Смирнов В. А.* Укрепление дисциплины труда – задача комплексная. М., 1980.

49. См.: *Чуднов В. И.* Дисциплина – закон пятилетки. М., 1981.

50. См.: *Быховский И. Е.* Дисциплина. Законность. Правопорядок. Л., 1983.

51. См.: *Глазырин В. В., Никитинский В. И.* Закон и дисциплина труда. М., 1980.

52. См.: *Глух Ф.* Искоренять нарушения государственной дисциплины. // Социалистическая законность. 1980. № 11. С. 8–10.

53. См.: *Кондратьев Р. И.* Актуальные вопросы дальнейшего совершенствования правового регулирования дисциплины труда // Вестник Львовского ун-та. Серия юридическая. 1981. Вып. 20. С. 63–68.

54. См.: *Малахов В.* Трудовая дисциплина // Человек и закон. 1980. № 2. С. 108–111.

55. См.: *Орловский Ю. П.* Право и трудовая дисциплина. М., 1982.

56. См.: *Ходаковский И. А.* Правовые меры укрепления трудовой дисциплины. Киев, 1982.

57. См.: *Юрченко В. С.* Трудовая дисциплина. Минск, 1982.

58. Дисциплина труда – дело каждого. М., 1982. С. 4.

59. См.: *Севостьянов Г. М.* Дисциплина труда и материальная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию. М., 1991.

60. См.: *Малов В. Г.* Дисциплинарная ответственность работников. М., 1993.

61. См.: Дисциплина трудового процесса в условиях формирования правового государства / сост. Н. Т. Михайленко и др. Фрунзе, 1990.

62. См.: Книги СССР. Ежегодник. 1990. Т. 1. Ч. 1. М.: Книжная палата, 1993. С. 169–197.

63. См.: Книги СССР. Ежегодник. 1991. Т. 1. Ч. 1. М.: Книжная палата, 1994. С. 187–218.

64. См.: Книги Российской Федерации. Ежегодник. 1993. Ч. 1. М.: Книжная палата, 1996. С. 179–181.

65. См.: *Ковалева А. А., Журавлева В. А.* Особенности правового регулирования трудовой дисциплины в 1930-е годы на предприятиях Урала // Грамота. 2009. № 1(2). С. 54–59. URL: www.gramota.net/materials/3/2009/1/

66. Там же.

67. См.: *Эльбиздукаева Т. У.* Состояние трудовой дисциплины на промышленных предприятиях Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в 20–30-е годы XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2009. № 3А. С. 105–108.

68. См.: *Роцин Б. Е.* Правовое обеспечение трудовой дисциплины в условиях военного коммунизма // Труд и социальные отношения. 2010. № 10. С. 114–118.

УДК 338.246.027

Е. В. Ивонина

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Необходимо признать, что осуществление бизнеса субъектами малого и среднего предпринимательства в современных условиях экономики невозможно без государственной финансовой поддержки. Виды, формы и механизмы предоставления финансовой поддержки на региональном уровне на примере Кировской области показывают, что регионы законодательно закрепляют и реализуют данный вид поддержки на достаточно высоком уровне.

There is no doubt that in the modern economic environment state financial support is the governing factor for carrying business by the subjects of small and medium business. Through the example of the Kirov region we see that the types, forms and mechanisms of giving financial support on the regional level are statutorily set forth and realized by the regions on a rather high level.

Ключевые слова: малый, средний бизнес, финансовая поддержка, кредитование, субсидирование.

Keywords: small business, medium business, financial support, crediting, subsidization.

В Российской Федерации на государственном уровне малое и среднее предпринимательство признано сферой экономической деятельности, способной при должной государственной политике обеспечить наиболее быстрый и значительный социально-экономический эффект. Одной из целей государственной политики развития и поддержки малого и среднего предпринимательства является создание экономических условий для свободного развития малого и среднего предпринимательства [1].

В Федеральном законе № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» одним из видов поддержки субъектов малого и среднего предприниматель-

ства (далее по тексту – СМСП) определена финансовая поддержка [2].

Финансовая поддержка субъектов малого предпринимательства оказывается в Кировской области в следующих формах: гарантийное кредитование СМП; льготное кредитование СМП [3]; льготное инвестиционное кредитование субъектов малого предпринимательства; микрофинансирование начинающих предпринимателей [4]; микрофинансирование субъектов малого предпринимательства через систему кредитной кооперации [5]; субсидирование части затрат по договорам финансовой аренды (лизинга) [6]; субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, производящих и/или реализующих товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта [7].

Гарантийное кредитование – это предоставление фондами поддержки предпринимательства поручительств коммерческим банкам за субъектов малого или среднего предпринимательства, испытывающих сложности в привлечении кредитов из-за нехватки собственного залога [8]. Процедура, требования к субъектам, порядок и условия гарантийного кредитования изложены в Положении о порядке предоставления КОФПМСП поручительств СМСП [9].

Предельный размер поручительства Кировского областного фонда поддержки малого и среднего предпринимательства составляет 70% от суммы кредита, муниципальных фондов поддержки малого предпринимательства – 50% от суммы кредита. Оставшиеся 30% и 50% залога соответственно СМСП должны предоставить самостоятельно.

Поручительство Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства предоставляется по кредитам в сумме, превышающей 1 млн рублей, районными фондами поддержки малого предпринимательства – без установления минимальной суммы кредита.

Требования, предъявляемые к СМСП, планирующим воспользоваться поручительством фондов, сформулированы в ст. 2 Положения о порядке предоставления КОФПМСП поручительств СМСП:

1. Зарегистрированы на территории Кировской области в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

2. Отвечают критериям, установленным ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

3. Осуществляют хозяйственную деятельность на дату обращения за получением поручительства фондов на территории Кировской области не менее 3 месяцев.

4. Не имеют за 3 месяца, предшествующих дате обращения за получением поручительства фондов, нарушений условий ранее заключенных кредитных договоров, договоров займа, финансовой аренды (лизинга) и т. п. (для СМСП, заключивших указанные договоры).

5. Не имеют на последнюю отчетную дату перед датой обращения за получением поручительства фондов просроченной задолженности по начисленным налогам, сборам и иным обязательным платежам перед бюджетами всех уровней.

6. В отношении которых в течение двух лет (либо меньшего срока, в зависимости от срока хозяйственной деятельности), предшествующих дате обращения за получением поручительства фондов, не применялись процедуры несостоятельности (банкротства), в том числе наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, либо санкции в виде аннулирования или приостановления действия лицензии (в случае, если деятельность СМСП подлежит лицензированию).

7. Предоставили обеспечение кредита в размере не менее 30% (при предоставлении поручительства Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства) или 50% (при предоставлении поручительства муниципальными фондами поддержки малого предпринимательства) от суммы своих обязательств по кредитной сделке [10].

8. Поручительство Фонда предоставляется на условиях субсидиарной ответственности Фонда перед Банком путем заключения трехстороннего договора поручительства между Банком, Заемщиком и Фондом на основании типовой формы Фонда.

Фонд предоставляет поручительство в валюте Российской Федерации на срок действия Кредитного договора, по кредитным договорам, заключенным на срок не менее 1 (одного) года и в сумме, превышающей 1 (один миллион) рублей [11].

Услуги Фонда, связанные с предоставлением поручительств Банку в обеспечение исполнения части обязательств Заемщиков, оказываются Заемщикам на возмездной основе: единовременный платеж за предоставление поручительства составляет 1% от первоначального размера предоставленного поручительства, уплачивается Заемщиком Фонду в течение 3 (трех) рабочих дней с даты предоставления поручительства.

Вознаграждение Фонда за предоставление поручительства составляет 1% годовых от оставшегося размера предоставленного поручительства, уплачивается Заемщиком ежемесячно до 15 (пятнадцатого) числа месяца следующего за отчетным, с даты предоставления поручительства. Допускается предоставление поручительств без взимания

платы, если при этом поручительство выдается по кредиту не менее 1 (одного) и не более 3 (трех) миллионов рублей в отношении одного заемщика, при этом минимальная доля обеспечения со стороны заемщика по кредиту (сумме кредита и процентов на нее) должна быть не менее 70% от суммы обязательств. Решение о предоставлении поручительства по кредиту без взимания платы принимается заместителем директора фонда по вопросам гарантийного кредитования. Предоставление поручительств без взимания платы допускается на общую сумму, не превышающую 20% (двадцать) процентов величины Гарантийного фонда.

Совокупный объем поручительств Фонда, одновременно действующий в отношении одного Заемщика (по действующим договорам), не может превышать 10% (десять) от размера Гарантийного фонда, при этом поручительство Фонда не может быть предоставлено, если это приведет к превышению установленного Фондом для Банка Лимита поручительств [12].

В 2011 г. поддержку в виде предоставления поручительств по банковским кредитам получили 99 субъектов малого и среднего бизнеса Кировской области, общая сумма предоставленных поручительств составила 139 297 500 рублей [13].

В 2012 г. по состоянию на 03 мая аналогичную поддержку получили пока только 6 субъектов малого предпринимательства на общую сумму поручительств 17 018 500 рублей [14]. Для сравнения, в 2011 г., на этот же период (на 04 мая 2011 г.), поддержка была оказана 50 субъектам малого предпринимательства.

Льготное кредитование – это предоставление субъектам малого предпринимательства (далее – СМП) Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства, а также районными фондами поддержки малого предпринимательства займов на льготных условиях на пополнение оборотных средств [15].

Условия льготного кредитования сформулированы в Положении о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства займов субъектам малого предпринимательства [16]:

- Максимальная сумма займа – 1 000 000 рублей.
- Максимальный срок займа – 1 год.
- Обеспечение по займу – не менее 70% от суммы займа.
- Базовая процентная ставка – от 7 до 9,5% годовых.

Величина ставки зависит от цели займа, от отрасли деятельности заемщика, от размера предоставленного обеспечения и социальной значимости проекта.

Требования, предъявляемые к СМП, планирующим получить займ:

1. Зарегистрированы на территории Кировской области в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

2. Относятся к категории СМП и соответствуют условиям, установленным ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

3. Осуществляют предпринимательскую деятельность на территории Кировской области не менее 3 (трех) месяцев.

4. Не имеют просроченной задолженности по налоговым и иным обязательным платежам в бюджетную систему Российской Федерации.

5. Предоставили обеспечение возврата получаемого займа.

6. Не имеют просроченной задолженности сроком свыше 30 календарных дней по лизинговым и/или кредитным платежам (основному долгу и процентам), в том числе отсутствие указанной задолженности у учредителей (участников) СМП (в случае, если у СМП имеются действующие кредитные договоры).

7. Не находятся в состоянии реорганизации, не сообщили о себе ложные сведения, а также в отношении которых не приняты в установленном законодательством Российской Федерации порядке решения о признании банкротом, приостановлении деятельности или ликвидации.

В 2011 г. помощь в виде предоставления микрозаймов в сумме до 1 млн рублей получили 676 предпринимателей города и области. В 2012 г. по состоянию на апрель данным видом помощи воспользовались 105 субъектов малого бизнеса [17].

Льготное инвестиционное кредитование – это предоставление субъектам малого предпринимательства Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства, а также районными фондами поддержки малого предпринимательства займов на льготных условиях на приобретение основных средств, а также на строительство и реконструкцию коммерческой недвижимости [18].

Условия кредитования изложены в Положении о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства инвестиционных займов субъектам малого предпринимательства [19]:

- Максимальная сумма займа – 2,5 млн рублей.
- Максимальный срок займа – 2 года.
- Обеспечение по займу – не менее 70% от суммы займа должен предоставить субъект малого предпринимательства.

– Базовая процентная ставка – от 11,5 до 14% годовых. Величина ставки зависит от цели займа, от отрасли деятельности заемщика, от размера предоставленного обеспечения и социальной значимости проекта.

Микрофинансирование начинающих предпринимателей – это предоставление, прошедшим обучение по программе «Начинающий предприниматель», Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства, а также районными фондами микрозаймов на льготных условиях на реализацию бизнес-инициатив. Микрозаймы предоставляются на срок до 2 лет, максимальная сумма микрозайма 500 000 рублей, базовая процентная ставка от 6,5% до 12% годовых [20].

Условия микрофинансирования начинающих предпринимателей изложены в «Положении о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства микрозаймов» [21].

Требования, предъявляемые к получателям господдержки в форме микрозаймов:

1) Прохождение курса «Начинающий предприниматель». Подобные курсы проводятся ежегодно департаментом развития предпринимательства и торговли Кировской области. Обучение бесплатное, общая продолжительность курса – 2 месяца. Весь процесс подготовки предпринимателей построен таким образом, чтобы слушатели смогли получить практические знания и умения, начиная с официальной регистрации деятельности и заканчивая эффективными коммуникациями с партнерами. По итогам обучения слушатели должны подготовить бизнес-план создания нового или развития существующего предприятия и защитить его перед экспертной комиссией.

2) Успешная защита бизнес-плана перед экспертной комиссией.

3) Регистрация на территории Кировской области в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

4) Отсутствие просроченной задолженности по налоговым и иным обязательным платежам.

5) Наличие обеспечения возврата получаемого микрозайма.

6) Отсутствие начатых в отношении СМП процедур ликвидации, реорганизации, приостановления деятельности или банкротства [22].

В 2011 г. в Кировской области данный вид помощи был оказан 10 начинающим предпринимателям на общую сумму займов 2 750 000 рублей.

Микрофинансирование субъектов МСП через систему кредитной кооперации. Порядок и ус-

ловия оказания данного вида поддержки закреплены в «Положении о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства займов кредитным потребительским кооперативам» [23] и «Положении о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства займов сельскохозяйственным потребительским кредитным кооперативам» [24].

На территории Кировской области создана система кредитных кооперативов. В соответствии с действующим законодательством кредитные кооперативы бывают двух видов: кредитные потребительские кооперативы и сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы (далее – КПК).

Кредитный кооператив – это некоммерческая организация, которая выполняет две основные функции: привлечение от населения свободных денежных средств на депозит; выдача за счет привлеченных средств своим пайщикам, в том числе субъектам малого предпринимательства, микрозаймов на упрощенных условиях.

КПК в классическом варианте – это прежде всего группа людей, которые, как правило, знают друг друга, потенциального заемщика и его деловые качества. Не случайно «кассы взаимопомощи» в большинстве своем сформированы по профессиональному или территориальному принципу. Владельцами кооператива являются сами пайщики. Они же и определяют политику – все вопросы решают на общем собрании по принципу «один пай – один голос». По словам руководителей КПК, доходы за вычетом расходов на содержание кооператива поступают в виде процентов пайщикам. Кстати, за счет минимальных административных расходов – речь обычно идет о небольшом штате (как правило, два-три человека) и скромном офисе (стандартный кооператив уместается в одной комнате) – кооперативы могут позволить себе большие ставки по вкладам. Кредитные кооперативы могли бы быть более эффективным финансовым инструментом для малого бизнеса, но участники рынка считают, что крайне высоки риски большого процента невозвратов. «Малый бизнес мы кредитруем, но в исключительных случаях – только при имеющемся доверии к заемщику, говорит директор крупного КПК Вячеслава Фефелова. – Я не могу рисковать деньгами своих пайщиков» [25].

Осознавая данную проблему, Кировский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства предусматривает возможность финансирования деятельности кредитных потребительских кооперативов.

По опыту других субъектов РФ (в частности, Липецкой области) стимулом для кооперативов

более активно развивать поддержку предпринимателей может стать выступление Фонда в качестве гаранта и поручителя у предпринимателей, которые будут получать займы в кредитных кооперативах, и возможность получения кредитов КПК в банках под гарантию Фонда [26].

На сегодняшний момент для поддержки кредитных кооперативов в Кировской области им предоставляется финансовая помощь в виде займов на пополнение фонда финансовой взаимопомощи. Совокупный размер займов одному кооперативу не может превышать 4,5 млн рублей. Займы кредитным кооперативам предоставляются Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства.

Требования, предъявляемые к кредитным потребительским кооперативам, планирующим воспользоваться финансовой поддержкой:

1. Соответствуют требованиям, установленным ст. 7 и 8 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации».

2. Не имеют просроченной задолженности по налоговым и иным обязательным платежам.

3. Не находятся в состоянии реорганизации, а также в отношении которых не приняты в установленном законодательством Российской Федерации порядке решения о признании банкротом, приостановлении деятельности или ликвидации.

Для сельскохозяйственных кооперативов дополнительно:

– Соответствуют требованиям, установленным п. 1 и 14 ст. 4 и п. 1, 9, 10, 11 и 14 ст. 40.1 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [27].

– Кировский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства является ассоциированным членом Заемщика.

По данным департамента сельского хозяйства и продовольствия Кировской области, в настоящее время в Кировской области действует более 150 сельскохозяйственных кооперативов [28].

Субсидирование части затрат по договорам финансовой аренды (лизинга). В соответствии с Постановлением Правительства Кировской области от 15.06.2010 № 55/260 «О предоставлении субсидий субъектам малого предпринимательства на возмещение части затрат по договорам финансовой аренды (лизинга) и по оплате процентной ставки по кредитам», субсидии предоставляются СМСП, приобретающим основные средства по договорам финансовой аренды (лизинга) для осуществления предпринимательской деятельности.

Требования, предъявляемые к получателям государственной поддержки в виде субсидий на возмещение части затрат по договорам финансовой аренды (лизинга):

1. Зарегистрированы в установленном порядке на территории Кировской области.

2. Отвечают критериям, установленным ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

3. Отсутствие у СМСП задолженности по платежам на всех уровнях бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов на дату представления документов (при наличии задолженности СМСП имеет право представить документы о ее гашении).

4. СМСП должен принять обязательство по сохранению и/или созданию рабочих мест.

5. Средний размер оплаты труда у наемных работников СМСП должен быть не ниже следующего размера: для СМСП, осуществляющих свою деятельность в сфере народных художественных промыслов и сельского хозяйства, не ниже размера прожиточного минимума на душу населения, действующего на дату предоставления документов; для СМСП, осуществляющих свою деятельность в иных сферах и отраслях экономики, не ниже полуторакратного размера прожиточного минимума на душу населения, действующего на дату предоставления документов.

Предусмотрены следующие виды и размеры субсидий [29]:

1. Возмещение затрат по выплате авансовых платежей

Размер субсидии: 100% от суммы авансовых платежей, уплаченных СМСП по договорам финансовой аренды (лизинга), но не более:

– 200 тыс. рублей по одному договору для СМСП, приобретающих автотранспортные средства. Не субсидируются затраты, связанные с приобретением легкового автотранспорта;

– 300 тыс. рублей по одному договору для СМСП, приобретающих основные средства (оборудование, устройства, механизмы, приборы, аппараты, агрегаты, установки, машины, средства и технологии, универсальные мобильные платформы, оборудованные под универсальные мобильные платформы).

Примечание: универсальные мобильные платформы – это мобильный центр поддержки предпринимательства; мобильный образовательный центр; мобильная служба быта; мобильный шиномонтаж; мобильный пункт быстрого питания; мобильный пункт производства готовых к употреблению продуктов питания (хлебобулочные и кондитерские изделия, блины, гриль, пончики и прочее); мобильный ремонт обуви; мобильный центр первичной обработки и фасовки сельскохозяйственной продукции; мобильный пункт заготовки молочной продукции; мобильный центр реализации продукции сельхозтоваропроизводителей; мобильный салон красоты и т. п.

2. Возмещение части затрат по выплате ежемесячных лизинговых платежей

Размер субсидии: двойная ставка рефинансирования ЦБ РФ, действовавшая на дату заключения договора финансовой аренды (лизинга), от суммы ежемесячных лизинговых платежей, но не более: 200 тыс. рублей по одному договору для СМП, приобретающих автотранспортные средства (за исключением автотранспортных средств, относящихся к типу «легковые» в соответствии с паспортом транспортного средства); 300 тыс. рублей по одному договору для СМП, приобретающих основные средства (оборудование, устройства, механизмы, приборы, аппараты, агрегаты, установки, машины, средства и технологии, универсальные мобильные платформы, оборудованные под универсальные мобильные платформы).

Возмещение части затрат по выплате процентов по договору финансовой аренды (лизинга). Размер субсидии: 2/3 ставки рефинансирования ЦБ РФ, действовавшей на момент выплаты СМП процентов по договорам финансовой аренды (лизинга), но не более размера процентной ставки по договору финансовой аренды (лизинга) и не более: 200 тыс. рублей по одному договору для СМП, приобретающих автотранспортные средства (за исключением автотранспортных средств, относящихся к типу «легковые» в соответствии с паспортом транспортного средства); 300 тыс. рублей по одному договору для СМП, приобретающих основные средства (оборудование, устройства, механизмы, приборы, аппараты, агрегаты, установки, машины, средства и технологии, универсальные мобильные платформы, оборудованные под универсальные мобильные платформы).

Гранты на возмещение обязательств по выплате первого лизингового платежа (предоставляются СМП, вновь зарегистрированным и действующим на момент подачи документов менее 1 года).

Грант – субсидия, предоставляемая субъекту малого предпринимательства на возмещение обязательств по выплате части авансового платежа по договору финансовой аренды (лизинга). Размер гранта: 9/10 от размера первого лизингового платежа по договору финансовой аренды (лизинга), но не более 1 млн рублей по одному договору.

Ограничения в предоставлении субсидий:

1. По одному договору финансовой аренды (лизинга) СМП могут воспользоваться только одним видом субсидии.

2. СМП в течение одного финансового года может получить государственную поддержку не более чем по трём договорам финансовой аренды (лизинга).

Не позднее 1 месяца со дня получения гранта СМП должен представить:

– документы, подтверждающие факт направления гранта на выплату первого лизингового платежа, установленного графиком уплаты лизинговых платежей по договору финансовой аренды (лизинга) [30].

В 2011 г. в Кировской области субсидии на возмещение затрат по выплате авансовых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга) получили 45 субъектов малого предпринимательства на общую сумму 10 955 500 рублей и 64 микропредприятия на общую сумму 14 721 000 рублей [31].

Помощь в форме грантов на возмещение обязательств по выплате авансовых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга) была в 2011 г. предоставлена 15 субъектам малого предпринимательства на общую сумму 11 486 700 рублей [32].

Субсидии на возмещение части затрат по выплате процентов по договорам финансовой аренды (лизинга) в 2011 г. получили 2 субъекта малого бизнеса на общую сумму 257 446 рублей [33].

Предоставление аналогичных субсидий и грантов было продолжено в 2012 г. Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод, что рассматриваемая форма финансовой поддержки является одной из самых востребованных малым бизнесом и стабильно оказывается предпринимателям Кировской области.

Субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, производящих и/или реализующих товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта. Субсидии предоставляются субъектам малого и среднего предпринимательства, производящим и/или реализующим товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта.

Виды и размеры субсидий:

1. Возмещение части затрат СМСП по оплате процентной ставки по кредитам.

Размер субсидии: 50% произведенных затрат по оплате процентной ставки по кредитам, но не более 1/2 ставки рефинансирования ЦБ РФ, действовавшей на дату предоставления кредита.

Возмещению подлежит часть затрат СМСП по оплате процентной ставки по кредитам по текущим кредитным договорам и по кредитным договорам, прекратившим свое действие не ранее 01.01.2010 г.

2. Возмещение части затрат СМСП, связанных с оплатой услуг по выполнению обязательных требований законодательства РФ и/или законодательства страны-импортера (в том числе сертификация, регистрация, выполнение иных обязательных требований, необходимых для экспорта продукции).

Размер субсидии: 50% произведенных затрат, но не более 500 тыс. рублей на возмещение зат-

рат, связанных с получением одного сертификата, и не более 1 млн рублей на 1 СМСП. Возмещению подлежит часть затрат СМСП, связанных с оплатой услуг по выполнению обязательных требований по договорам, текущие обязательства по которым исполнены и оплачены не ранее 01.01.2006 г.

3. Возмещение части затрат СМСП, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях за рубежом.

Размер субсидии: 2/3 произведенных затрат. Субсидии предоставляются СМСП, принимавшим участие в выставочно-ярмарочных мероприятиях за рубежом не ранее 01.01.2006 г.

Возмещению подлежит часть затрат СМСП по оплате регистрационного сбора за участие в выставочно-ярмарочных мероприятиях за рубежом, часть затрат по оплате аренды выставочной площади, в том числе оборудованной, а также часть затрат по оплате аренды дополнительного оборудования для участия в выставочных мероприятиях за рубежом.

Возмещению подлежит часть затрат СМСП, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях по договорам, текущие обязательства по которым исполнены и оплачены.

4. Возмещение части затрат СМСП по регистрации и/или правовой охране за рубежом результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации юридического лица и продукции.

Размер субсидии: 2/3 произведенных затрат.

Возмещению подлежит часть затрат СМСП по регистрации и/или правовой охране за рубежом результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (фирменного наименования, товарного знака, промышленного образца) юридического лица и продукции по договорам, текущие обязательства по которым исполнены и оплачены не ранее 01.01.2006 г.

5. Возмещение части затрат СМСП по оплате услуг по разработке средств индивидуализации юридического лица и продукции, предназначенной для экспорта.

Размер субсидии: 50% произведенных затрат.

Возмещению подлежит часть затрат СМСП по оплате услуг по разработке средств индивидуализации (фирменного наименования, товарного знака, промышленного образца) юридического лица и продукции, предназначенной для экспорта, по договорам, текущие обязательства по которым исполнены и оплачены не ранее 01.01.2006 г.

Требования к получателям господдержки в форме субсидирования затрат:

1. Зарегистрированы на территории Кировской области.

2. Отвечают критериям, установленным ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

3. Осуществляют производство и/или реализацию продукции на экспорт.

4. Отсутствует задолженность СМСП по платежам в бюджеты всех уровней и бюджеты государственных внебюджетных фондов на дату предоставления документов (при наличии задолженности СМСП имеет право представить документы о ее гашении) [34].

В 2011 г. данные субсидии были предоставлены в Кировской области 17 субъектам малого предпринимательства, 7 субъектам среднего бизнеса и 1 микропредприятию. Общая сумма предоставленных субсидий составила 15 млн рублей [35].

В рамках отраслевого подхода к поддержке субъектов малого предпринимательства в Кировской области осуществляется поддержка малого инновационного предпринимательства, а также поддержка малого предпринимательства в сферах бытового обслуживания, туризма, торговли, народных художественных промыслов и ремесел. В рамках отраслевого подхода меры поддержки оказываются комплексно: включают в себя как финансовые, так и иные формы (инфраструктурную, информационно-рекламную поддержку, мероприятия, направленные на повышение квалификации руководителей и сотрудников).

Пример финансовой поддержки: грантовая поддержка малых инновационных компаний проводится в форме конкурса [36]. Цель – оказание финансовой поддержки в форме грантов малым инновационным компаниям, реализующим инновационные проекты [37].

Грант – денежные средства, предназначенные для компенсации следующих общих (капитальных и текущих) затрат малой инновационной компании: исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов; производственное проектирование и дизайн; приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями; приобретение новых технологий и программных средств; обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями; маркетинговые исследования; уплата процентов по кредитам, привлеченным в кредитных организациях; уплата лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга); сертификация и патентование интеллектуальной собственности; иные виды затрат, связанные с разработкой, производством и/или внедрением инновационной продукции (работ, услуг) [38].

Сумма гранта одному победителю конкурса не может превышать 500 тыс. рублей. Организа-

тором конкурса является Кировский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства.

В сфере народных художественных промыслов осуществляются следующие формы финансовой помощи:

1. Предоставление льгот по налогу на прибыль организациям народных художественных промыслов (далее – НХП). Ставка налога на прибыль снижена на 4% в части суммы налога, зачисляемого в областной бюджет (Закон Кировской области от 21.12.2002 № 126-ЗО «О снижении ставки налога на прибыль организациям народных художественных промыслов»).

2. Закупка изделий НХП для формирования подарочного фонда Правительства Кировской области.

3. Субсидирование части затрат, связанных с потреблением электроэнергии. Размер субсидии: не более 90% от фактической платы за электрическую энергию, потребленную в предыдущем году на собственные промышленно-производственные нужды для производства изделий НХП, по установленным тарифам без учета налога на добавленную стоимость [39].

Анализ осуществляемых в Кировской области форм поддержки малого и среднего предпринимательства позволяет сделать вывод о комплексном подходе к этому важнейшему для экономики области вопросу и соответствию мер и форм поддержки главной цели: «развитию ресурса предпринимательства для обеспечения максимально полного использования экономического и социального потенциала региона» [40].

Актуальными перспективами и направлениями развития законодательства в сфере регулирования малого и среднего бизнеса являются:

1) Совершенствование форм имущественной поддержки и налогового стимулирования малого и среднего предпринимательства.

«Совершенствование системы налогообложения малого предпринимательства, снижение налогового бремени, упрощение процедур налогообложения и представления отчетности, создание благоприятных условий для легализации (введения в правовое поле) и развития малого предпринимательства являются необходимыми условиями улучшения налогового климата у субъектов малого предпринимательства» [41].

2) Совершенствование финансового законодательства, направленное на повышение доступности кредитования субъектов малого и среднего бизнеса в российских банках.

«Главная проблема, с которой сталкиваются банки при работе с гарантийными фондами, – это отсутствие единых правил и стандартов их работы, что приводит к бумажной волоките и

мешает построить работу одинаково во всех регионах. Но несмотря на это российские банки активно развивают предоставление кредитов под гарантии фондов поддержки малого бизнеса» [42]. Нормативно-правовое преодоление данной проблемы способно сделать эту форму поддержки ещё более эффективной.

Примечания

1. Малый бизнес. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. (Дата обращения: 02.04.2013).

2. О развитии малого и среднего предпринимательства. URL: <http://government.ru/gov/agencies/132/print>. (Дата обращения: 02.04.2013).

3. Льготное кредитование субъектов малого предпринимательства. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/otherform/benefits>. (Дата обращения: 02.04.2013).

4. Микрофинансирование субъектов малого предпринимательства через систему кредитной кооперации. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/otherform/cooperation>. (Дата обращения: 02.04.2013).

5. Микрокредитование СМП. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/microcredit>. (Дата обращения: 02.04.2013).

6. Субсидирование части затрат субъектов малого предпринимательства по договорам финансовой аренды (лизинга). URL: <http://www.pgmu.ako.kirov.ru/web/guest>. (Дата обращения: 02.04.2013).

7. Субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, производящих и (или) реализующих товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/subsidy/export>. (дата обращения: 02.04.2013).

8. Гарантийное кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <http://old.mbko.ru/registry/infr/info/event/33,10261>. (Дата обращения: 02.04.2013).

9. Положение о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства поручительства субъектам малого и среднего предпринимательства: утв. общим собранием учредителей КОФПМСП: протокол от 31 марта 2010 года № 2. (Дата обращения: 03.04.2013).

10. Гарантийное кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/otherform/guarantee>. (дата обращения: 02.04.2013).

11. Положение о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства поручительства субъектам малого и среднего предпринимательства: утв. общим собранием учредителей КОФПМСП: протокол от 31 марта 2010 года № 2. Пункты 2.3.–2.4. URL: <http://old.mbko.ru/files/?unid=33,10717>. (Дата обращения: 02.04.2013).

12. Положение о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства поручительства субъектам малого и среднего предпринимательства: утв. общим собранием учредителей КОФПМСП: протокол от 31 марта 2010 года № 2. Пункты 2.5.–2.6. URL: <http://old.mbko.ru/files/?unid=33,10717>. (Дата обращения: 02.04.2013).

13. Предоставление поручительств по банковским кредитам: реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки за 2011 год в виде предоставления поручительств по банковским кредитам. URL: admselenga.ru. (Дата обращения: 02.04.2013).
14. Предоставление поручительств по банковским кредитам: реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки за 2011 год в виде предоставления поручительств по банковским кредитам. URL: admselenga.ru. (Дата обращения: 02.04.2013).
15. Финансово-кредитная поддержка субъектов малого предпринимательства. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness/index4.php?print=Y/> (Дата обращения: 02.04.2013).
16. О порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства инвестиционных займов субъектам малого предпринимательства: положение. URL: <http://www.kfpp.ru>. (Дата обращения: 03.04.2013).
17. Предоставление поручительств по банковским кредитам: реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки за 2011 год в виде предоставления поручительств по банковским кредитам. URL: <http://admselenga.ru>. (Дата обращения: 02.04.2013).
18. Льготное инвестиционное кредитование субъектов малого предпринимательства. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/otherform/invest>. (Дата обращения: 02.04.2013).
19. Положение о порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства поручительств субъектам малого и среднего предпринимательства: утв. общим собранием учредителей КОФПМСП: протокол от 31 марта 2010 года № 2. Пункты 2.5–2.6. URL: <http://old.mbko.ru/files/?unid=33,10717>. (Дата обращения: 02.04.2013).
20. Льготное инвестиционное кредитование субъектов малого предпринимательства. URL: <http://mbko.ru/assistance/finance/otherform/invest>. (Дата обращения: 02.04.2013).
21. О порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства инвестиционных займов субъектам малого предпринимательства: положение. URL: <http://www.kfpp.ru>. (Дата обращения: 03.04.2013).
22. Портал малого и среднего предпринимательства. URL: http://mbko.ru/liga/archive.php?SHOWALL_1=1. (Дата обращения: 02.04.2013).
23. О порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства займов сельскохозяйственным потребительским кредитным кооперативам: положение. URL: <http://www.mbko.ru>. (Дата обращения: 02.04.2013).
24. О порядке и условиях предоставления Кировским областным фондом поддержки малого и среднего предпринимательства займов сельскохозяйственным потребительским кредитным кооперативам: положение. URL: <http://www.mbko.ru>. (Дата обращения: 03.04.2013).
25. Нам на выручку придут пайщики. URL: <http://www.rmcenter.ru>. (Дата обращения: 03.04.2013).
26. Там же.
27. О сельскохозяйственной кооперации: фед. закон. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 03.04.2013).
28. [Статистика сельскохозяйственных кооперативов в Кировской области]. URL: <http://www.dsx-kirov.ru>. (Дата обращения: 02.04.2014).
29. Финансово-кредитная поддержка. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness/priors/2.php>. (Дата обращения: 02.04.2013).
30. О предоставлении субсидий субъектам малого предпринимательства на возмещение части затрат по договорам финансовой аренды (лизинга) и по оплате процентной ставки по кредитам: постановление Правительства Кировской области от 15.06.2010 № 55/260. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 03.04.2013).
31. Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки за 2011 год в виде предоставления субсидий на возмещение затрат по выплате авансовых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга). URL: http://www.mbko.ru/register/2012/leasing_advance. (Дата обращения: 02.03.2013).
32. Там же.
33. Там же.
34. Порядок предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, производящим и (или) реализующим товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта: утв. постановлением Правительства Кировской области от 13.12.2010 № 81/592 (ред. от 03.05.2011). URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения: 02.04.2013).
35. Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки за 2011 год...
36. Положение о конкурсе по отбору малых инновационных компаний для предоставления им государственной поддержки в форме грантов. URL: <http://kirovnet.ru/forum/index.php?topic=566803>. (Дата обращения: 02.04.2013).
37. Поддержка малого инновационного предпринимательства. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/smallbusiness/priors/6.php?print=Y>. (Дата обращения: 04.04.2013).
38. Грантовая поддержка малых инновационных компаний. URL: <http://www.mbko.ru/assistance/innovation/grant>. (Дата обращения: 02.04.2013).
39. Порядок предоставления субсидий организациям народных художественных промыслов на возмещение части их затрат по оплате потребленной электрической энергии: утв. постановлением Правительства Кировской области от 1 июня 2010 г. № 53/245, в ред. от 25.01.2012. URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения: 04.04.2013).
40. Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Кировской области» на 2010–2014 годы: областная целевая программа : утв. постановлением Правительства Кировской области от 25 августа 2009 г. № 22/259). П. п. 2.1. URL: <http://base.consultant.ru/regbase>. (Дата обращения: 02.04.2013).
41. Денисовская А. А. Государственная политика в развитии и поддержки малого предпринимательства, на пути выхода из экономического кризиса // Россия на пути выхода из экономического кризиса: сб. науч. ст. СПб., 2010. URL: <http://www.ibl.ru/konf/130510>. (Дата обращения: 05.04.2013).

42. Владимиров И. Дело за малым // Business Guide (Финансирование среднего и малого бизнеса). Приложение № 7 (138). 2012. 10 апр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1906269/print>. (Дата обращения: 04.04.2013).

УДК 347.95

Д. Б. Савельев

ЯВНОЕ ПРЕВЫШЕНИЕ РАЗУМНОЙ ПОТРЕБНОСТИ В ЖИЛИЩЕ КАК КРИТЕРИЙ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНИКА-ГРАЖДАНИНА

В статье анализируется позиция Конституционного суда РФ по проблеме коллизии прав кредитора и должника при применении имущественного иммунитета от обращения взыскания на единственное жилое помещение гражданина.

The article deals with the position of the RF Constitutional Court on the issue of collision of Creditor's and Debtor's rights in case of Debtor's exemption from liability for foreclosure of the only living quarters of a citizen.

Ключевые слова: жилое помещение, право на жилище, баланс интересов, норма минимальной жилой площади, исполнительное производство, ипотека.

Keywords: living quarters, right to housing, the balance of interests, norms of the minimal floor space, executive manufacture, mortgage.

В настоящее время особую остроту приобрел вопрос о дальнейшем существовании исполнительского (имущественного) иммунитета на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение гражданина. Данная норма является одной из немногих действительно эффективных и реально действующих на практике гарантий конституционного права на жилище. Содержание данного имущественного иммунитета от взыскания закреплено в абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, действующая редакция которой гласит: «Взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на следующее имущество, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности: жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является пред-

метом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание».

Достаточно длительное время данная норма не являлась предметом ни пристального внимания правоведов, ни оживленных общественных дискуссий. Как отмечает В. В. Ярков, «до сих пор в комментариях к ГПК РФ норма ст. 446 практически никогда не рассматривалась критически, а толковалась вполне позитивно либо воспринималась как целесообразное правило, которое вообще не комментировалось» [1].

Между тем Конституционный суд РФ достаточно давно обращает свое внимание на проблему существования этого вида имущественного иммунитета с точки зрения баланса конституционных прав кредитора и должника. Данный вопрос затрагивался Конституционным судом РФ в целом ряде определений, а именно: от 4 декабря 2003 г. № 456-О, от 20 октября 2005 г. № 382-О, от 24 ноября 2005 г. № 492-О, от 19 апреля 2007 г. № 241-О-О, от 20 ноября 2008 г. № 956-О-О, от 1 декабря 2009 г. № 1490-О-О, от 22 марта 2011 г. № 313-О-О и от 17 января 2012 г. № 10-О-О.

Перелом в данном вопросе наступил после 14 мая 2012 г., когда Конституционный суд РФ по очередным жалобам на несоответствие Конституции РФ положений абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ вынес постановление № 11-П, в п. 2 резолютивной части которого содержится жесткое предписание: «федеральному законодательству надлежит в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении, внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующие пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению».

Очевидно, что институт исполнительского иммунитета на единственное жилое помещение должника-гражданина ожидают значительные изменения.

Претензия Конституционного суда РФ к действующему нормативно-правовому регулированию данного вопроса сводится к тому, что действующая норма не содержит ориентиров для определения уровня обеспеченности жильем как разумно достаточного, что в настоящее время, в условиях развивающегося рынка жилья и изменения структуры жилищного фонда, может приводить к несоразмерному и не подкрепленному никакими конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками, а следовательно, нарушать баланс конституционно защищаемых интересов. Отсутствие соответствующих ориентиров, а следовательно, возможнос-

ти дифференцированного подхода при применении имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилого помещения, принадлежащего на праве собственности гражданину-должнику и являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не позволяет обратиться взыскание по исполнительным документам на такие жилые помещения, размеры которых могут значительно превышать средние показатели, а стоимость может быть достаточной для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи» (абз. 3 и 4 п. 4 мотивировочной части постановления № 11-П).

В резолютивной части Постановления № 11-П (п. 2, абз. 2) Конституционный Суд указал, что законодатель следует предусмотреть возможность обращения взыскания на единственное жилье должника, когда по своим характеристикам соответствующий объект недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования.

Существенное значение имеет, воспримет ли законодатель критерий «явного превышения разумной потребности», на который указывает Конституционный суд. 21 ноября 2012 г. в Государственную думу РФ был внесен законопроект № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (о пределах имущественного иммунитета на единственное пригодное для проживания жилое помещение)», в котором абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем гражданину-должнику помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если за счет стоимости такого имущества может быть приобретено иное пригодное для постоянного проживания жилое помещение в границах того же населенного пункта по нормам предоставления на каждого члена семьи гражданина-должника и могут быть полностью или частично удовлетворены требования кредитора гражданина-должника или такое имущество является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание» [2].

Из содержания данной нормы следует, что на практике даже маленькая квартира должника, но в более новом доме или в лучшем районе может быть продана, а взамен должнику остается денежная сумма стоимости самого дешевого жилья в пределах населенного пункта площадью по нормам предоставления.

Признание за должником права лишь на минимальный уровень обеспеченности жильем разделяет В. В. Ярков: «Баланс интересов взыскателя и должника по частным взысканиям заключается, с одной стороны, в удовлетворении законных и подтвержденных от имени государства решением суда требований взыскателя, с другой – в обеспечении должнику минимального уровня существования, способствующего сохранению его в социальной среде» [3]. Аналогичной позиции придерживается и ряд судей Конституционного суда [4].

При решении данного вопроса следует учитывать международно-правовую традицию. Как отмечает А. М. Пчелинцева, «после принятия Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах право на достаточное жилище стало частью общепризнанных стандартов прав человека» [5]. Представляется, что понятие «достаточное жилище» будет иметь разное содержание в зависимости от того, обеспечивает ли человек жильем либо государство санкционирует не лишать его определенного жилья. В последнем случае уместны более высокие стандарты, поскольку человек уже обеспечен жилищем.

На наш взгляд, только такой подход совместим с принципом преодоления имущественного иммунитета при условии «явного превышения» достаточного уровня обеспеченности жильем. Это краеугольный вопрос в рассматриваемой проблеме, поскольку именно в явном превышении разумной потребности в жилище Конституционный суд усматривает нарушение баланса прав в пользу кредитора.

Признак «явности» как буквально, так и в контексте постановления № 11-П следует понимать в качестве «неприличествующей должнику излишней обеспеченности». Поэтому в случае изменения правила абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в законе должны быть зафиксированы две величины: а) норма, при которой обеспеченность жилой площадью должника признается чрезмерной для целей исполнительного производства; б) норма, по которой должнику гарантируется приобретение жилой площади взамен прежнего жилья.

Очевидно, что при закреплении конкретных размеров данных норм необходимо дифференцировать метраж и количество изолированных

комнат в зависимости от числа человек, их пола (если это не супруги). Необходимо научное обоснование экономическими и социологическими исследованиями того, какие нормативы обеспеченности жильем при современном уровне развития общества считать нормой, а какие явным превышением нормы.

Как вариант, норматив сохраняемой должнику площади может быть близок к верхней границе норм предоставления жилой площади или немного выше. Округленно это 20 кв. м на одного человека. Однако потребность в жилье нельзя определять только как произведение норматива на количество членов семьи. Один человек или небольшая семья из 2–3 человек разумно нуждаются примерно в одинаковых размерах кухни, санузла, коридора. Кроме того, для одинокого человека нормой является проживание в отдельной квартире, а не в комнате в коммунальной квартире. Одинокому должнику должна быть обеспечена возможность остаться жить хотя бы в однокомнатной квартире. Норматив обеспеченности на одного человека можно закрепить на уровне 40 кв. м (что практически полностью исключит двухкомнатные квартиры), на каждого последующего члена семьи дополнительно увеличивать на 20 кв. м (площадь отдельной комнаты с долей в местах общего пользования).

Следующий норматив (излишек площади) можно определить как владение жилищем, которое будет являться объектом налога на роскошь в случае введения такого налога. Понятие «роскошь» в этом случае будет иметь межотраслевое значение. Другой вариант, в большей степени отвечающий интересам кредиторов, – понимать под «излишками жилой площади» определенную площадь, превышающую предыдущий норматив. Например, это могут быть те же 20 кв. м. В таком случае на жилое помещение проживающего в одиночестве должника может быть обращено взыскание, если его площадь превышает 60 кв. м, при этом должнику гарантируется возможность переселиться в квартиру площадью 40 кв. м в такой же благоустроенный дом в этом же микрорайоне. Для семьи из 3 человек площадь явного превышения составит 100 кв. м, а гарантируемая площадь – 80 кв. м.

Вилка из двух нормативных размеров отвечает букве и духу постановления № 11-П, позволяя четко отграничить излишнюю жилую площадь от разумно необходимой.

Вместе с тем данный критерий не должен являться единственным для решения вопроса об освобождении жилья из-под действия исполнительского иммунитета. Необходимо также учитывать соразмерность требований кредитора стоимости имущества, на которое обращается взыска-

ние, а также иные законные интересы гражданина-должника и членов его семьи, проживающих совместно с ним.

Примечания

1. *Ярков В. В.* Значение Постановления Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П для исполнительного производства // *Практика исполнительного производства*. 2007. № 5–6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Паспорт законопроекта № 175340-6 на официальном сайте Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=175340-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=175340-6&02) (дата обращения – сентябрь 2013 г.)

3. *Ярков В. В.* Указ. соч.

4. В «Особом мнении судьи Конституционного Суда Н. С. Бондаря» и в «Особом мнении судьи Конституционного Суда Г. А. Жилина», данные судьи высказывают позицию, согласно которой необходимо использовать принцип неприкосновенности лишь минимума имущества должника. Эту же позицию Н. С. Бондарь развивает в своей статье «В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников» // *Цивилист*. 2012. № 4.

5. *Пчелинцева Л. М.* Проблемы исследования природы и содержания конституционного права граждан на жилище // *Конституционное и муниципальное право*. 2004. № 2. С. 13.

УДК 342.4(73)

Д. К. Ярославцева

МЕТОД ПРЯМОГО, БУКВАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРХОВНОГО СУДА США

The article deals with the concept and essence of the plain-meaning method of interpretation of the United States Constitution.

В статье анализируются понятие и сущность прямого, буквального метода толкования норм конституции США.

Ключевые слова: конституция США, Верховный суд США, судебный конституционный контроль, конституционное толкование, метод толкования, метод буквального толкования, прямое толкование, текстуализм.

Keywords: the constitution of the USA, the Supreme Court of the USA, judicial review, the constitutional interpretation, method of interpretation, plain-meaning method, ordinar-meaning method, strict construction.

В политико-правовой мысли США и в доктрине, и в судебной практике вопросам толкования конституции уделяется особое внимание. Уяснение смысла и содержания закона начинается с

© Ярославцева Д. К., 2013

прочтения и анализа его текста, что в американской юридической литературе принято называть «прямым» (plain-meaning method или ordinary-meaning method), «буквальным», «очевидным» толкованием (strict construction), осуществляемым в рамках «механистического» подхода [1].

Наиболее полно правила и приемы «буквального» толкования были сформулированы Дж. Стори – американским юристом и политическим деятелем, с 1819 г. членом Верховного суда США, который в одной из работ написал: «При толковании конституции Соединенных Штатов мы должны в первую очередь рассмотреть, каковы ее природа и цели, объем и характер регламентации, определяемые с очевидностью из самого документа, рассматриваемого в целом и постатейно. Если слова просты, ясны и определены, их не нужно толковать... Если слова допускают два значения, каждое из которых является общеупотребительным, следует использовать то значение, которое не расходится с буквальным смыслом слов, наилучшим образом соответствует природе и целям, объему и характеру регламентации документа» [2].

Необходимо добавить, что никто не ставил правильность буквального метода толкования основного закона США на тот момент под сомнение, так как считалось, что «сами основатели столь тщательно подбирали слова и вводили определенную терминологию, что язык, которым написан текст конституции, имеет вполне конкретный смысл» [3] и суду вполне реально определить, в чем он состоит.

Метод буквального, прямого толкования конституции США в значительной мере характеризуют и слова судьи Верховного суда О. Робертса, который следующим образом определил функцию судов: «Если акт конгресса надлежащим образом оспаривается в судах как не соответствующий его конституционному мандату, то единственная обязанность судебной ветви правительственной власти состоит в следующем: сопоставить статью конституции, на которую делается ссылка, с оспариваемым законом и решить, согласуется ли он с конституцией» [4].

Таким образом, ведущее правило данного метода толкования таково: правом является только то, что содержится в нормативных актах. В связи с этим, как говорит Джон Мэнинг, «выясняется не то, что хотел сказать законодатель, а только то, что он сказал в этом акте» [5]. Следовательно, толкуется не воля законодателя вообще, а воля законодателя, содержащаяся в правовых нормах. Сторонники такой интерпретации конституции настаивают на том, что «толкование не вносит и не может вносить поправок и изменений в действующие нормы. Оно призвано

лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в норме» [6].

Обобщая высказывания верховных судей и зарубежных исследователей, попытаемся сформулировать основные постулаты метода буквального толкования конституции в действиях Верховного суда США: 1) суд, толкуя закон, должен принять во внимание в первую очередь язык самого закона. Значит, словам и выражениям придается тот смысл, в котором они употреблены законодателем в момент издания закона; 2) словам и выражениям закона придается то значение, которое они имеют в литературном языке [7]. Если слова допускают два значения, каждое из которых является общеупотребительным, следует использовать то значение, которое не расходится с буквальным смыслом слов, наилучшим образом соответствует природе и целям, объему и характеру регламентации документа; 3) обязанность суда состоит в следующем: сопоставить статью конституции с оспариваемым законом и решить, согласуется ли он с конституцией; 4) средством исправления ситуации в этом случае являются толкование конституции (например, в случае «широко сформулированных и неопределенных положений конституции») либо внесение поправок в текст конституции; 5) запрет в процессе толкования под предлогом учета изменившихся условий, потребностей политического и экономического развития отходить от точного смысла норм конституции, вкладывать в конституционную норму то содержание, которое расходится со смыслом, вложенным в нее законодателем.

Большая степень привязанности к конституции-документу при осуществлении конституционного толкования ее статей и конституционного контроля была характерна в конце XVIII – сер. XIX в. Основной посылкой была мысль, что конституцию можно постичь разумом – ее реальное значение становится ясным при полном прочтении. Во всех решениях сам текст конституции и намерения ее создателей толковались таким образом, как если бы в ее тексте были заложены ясные и самоочевидные ответы на поставленные проблемы.

В одной из своих публикаций В. В. Лузин утверждает, что в 1928 г. Верховный суд наиболее полно раскрыл сущность буквального толкования основного закона США в деле “Olmstead v. US” [8]. Суть дела заключалась в том, что для раскрытия деятельности преступной группы бутлегеров полицией без нарушения права частной собственности к телефонному кабелю были подключены специальные приборы, позволявшие прослушивать переговоры руководителей преступной группировки. Адвокаты обвиняемых посчитали невозможным использование стенограмм

телефонных разговоров в качестве доказательств, поскольку была нарушена IV поправка к конституции США. Полиция прослушивала телефонные переговоры без разрешения судебной власти, т. е. имели место «необоснованные обыски и аресты», «вторжение в бумаги, имущество» обвиняемых. Кроме того, подобные документы не могли быть использованы в качестве процессуальных доказательств, так как это противоречило и V поправке (никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя).

Кратко позиция Верховного суда в деле «Olmstead v. US» может быть сформулирована следующим образом. Лицо, устанавливающее телефон в своем доме, намерен передавать сообщение за его пределы. Поскольку телефонный кабель находится и вне дома, то телефонные послания не защищены IV поправкой. В указанном деле доказательства были получены в соответствии с законом, поэтому нет никаких оснований говорить о нарушении V поправки к конституции. Таким образом, Верховный суд США отверг доводы защиты, используя, по утверждению В. В. Лузина, метод прямого, буквального толкования конституции [9].

В 1980-х гг. обозначилась тенденция к восстановлению конституционно-правового формализма в судебных делах. Решения Верховного суда, основанные на более строгом формально-юридическом подходе, исходили из посылки о том, что и текст конституции, и намерения ее составителей являются основополагающими в процессе принятия судебных решений. Следовательно, изменившиеся социально-политические обстоятельства не должны колебать основы конституционной доктрины США. При этом председатель Верховного суда У. Ренквист считал, что не может быть «первоначального намерения» в отношении тех проблем, которых не предвидели основатели. Ренквист полагается прежде всего на текст конституции, а не на исторические свидетельства. Язык основателей, а не личные предубеждения или социальные ценности толкователей конституции должны быть стандартом для толкования [10].

Не является забытым метод буквального толкования конституции и в наши дни. Так, например, во время дискуссии, которая проходила осенью 2005 г. на юридическом факультете Гарварда, верховный судья А. Скалиа заявил, что «суд ... станет, как и раньше, относительно свободным лишь тогда, когда мы вернемся к утверждению, что конституция означает именно то, что в ней сказано, что в ней подразумевается именно то, что подразумевалось в момент ее принятия» [11].

На сегодняшний день прямое, очевидное толкование конституции США используется по некоторым вопросам, связанным, к примеру, с сис-

темой налогообложения. Согласно судебной доктрине «буквального толкования», право на освобождение от налогообложения религиозных организаций должно рассматриваться судами как выраженное законодателем ясно и недвусмысленно. По мнению бывшего судьи Верховного суда США Кули, данное право в принципе не может быть расплывчатым, напротив, оно должно быть ограничено специальными условиями, предусмотренными в норме закона. Следовательно, если закон прямо не предусматривает освобождение от налогообложения, суд не вправе говорить, что оно существует в норме закона имплицитно. Руководствуясь данной доктриной, в решении по делу «Методическая епископальная церковь святой Троицы против города Сан-Антонио» суд указал, что любые сомнения в вопросе о том, распространяется ли налоговая льгота на налогоплательщика, должны разрешаться в пользу правительства. По мнению американских специалистов, приоритет буквального толкования над расширительным толкованием в вопросах освобождения от налогообложения является обоснованным, поскольку в противном случае налоговый иммунитет может служить инструментом обмана для недобросовестных организаций, желающих воспользоваться преимуществами своего статуса [12].

Можно сказать, что в современной теории права это, пожалуй, «самый не спорный» вид толкования с точки зрения его названия и допустимости использования. В ряде случаев орган конституционной юстиции обязан прибегнуть именно к подобному толкованию. Речь может идти о ситуациях, когда использование юридического, лингвистического, семантического и других видов анализа позволяет выяснить действительное значение закона [13].

Доводы сторонников метода буквального толкования конституции можно свести к следующему:

1. Данный метод толкования основывается на размышлениях о том, «какую роль играет юриспруденция в демократическом обществе, а не на строгом выведении решения из конституции» [14], в которой могут содержаться внутренние противоречия.

2. Судьи Верховного суда, которым импонирует метод буквального толкования конституции, не склонны отвергать любые аргументы, базирующиеся на учете последствий принятых решений; они «желают лишь свести к минимуму подобные аргументы» [15] при вынесении судебных постановлений.

3. Метод буквального толкования норм конституции вытекает из определенной политической философии. Воспринимая свой подход как средство для достижения таких целей, как юридическое самоограничение и укрепление демократии, буквалист скажет, что благоприятные по-

следствия для демократии наблюдаются именно в тех случаях, когда «судьи воздерживаются от того, чтобы “ставить телегу впереди лошади” – т. е. отдавать приоритет последствиям своих решений, а не императивам законов в том виде, в каком они сформулированы» [16].

4. Правосудие, базирующееся на буквальном толковании норм основного закона, сводит к минимуму опасность судейского произвола – в том числе и искушению интерпретировать сложный юридический язык «в свою пользу» – с тем, чтобы продвинуть свои представления о «должном» или «недолжном». Конечно, спустя столетия жестко проводимый текстуализм может привести к абсурдным результатам. Однако есть резон, вслед за А. Скалиа, делать акцент не столько на различии между жестким и мягким буквальным толкованием, сколько на различии между разумным и неразумным отношением к тексту [17].

5. Буквальное толкование имеет место тогда, когда устанавливается, что содержание нормы полностью соответствует ее словесному смыслу. Это наиболее благоприятный результат, поскольку в идеале предполагается, что закон должен читаться так, как он написан, и «именно на буквальном толковании следует останавливаться правоприменителю, если истинный смысл нормы представляется ему установленным вполне достоверно» [18]. Можно сказать, что буквальное толкование привлекает и тем, что судья стремится сохранить в неприкосновенности первоначальный смысл конституции и оставаться строго в рамках позитивистского мышления.

Таким образом, прямое, буквальное толкование направлено на то, чтобы обосновать интерпретирование нормы в точном соответствии с «буквой закона», и, соответственно, всецело поддерживать максимальную стабильность правовой нормы, а тем самым правовую безопасность, от неоправданно широкой трактовки по той причине, что интерпретатор не должен корректировать, изменять смысл закона под каким-либо предлогом.

Вместе с тем следует признать, что буквальное толкование есть и наиболее неустойчивый вид интерпретации правовых норм. Как заметил литовский исследователь В. Павилонис, «механистический» подход направлен на то, чтобы раскрыть неизменную волю законодателя, хотя одновременно возникает множество вопросов: как определить первичную волю законодателя, как она была определена и т. д. [19]

Более того, если в ходе интерпретационной деятельности суд не делает немедленного достоверного вывода, а логическое, систематическое, доктринальное, историческое толкование указывают на другой результат, то именно этим видам должно быть отдано предпочтение.

С. Брейер отмечает и то, что упускают из виду многие критики, а именно: текстуалисты отстаивают свой подход отчасти на том основании, что он служит делу демократии. «Они боятся того, – разъясняет Брейер, – что судьи постепенно привыкнут вырабатывать судебные решения, апеллируя к сложившимся обстоятельствам, с оглядкой на общественное мнение, что приведет к субъективизму и нанесет ущерб демократии, поскольку дух и буква закона будут подменены представлениями элиты о “правильной политике”» [20]. На этот счет судья С. Брейер выдвигает несколько аргументов:

1) текстуализм не может быть оправдан путем апелляции к оригинализму потому, что сами создатели конституции не придерживались оригиналистской теории ее интерпретации;

2) Брейер отвергает распространенное среди текстуалистов мнение, что ориентированная на последствия юриспруденция приводит к субъективизму в судебной практике. Сторонники учета последствий никогда не начинают с изучения целей и последствий статьи закона; они обращаются к этому аспекту рассмотрения лишь в трудных случаях, когда анализ текста, истории и прецедентов не приводит к однозначному результату;

3) Брейер напоминает, что сам текстуализм ни в коей мере не исключает судебную субъективность. Текстуалисты могут наложить ограничения на интерпретацию текста и его истории, но им все равно приходится выбирать, на какие прецеденты ориентироваться, а на какие нет; делая подобный выбор, они волей-неволей учитывают возможные последствия того или иного решения [21].;

4) когда дело доходит до действительно сложных, «пограничных» случаев, текстуалист, нацеленный на строгое следование букве закона и выработку четких правил, может принять смехотворное или потенциально опасное решение [22].

Нельзя не отметить ограниченность и непригодность метода буквального толкования для решения целого ряда конституционных проблем. К примеру, в 1973 г. Верховный суд санкционировал дело о легализации аборт. В дальнейшем суд затрагивал эту тему еще не раз. У судьи А. Скалиа не было сомнений, что санкционированный по делу “Roe v. Wade” [23] прецедент надо отбросить, так как в конституции вообще нет упоминаний об абортах [24]. В 1989 г. при рассмотрении дела “Michael H. v. Gerald D.”, где обжаловался закон Калифорнии, лишающий отца прав на контакт с ребенком (если в момент рождения этого ребенка его мать оставалась в супружеской связи с другим мужчиной и проживала вместе с ним). Судья А. Скалиа поставил перед судом вопрос: возможно ли на основании текста и современной истории конституции на-

личие правил по этому вопросу? В итоге суд вынес решение, в котором отказал внебрачному, но биологическому отцу в каких-либо правах на ребенка [25]. Уже из этих двух высказываний судьи Скалиа можно сделать одно важное заключение: буквальный метод толкования конституции неприемлем в тех ситуациях, когда суд вынужден истолковывать проблемы, прямо не предусмотренные в тексте основного закона страны, какими бы универсальными не казались нормы конституции для сторонников этого подхода. Надо сказать, за последние десятилетия количество конституционных проблем, которые все более затруднительно решать суду с помощью буквального толкования основного закона страны, все больше. Это уже не только и не столько вопрос о легализации гомосексуализма, сколько о признании Верховным судом легитимности однополых браков; толкование VIII поправки к конституции, запрещающей «жестокое и необычное» наказание, нашедшее отражение в, казалось бы, таких разных делах, как вопросы применения смертной казни, с одной стороны, и пыток к заключенным в Гуантаномо – с другой, и т. д.

Как пишет В. И. Лафитский, «прокрустово ложе “механистического” толкования нередко препятствовало проведению необходимых реформ, становилось причиной острых конфликтов, а также сохранения пробелов в конституционной регламентации. Эти факторы в конечном счете и предопределили появление новых, “конструктивных” подходов к конституционному толкованию» [26], в основе которых лежит возможность более широкого толкования конституционных норм, где «буква» конституции служит лишь отправной точкой дальнейших логических построений.

Примечания

1. *Bodenheimer E.* Jurisprudence. The philosophy and method of law. Cambridge, 1962. P. 112
2. *Лафитский В. И.* Основы конституционного строя США. М.: НОРМА, 1998. С. 89–90.
3. *Curtis C.* The role of the constitutional text // Supreme Court and supreme law. Bloomington, 1954. P. 4.
4. *Жидков О. А.* Верховный суд США: право и политика. М.: Наука, 1985. С. 116.
5. *Manning John F.* Textualism as a Nondelegation Doctrine. – Columbia Law Review (1997) April 24. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=10408.
6. *Bickel A. M.* The Supreme Court and the Idea of progress. N. Y., 1970. P. 24.
7. *Никифорова М. А.* Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика. М.: Наука, 1991. С. 54.
8. *Olmstead v. US* // United States Reports. 438, 464 (1928)
9. *Лузин В. В.* Методы толкования Конституции в деятельности Верховного Суда США // Государство и право. 1997. № 10. С. 90–91.
10. *Егоров С. А.* Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993. С. 39.

11. *Бенфорато А., Хадсон Джон Д.* Плывающие в потоке. Почему членство в Верховном суде толкает судей к большему либерализму?. URL: http://www.ideologiya.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3408&Itemid=0.
12. *Тарибо Е. В.* Судебные доктрины и практика Конституционного суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–122.
13. *Лузин В. В.* Указ. соч.
14. *Manning John F.* Op. cit.
15. *Solum Lawrence B.* Semantic Originalism. November 22, 2008. Illinois Public Law Research Paper No. 07–24. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1120244.
16. *Breyer S.* Active Liberty: Interpreting Our Democratic Constitution. Alfred A. Knopf. 2005. P. 13.
17. Ibid.
18. *Treanor William M.* Against Textualism. 4-21-08. Northwestern Conference on Originalism. URL: <http://www.law.northwestern.edu/faculty/conferences/research/originalismdocs/AgainstTextualism.pdf>.
19. *Гаджиев Х.* Пределы толкования норм Конституции Конституционным судом // Право и политика. 2000. № 12. С. 31–32.
20. *Breyer S.* Op. cit. P. 15.
21. Ibid.
22. *Хабibuлина Н. И.* Толкование права: новые подходы к методологии исследования. СПб., 2001. С. 15.
23. *Roe v. Wade*, 410 U.S. 113 (1973).
24. *Жидков О. А.* Указ. соч. С. 593.
25. *Michael H. v. Gerald D.*, 491 U.S. 110. (1989).
26. *Лафитский В. И.* Указ. соч. С. 90.

УДК 352.07:34(470)(091)

И. Н. Гильванова

СУБЪЕКТЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Статья посвящена анализу формирования основ местного самоуправления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автором предпринята попытка определить круг субъектов местного общественного управления и дать характеристику их правовому статусу на основе анализа взглядов представителей юридической науки второй половины XIX – начала XX в. и современных ученых.

The article deals with the formation of bases of local self-government in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries. The author tries to identify the subjects of local public administration and to characterize their legal status based on an analysis of legal norms, as well as on the analysis of the views of jurists of the second half of XIX – early XX centuries and modern scholars.

Ключевые слова: управление, самоуправление, местное управление, общественное управление, местное самоуправление, местное население, мест-

© Гильванова И. Н., 2013

ное сообщество, вопросы местного значения, земское самоуправление, городское самоуправление.

Keywords: management government, local government, public administration, local selfgovernment, local communities, local community, local matters, zemstvo selfgovernment, urban government.

В период реформ середины XIX в. в ходе общей модернизации государственной системы в Российской империи были созданы правовые основы для формирования местного самоуправления, а затем и сама система местных органов общественного управления. Важным элементом этой системы стали субъекты – участники правоотношений, возникающих в процессе организации и осуществления местного самоуправления. Во второй половине XIX – начале XX в. такими субъектами являлись земства и города, в которых осуществлялось самоуправление (местные сообщества), и органы местного самоуправления. Особенности правового статуса каждого из обозначенных субъектов местного самоуправления были установлены законодательством.

Земства и города как субъекты местного самоуправления

Самоуправление всегда связано с активным участием местных жителей в решении вопросов своего жизнеобеспечения. В Именном указе императора, которым вводилось в действие Положение о земских учреждениях 1864 г. [1], ставилась задача привлечь местное население «посредством избираемых от оногo лиц» к «заведованию делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд каждой губернии и каждого уезда». Таким образом, основным субъектом местного самоуправления, в соответствии с данным указом, признавалось местное население.

Следует оговориться, что употребленный законодателем термин «население», означающий совокупность граждан, проживающих на определенной территории, указывает на коллективный характер права на местное самоуправление, но не отражает качественных особенностей этого субъекта. Для того чтобы подчеркнуть качественную сторону коллективного субъекта местного самоуправления и отграничить его от понятия населения как простой совокупности граждан, в современной науке были предложены различные термины: «местное сообщество», «особые самоуправляющиеся коллективы», «социально-территориальная общность», которые чаще всего рассматриваются как синонимы [2].

Так, А. Ф. Сахипова толкует термин «местное сообщество», исходя из значения составляющих его слов: «местный» – относящийся к определенной местности, и «сообщество» – объединение людей общими интересами, целями [3].

Таким образом, термин «местное сообщество» означает объединение людей, проживающих в определенной местности, на основе общих интересов. Население рассматривается А. Ф. Сахиповой как важнейшая характеристика местного сообщества, наряду с такими признаками, как территория, наличие социального взаимодействия и социальных связей между членами сообщества и чувство сообщества или чувство психологической идентификации с сообществом [4].

Представляется верным предложенное определение местного сообщества, поскольку оно подчеркивает особую связь физических лиц, проживающих на определенной территории; ту связь, благодаря которой открывается возможность осознания и формулирования особенных местных потребностей. Именно такой взгляд наиболее полно раскрывает значение власти на местах, способы ее формирования и полномочия и позволяет сделать вывод о том, что первичным субъектом любой системы местного самоуправления является местное сообщество.

В XIX в. термин «местное сообщество» не использовался в законодательстве Российской империи. Однако это не означает, что понимание важности местных коллективов отсутствовало у российского законодателя: еще Жалованная грамота городам ввела в законодательную практику созвучное понятие «градское общество», под которым понималась совокупность жителей, объединенных общественными интересами [5]. За городами признавался статус юридического лица, а «градское общество» получило расширенные права по владению движимой и недвижимой собственностью, перечень которой тоже определялся законодательством. Органом городского общества являлось собрание городских обывателей, формируемое на основе имущественного ценза, куда входили представители всех сословий.

В науке XIX в. понятие местного коллектива оставалось вполне употребимым. Так, В. В. Ивановский в 1898 г. для характеристики социального состава местного самоуправления использовал термины «общественный союз» и «местное общество» [6]. Н. М. Коркунов, определяя субъект самоуправления, использовал термин «местные общения» и подчеркивал, что местные общения имеют в своем основании «общность и обособленность местных интересов» и, в силу этого, наделяются самоуправлением [7].

В Положениях о губернских и уездных земских учреждениях кроме термина «местное население» используется термин «земство», который вполне можно трактовать как синоним «местного сообщества». Так, в ст. 5 Положения 1864 г. было закреплено, что «земские учреждения имеют право именем земства, на основании общих гражданских законов, приобретать и от-

чуждать движимые и недвижимые имущества; заключать договоры, принимать обязательства и вчинять гражданские иски и отвечать в гражданских судах по имущественным делам земства» [8]. Аналогичная норма содержалась в ст. 4 Положения 1890 г. [9] В Городовых положениях 1870 г. и 1892 г. [10] для обозначения субъекта, уполномоченного осуществлять местное самоуправление, использовались термины «город» и «городское общество». Таким образом, правом на осуществление местного самоуправления наделялись земства и города, а земские и городские учреждения выступали от их имени – как представители местных сообществ.

Кроме того, земства (как губернские, так и уездные) и города по закону обладали статусом юридического лица. И те и другие в соответствии с законом могли приобретать имущество и самостоятельно заведовать им. Органы местного самоуправления (земские и городские), а также различные, принадлежавшие земствам и городам заведения (благотворительные, лечебные, учебные), хотя они и имели помещения и особое имущество, статусом юридического лица не наделялись. Помещения и имущество, которым они пользовались, принадлежало земству или городу, т. е., по сути дела, местному коллективу.

Об этом же писал А. И. Елистратов, который рассматривал земства и города, так же как и другие «соединения лиц, определенным образом организованные», в качестве самостоятельных субъектов правовых отношений. Он определял земства и города как «соединения лиц, объединенные общественными интересами отдельных местностей» [11]. По мнению дореволюционного исследователя, именно земства и города (а не органы местного самоуправления) наделялись правами юридического лица и могли вступать в отношения с частными лицами, с должностными лицами коронной администрации (с министром, губернатором и т. д.), а также между собой (например, земство с городом) [12].

Таким образом, первичным субъектом местного самоуправления всегда является местное сообщество с его традициями, национальными и иными особенностями. Именно местному сообществу государство во второй половине XIX в. предоставило право на осуществление местного самоуправления. Такими сообществами и являлись земства и города (городские общества).

Органы местного самоуправления как субъекты местного самоуправления

Организация местного самоуправления всегда предполагает наличие органов самоуправления, реализующих полномочия, направленные на решение вопросов местного значения. Органы местного самоуправления являлись законными представителями местных сообществ, производ-

ным субъектом права на осуществление местного самоуправления. Они наделялись правом принимать решения (участвовать в принятии решений) по вопросам, отнесенным к ведению местного самоуправления.

Как отмечал В. В. Ивановский, создание органов местного самоуправления необходимо «как для выражения воли самоуправляющегося общественного союза, так и для приведения ее в исполнение» [13]. Механизм формирования представительных органов местного самоуправления определяет, кто из местного сообщества и в какой степени чувствует в осуществлении местного самоуправления; организация же исполнительных органов обуславливает степень самостоятельности самоуправления от правительственных органов власти.

При организации местного самоуправления важно обеспечить реальное представительство интересов местного сообщества в деятельности органов самоуправления. Следовательно, необходимым условием формирования представительного органа является его выборность. В этом же ключе рассматривает данную проблему В. В. Ивановский, он пишет: «В качестве распорядительного органа может выступать или совокупность всех взрослых индивидуумов, входящих в состав данного общественного союза, или же особое учреждение, которое по своему личному составу было бы точным выражением личного элемента данного общественного союза. Первый случай возможен лишь в таких общественных союзах, величина которых, как в отношении местного, так и личного элементов, крайне незначительна. Последняя организация приложима к более или менее обширным местным союзам, где непосредственное участие в управлении всех и каждого неосуществимо. Что касается исполнительных органов, то для сущности дела безразлично, в какой бы форме они ни существовали, лишь бы были подчинены органам, выражающим волю местного сообщества и приводили ее в исполнение» [14]. Именно такой, по мнению дореволюционного исследователя, должна была быть идеальная организация местного самоуправления. В целом эти принципы и были реализованы при создании представительных и исполнительных органов земств и городов во второй половине XIX – начале XX в. Эти же идеи определяют устройство многих современных систем местного самоуправления.

Создаваемые общественные учреждения должны были являться действительно представительством местности, т. е. это были представители местного сообщества и, вместе с тем, субъекты местной власти, осуществляющие свои права. Местное управление во второй половине XIX –

начале XX в. понималось как «органический элемент самовыражения соответствующего местного сообщества», благодаря которому местные жители имели возможность «организовать в своих интересах необходимые им службы» [15].

Наиболее универсальное значение имело земское самоуправление, так как в нем участвовало не только население уездов, но и население городов. Кроме того, земское самоуправление было организовано раньше городского и во многом послужило ему образцом [16]. Регулирование двух форм местного самоуправления осуществлялось на основании одних и тех же принципов. Но городское самоуправление существовало задолго до земского, в его организации имелись существенные особенности, поэтому и регулировалось оно отдельным законом.

Земское самоуправление строилось по территориальной модели, осуществлялось на уровне уезда и губернии. Органы уездного и губернского земского самоуправления составляли единую систему, но формирование губернских и уездных учреждений происходило на разной основе. Структура органов земского самоуправления по Положению о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. была следующей: выборные земские собрания (губернские и уездные) – представительные органы и избираемые ими соответствующие земские управы – исполнительные органы. Кроме того, в систему земских органов входили избирательные съезды, задача которых состояла в том, чтобы раз в три года определять состав уездных гласных. Изменения, внесенные Положением 1890 г. для определения структуры органов местного самоуправления, не носили принципиального характера.

Структуру городских органов самоуправления составляли: городская дума – представительный орган, городская управа – исполнительный орган, а также городское избирательное собрание для избрания раз в четыре года гласных.

Правоспособность органов местного самоуправления была закреплена законодательно. К их компетенции принадлежали только те дела, которые были отнесены к местным хозяйственным пользам и нуждам. При этом органы обществен-

ного управления не могли вмешиваться в дела местных правительственных и местных сословных учреждений.

Для осуществления своих задач земские и городские учреждения наделялись правом издавать обязательные для местного населения постановления, давать распоряжения и следить за их исполнением.

Сложность правовых отношений, складывающихся в сфере осуществления местного самоуправления, была предопределена противоречивостью в статусе органов местного самоуправления. Но данная проблема заслуживает отдельного детального исследования, актуальность которого подтверждается в том числе и современным состоянием проблемы определения категорий «частного юридического лица» и «публичного юридического лица».

Примечания

1. ПСЗ-II. 1864. № 40457.
2. Сахитова А. Ф. Местное самоуправление башкир: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. С. 53.
3. Там же. С. 54.
4. Там же. С. 59.
5. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи // ПСЗ. 1785. № 16187.
6. Ивановский В. В. Русское государственное право. Казань, 1898. Т. 1. С. 401.
7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. II. Особенная часть. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897. С. 531.
8. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗ-II. 1864. № 40457.
9. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗ-III. 1890. № 6927.
10. ПСЗ-II. 1870. № 48498; ПСЗ-III. 1892. № 8708.
11. Елистратов А. И. Административное право. М.: Ипотография И. Д. Сытина, 1911 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
12. Там же.
13. Ивановский В. В. Указ. соч.
14. Там же.
15. Черкасов А. И. Сравнительное местное управление: теория и практика. М., 1998. С. 115.
16. Чичерова И. А. Земское и городское самоуправление в России во второй половине XIX в. (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 117.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091

О. Ю. Поляков

ОБРАЗЫ И «МИРАЖИ» ХУГО ДИЗЕРИНКА (К ПРОГРАММЕ ААХЕНСКОЙ ШКОЛЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ)*

В статье рассматриваются труды видного бельгийского литературоведа Хуго Дизеринка, главы Аахенской школы компаративистики, стоявшего у истоков современной имагологии как раздела сравнительного литературоведения. Раскрываются его методологические подходы, сочетающие анализ национальных образов, с одной стороны, как логических конструктов в связи с принципами структурализма и философии Карла Поппера, с другой – с учетом широких историко-культурных контекстов.

The article deals with the works of the prominent Belgian scholar Hugo Dyserinck, the head of Aachen School of Comparatism, who was one of the founders of imagology as a branch of literary studies. The author considers his methodological approaches which combine analysing national images, on the one hand, as logical constructs, in connection with the principles of structuralism and Karl Popper's philosophy, and, on the other hand, with regard to wide historical and cultural contexts.

Ключевые слова: компаративистика, имагология, национальный образ, стереотип, имаготип.

Keywords: comparative studies, imagology, national image, stereotype, imagotype.

В конце 1940–1950-х гг. во Франции началось движение к обновлению сравнительного литературоведения и созданию новой отрасли компаративистики – имагологии (науки о национальных образах), связанное с появлением программных трудов Жана-Мари Карре («Французские писатели и немецкий мираж», 1800–1940, 1947) и Мариуса-Франсуа Гийяра («Иностранец, каким его видят», 1951). Ж.-М. Карре первым заявил о необходимости исследовать представ-

ления о других народах, образы «чужого», другого», воплощенные в литературных текстах. М.-Ф. Гийяр полагал необходимым изучать нации не как реально существующие, а как «представляемые», воображаемые общности, некие литературные тропы. Иными словами, репрезентация была отделена от ее объекта, и о национальности можно было говорить как о модели, «репрезентативной, возникающей в момент его формулировки», логическом конструкте, «рассмотрение которого возможно в его субъективности, вариативности и противоречиях» [1]. Гийяр подчеркивал, что изучение имагологической проблематики выходит за пределы литературоведческой науки и должно способствовать самопознанию человечества через расставание с иллюзиями, порождаемыми стереотипными представлениями о нациях.

Стратегия, обозначенная Гийяром, не получила, однако, серьезного развития в последующие два десятилетия, поскольку против нее решительно выступил патриарх американского литературоведения Рене Уэллек, который полагал, что новая наука будет подменять литературоведческую проблематику изысканиями в области социологии, этнопсихологии и других дисциплин, в то время как она должна сосредоточиться на сугубо эстетических проблемах.

Неприятие имагологии может быть объяснено приверженностью Уэллека «Новой критике» (и, по мнению Х. Дизеринка, влиянием на него идей русских формалистов [2]); кроме того, как отмечает Й. Леерссен, позиция Уэллека согласуется с установками американских гуманитарных наук, которые в послевоенное десятилетие были сосредоточены на эссенциалистской трактовке наций [3].

Так или иначе, выступления Уэллека привели к конфронтации двух школ компаративистики, американской и французской, и значительному замедлению разработки методологических принципов, научного аппарата имагологии. Возрождению науки о национальном дискурсе способствовала деятельность Аахенской школы сравнительного литературоведения во главе с Хуго Дизеринком (1927–?), известным специалистом в области франко-бельгийских и франко-немецких литературных связей. Ее манифестом стала статья «К проблеме “образов” и “миражей” и их

* Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта проведения научных исследований «Имагология в междисциплинарном научном пространстве: теоретико-методологические основы», проект 12-04-000-37-а

исследования в рамках сравнительного литературоведения», опубликованная в журнале «Аркадия» в 1966 г.

Дизеринк, отвечая в ней на критику Уэллека, подчеркнул, что ученому, рассматривающему национальные образы, нельзя замыкаться на том, что Уэллек называл “intrinsic analysis”, необходимо использовать сведения и методы пограничных наук. При этом исследование будет оставаться в границах литературоведения, поскольку во многих случаях национальные образы играют «имманентную тому или иному произведению роль» и могут быть подвергнуты анализу в духе «Новой критики», за который так ратовал Уэллек. С другой стороны, национальный текст литератур может быть наиболее объективно охарактеризован с учетом социокультурных контекстов (особенно в том случае, когда исследователь имеет дело с «миражами», искаженными национальными образами, плодом «оптического обмана», порождаемого стереотипными структурами, – такие деформации были особенно характерны для литературы романтической эпохи и XX в.).

Наглядный пример подобных образов-«миражей» Дизеринк находит в романе Жоржа Бернано «Дневник сельского священника», в котором фламандцы изображаются свобододобивыми, гордыми людьми, исполненными жизненной силы, сочетаемой с наивной религиозностью, чувствительностью и мистицизмом. Любопытно, что «мятежный дух» фламандцев, их неприятие несправедливости в оценках одного из персонажей романа, кюре из Торси, соотнесены с качествами русских людей, которых он называет «фламандцами с дальнего севера». Соответственно, в сознании героя западный протестантизм корреспондирует с советским социализмом: священник молится за Мартина Лютера так же страстно, как за Максима Горького.

«Фламандский мираж», по мнению Х. Дизеринка, искусственный образ, навеянный европейцам фламандской живописью XV–XVII вв. и бельгийским искусством XIX–XX вв., который был воспринят Бернаносом. Структура образа Фландрии в его произведении «идентична главным элементам образа германо-славянского пространства в понимании Французского движения и родственных ему течений» [4].

К «фламандскому миражу» Дизеринк неоднократно обращался в своих работах, чтобы показать, как заблуждаются те, кто считает, что предназначение имагологии – исследовать характерные особенности народов, черты «народной психологии», выраженные в литературных текстах. В частности, в статье «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» (1988) говорится о расцвете бельгийской литературы на французском языке,

«бельгийском возрождении» XIX в., представителями которого были Э. Верхарн, М. Метерлинк, Ж. Роденбах, Ш. ван Лерберг, Ж. Экауд, М. Эльскамп и др. Международную славу этих писателей обусловило, по мнению Дизеринка, то, что их творчество соответствовало стереотипным представлениям о категории «фламандского»: критики хвалили их «типично фламандский» динамизм, противопоставляя его «рационалистичности», «скудости» французской литературы той поры. «Народно-психологические» черты, характерные для образа Фландрии, находили в мистицизме Жоржа Роденбаха (роман «Мертвый Брюгге»), в «чувственности» стихотворений сборника Эмиля Верхарна «Фламандки» и др. Эти индивидуальные особенности авторской поэтики привязывались к «народной почве», что вскрывало воображаемую природу стереотипа. Дизеринк подчеркивал, что «давно уже пора показать, в какой высшей степени наши нации и народы являются воплощенными мыслительными моделями» [5]. Этой позиции ученый придерживался и в поздний период своей научной деятельности. В статье «Имагология и проблема этнической идентичности» (2003) он писал: «Образы и имаготипические структуры являются не отражениями действительных коллективных качеств рассматриваемых общностей (наций, народов и т. д.), а фикциями, идеями, которые некогда в ходе исторического развития возникли в данных странах или сообществах. Эти идеи частично передавались от поколения к поколению и иногда оказывали воздействие, совершенно отличавшееся от первоначальных мнений и намерений тех, кто их впервые сформулировал» [6]. Наглядным примером этой «онтологически исключительной позиции» служит образ Германии, созданный де Сталь, построенный на оппозициях к французскому этнотипу: романтизм/классицизм, протестантизм/католицизм, любовь к свободе/культ власти. Этот образ, как отмечает Х. Дизеринк, не пересмотрен до сих пор и вплоть до XXI столетия для одних был примером германофилии, для других служил причиной германофобии. Это образ-«мираж», образ, дезориентировавший многих французских писателей, не сумевших рассмотреть признаки нацизма в общественном сознании Германии, очевидные в последние десятилетия XIX в. (собственно, это было главной мыслью труда Ж.-М. Карре «Французские писатели и немецкий мираж»). Дизеринк не случайно обратил внимание на это произведение французского компаративиста: по его убеждению, имагология как литературоведческая дисциплина вполне обоснованно должна изучать вопрос о том, как литературная «картина другой страны» влияет на общественное мнение, идеологию страны-реципиента.

Помимо «внелитературной дальности действия» образа той или иной страны Х. Дизеринк выделяет такую его важную функцию, как стимулирование распространения литературы данной страны в других государствах, где этот образ стал успешным. Так, «фламандский мираж» способствовал успеху южнонидерландских (фламандских) авторов, писавших на немецком языке, – Ф. Тиммерманса, С. Стревельса, чьи произведения соответствовали стереотипным представлениям о Фландрии и фламандцах, закрепившимся у немецкоязычных писателей. В то же время писавшие на нидерландском языке авторы так и остались не замеченными немецкоговорящей публикой, поскольку их произведения не соответствовали ее культурным ожиданиям. В пример Дизеринк приводит Поля ван Остайена, «интернационалистического авангардиста», чье творчество не было имаготипически маркированным и, соответственно, не было востребовано аудиторией.

Еще одна литературоведческая область изучения национальных образов и «миражей», как утверждает Х. Дизеринк, связана с необходимостью избавить историю литературы и литературную критику от ошибочных оценок, когда ученые, опираясь на некоторые шаблонные представления о национальном, квалифицируют литературные явления и факты и особенности поэтики тех или иных произведений как «типично» французские, немецкие и т. д. «Фламандский мираж», ставший предметом исследования Дизеринка, определял восприятие немецкоязычными критиками положения французской литературы во фламандско-бельгийском пространстве на протяжении целого столетия: его черты видны в трудах таких авторов, как Йоханнес Шлаф, Курт Глазер, Отто Форст-Баттаглия, Стефан Цвейг, находившихся под влиянием позитивистских теорий И. Тэна, триады «раса – среда – момент». Тэнизм был питательной почвой для так называемого «народного» рассмотрения литературы с расово-теоретических позиций в немецкоязычных странах в 1930–1940-х гг., созвучного «расовому учению» Третьего рейха. Преодолению опасных националистических тенденций в духовной, социально-политической жизни могла бы способствовать имагологическая наука, развенчивающая предрассудки национальной рецепции и репрезентации.

Х. Дизеринк видит три причины для того, чтобы ввести национальные образы (включая «миражи») в предметную базу сравнительного литературоведения: во-первых, «их наличие в известных литературных произведениях; во-вторых, роль, которую они играют при распространении переводов и оригинальных произведений за пределами их национальных областей происхожде-

ния; в-третьих, их присутствие в литературоведении и литературной критике», которое порой связано с ошибочной интерпретацией категории национального в литературе [7].

В первой, программной статье Аахенской школы компаративистики, рассмотренной нами, еще не используется термин «имагология», образованный от латинского и греческого корней (“*imago*” – «образ», “*logos*” – «слово», «смысл» «суждение»). В последующем именно Дизеринк применил его к новой области сравнительного литературоведения, позаимствовав из работ французских этнопсихологов начала 1960-х гг. В рамках Аахенской школы компаративистики в 1960–1980-х гг. с опорой на его методологию были созданы труды, посвященные немецко-нидерландским и европейско-африканским литературным и культурным связям.

В ходе исследований Аахенской школы стало ясно, что вопрос о соотношении имманентного и трансцендентного в имагологическом дискурсе, так волновавший компаративистов в 1950-х гг., не относится больше к числу проблем первостепенной важности. На первый план начинали выходить не дискуссии об анализе образа «другого» как чисто эстетического явления или поликонтекстуального феномена (с акцентом на социокультурном фоне), а вопросы функционирования национальных образов и имаготипических систем в рамках комплексного изучения трансграничных культурных взаимодействий.

Критики компаративистики (и имагологии в ее составе) полагали, что эти науки переоценивают феномен национальных границ и роль зарубежного культурного опыта. Дизеринк подчеркивал, однако, что обязательное признание фактора границы «ни в коем случае не идентично изоляционистскому пониманию самостоятельности национальной литературы», речь идет о «частичной автономии, которая только потому присутствует в национальной литературе (точнее, литературе отдельной страны), что частная литература пишется всегда на частном языке, а частный язык – по крайней мере, в письменной форме – всегда автономен» [8].

Глава Аахенской школы пришел к выводу о том, что компаративистский анализ образов другой страны должен осуществляться как в рамках литературы, его создавшей (или, в его терминологии, в «национально-литературных областях генерации»), так и в многонациональном контексте. В случае сопоставления двух литератур имаголог должен рассмотреть исследовательский материал «в последовательно продуманной двусторонней связи, что означает, что формирование образов страны А в литературной продукции страны В следует анализировать с позиции истории литературы и интеллектуальной исто-

рии как страны В, так и страны А» [9]. Но гораздо более плодотворно в области имагологического анализа, по мнению Дизеринка, рассмотрение как минимум трехсторонних связей. Классическим примером является полемика в литературе немецкого Просвещения, связанная с определением путей развития немецкой литературы, в ходе которой Лессинг выступил против Готшеда, пропагандировавшего французские классицистические образцы, и утвердил авторитет английского художественного наследия: в дальнейшем положительная рецепция Англии способствовала установлению культа Шекспира в трудах представителей «Бури и натиска», отвергших классицизм.

Трехсторонние связи Германии, Великобритании и Франции еще более показательны в период предромантизма и романтизма. В литературной полемике этой эпохи, безусловно, проявлялись не только оценки художественного опыта «партнеров по треугольнику», но и особенности восприятия их национальной ментальности, культуры, а также уточнялись привычные представления об образе собственной страны, т. е. в этой «многонациональной литературной макроструктуре» происходило формирование и осмысление авто- и гетеростереотипов. Компаративистская имагология должна «анализировать генезис и структуру этих имаготипических представлений, исследовать прежде всего интернациональные аспекты в соответствующем отношении «национальных» существ друг к другу» [10]. Так сравнительная имагология может выявить и пояснить влияние имаготипических структур на идеологию, политическую жизнь государств (например, как отмечает Дизеринк, охарактеризовать связь национализма в ряде европейских стран с предромантизмом и романтизмом).

Задача компаративистской имагологии заключается также в том, чтобы исследовать типологически соотносимые (или генетически связанные) национальные модели и образы национальной идентичности, генерируемые литературой и распространяющиеся при ее непосредственном влиянии: Дизеринк выделяет здесь такое культурно-философское и литературное течение, как негритюд, сформировавшееся под влиянием немецко-французско-английских связей. Теоретик этого движения Леопольд Седар Сенгор, обосновывая национальное достоинство африканских народов, ориентировался на идеологию штюрмеров, творчество молодого Гёте и в конце концов открыл сходство между негритюдом как этнической концепцией негроидной расы и комплексом представлений о германских народах (“Germanité”), «которое заключалось в общей оппозиции к “националистической” и “картезианской” французской ци-

вильзации» [11]. Исследование подобных трансграничных связей, как считает Дизеринк, может дать ключ к пониманию механизмов национального мышления, природы национальных образов.

Об онтологическом статусе имаготипов ученый уже рассуждал в своей первой статье, но спустя пятнадцать лет в труде «Компаративистская имагология: по ту сторону имманентного и трансцендентного толкования» (1982) решил вновь к нему обратиться, поскольку в литературоведении продолжались попытки анализировать «национальные характерные черты», «сущность народов», «душу наций» и пр. Миссию сравнительной имагологии он видел в том, чтобы освободить гуманитарные науки от иррациональных представлений о другом/чужом, демистифицировать и деидеологизировать национальные образы. Речь идет не об эссенциалистском исследовании дискурса о национальном, а о том, чтобы «представить образы как данность, как предметы особого рода, проанализировать их структуру и раскрыть воздействия, которые они оказывают на все области интеллектуальной жизни человечества» [12]. Решая эти задачи, как считает Дизеринк, имагологи могут опираться на работы французского социопсихолога Э. М. Липьянски, рассматривающего национальные образы с позиций структурализма, как «дискурсивные формации», и на учение Карла Поппера, представлявшего образы как «продукты человеческого ума, зафиксированные в текстах, книгах и т. д.: они не только оказывают влияние на человечество, которым были созданы, но имеют отчасти свои собственные законы, которые могут порождать непредсказуемые последствия» [13].

Понимая, очевидно, что ориентация на структуралистское исследование национальных образов может привести к формализации имагологического анализа, его замыканию в границах «имманентного» уровня интерпретации национального текста, в более поздней статье Дизеринк подчеркивал, что имагология – «политически значимая» наука, которая не должна «впасть ни в дух рационализма XIX в., ни в новые формы националистического мышления», ее задача – исследовать модели национального и, шире, европейского самосознания [14] и, таким образом, способствовать углублению взаимопонимания между народами.

Труды Х. Дизеринка и его школы, безусловно, дали импульс европейским имагологическим исследованиям, привели к обновлению литературоведческой компаративистики, способствуя рассмотрению феномена многонациональности литератур не в терминах объективной национальной таксономии, а с точки зрения пере-

менчивой и субъективной национальной рецепции – идей, образов, стереотипов, которые про­ низывают европейский (и мировой) культурный ландшафт» [15]. В методологическом плане чрезвычай­ но важным было указание на то, что на­ циональные образы являются «дискурсивными конструктами, конституирующими модели наци­ ональной идентификации» [16]. Эта посылка вела к углублению виртуализации понятия нации и завершению эпохи эссенциализма в компарати­ вистике.

Примечания

1. *Leerssen J.* Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. P. 22.

2. *Dyserinck H.* Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies. № 1 (Spring 2003). URL: <http://www.interculturalstudies.org/ICS1/Dyserinck.shtml>

3. *Leerssen J.* Op. cit. P. 22.

4. *Dyserinck H.* Zum Problem des “images” und “mirages” und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft. URL: <http://www.imagologica.eu/dyser>

5. *Dyserinck H.* Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das Nationale Selbstverständnis. Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Herausgegeben von Hugo Dyserinck und Karl Ulrich Syndram. Bonn, 1988. S. 25.

6. *Dyserinck H.* Imagology and the Problem of Ethnic Identity...

7. *Dyserinck H.* Zum Problem des “images” und “mirages”...

8. *Dyserinck H.* Komparatistische Imagologie jenseits von “Werkimmanenz” und “Werktranszendenz” // Synthesis. Bulletin de comit  de litterature compare de la r publique socialiste de Roumanie. Bucarest, 1982. № 9. P. 32.

9. Ibid. P. 33.

10. Ibid. P. 34.

11. Ibid. P. 35.

12. Ibid. P. 36–37.

13. Ibid. P. 38.

14. *Dyserinck H.* Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite...

15. *Leerssen J.* Imagology: History and Method...

16. Ibid.

УДК 82.091

О. А. Полякова

В. А. ХОРЕВ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИМАГОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье говорится о вкладе известного отече­ ственного литературоведа в становление и развитие имагологии, её научно-терминологического аппара­ та и теоретико-методологических принципов.

The article highlights the contribution of the prominent Russian scholar V. Khorev to the development of imagology, its basic concepts and methodology.

Ключевые слова: сравнительное литературове­ дение, имагология, диалог культур, стереотип.

Keywords: comparative studies, imagology, dialogue of cultures, stereotype

Одним из основоположников отечественной имагологии по праву считается В. А. Хорев, пос­ вятивший свою жизнь в науке изучению польской литературы и польско-русских литературных свя­ зей. Профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ – одно перечисле­ ние званий и регалий учёного свидетельствует о его огромном вкладе в советскую и россий­ скую полонистику. Инициатор и вдохновитель многих международных конференций, научный редактор нескольких крупных сборников, посвя­ щённых проблемам компаративистики, автор фундаментальных трудов по истории польской литературы и сравнительному литературоведе­ нию, изданных в России и Польше, В. А. Хорев, обратившись к имагологии, обогатил накоплен­ ный литературной компаративистикой материал новыми научными принципами и подходами к познанию другой реальности. В этом смысле боль­ шой интерес представляет монография учёного «Польша и поляки глазами русских литерато­ ров» (М., 2005), изданная при поддержке РГНФ.

Во вступлении В. А. Хорев формулирует по­ ложения, раскрывающие место, значение, основ­ ные понятия и принципы имагологии, возникшей в русле компаративистики, на основе её разно­ плановых исследований и придавшей им новое направление и большую значимость. Автор мо­ нографии справедливо указывает, что имаголо­ гия расширяет возможности традиционных, ут­

* Выполнено при финансовой поддержке Россий­ ского гуманитарного научного фонда в рамках про­ екта проведения научных исследований «Имаголо­ гия в междисциплинарном научном пространстве: те­ оретико-методологические основы», проект 12-04-000-37-а

вердившихся в науке подходов сравнительно-исторического изучения литератур – таких, как изучение непосредственных контактных связей (влиятий, заимствований, реминисценций, филиаций и т. д.) и выявление типологических сходжений. Только их комплексное использование даёт возможность создать объективную картину литературных взаимоотношений.

Одно из основополагающих утверждений В. А. Хорева состоит в том, что литературные контакты необходимо воспринимать как часть диалога культур. По словам учёного, культуру нельзя рассматривать лишь как «зеркало, в котором для обозрения обществу представляются изменения исторической жизни; в культуре происходит осмысление событий, поэтому она и влияет на формирование национального сознания и тем самым является активным участником исторического процесса» [1]. Такая трактовка придаёт культуре особую значимость, подчёркивает её творческий, созидательный потенциал, выделяет способность «воздействовать на ход и исход событий». В. А. Хорев уверен, что современный филолог должен быть ещё и историком культуры, чтобы рассматривать литературные факты в контексте национальных явлений как единого целого.

Изучение литературных взаимоотношений между двумя народами возможно лишь в русле диалога культур, который предполагает осмысление не только фактов литературы, но и явлений народного творчества, фольклора, разных видов искусства, религиозной мысли, письменности, а также общественно-политических идей, историко-философских концепций и т. п.

Реализовать такой комплексный подход литературоведам помогает имагология, которую В. А. Хорев характеризует следующим образом: «Имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и развитие, их общественную роль и эстетическую функцию в художественном произведении» [2].

В этом глубоком и ёмком определении особо хочется выделить мысль о том, что представления о жизни других народов имеют как идеологическую, так и художественную значимость, поэтому далее учёный подчёркивает, что у всех «текстов» культуры литературные тексты являются приоритетными для имагологического анализа и осмысления: «из всех феноменов культуры именно в литературе – в силу эмоционального воздействия её языка – выпадает преобладающая роль в закреплении тех или иных форм общественного сознания и психологии» [3].

При этом В. А. Хорев справедливо замечает, что с середины XX в. некоторые функции лите-

ратуры как средства коммуникации взяли на себя кино, телевидение, а в современном мире, добавим мы, – Интернет.

К наиболее значимым имагологическим терминам и понятиям В. А. Хорев относит стереотип, исходя из того, что этимологически название нового научного направления связано с латинским словом *imago* – образ: имагология призвана изучать «образы», «картины» чужого мира, в первую очередь стереотипы – «долгоживущие общественно-исторические мифы», оценивающие суждения, имеющие позитивный либо негативный характер. Вслед за польским философом Адамом Шаффом российский литературовед перечисляет основные признаки стереотипов, подчёркивая их значимость в межнациональном общении: «Стереотипы являются определённой формой генерализации отдельных явлений, они унифицируют представления об этнических и общественных группах, институтах, явлениях культуры, личностях, событиях и т. д. и обладают исключительной силой убеждения и инерции благодаря удобству и лёгкости их восприятия и использования» [4].

Существенная черта стереотипа – способность тиражироваться, приобретать новые символические значения и актуализироваться в зависимости от идеологических и политических потребностей другого времени. Как правило, стереотипы не совпадают с объективной исторической реальностью, так как в их основе лежат унификация и упрощение. Кроме того, по мысли В. А. Хорева, при рассмотрении разного рода стереотипов следует учитывать типологическую и конкретную стратификацию общества, поскольку разные социальные слои различаются уровнем мифологизации своих представлений о мире, в том числе о других народах: «Интеллектуальной элите в большей степени присущ рациональный подход, опирающийся на знания, в то время как та часть общества, которая проявляет в той или иной форме политическую и социальную активность, и в ещё большей степени “массы” используют в своём видении мира, главным образом, сложившиеся и бытующие стереотипы» [5]. Стереотипы закрепляются в текстах культуры и «не отменяются» её последующим развитием. Более того, вырванные из контекста, стереотипные образы часто превращаются в расхожее клише. В качестве доказательства автор монографии приводит убедительные примеры из произведений А. С. Пушкина и А. Мицкевича.

Рассуждая об этнических стереотипах, воспринимаемых как комплекс представлений одной этнической группы о другой либо о самой себе (автостереотип), В. А. Хорев утверждает, что в их основе лежит этноцентризм, то есть склонность людей рассматривать проявления культу-

ры чужого народа через призму своих собственных культурных традиций и ценностей. Это замечание помогает осознать одно из важнейших имагологических положений: противопоставление «мы» – «они» порождает оппозицию «своё – чужое» и становится основой отношений между двумя этническими группами, играющей роль своеобразного катализатора идентичности. «Своё» не только более зримо выступает на фоне «чужого», но и формируется во взаимодействии, оценивается в сопоставлении с ним, подчёркивает В. А. Хорев [6]. Учёный отмечает также негативный аспект этого противопоставления, которое нередко перерастает в конфронтацию, а в известных исторических ситуациях «порождает сознание превосходства своей группы над другими, которые наделяются всевозможными отрицательными качествами: бесчеловечность, жадность, хитрость, лицемерие, жестокость и т. д.». В результате формируется этнический стереотип, закрепляющий чувство высокомерия как некую форму, передающуюся из поколения в поколение.

В. А. Хорев выделяет идеологическую составляющую имагологических образов как значимый элемент межгосударственных и межнациональных отношений. Формирование, стабилизация и разрушение этнических стереотипов определяются многими факторами длительного исторического процесса, важнейшим из которых является господствующая идеология данного общества.

Взаимоотношения между Россией и Польшей могут служить убедительным доказательством этой мысли, которая, по сути, стала ключевой в монографии В. А. Хорева. В ней последовательно и обстоятельно, на основе богатейшего материала прослеживается становление и функционирование польского этнического стереотипа в русской литературе на протяжении многих столетий, а также осмысливается история и эволюция взаимных устойчивых представлений друг о друге поляков и русских. Подчёркивая достоинства этого исследования, С. Ф. Мусиенко замечает, что российский учёный сумел сохранить уважение к обоим народам, объективность оценок в трактовке даже самых драматичных событий, вызвавших взаимное недовольство, а порой и откровенную враждебность [7].

Подводя итоги своих рассуждений об имагологии, В. А. Хорев ещё раз говорит о междис-

циплинарном характере нового направления, которое выводит традиционное сравнительное литературоведение на новый уровень исследования межкультурных связей, а также подчёркивает её несомненную актуальность и востребованность, поскольку «формируемый разными обстоятельствами, в том числе случайностями, незнанием, ограниченностью восприятия и т. п., образ “другого”, часто весьма далёкий от реальности, имеет не меньшее историко-культурное значение, чем сама действительность». Образы «другого» в литературе организуют схемы восприятия иного жизненного опыта и отношения к ним, они начинают играть активную роль в формировании ментальности современников и даже следующих поколений [8]. Более того, образы «чужой» жизни, запечатлённые в «своей» литературе, в первую очередь характеризуют собственную этническую ментальность. В завершении учёный определяет роль культуры в межнациональном взаимодействии: с одной стороны, она транслирует стереотипы, в большей степени негативные, а с другой – в наиболее высоких своих проявлениях – их преодолевает, освобождая массовое сознание от упрощённых или неверных представлений. Поскольку формирование, бытование и переосмысление образов «другого» в текстах культуры является живым процессом, то их описание становится важной научной проблемой в каждую новую историческую эпоху, подчёркивает В. А. Хорев, который не только одним из первых российских учёных осмыслил и реализовал на практике имагологические принципы, но и утвердил мысль о том, что корректно проводимые имагологические исследования помогают преодолевать негативные стереотипы и способствуют более глубокому взаимопониманию народов.

Примечания

1. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 6.
2. Там же. С. 7.
3. Там же. С. 7.
4. Там же. С. 9.
5. Там же. С. 9.
6. Там же. С. 11.
7. Мусиенко С. Ф. Имагология в интерпретации В. А. Хорева // Лингвистика и методика в высшей школе: сб. науч. ст. Вып. 4:/ редкол.: В. С. Истомин (отв. ред.) [и др.]. Гродно, 2012. С. 22.
8. Хорев В. А. Цит. соч. С. 12.

А. А. Сугай, И. Ю. Малыгина

АКРОСТИХИ В ВЕНКАХ СОНЕТОВ

В статье обсуждается вопрос, является ли магистрал-акrostих каноническим признаком жанра венка сонетов или нарушением и авторским усложнением канона.

The following question is discussed in the article: whether the acrostic in the master sonnet is the canonical genre of the crown of sonnets or nonobservance and authoric complexity of the canon?

Ключевые слова: венок сонетов, магистрал, акrostих, канон жанра, акровенок сонетов.

Keywords: crown of sonnets, master sonnet, acrostic, canonical genre.

«Акrostих зачем?» [1] – таково заглавие и акрофраза магистрала венка сонетов Виктора Санчука. Вопрос обращен к поэтессе Мадлен Розенблюм, завершившей свой безымянный «Венок сонетов» магистралом, по «краестишиям» («кροστιχοζ, греч., букв. – краестишие) которого можно было узнать, кому венок посвящен, об отношениях с кем повествует: «ВИКТОРУ САНЧУКУ» [2].

Для нас же вопрос, заданный В. Санчуком, интересен не своей конкретной постановкой, а как теоретическая проблема: зачем усложнять одну «твердую» стихотворную форму, вводя в ее структуру другую «твердую» форму? Венок сонетов и без акrostиха представляет для поэта весьма не легкую творческую задачу. Строгие требования канона классического сонета не только многократно усиливаются в цикле из пятнадцати стихотворений, но и возводятся в высшую степень трудности. Связанные между собой одной общей темой, идеей и образным рядом, стихи закованы в обязательную форму сонетной цепи: в каждом сонете, начиная со второго, первая строка повторяет последнюю строку предыдущего сонета. Заключительная строка 14-го сонета дублирует начальную строку сонета первого. «Кроме того, все первые строки, соединившись в один текст, составляют так называемый магистрал (желательно в форме акrostиха) – своеобразную композиционную

„застежку“, стягивающую в единый узел весь ансамбль», – отмечает профессор О. И. Федотов, характеризуя «самую сложную, самую изысканную и в известном смысле самую совершенную поэтическую форму, освященную многовековой традицией» [3].

Замечание исследователя о *желательности* написания магистрала в форме акrostиха поднимает вопросы теории и истории венков сонетов: является ли магистрал-акrostих каноническим элементом венка сонетов или нарушением и авторским усложнением, принесенным в развитие жанра?

Собиратель и исследователь венков сонетов В. П. Тюкин отнес в свое время «превращение магистрального сонета в сонет-акrostих» [4] к нарушениям канонических признаков жанра. Другой энтузиаст-коллекционер венков сонетов (ныне, к сожалению, покойный) рабочий-каменщик из Саранска Г. В. Мелентьев, создатель Музея сонета им. Франце Прешерна, в письме в редакцию журнала «Литературная учеба» категорически настаивал на том, что написание магистрала в виде акrostиха есть обязательный канонический признак венка сонетов, так как считал самым ранним и образцовым примером жанра «Венок сонетов» выдающегося словенского поэта Франца Прешерна (France Preseren, 1800–1849). «И раз уж я прилепил к венку Прешерна этикетку эталона, – писал Мелентьев, – значит, считая другие венки, написанные по такой же схеме, законными, остальные – отклонениями. В частности, у Прешерна в венке магистрал написан акrostихом. Значит, это – закон для венка... <...> Никакая инквизиция не сдвинет меня с приобретенной точки зрения на правильный венок...» [5] То же самое, правда, в менее безапелляционной форме, утверждал саранский собиратель венков сонетов в преамбуле к публикуемой им библиографии: «И только одна деталь, характеризующая канон, эталон венка, нечаянно затерялась в венках и в русской схеме венка отсутствует. Канон требует, чтобы магистральный сонет писался в виде **акrostиха**. То есть, чтобы 14 первых букв каждой строчки магистрала сверху вниз составили фразу. Так было у Франческо Петрарки, позднее – у Франце Прешерна, в наше время – у Венко Марковски» [6]. Ссылка на Петрарку вызывает ряд недоумений: о каком акромгистрале может идти речь, если примеров венка сонетов у великого итальянца нет? Сам собиратель подчеркивает, что он не знает правильных венков сонетов до Прешерна. (Мелентьеву неизвестен был, например, «Amog. Sonettenkranz» Людвиг Бехштейна, датированный 1831 г.)

Что касается канона венка сонетов, то его утверждение относят к деятельности Сиенской Академии, основанной в 1460 г. Принятые Ака-

*Публикуется при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации, Соглашение № 14.А18.21.2000: «Традиционные строфические формы и жанрово-строфические единства в русской поэзии XX–XXI вв.»

демей правила составления сонетного венка (*corona dei sonetti*) изложены в работах Д. М. Крешимбени (1663–1728) и Дж. Биссо (1712–1787) [7]. В перечисленных историками итальянской литературы требованиях к форме сонетного венка акrostих не значится.

В русской поэзии освоение жанра венков сонетов началось с перевода «Сонетного венца» (*Sonetni Venec*) Ф. Прешерна, осуществленного в 1889 г. выдающимся филологом Ф. Е. Коршем (1843–1915). Позднее данное произведение перевел на русский язык Сергей Шервинский [8], но, в отличие от оригинала и более поздних переводов венка на другие славянские языки [9], в русских версиях пятнадцатый магистральный сонет не выполнен в форме акrostиха – посвящения возлюбленной поэта.

При первой журнальной публикации перевода Ф. Е. Корш подробно остановился на причинах отсутствия акrostиха: «Не передан в нем только акrostих из букв, которыми начинаются стихи магистрала: Primicovi Julji. Переводчик сначала не заметил этого ухищрения и только по окончании работы узнал о нем от соплеменника Прешерна (написание Корша. – А. С., И. М.), доктора М. М. Мурко. Такой недосмотр со стороны переводчика тем более извинителен, что акrostих укрылся от внимания даровитого биографа и критика Прешернова, Стритаря, как видно из того, что при разборе *Венка* он не упоминает об этой особенности магистрала. Впрочем, и после указания г. Мурко переводчик не нашел возможным воспроизвести акrostих, и не по одной трудности задачи, а также и потому, что, хотя по-русски в именах „Примцевой Юлии“ столько же букв, сколько по-словенски, эти имена нельзя передать верно начальными буквами слов по неупотребительности или редкости букв *y*, *yo* и *i* в этом положении» [10]. Позднее, в 1901 г., публикуя сборник стихов Прешерна, переводчик-исследователь указал еще на одну причину, в силу которой такой характерный для оригинала элемент, как акrostих, не нашел своего воплощения по-русски: акrostих с именем Юлии в последнем сонете «Венка» сохранился лишь в *некоторых экземплярах издания*, а в других уничтожен посредством перестановки слов в нескольких стихах, потому что поэт «не хотел раздражать Юлию, бывшую тогда еще не замужем и жившую в Любляне, где жил и он» [11].

Вообще в русской поэзии, в которой жанр венка сонетов получил самое широкое хождение, можно сказать, обрел вторую родину, практически до конца XX столетия магистральный сонет в виде акrostиха не использовался. Нет акrostиха в первом оригинальном венке сонетов Вс. Е. Чехихина [12], написанном в 1890 г. Нет его и венках Вяч. Иванова и Максимилиана Во-

лошина, давших эталонные образцы данного жанра. Не прибегали к акrostиху в своих венках ни К. Д. Бальмонт, ни И. Сельвинский – рекордсмены в создании этой сложной конструкции на начальном периоде ее развития (Бальмонт написал 6 венков сонетов, Сельвинский – 8). Не создал магистрала-акrostиха в своих венках В. Я. Брюсов, хотя весьма любил всевозможные ухищрения конструктивной поэзии и с пиететом относился к акrostиху.

Первый русский «Венок сонетов» с акrostихом в магистрале появился только в 1970 г. – к столетию В. И. Ленина. По поводу данного произведения и его автора съязвил в своей книге «Зевгма» С. Е. Бирюков. Рассуждая о «коварстве» акrostихов и приводя примеры, как «полетели» со своих постов редакторы, проглядевшие заключенные в начальных буквах строк стихотворений, далеких от панегириков вождям, имена Брежнева и Хрущева, он добавляет: «Правда, Виктор Урин в свое время в „Дне поэзии“ в акrostихе прославил Ленина, но полетел потом сам, кажется, в Америку...» [13] Однако первый венок сонетов на русском языке с магистралом в форме акrostиха заслуживает нечто большего, нежели каламбур-насмешка.

«Венок сонетов» Урина с точки зрения техники демонстрировал и попытку возрождения в отечественной поэзии наиболее трудной твердой жанрово-строфической формы, и снижение поэтической культуры по сравнению с образцами начала XX в. Катрены в сонетах написаны не на 2, а на 4 рифмы, причем среди них встречаем неточные, ассонансные: *поддевка / подонки; маня / моря; Солдат / солгал* и др. Рядом с интересными образами («и многоствольный крупновский орган / хоралом смерти грянул у границы») встречались вычурные и неудачные типа «не устали кашлять топоры» [14]. Не касаясь идеологической подоплеки произведения, необходимо оценить по достоинству его сюжетно-композиционное решение. Сонеты венка не являются расширенным дублированием заключительного пятнадцатого сонета-магистрала. «Обычно, – как отмечает М. А. Гаспаров, – венок сонетов бывает малосодержателен: первые 14 сонетов лишь многословно распространяют то, что концентрированно содержалось в магистрале» [15]. У Виктора Урина сонеты повествуют о веках истории советской страны, это не рассказ о Ленине, и даже имя его не встречается ни в одной из строк (упоминаются лишь «Хребты высоких ленинских заветов»). Только в 14-м сонете есть обращение к Ленину, к его столетнему юбилею, но опять же без употребления имени собственного: «Ум и душа столетья моего – / великий человек был прост и сложен»; «Мы нежно говорим о нем: „Отец“...» [16] Определенно удачей

является то, что строки магистрала, в сонетах не соотносившиеся с образом Ленина, в заключительной миниатюре воссоздают его узнаваемый портрет. Например, второй сонет заканчивается терцетом: «И купол зданья, где работал ВЦИК, /ему напоминал в какой-то миг / лоб с очертаниями земного шара». В магистрале строка «лоб с очертаниями земного шара» [16] становится портретной метафорической характеристикой Ленина, посвящение которому прочитывается в начальных буквах строк сонета.

Редкие в русской поэзии XX в. венки с магистральным акросонетом в новом столетии стали более чем популярны. Новая эпоха принесла многократное усложнение жанра – появились и получили распространение такие суперсложные конструкции, как акровенки и их различные модификации.

Абсолютным лидером в создании венков сонетов с магистралом-акростихом является Марк Семенович Луцкий (род. в 1940 г.). Его сонетные венки – это своего рода поэтическое литературоведение. Первый цикл «В плену русской поэзии», открывший сборник из 15 венков сонетов, задает тему всей книге. Акрофразы магистрала «У РУССКИХ ПОЭТОВ» перекликается с названием венка, но не повторяет его, что характерно для большинства произведений Луцкого. Автор сонетных венков воистину в плену поэзии (в широком смысле слова: четыре венка сонетов посвящены прозаикам: Чехову, Мамину-Сибиряку, Бажову и Шолом-Алейхему). Вслед за сборником венков сонетов о русских писателях [17] Луцкий пишет венки о прославленных поэтах, прежде всего сонетистах разных стран. Каждый цикл заканчивается магистралом-акростихом.

Акротекст сонета требует слова или словосочетания в 14 букв, но не все составляющие русскую азбуку единицы могут стоять в начале слова – трудность, о которой писал еще Ф. Е. Корш. Поэты пускаются на некоторые хитрости и нарушения правописания, например вместо «Й» в акрофразах употребляют «И». Так, тюменский поэт Сергей Мартовский (Емельянов Сергей Борисович) зафиксировал свое авторство в начальных буквах строк магистрала в форме: «ПОЭТ МАРТОВСКИЙ» [18]. Тот же путь избрал Леон Котляр, повторив в акрофразе заключительного сонета название своего венка «НЕ ИСКУШАИ СУДЬБУ» [19], заменив «Й» на «И». В «Акросонетах Московскому университету» Ирины Сидоренко, помимо замены Й/И, чтобы сложились акрофразы, дважды надлежит читать не по одной, а по две начальные буквы стихотворных строк. С точки зрения теории акростиха «ухищрения» поэтессы оправданы: *акростих* – это стихотворение, в котором обычно начальные буквы, но иногда – *слоги или слова* каждого стиха при чтении сверху вниз (реже – снизу вверх) обра-

зуют слово или фразу. Отсюда в строке И. Сидоренко «Львы охраняют, наташив в ладью» – значимы для акрофразы 2 буквы: Ль, а в строке «Ты благодарен ей в своей судьбе» также две начальные буквы (слог, слово) «Ты» входят в состав «красестишия» [20].

Марк Луцкий в акростихах не прибегает к таким приемам, находит синонимичные конструкции без неупотребляемых или малоупотребимых в начальной позиции букв, отсюда интересно сопоставление заглавий его венков сонетов и фраз, читаемых сверху вниз по первым буквам строк магистрала. Есть полные совпадения: «Подвиг Прешерна», «Муза Северянина», «Соло Лопе де Вега», но чаще название венка формулирует его тему, в акростихе зашифровано посвящение-обращение, причем «неудобные» буквы и знаки в акрофразе не используются. Например, заглавие венка сонетов «Пьедесталы Мицкевича», а начальные буквы строк магистрала складываются в посвящение «Адаму Мицкевичу» [21]; венок «Творения Гейне», а в акростихе посвящение – «Лирику и солдату» [22]; венок «Жребий Ахматовой» – а в акростихе читаем: «Гимн волшебнице» [23]. Впрочем, можно указать пример, когда поэт использует в акрофразе редкую в начале русского слова букву «Й». В венке сонетов «Волшебник из местечка» имя Шолом-Алейхема значится и в подзаголовке венка, и в акрофразе-посвящении: «К ШОЛОМ АЛЕЙХЕМУ». Девятый сонет венка заканчивался, а десятый открывался яркой выразительной строкой: «Йод-юмор лил на стонущие раны». Ставшая десятой строкой магистрала данная фраза позволила назвать в акростихе без искажения имя писателя, которому посвящено произведение [24].

Классической строфике сонетов (2 катрена + 2 терцета) Марк Луцкий предпочел деление 14 строк на 3 катрена и двустишие. Такое решение обусловлено главным приемом автора: в каждом сонете венка, за исключением магистрала, автор приводит цитату из стихов поэта, которому посвящено произведение. «В моих венках сонетов, посвященных поэтам, – отвечал Луцкий на вопрос одной из читательниц сайта “Поэзия.ру”, – применена, говоря языком художников, „смешанная техника“. Это обусловлено поставленной перед автором задачей – дать картину жизни и творчества поэта. И поскольку о творчестве поэта невозможно рассказать без цитирования его стихов, то я в третьем четверостишии привожу отрывки из произведений поэта. И тут бывает поразному. Я обычно выбираю такое стихотворение, которое бы в максимальной степени, на мой взгляд, способствовало раскрытию темы. Почему техника смешанная? Первые два катрена я обычно пишу согласно канонам итальянского сонета, а заключительное двустишие характерно

для английского сонета. А заключительный сонет, магистрал, состоящий из первых строк всех предыдущих сонетов, я пишу в виде акростиха. Вот и вся моя „кухня“. А как это получается – судить не мне, а читателю» [25].

Итак, возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу «Зачем акростих?», резюмируем. Акростихи-магистралы не являются архаическим и каноническим элементом венка сонетов: начало слиянию двух «твердых» форм – венка сонетов и акростиха – положил «Сонетный венец» (1834) Ф. Прешерна. Хотя с перевода данного произведения отсчитывается освоение и широкое распространение жанра венка сонетов в русской поэзии, в XX в. имеем единичный пример венка с магистралом-акростихом. Колоссальный взлет интереса к форме сонетных венков на рубеже XX–XXI столетий обогатил отечественную литературу не только венками с магистралами в форме акросонетов, но и вызвал к жизни новую, наиболее усложненную разновидность жанра – акровенки сонетов. Данный аспект темы заслуживает специального рассмотрения.

Примечания

1. Санчук В. Акростих зачем?: Венки сонетов. URL: <http://samlib.ru/c/2wenoksonetow2/venoksonetov.shtml>
2. Розенблюм М. Венки сонетов. URL: <http://samlib.ru/c/2wenoksonetow2/venoksonetov.shtml>
3. Федотов О. И. Сонет. М., 2011. С. 468.
4. Тюкин В. П. Венки сонетов в русской поэзии XX века // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 210.
5. Цит. по: *Перельмутер В.* Письма к читателю, или прогулка по Музею сонета // Лит. учеба, 1985. № 1. С. 209–210.
6. Венки сонетов: библиогр. указ. / [сост. Г. В. Мелентьев]. Саранск, 1988. С. 5.
7. *Crescimbeni G. L.* Istoria della volgar poesia. Venezia, 1731. P. 214; *Bisso P. G.* Introduzione alla volgar poesia. Venezia, 1794. P. 116. См. также: *Мунш В.* Das sonnet. Gestalt und Geschichte. Heidelberg, 1955. S. 30–32; *Шишкин А. Б.* Русский венок сонетов: истоки, форма и смысл // *Russica Romana*. Vol. II. Roma, 1995. С. 188–189.
8. *Прешерн Ф.* Венки сонетов / пер. С. Шервинского // *Прешерн Ф.* Избранное. М., 1955. С. 87–98. То, что в работах О. И. Федотова назван третий переводчик – Шульговский, следует отнести к досадному недосмотру: в книге Шульговского без указания переводчика воспроизведен перевод Ф. Корша. См.: *Шульговский Н. Н.* Теория и практика поэтического творчества. СПб.; М., [1914]. С. 491–498.
9. См.: Венки сонетов: библиогр. указ. С. 36–37. У Мелентьева указаны переводы на болгарский, сербский и украинский языки, но нет, например, переводов на словацкий язык. См.: *Prešeren F.* Struny lásky / Preložil, doslov napísal a poznámky spracoval Viťazoslav Neiko. Bratislava, 1961. S. 91–107; *Prešeren F.* Básne / Preložil Lbomír Feldek v jazykovej spolupráci s Anežkou Kočalkovou. Kranj, 2002. S. 80–109.
10. Ф. К. [Корш Ф.] Сонетный венок Франца Прешерна // *Русская мысль*. М., 1889. С. 1–2. (В цитатах

и в выходных данных публикаций Ф. Корша сохраняем прежде принятое написание фамилии Прешерна через «и» – А. С., И. М.)

11. *Корш Ф. Е.* Предисловие переводчика // Стихотворения Франца Прешерна / со словен. и нем. подлинников перевел Ф. Корш. М., 1901. С. XXXII–XXXIII.
12. *Чешихин В. Е.* Венки сонетов на могилу М. Е. Салтыкова // *Чешихин В. Е.* Стихи (1887–1893). Рига, 1894. С. 211–219.
13. *Бирюков С. Е.* Зевгма: Русская поэзия от модернизма до постмодернизма. М., 1994. С. 16.
14. *Урин В.* Венки сонетов // *День поэзии*. М., 1970. С. 200, 199.
15. *Гаспаров М. А.* Русские стихи 1890^х – 1925^{-го} годов в комментариях. М., 1993. С. 217.
16. *Урин В.* Указ. соч. С. 199, 201.
17. *Луцкий М.* Венки сонетов. Екатеринбург, 2000.
18. *Мартовский С.* Корабль Земли: венок сонетов. Б. м., 1999. С. 33.
19. *Котляр Л.* Не ищущая судьбу. URL: <http://moonparnasse.ru/pianist/lk.php>.
20. Сидоренко И. Акросонеты Московскому университету. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=23958>
21. *Луцкий М.* Пьедесталы Мицкевича. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=92929>
22. *Луцкий М.* Творения Гейне. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=92971>
23. *Луцкий М.* Венки сонетов. Екатеринбург, 2000. С. 134, 147.
24. Там же. С. 46, 52.
25. Комментарии // *Поэзия.ру*. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=56536>.

УДК 811.161.1”37

В. В. Сайгин

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ И СМЫСЛОВОМ ОБЪЕМЕ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В статье рассматриваются семантические изменения в концептуальном содержании и смысловом объеме концепта «грех» в речевой практике носителей русского языка в 2000–2010-е гг. по данным Национального корпуса русского языка.

The article considers semantic innovations in conceptual content and semantic extent of the concept “grekh” (“sin”) in customary usage of native speakers of Russian language in 2000–2010th according to the data of Russian National Corpus.

Ключевые слова: концептуальное содержание, смысловый объем, инновации, концепт «грех», русский язык последних лет.

Keywords: conceptual content, semantic extent, innovations, concept “grekh” (“sin”), the Russian language of late years.

© Сайгин В. В., 2013

В работе рассматривается обогащение концептуального содержания и расширение смыслового объема концепта «грех» в речевой практике носителей русского языка последних лет.

На первом этапе исследования, согласно методике концептуального анализа, разработанной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах филологического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского [1], было осуществлено лексикографическое описание концепта «грех» по данным основных русских толковых и этимологических словарей, в результате чего был установлен первичный состав когнитивных признаков концепта; посредством анализа фразеологизмов и паремий было выявлено ассоциативное поле данного концепта, в результате чего был уточнен состав когнитивных признаков данного концепта в системе русского литературного языка.

В результате на этом этапе анализа был определен 21 когнитивный признак данного концепта:

1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию).
2. Нарушение религиозных предписаний, правил.
3. Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом.
4. Нарушение предписаний, правил нравственности.
5. Проступок, преступление.
6. Ошибка.
7. Состояние (чувство, ощущение) вины.
8. Порок, недостаток.
9. Беда, несчастье.
10. Состояние греховности = ощущение не-правильности, предосудительности (своих действий).
11. Распутство.
12. Человеческая слабость.
13. Недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе механизма, устройства.
14. Что-то плохое, неправильное.
15. Обман.
16. Раздражение, досада.
17. Грусть, печаль.
18. Воровство.
19. Умствование.
20. Бедность/богатство.
21. О ком-то некрасивом, физически непривлекательном.

Отметим, что на 4 религиозных когнитивных признака приходится 17 внерелигиозных когнитивных признаков: очевидно, что в русском языке, который выражает представления «наивной картины мира», отражается прежде всего внерелигиозный, светский пласт понимания данного концепта. На этом фоне было подтверждено предположение, выдвинутое в работе А. Г. Пановой

[2], о тенденции к десакрализации концепта «грех» в русском языке.

Следующий этап анализа, представленный в настоящей работе, предполагает выявление семантических изменений концептуального содержания и смыслового объема концепта «грех» в русском языке последних лет. Для этого были использованы языковые данные Национального корпуса русского языка [3] за период 2000–2010-х гг.

Анализ показал, что в русском языковом сознании за последнее десятилетие обнаруживаются новые когнитивные признаки этого концепта, не отмеченные в словарях, но активно проявляющиеся и обладающие повышенной значимостью в речевой практике современного русского общества.

Другим важным направлением процесса обогащения концептуального содержания «грех» является переосмысление традиционной для этого концепта негативной оценочности. На базе сложившегося в светской культуре понимания греха как прощательной человеческой слабости развивается положительная оценочность для некоторых видов греха. Речь идет о том, что грех может рассматриваться как нечто приятное, нечто хорошее в определенных условиях, когда снимается его исконная трактовка в качестве разрушительного начала, несущего деструктивные тенденции.

Таким образом, было выявлено два типа семантических процессов, связанных с обогащением смыслового наполнения концепта «грех».

I. Расширение сферы применимости концепта «грех» в современной русской языковой практике

- 1.1. «Финансовые грехи»:
 - *Должникам приходится расплачиваться за чужие финансовые грехи.*
- 1.2. «Экономические грехи»:
 - *«Первородный грех» белорусской экономики.*
- 1.3. «Политические грехи»:
 - *Семь смертных политических грехов.*
- 1.4. «Грехи органов власти и чиновников»:
 - *По словам источников в правительстве города, именно председатель Москомархитектуры должен принять на себя все грехи старой власти и просчеты градостроительной политики.*
 - *Бесхозяйственность, халатность, неисполнение судебных решений, вымогательство – набор чиновничьих грехов будет неполным без чего?*
- 1.5. «Национальные грехи»:
 - *И к каким-то внутренним грехам России, которые, как внутренняя болезнь, тяжело лечатся.*
 - *Есть национальные грехи... их очень много, между прочим.*

1.6. «Спортивные грехи»:

• – Правда ли, что нет в Казани греха тяжелее, чем проиграть соседям из Башкирии?

1.7. «Научные грехи»:

• Исследование стволовых клеток грех или грех науки?

1.8. «Педагогические грехи»:

• Лучше скажи мне что-нибудь приятное, я на смертном одре, отпусти мне педагогические грехи...

1.9. «Грехи искусства»:

• Впоследствии выступить с органом стало необходимым для меня, а исполнение старинной музыки я считаю «очищением от вокальных грехов».

• Мой талант – мой грех... Деятельность: преподаватель музыки в школе.

II. Изменение коннотативно-оценочной сферы концепта «грех» в современной русской языковой практике

Изменение сферы оценочности концепта *грех* в обследованном материале связано с двумя тенденциями: 1) выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно-оценочной коннотированности; 2) приобретение некоторыми видами греха потенциальной положительной-оценочной коннотации.

2.1. Выведение концепта *грех* из сферы действия негативно-оценочной коннотированности. Этот процесс проявляется в синтаксической конструкции, где слово «грех» выступает в позиции предиката под действием модального оператора отрицания: «S – не грех». Этот контекст позволяет диагностировать, что не является грехом для современного носителя языка.

Так, в число «негрехов» ожидаемо попадает пьянство:

• Усаживаясь в машину, молодой немец Халилович бросает приятелям: – Ну что, после второго места и по пивку не грех?

Эротика:

• Как получилось, что в целомудренные 70-е Польша – страна со строгими религиозными взглядами – оказалась в авангарде эротического кинематографа? – Для католиков эротика – это не грех. В костеле супругов венчают именно для того, чтобы они этой самой эротикой занимались.

Прелюбодеяние:

• Но если ты влюблен, то прелюбодеяние – не грех.

• – А может, стоит один раз переспать с чистым и обходительным иностранцем да еще на фоне Венеции? Может, это не грех, а подарок?

Блуд:

• Встречаться с девушкой до свадьбы – это не грех.

Цинизм:

• Циничность – не грех, это зрелость ума и трезвость при взгляде на вещи.

Есть примеры, когда в число «не грехов» попадают крайне тяжелые грехи, что считается говорящим допустимым при некоторых обстоятельствах – например, убийство:

• Из тех, по чьим понятиям устранение лобого, кто мешает зарабатывать миллионы, – это не грех, а всего лишь пунктик в бизнес-плане предприятия.

• – Если бы я убил Масхадова, я бы от этого не отказывался. Бандита убивать – это не грех. Я горд был бы заявлять, что убил международного террориста.

Или наркомания:

• Boris, ты пиши из африканских стран – может, и я соберусь за первокласной дурью – это не грех.

2.2. Приобретение концептом *грех* положительной оценочности. Этот процесс проявляется в атрибутивной сочетаемости слова «грех» с качественными прилагательными с общеоценочной или частнооценочной семантикой – *хороший, красивый, приятный, очаровательный, замечательный, любимый* и пр.:

• Красивый грех к себе манил...

• «Очаровательный маленький смертный грех».

Эти контексты позволяют диагностировать некоторые виды греха, которые потенциально или реально могут положительно оцениваться носителем языка. Это, например, такие грехи, как тщеславие, прелюбодеяние, чревоугодие и пр.:

• Тщеславие – мой любимый грех!

• Любовь – приятный грех.

• Приятный грех чревоугодия.

• Видео для мобильного телефона. Приятный грех прелюбодеяния.

В целом отметим, что, разумеется, выявленными нами новыми когнитивными признаками далеко не исчерпывается концептуальное содержание анализируемого концепта в современной русской речи. Ведь концепт «грех», как и любой другой культурный концепт, является открытым смысловым образованием, которое постоянно изменяет свой семантический объем и коннотативный потенциал.

Также отметим, что о недостаточной концептуальной освоенности русским языковым сознанием инновационных когнитивных признаков свидетельствует тот факт, что в ряде контекстов слово «грех» забирается в кавычки – это свидетельствует о своего рода «неуверенности» говорящего в том, что то, о чем он говорит, можно мыслить в понятиях «греха», об установке на внутреннюю полемичность с традиционным концептуальным содержанием данного концепта.

В результате анализа языковых данных Национального корпуса русского языка можно определить новые тенденции в обогащении концептуального содержания и смыслового объема концепта «грех» и сделать определенные выводы.

Обогащение концептуального содержания данного концепта связано с новыми когнитивными признаками концепта – *грех* в современном русском языковом сознании мыслится применительно к тем сферам жизни, которые традиционно не могли осмысляться в терминах «греха». Так, обследованный материал фиксирует существование финансовых, экономических, политических, национальных, спортивных, научных грехов, грехов власти и чиновничества, педагогических грехов, грехов искусства. Это подтверждает выявленную нами ранее тенденцию осмыслять в терминах греха любое явление действительности, что связано с «практическим идеализмом» русского человека, с его стремлением видеть во всем окружающем духовно-нравственное измерение. С другой стороны, эти явления можно трактовать и в духе продолжающейся тенденции к дескарализации концепта *грех* в современном русском языковом сознании.

Повышение «оценочного регистра» для этого концепта в современной русской речи связано с двумя типами явлений.

Первое – это выведение за сферу действия традиционной негативно-оценочной коннотированности некоторых видов греха, трактуемых как простительные человеческие слабости и не подлежащих отрицательной оценке – не называются «грехом». Это такие грехи, как пьянство, прелюбодеяние, блуд, эротика, наркомания и даже – при определенных условиях – убийство.

Второе – это приобретение некоторыми видами греха положительно-оценочной коннотации на базе представления об удовольствии, которое могут доставлять человеку многие виды греха – пьянство, прелюбодеяние, чревоугодие, лень и пр. (при сохранении при этом негативной оценочности, исконно присущей данному концепту в русском национальном сознании).

Данный концепт активно функционирует в современном русском национальном сознании и расширяет свой семантический объем: новые когнитивные признаки возникают отчасти под влиянием доминирующей в наши дни модели секуляризованной, светской культуры, ценностей удовольствия и потребительства, в рамках которых многие традиционные грехи могут рассматриваться как «приятные, хорошие, красивые и пр. вещи», не требующие раскаяния и тем более – какого-либо наказания.

Поэтому данный концепт меняет свой традиционный оценочный коннотативный потенциал за счет появления в своем концептуальном содержании положительно-оценочной окрашенности ряда когнитивных признаков.

Примечания

1. Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: метод. пособие для студ.-филологов / сост.: Т. М. Горшкова, Л. И. Ручина. Н. Новгород: ННГУ, 2002.

2. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рес-сато») // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167–177.

3. Национальный корпус русского языка. URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(091)

А. А. Лобачева

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД ГОРОДА КИРОВА: СЕМАНТИКА ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

В статье анализируется состояние садово-парковой культуры Александровского сада в историческом развитии. Описываются основные мероприятия, проводившиеся на территории данного ландшафтного объекта. Представлено подробное описание ландшафтного оформления, создателем которого был Анатолий Павлович Юферев. Рассматривается семантика сада и ее изменения под воздействием социально-культурных явлений, происходящих в обществе.

The article analyses the state of garden-park culture of the Alexander garden in historical development. Describes the main activities carried out on the territory of the landscape object. Provides a detailed description of landscape design, created by Anatolii Pavlovich Yuferev. Is considered the semantics of the garden and its changes under the influence of socio-cultural phenomenon.

Ключевые слова: сад, парк, садово-парковое искусство, парковая культура, парковая планировка, семантика, образ.

Keywords: garden, park, garden art, park culture, park planning, semantics, image.

На протяжении всей истории существования садов и парков в Вятке они являлись неотъемлемой частью культурной жизни города. В садах открывались первые кинотеатры, с концертами приезжали именитые артисты, проводились танцевальные вечера, выставки, народные праздники. Кто-то предпочитал уединение под кронами деревьев, а кому-то нравилось отдыхать активно. Люди всех возрастов стремились в парки, чтобы отдохнуть душой от повседневных забот.

Сады в Вятке во многом повторяли общие тенденции развития садово-паркового искусства России. Но были и свои, особенные черты. Главной из них является то, что в Вятской губернии не было пышных дворянских усадеб и крепостного права как такового. Поэтому нет в нашем городе великолепных усадебных парков. Но зато

городские сады и парки всегда были общедоступны, их попечителями были известные в нашем городе меценаты.

В жизни многих поколений вятчан особое место занимал и продолжает занимать Александровский сад. В разные годы он носил имена Якова Свердлова и Степана Халтурина, назывался садом Красной звезды.

Годом основания сада принято считать 1825 г. – именно тогда была произведена закладка у присутственных мест второго публичного сада при губернаторе А. И. Рыхлевском. В тот период были высажены березы, рябины, липы, лиственницы, кусты смородины, шиповника, малины, тростника и небольшое количество акаций и кедровых отсадок. Через 10 лет – 30 августа 1835 г. – сад открыли для публики. Спустя два месяца после открытия губернатор Вятки Кирилл Яковлевич Тюфяев обратился с письмом к министру внутренних дел, спрашивая разрешения называть сад в честь императора Александра I. Через некоторое время пришел и ответ – министр сообщил, что император рассмотрел чертежи и «наименовал» сад Александровским. Тюфяев так описывает сад: «Сей сад расположен в конце главной площади около присутственных мест на высоком берегу, омываемом рекою Вяткою. Расположение его применено весьма удачно к местоположению: при входе в первую регулярную часть сада представляется взору готическая беседка, вправо от нее вторая часть сада, в английском вкусе, огибающая присутственные места извивающимися дорожками, [которые] ведут на утес берега в величественную ротонду. Отсюда открываются прелестные виды на пространство 30 верст и более: все это и редкое местоположение окрестностей представляют восхитительное зрелище... сад сей, возникнув из пустой и дикой части берега, составляет единственное украшение Вятки и городу не стоит не одной копейки... Подобного сада ни один из известных мне губернских городов не имеет и положение места картинно-восхитительно» [1].

Александр Лаврентьевич Витберг принял предложение губернатора Тюфяева разработать проект портала и ограды парадной стороны. Этот же проект взялся выполнять молодой губернский архитектор Александр Егорович Тимофеев. Оба проекта были отосланы в Москву. Через 4 месяца

ца губернатора уведомили, что проекты рассмотрены управлением путей сообщения и публичных зданий. Комиссия проектов и смет отдала предпочтение замыслу Витберга. Но министр сомневался, что в Вятке можно будет найти настолько искусных мастеров, которые смогли бы осуществить задуманный проект. Губернатор Тюфяев не принял рекомендации петербургского начальства: «Построение ограды будет производиться под руководством и наблюдением Витберга, и в искусных мастерах недостатка я не встречу» [2]. В итоге проект ссыльного архитектора был одобрен, но решено было строить ограду без каменных столбов. Решетку отлили из чугуна на Белохолуницком заводе.

Александровский сад этого периода представлял собой образец романтического парка, предназначенного для неспешных прогулок, позволяющих человеку побыть наедине с самим собой, погрузиться в свои мысли и чувства.

К моменту открытия в саду по проекту архитектора Александра Егоровича Тимофеева были возведены две ротонды. Они и по сей день являются символами Вятки, их изображения можно найти на полиграфической и сувенирной продукции, посвященной городу. Также они всегда вдохновляли писателей и художников на творчество. Так, ротонды Александровского сада можно встретить и в композициях мастериц дымковской игрушки Чуркиной, Коробициной и Пенкиной.

В 1879 г. в саду возвели здания летнего клуба, а следом и ресторана. Назначение сада меняется – он становится местом проведения досуга горожан. К сожалению, здание клуба сгорело в 1923 г., а ресторан по ветхости позже разобран.

За состоянием и благоустройством публичных садов внимательно следили городские власти: ремонтировали в садах постройки, исправляли аллеи, убирали посохшие деревья и подсаживали новые. Так, например, в 1891 г. городская дума приняла постановление о ежегодной посадке в течение 12 лет не менее 25 деревьев – преимущественно берез, лип и рябин в Александровском саду. В 1895 г. городской думой, по примеру многих российских городов, были избраны особые попечители из числа гласных для наблюдения за исправным содержанием городских садов.

Летом 1908 г. в саду в летнем павильоне был открыт первый в Вятке кинотеатр «Прогресс». На территории сада по заявлению учительницы Дьяченко в 1909 г. была оборудована детская площадка.

Политические события, происходящие в стране, всегда отражались на развитии городских парков и садов. После революции 1917 г. сад не мог сохранить свое прежнее название, так как оно прочно ассоциировалось с царской семьей, его

стали называть народным, а затем садом Красной звезды. Имя Якова Свердлова, данное официально вятским горисполкомом, почему-то не было принято жителями города. В апреле 1923 г. на торжественном заседании общественности города и губернии саду было дано имя Степана Халтурина.

Меры по благоустройству публичных садов, предпринятые городскими властями, не принесли должных результатов. Так, в 1914 г. Александровский сад стал приходить в упадок. 10 марта 1914 года гласный и попечитель сада Сергей Александрович Лобовиков выступил на заседании думы с докладом о состоянии Александровского сада:

«...Городской сад, как достояние всего населения, а не одной какой-либо части, город и общество должны беречь, поддерживать и развивать и давать средства. Нельзя из сада делать статью дохода, когда сад на пути к запущению. Городу вообще следует позаботиться о садах и не только старых, но и новых, так как общее количество деревьев в городе с каждым годом уменьшается, вследствие дробления больших частных усадеб под постройки. Значение садов велико. Многие города, сознавая это, утопают в садах и, особенно за границей, где существуют строгие законы для охраны их, например, в Германии за порчу деревьев присуждают даже в каторжные тюрьмы.

Наш Александровский сад, чрезвычайно красиво раскинувшийся по высокому берегу реки, с великолепными видами на окрестности, с архитектурными постройками, представляет гордость нашего города» [3].

Реконструкция, превратившая парк из романтического со свойственными ему тенистыми аллеями и отсутствием регулярных цветников, в цветущий сад с большим количеством построек, началась в 1934 г. По проекту Ивана Аполлоновича Чарушина, стоявшего во главе производимых работ, в короткое время были возведены здания летнего театра, танцплощадка, «ракушка» эстрады. В тот же период появляется и первый аттракцион в парке – «комната смеха». Особое внимание в парках уделялось скульптуре. Новыми героями скульптуры становились спортсмены, воины, рабочие, колхозники, пионеры, животные (в детских уголках парков). Главные аллеи парков украшали скульптурные изображения вождей трудящихся: скульптуры Ленина, Сталина, Кирова и других политических деятелей того периода. Так, в парке имени Степана Халтурина была скульптура Сергея Мироновича Кирова, уроженца Кировской области, в честь которого в 1934 г. был переименован город. Халтуринский парк уникален тем, что «советская» тематика выражалась в нем не только в форме

архитектуры и скульптуры, но и в форме зеленых насаждений. Во многом это было заслугой Анатолия Павловича Юферева – декоратора зеленых насаждений Александровского сада.

В 1949 г. садовод-художник создал цветник, напоминающий лист отрывного календаря. Сотрудники парка пересаживали каждое утро сотни растений, чтобы изменить число и день недели [4]. Самым прославленным произведением Юферева считают «Вазу мира», созданную в 1952 г. Это наиболее масштабное произведение мастера: высотой она достигала 9 метров, весила 10 тонн, диаметр вазы в самом широком месте составлял 3 метра 75 сантиметров, боковые ручки – три с половиной метра. За основу своей работы Юферев взял композиции, используемые ранее британскими садовниками. Уникальность работы заключалась в многоцветности вазы. Самым сложным элементом был огромный портрет Сталина в центре вазы, также выполненный из цветов. С другой стороны вазы располагалась здравица: «Слава Сталину – великому знаменосцу мира». Такую многокрасочную цветочную композицию с портретом Сталина исполнили в нашей стране впервые. Ваза не с цветами, а из живых цветов восхищала своим грандиозным величием. На нее приходили смотреть как на диковинку, на чудо «архитектурно-живописного» цветоводства [5].

В одном из номеров газеты «Кировская правда» 1957 г. приводятся слова директора сада имени Степана Халтурина В. В. Попова: «Мы начинаем массовые гулянья сегодня, т. е. несколько раньше, чем в прежние годы. В саду ведутся капитальные работы по строительству городка с теннисным кортом, баскетбольной и волейбольной площадками, городошным полем, стрелковым тиром, фехтовальной дорожкой и т. д. До 300 тысяч корней, рассады однолетних цветов и ковровых растений предполагается высадить нынче в саду. Много цветов будет выращено и к всемирному фестивалю. Художник-садовод А. П. Юферев, создавший известную кировчанам вазу из цветов, приступает к работе над четырехметровым портретом В. И. Ленина. Портрет устанавливается на берегу реки. <...> Культурно-массовая работа будет посвящена трем основным темам: подготовка к 40-й годовщине Великого Октября, пропаганда достижений в промышленности и сельском хозяйстве, подготовка к всемирному фестивалю молодежи и студентов. Нынче в саду будет работать филиал Кировского краеведческого музея и передвижной планетарий. К выступлению на эстраде привлекаются коллективы художественной самодеятельности. В летнем театре будет гастролировать Петрозаводский музыкально-драматический театр» [6].

С 1959 г. в парке появились механические аттракционы, выразительные самолеты, карусель, а после разборки в 1962 г. летнего кинотеатра – «Чертовое колесо» (колесо обозрения). В выходные и праздничные дни парк посещали тысячи горожан: они принимали участие в литературных праздниках, фестивалях ремесел, концертах художественной самодеятельности, танцевальных вечерах, посещали выездную библиотеку.

В наше время в Александровском саду достаточно часто проводятся городские мероприятия, такие как ставшая уже ежегодной ярмарка «Город мастеров», фестиваль рок-музыки «Ливень», в котором принимают участие ведущие музыканты не только Кирова, но и страны. Ежегодные салюты, посвященные 9 Мая и Дню города, также привлекают горожан в сад, так как отсюда открывается потрясающей красоты вид на заречную часть города. Несколько лет назад сад хотели передать в частные руки и модернизировать. Там должны были появиться трасса для картинга и специальные сооружения для занятий скейтбордингом. Но городская общественность выступила против этих новшеств, ведь тогда пришлось бы изменить планировку парка и вырубить множество деревьев, поэтому проект не утвердили. В 2010 г. была реконструирована кровля береговой ротонды, неоднократно проводились субботники по уборке сада. Примечательно, что в одном из таких мероприятий принял участие губернатор области Никита Бельх. Он пообещал горожанам взять ситуацию по благоустройству этого места отдыха под свой личный контроль.

В 2012 г. в Александровском саду был открыт памятник святым благоверным князьям Петру и Февронии, являющимся в православной традиции покровителями семьи, любви и верности. Подобные памятники устанавливаются в публичных местах по всей России в рамках общенациональной программы «В кругу семьи». Выбор в качестве места установки памятника не случаен, так как тенистые аллеи и белоснежные ротонды давно используются кировскими молодоженами в качестве проведения свадебных фотосессий. Сейчас Александровский сад продолжает быть одним из немногих мест нашего города, посетив которые можно ощутить дыхание старины.

Александровский сад на разных этапах своего существования был признанным эталоном как пейзажного, так и регулярного садово-парковых стилей. Парк являлся не просто местом для прогулок и отдыха горожан, он сосредотачивал в себе все лучшее, что было в разное время в нашем городе, становился своеобразным индикатором уровня развития как города в целом, так и уровня культуры его жителей в частности.

Примечания

1. Цит. по: Пакина Е. И. Сады и парки // Хлынов – Вятка – Киров. 2004. № 3. С. 4–5
2. Цит. по: Тинский А. Г. Архитектурное наследие Витберга в Вятке // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура. С. 154.
3. Цит. по: Пакина Е. И. Указ. соч.
4. Васнецова Н. В. Садовод Анатолий Юферев. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number12&ELEMENT=gerzenka12_3_5 (дата обращения: 05.09.2012).
5. Вараксина Г. Десятилетний шедевр цветочного искусства // Вятский край. 2006. 14 окт. URL: <http://www.vk-smi.ru/2006/octob06/vk0kt060905.htm> (дата обращения: 05.09.2012).
6. Цит. по: Кировская правда. 1957. 12 мая.

УДК 008

И. Г. Конова

**СМЕНА ТИПОВ КАРТИН МИРА
В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX в.
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ АВТОРСКОЙ
(БАРДОВСКОЙ) ПЕСНИ)**

В статье говорится о понятии «картина мира» и песне как источник культурологического изучения способа презентации картины мира. Рассматриваются несколько способов презентации картины мира посредством песни: поэтический, музыкальный, парадоксальный. Делается вывод о ценности текста авторской (бардовской) песни как культурной энциклопедии времени. Обозначены основные проблемы изучения современного текста авторской песни в контексте анализа процессов культурной динамики.

The notion “worldview” and song as an origin of culturological investigation of methods to convey worldview are considered in the article. The following methods to convey worldview via songs are regarded: poetical, musical, paradoxical. The conclusion on the value of texts in bard music / ‘author song’ as a cultural encyclopedia of a certain time period has been drawn. The basic problems in studying of modern author song texts within the context of analysis cultural dynamics process analysis have been defined.

Ключевые слова: картина мира, поэтический, музыкальный, парадоксальный, текст авторской (бардовской) песни, современный текст авторской песни.

Keywords: worldview, poetical, musical, paradoxical, the words (text) in bard music / ‘author song’, author song modern texts.

Современное искусство предлагает новые формы феноменологии текста культуры, связанные с появлением в культуре уже использовавшейся в разные периоды смыслопорождающей

структуры интегрированного текста, в котором наблюдается преемственность форм «обращенности Другого» (А. Л. Флиер), проявляющейся в феномене идентификации. В центр нашего внимания попадают малоизученные сферы текстов, передающих переживание со-бытия человека и мира, создающих ценностную картину мира.

К многоосмысловому и по сути своей метафорическому термину-понятию «картина мира» обращаются исследователи разных наук: лингвисты и философы, фольклористы и этнографы, семиотики и культурологи. Не случайно, что необходимость постепенного осмысления в процессе духовной, эмоциональной и интеллектуальной деятельности безграничного и неохватного мира, формирования общих и частных представлений, смыслов, структурирование и соотношение накапливаемых многообразных знаний – миропониманий как отдельным человеком, так и человеческим сообществом потребовали именно визуализированного понятия «картина мира», или «модель мира».

Из многообразных значений термина «картина мира» актуализировалось сначала понимание языковой картины мира, в которой сознание человека определялось словесным означиванием (наименованием) или метафоризацией. Само понятие «картина мира» впервые появилось в трудах В. Гумбольдта. А. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» утверждал: «Границы моего языка – это и границы моего мира». Одно из универсальных понятий в науке – понятие научной картины мира (или «специальная картина мира», «картина исследуемой реальности»), которая понимается как «образы предмета исследования, посредством которых фиксируются основные системные характеристики изучаемой реальности» [1]. В культурологии термин стал употребляться благодаря трудам немецкого учёного Лео Вайсгербера.

Особенно значимым является понятие «картина мира» в культурологии. В. В. Руднев определяет его как «систему интуитивных представлений о реальности» [2]. Понятие «картина мира» имеет отношение как ко всему человечеству (универсальная картина мира), определенному веку, культуре (например, Серебряный век), отдельному течению (символизм, акмеизм, постмодернизм), так и к отдельной личности (например, картина мира человека, погруженного в виртуальную реальность), при этом каждая по отдельности не является полной, исчерпывающей. Изучение особенностей формирования картины мира отдельной личности, или индивидуальной картины мира, может вестись с применением тезаурусного подхода В. А. и В. В. Луковых, где тезаурус понимается как «структурированное представление и общий образ той части мировой куль-

туры, которую может освоить субъект» [3]. С точки зрения субъективно ориентированного подхода условием вхождения в реальность становится мировоззрение человека, когда общее постигается через понимание своего-чужого-чуждого.

Идея картины мира формировалась в ходе эволюции индивидуального сознания. В работе М. Хайдеггера «Время картины мира» отмечается, что первоначально человек не отделял себя от мира и способность воспринимать мир как картину, как отделенную от субъекта систему представлений начинается с XVI–XVIII вв.: «Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле таковой картины» [4]. Важно, что появление возможности оценивать мир как результат понимания связано с особым отношением к человеку, «когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку» [5].

Отражение картины мира в различных текстах культуры позволяет сохранить целостность информационных потоков. Понятие «картина мира» играет важную роль, поскольку в нем отражены доминирующие представления, характерные для той или иной исторической эпохи: основные явления времени, деятельность личности, социальные типы современников, понятия пространства и времени. Важно также, что картина мира фиксируется в языке, закрепляется в определениях личности. В многочисленных трактовках понимания личности часто происходит подмена понятия «личность» понятием «человек», «индивид» или «субъект социальных отношений». М. С. Каган относит личность к сверхсложной системе, атрибутами которой являются «неповторимая комбинация духовных качеств и принципов» [6], свободная самоорганизация, процессы нелинейного становления, выработка системы ценностных позиций. Становление личности, по Кагану, дающее возможность обозначить переход ко второму этапу истории мировой культуры – личностно-креативному, формирует иной тип человеческого сознания, когда бытие определяет не прошлое, а мечта об идеале [7]. Таким образом, пространство личности не только создается картиной мира, но и развивает ее. Как следствие тесной взаимосвязи, каждая эпоха формирует свое представление человека о мире как некий итоговый коррелят.

Способом презентации картины мира, на наш взгляд, является текст песни, обладающий синтетическими возможностями, создающий ситуацию создания общего культурного кода, формирующий слушателей, общающихся с помощью данного текста. Ницше, размышляя об отношении музыки и слова, слова и звука, отмечает, что

народная песня «имеет для нас значение музыкального зеркала мира» [8]. Особую роль играет в современном меняющемся мире, времени переосмысления ценностей, появление в 50–60-е гг. литературно-музыкальных текстов авторской (бардовской) песни (далее – АП), быстро принятых народом, воплотивших в себе признаки коллективного и индивидуального. Необходимость их появления объясняют острой потребностью «в душевной песне, в центре которой находился человек с его переживаниями и чувствами» [9]. С другой стороны, интересны исследования, которые предполагают, что появление текстов АП имело особый характер творческого, сознательного акта. Например, первый «классик» жанра М. Анчаров, познакомившись с понятием синкретизма, сначала «придумал» авторскую песню, а уж потом стал ею заниматься («сознательно писать песни»). Ада Якушева вспоминает, что «этих песен не было, мы их сочинили». Пространство текстов авторской песни рождено при особом сочетании текста и звука, создавая специфический текст с «двухэлементной образной структурой», где условие синтеза – «появление некоего специфического объединяющего начала, некоей особой художественной энергии, которая была бы способна организовать возникающую сложную систему, связать ее грани воедино, в одно живое целое» [10], – и эту организующую роль играет в песне личность исполнителя, чаще автора текста, создающего философский текст на основе личностной рефлексии, главная задача которой – желание быть услышанным и понятым. Конструирование песенной жизненной модели личности является частью процесса самоидентификации, где личность репрезентует в песенной форме свой внутренний мир.

Поэтому можно говорить о нескольких **способах презентации картин мира**, в процессе которых происходит нахождение личностных смыслов.

Одним из основных способов презентации ценностно-смысловой структуры картины мира является **поэтический**, важной особенностью которой можно назвать обращение с помощью звучащего слова к вечным ценностям. Ценностный, философский подход к тексту песни (работы И. Б. Ничипорова, В. Ф. Чесноковой, Б. Б. Жукова и других) анализирует слово как способ передачи мировоззренческих констант. Наиболее важными в творчестве Булата Окуджавы, одного из первых широко известных создателей текстов авторской (бардовской) песни, являются концепты Честь-Совесть-Долг-Благодоство-Достоинство. А вот центральным пунктом концептосферы, созданной поэтом, является вмещающий все предыдущее в единое аксиологическое целое концепт Душа [11]. Следует отметить, что философ-

ский по существу поэтический текст песен обращен к самым важным свойствам человеческой личности: «Не обмануться бы во мраке, что звонче музыка атаки, что глуше музыка души»; «а душа – уж это точно, ежели обожжена, справедливей, милосерднее и праведней она» [12]. Основным понятием в картине мира и значительным в текстах Окуджавы является использование образа-архетипа-концепта Дома, в котором соединяются и «исходная константа бытия», остро ощущаемая в оппозиции мир – война («Всё слабее запах очага и дыма, молока и хлеба» // «Батальное полотно»); и осознание необходимости музыки («Счастлив дом, где пенье скрипки наставляет нас на путь... // «Музыкант»); и модель целостности мира, чем бы ни становилось временное «жилище»: дом-корабль в «Полночном троллейбусе» или дом-Арбат, плывущий как река. С одной стороны, текст авторской (бардовской) песни, сохраняя вечные ценности, стремится восстановить целостность и осмысленность картины мира. Е. А. Абросимова замечает, что таким образом «в произведениях бардов-поэтов нашла свое преломление “традиционно-поэтическая для второй половины двадцатого века картина мира, запечатлевшая философское учение о непрерывности бытия и относительности всего существующего”» [13]. С другой стороны, можно утверждать, что распространяющиеся тексты песен не только запечатлевали ценности, а сотворяли их, создавая новые смыслы и направляя, по В. Франклу, ход бытия. Так, говоря о песенных текстах Окуджавы, отмечают, что они «повлияли на наш этический код, на ценностный кругозор слушателя» [14].

Второй способ презентации картины мира – **музыкальный**. М. С. Каган отмечает, что песня появляется в результате наивысшего натяжения в сторону музыки в «поле притяжения двух сил – *повествовательности и музыкальности...* это вполне отчетливо видно в творчестве Владимира Высоцкого, Новеллы Матвеевой или Булата Окуджавы» [15]. Мелодия, будучи, по сути, культурным текстом со своими способами передачи и интерпретации, является выражением внутреннего движения мышления. Педагог и актёр Ю. Э. Озаровский еще в начале XX в. исследовал вопросы тона и музыки чтеца, замечал, что «мелодия есть отображенный в звуке человеческого голоса след процесса превращения понятий в мысль» [16]. Не случайно композитор Н. Шафер называет песни В. Высоцкого «Я – ЯК-истребитель», «Мы враждаем землю» и другие военные песни «песнями-симфониями», «музыкальными эпопеями в миниатюре», характеризующимися «масштабностью мышления, накалом чувств, напряженным развитием действия, которое, как в симфонии, обусловлено столкновением противоборствующих

сил» [17]. Неповторимый стиль каждого автора-исполнителя сопровождается также особым звучанием аккомпанирующего инструмента – гитары. Звучания гитары Окуджавы, Визбора, Высоцкого, Галича, несмотря на внешнюю безыскусность и простоту, практически невозможно повторить. Важную роль играет также выбор песенной тональности, в большей степени это касается выбора мажора и минора. Умение выразить радость мира в минорной песне присуще многим песням начала 60-х гг.; рождающееся при прослушивании и исполнении светлое чувство гармонии мира связано с особым восприятием ладовой формулы, которая «есть предельно лаконичная модель мира, в представлении своей эпохи, своего рода генетический код музыки» [18]. Для полного представления об этом способе презентации необходимо обратиться и к драматургии пауз, или использованию тишины, когда смысловой акцент при отсутствии музыки выделяет слово. Владимир Высоцкий при исполнении песни «Кони привередливые» во всех припевах отделяет Я (самоотождествление) от следующих слов, расставляет акценты при помощи пауз, понижая голос в следующих строках, уменьшая силу голоса. Возможно, это один из способов подчеркнуть безысходность состояния героя, его последнее усилие для достижения самой главной цели в жизни – пения.

При изучении текста авторской (бардовской) песни понятия «тон», «мелодика», «образ» были найдены сразу, создав, по Л. Аннинскому, **«третье измерение песни»**. Интонация, особенно авторская, воспринимаемая и «душой мелодии», и «рожденной мыслью», является особым культурным текстом, наполненным смыслом. Так, интонация Окуджавы не допускает «никакого нажима, пафоса, патетики. Песенная речь поэта – это... доверительное, сердечное общение, которое происходит в сдержанной, умной, мягко иронической форме» [19]. Важно, что в тексте авторской песни интонация не подвергается визуализации, как в музыкальном или актерском тексте: «У профессионалов-теоретиков – живая интонация особенно мертвеет, загроможденная всякого рода “зрительностью”, “зримостью музыки”» [20]. Неудачными, лишёнными необходимого культурного подтекста оказались и попытки создания интонационно-композиторских вариантов к текстам авторских песен, уже имеющим мелодию: «Вдруг открылось, что простые напевы поэта бережнее, тоньше и многозначнее соединены со стихом, чем мелодии талантливейшего музыканта-профессионала. Там, где у Булата тихий и сдержанный марш (“Песенка о ночной Москве”), у Блантера – сентиментально-страстное танго» [21].

Сочетание нескольких способов презентации в каждой конкретной песне создает их взаимо-

проникновение, хотя и поэтический, и музыкальный способы презентации тяготеют к визуализации и вербализации, где «и бумажный, и звучащий варианты обладают подчас автономными друг от друга смыслами» [22]. Этот способ соотношения поэтического, музыкального и интонационного можно назвать **парадоксальным**, когда при восприятии происходит обращение к контекстам разного уровня, большую роль при этом играет интегрированный код, где кроме вербального и музыкального необходимы еще и визуальный, и символический ряды. При этом символические основы восприятия музыкального текста наиболее отчетливо выражены именно в авторской песне: такие особенности символа, как непосредственное выражение сложных, не поддающихся логическому расчленению, неартикулированных эмоций и экзистенциальных состояний [23], делают авторскую песню глубоко переживаемой слушателями и исполнителями.

Современная эпоха создает тексты культуры нового типа, когда интерпретация текста с учетом культурного фона, на котором «считываются» тексты культуры, приводит к их новому осмыслению или переосмыслению. В. А. Сулимов отмечает усиление «смысловой напряженности» современного текста культуры: «В начале XXI в. в информационно-символической области произошли большие перемены: в частности, в связи с кратным увеличением и «уплотнением» информационного пространства предельно возрос субъективизм в построении систем актуальных для индивидуума значений (картин мира)» [24].

По временному отношению к создаваемой системе ценностей выделяют два типа картин мира: «традиционная» и «актуальная (современная)». Славой Жижек, исследуя смену типов картин мира, отмечает необходимость временного промежутка для осознания традиции, где традиция выступает в роли своеобразной пленки, проявитель к которой найдется со временем. Таким образом, можно говорить о подвижности системы, где играет роль «некоторое опережение текстами динамики кодового развития» [25]. Возникает необходимость развития интерпретационных прочтений устоявшихся текстов. Как пишет Славой Жижек, «единственная возможность поддерживать жизнь в классическом произведении – это относиться к нему как к “открытому”, указывающему в сторону будущего» [26].

Новые появляющиеся тексты авторской (бардовской) песни стали называть «современной авторской песней», «новой авторской песней», «новой волной», «новым слоем культуры – авторской культуры песен». В отношении к устоявшимся текстам и общепринятым именам появилось условное понятие «классическая АП» (В. И. Новиков и др.). Сегодня практически отсутствует сколько-

нибудь полное собрание новых текстов, многие из них существуют только в аудио- и видеовариантах. Возникает вопрос о необходимости осмысления новых текстов в рамках сложившихся традиций и/или преемственности форм. Крайние оценки современного этапа развития явления выражают следующие позиции: 1) об окончании традиционного развития и – как следствие – появлении принципиально нового (И. М. Каримов); 2) о новом этапе развития (Б. Б. Жуков). Изменения в новых текстах коснулись и поэтического, и музыкального способа презентации картины мира: «Для современной авторской песни характерны достаточно высокий уровень инструментального профессионализма, сложная альтерированная современная гармония, различные джазовые и рок-ритмы» [27]. Взаимосвязь изменения музыкального плана и периодов развития культуры интересно описана П. А. Сорокиным. В идеациональный период музыка характеризуется как «внутренняя», «для общения души с самой собой», без эффектов и красот, с простыми средствами выразительности. Такая музыка не требует концертных залов, не вынуждает автора заботиться о своих правах, имени. По Сорокину, «это слышимый знак неслышимых великих ценностей, которые являются, как правило, ценностями коллективными» [28]. В чувственный период в музыке нарастают «внешние» приёмы, проявляющиеся в использовании эффектов, поиске новых форм выражения, развитии профессионализма, желания закрепления авторства за произведением. В. Добренков характеризует 60–90-е гг. XX в. России как проявление идеационального периода, когда существовала «социокультурная система смешанного типа, в котором идеологический (ценностный) компонент был идеалистическим, а экономико-социальный – идеационным» [29]. В начале 90-х произошла социокультурная катастрофа – «срыв в чувственный период» и – как следствие – «падение» системы ценностей. Можно предположить, что изменение музыкального способа презентации картины мира находится в тесной взаимосвязи с общим изменением социокультурного контекста.

Сегодня в тексте авторской песни происходит усиление многоплановости способов презентации картины мира: новая усложненная образность, изменение музыкального ряда, поиски новой интонации, отражающей новую картину мира, – качается «маятник» от интонационной определенности к отказу от явной театрально-поэтической интонации. Усложняется сама ситуация восприятия песни – происходит ее включение в другие формы: композиции, программы, проекты. Если говорить о текстах песен 60–80-х гг., то в них четко был выражен мотив времени, который можно было сформулировать в нескольких ёмких фразах:

«Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» (Б. Окуджава), «Потому что добро остается добром в прошлом, будущем и настоящем» (В. Высоцкий), «Да будет наша жизнь исполнена добра, да будет на холсте не суета – молитва» (В. Егоров), «И сама по себе не играет гитара, а дана человеку как голос души (Ю. Визбор). Крылатые выражения Б. Окуджавы стали основой для идеи создания «Словаря цитат и крылатых выражений» (А. Крылов), комментарии к текстам песен Высоцкого собраны как «Энциклопедия советской жизни» (А. Е. Крылов, А. В. Кулагин). В отличие от «классической» авторской песни, в современном тексте нет вербальных формкул, четко выражающих мотив времени, и, по словам Б. Б. Жукова, как следствие, нет и четко выраженного типа портрета современника: «полноценного образа современника... “новая” АП пока что не создала» [30].

Однако общность глубинных представлений о мире является признаком *преемственности* способа презентации картины мира с помощью текста, которому свойственно определенное строение, чуткое вслушивание в современную речь и – в свою очередь – создание новых интонационных формул, сохранение роли текста с учетом социодинамических культурных процессов современности. Как пишет уже в XXI в. автор-исполнитель Ольга Чикина, «новое имя» в авторской песне. «Но мне хочется быть человеком и глядеть на собак и людей, не стесняясь своей доброты», «И это время мне, и мне сшивать два века, // Белой ниткой днем, и чёрной по ночам» [31]. Тексты авторской (бардовской) песни можно воспринимать как культурные и ценностные энциклопедии времени.

Динамическая система сохраняет устойчивость способа презентации картины мира, развивая взгляд на мир, и под влиянием новых социальных отношений. Песня сохраняет в себе логическое (когнитивное) восприятие мира и алогическое одновременно, где «целостность мира, которая может быть только результатом взгляда “сверху”, создается человеком и постигается через идеальные, мыслительные конструкты, в основе которых лежит положение о системе всеобщих отсылок и взаимосвязей» [32].

Итак, взаимодействие нескольких способов презентации картины мира – поэтического, музыкального, интонационного в сочетании с парадоксальным – порождает многочисленные личностные смыслы, фиксирующие картину мира и одновременно создающие ее. Интегрированный текст песни, являясь результатом когнитивного созвучия, в котором происходит использование известных элементов, приобретших неожиданно огромную семиотическую активность, презентует ценностную картину мира. Создание новых

текстов, новое прочтение прецедентных текстов приводят к изменению смыслового поля текста культуры. Понимание нового в текстах авторской песни, с невербализированными и логически непроясненными критериями, происходит с помощью тезаурусной иерархической конструкции своей/чужой. Видимо, требуется осмыслить, учитывая сменяемые коды культуры, новые тексты. Необходимо также осмыслить социокультурную функцию интегрированного текста авторской песни в кризисном культурном пространстве современности.

Примечания

1. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2008. С.197.
2. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. [Изд. 3-е, испр. и доп.]. М.: Аграф, 2009. С. 172.
3. Луков Вал. А. А., Луков Вал. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Гуманитарные науки теория и методология. 2004. № 1. С. 94.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина. СПб.: Наука, 2007. С. 69.
5. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 71.
6. Каган М. С. Философия культуры: монография // Избранные труды: в 7 т. Т. III. Труды по проблемам теории культуры. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. С. 336.
7. Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс // Избранные труды в 7 т. Т. III. Труды по проблемам теории культуры. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. С. 583–596.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб., «Азбука», 2000. С. 80.
9. Шилина О. Ю. Человек в поэтическом мире Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: исслед. и материалы. Вып. III. Т. 2. / сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербачева. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. С. 38.
10. Каган М. С. Морфология искусства // Избранные труды: в 7 т. Т. V. Кн. 2. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. СПб.: ИД «Петрополис», 2008. С. 301.
11. Агабекова К. А. Концепт ДУША в индивидуально-авторской языковой картине мира Б. Окуджавы // Окуджава. Проблема поэтики и текстологии / сост. А. Е. Крылов; ГКЦМ В. С. Высоцкого. М., 2002. С. 112–127.
12. Окуджава Б. III. Так природа захотела. М.: Эксмо, 2006. С. 123, 128.
13. Абросимова Е. А. Семиотика бардовской песни: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. С. 183.
14. Белая Г. Творчество Булата Окуджавы в контексте идей М. М. Бахтина // Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф. 30 ноября – 2 декабря 2001 г. Переделкино. М.: «Соль», 2004. С. 66.
15. Каган М. С. Слово в художественной культуре // Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. СПб.: ИД «Петрополис», 2008. С. 28.
16. Озаровский Ю. Э. Музыка живого слова: основы русского художественного чтения: пособие для чте-

цов, певцов, драматических и оперных артистов, ораторов, педагогов / предисл. С. П. Серовой. Изд. 2-е, доп. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 39–40.

17. Шафер Н. Высоцкий – композитор // Театр. 1988 г. № 6. URL: http://shafer.pavlodar.com/texts/vvco_6.htm.

18. Холопов Ю. Н. Лад // Музыкальная энциклопедия. Т. III. М.: Сов. энцикл., 1976. С. 131.

19. Каманкина М. В. Песенный стиль Б. Окуджавы как образец авторской песни // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 236.

20. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Изд-во «Музыка», 1971. С. 216.

21. Фрумкин В. Между счастьем и бедой... // Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2004. С. 198.

22. Доманский Ю. В. Творчество Высоцкого в аспекте вариативности: текст и контекст // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI в.: материалы третьей международной науч. конф. Москва. 17–20 марта 2003 года. / сост. Е. Г. Язвикова. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. С. 82.

23. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Русский текст: философская рефлексия и языковая картина мира // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 69–74.

24. Сулимов В. А. Символическая интеракция: проблема реализации возможных миров // Семиозис и культура: лабиринты смысла: монография / [под общ. ред. И. Е. Фадеевой, В. А. Сулимова]. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. С. 28.

25. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Чему учатся люди. Статьи и заметки [предисл. Пезетт Тороп, сост. Сильвии Салупере, Пезетт Тороп]. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. С. 253.

26. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Изд-во «Европа», 2008. С. 346.

27. Уколова Л. И. Культурологический анализ феномена авторской песни (история и современное состояние) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 6. С. 189.

28. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и коммент. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. С. 207–208.

29. Добренков В. И. Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики П. А. Сорокина: пророчество о судьбах мира и России // Наследие, 2011, № 1. С. 153.

30. Жуков Б. Б. Современное состояние авторской песни как отражение изменений в национальном менталитете // Мир Высоцкого: исслед. и материалы. Вып. III. Т. 2 / сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербакова. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. С. 384.

31. Чикина О. Клава, Серёжа, Саня и Алёша. М.: Орбис Пиктус, 2009. С. 80, 82.

32. Бразговская Е. Е. Текст культуры: от события – к со-бытию (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий): монография. Пермь, 2004. С. 6.

УДК 792.2

Я. И. Пахомова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

В статье идет речь о театральном процессе, о затронувших его изменениях. Все новшества выделены, обозначены и систематизированы в группы тенденций на основе анализа публикаций известных театроведческих журналов, таких как «Петербургский театральный журнал», «Современная драматургия» и «Театральная жизнь».

The article deals with processes in the modern theatre and changes it has undergone. New developments have been identified, highlighted and grouped by trends through the analysis of materials published in such well-known theatre journals as “*Peterburgsky Teatralny Journal*”, “*Sovremennaya Dramaturgia*” and “*Teatralnaya Zhizn*”.

Ключевые слова: театральный процесс; театральная культура; внутритеатральные тенденции; типы театров; новизна драматургии.

Keywords: theatre process, theatre culture, theatre trends, types of theatres, novel nature of dramatic works.

Общая ситуация смены культурной парадигмы на рубеже XX–XXI вв. активизировала процессы обновления искусства. Современная театральная культура (в ее региональном и столичном вариантах) выражает характерные сдвиги, происходящие в художественном сознании. Театральный процесс России рубежа эпох весьма неоднороден и противоречив. Эта неоднозначность проявляется и в суждениях исследователей, как нам представляется, недостаточных, в силу их искусствоведческого характера. Новизна художественных исканий современного театра нуждается в культурологическом осмыслении.

Несмотря на амбивалентность театрального процесса, мы попытались выделить и рассмотреть типичные эстетические черты, проявляющие себя сегодня в российском драматическом театре. Творческие изменения в современном российском театре, с нашей точки зрения, демонстрируют результаты перехода современности эпохи постмодернизма от разума законодательного к разуму интерпретирующему. В развитии театральной культуры драматических театров в России конца XX – начала XXI в. можно выделить три группы тенденций:

I. Внутритеатральные тенденции:

1) Внутренняя противоречивость, проявляющаяся в новых форматах пьес, в постмодернист-

ском смешении массовости и элитарности, в существовании на театральной сцене одновременно по спектаклей по классическим произведениям и по пьесам современных драматургов.

Можно сказать, что внутренняя амбивалентность духовных и художественных стратегий современного театра является сегодня его основной тенденцией. По мнению О. Журчевой, в театре произошло «отступление от эстетических и идеологических нормативов и канонов, что привело к своеобразному парадоксу: смешению массовости и элитарности. В свою очередь, новейшая драма предложила новые формы объективизации драматургического текста – это формат чтений пьес. Чтение предполагается авторское, актерское, любительское; монотекст, условная драматизация текста, просто чтение по ролям» [1].

Во многих крупнейших и старейших театрах России, например в Малом театре и Александринском театре, репертуар построен на неизменной русской и зарубежной классике. По мнению В. Фокина, художественного руководителя Александринского театра, «театр с историей» должен работать с традицией, преобразовать ее, спорить, полемизировать с ней, предлагать радикальные художественные решения. Именно в этом и состоит залог жизненной силы самой традиции. Однако полемика, радикальные подходы должны быть мотивированы не творческим произволом, а глубоким знанием традиции, умением слышать автора, высокой культурой и масштабом замысла. В творческой программе нынешней «Александринки» доминирует именно эта устремленность. Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Андрей Белый – это духовный стержень, ось русской культуры. Их можно и нужно читать как вечно современных авторов. Речь идет об умении расслышать классика в нашем сегодняшнем времени» [2]. Ему вторит Б. Любимов: «Малый театр» ставит на своей сцене либо классику, либо пьесу, посвященную историческому событию, либо произведение большой литературы. Классика может быть в самом чистом виде, а может быть экспериментальной, например, забытая пьеса Бомарше или забытая пьеса Чехова. А современная пьеса может заинтересовать «Малый театр» только, если она принадлежит крупному писателю или маститому драматургу. Например А. И. Солженицын – большой классик, поэтому «Малый театр» поставил его «Пир победителей»» [3].

2) Типичным для постмодернизма оказывается и активное использование синтеза искусств – соединение в спектакле таких видов искусств, как музыка, танец, живопись, кино.

А. Смольяков в статье «Синтез искусств и искусство синтеза» считает, что понятие «синтез искусств совершенно определенно является

неотъемлемой частью любого, претендующего на статус театрального события, зрелища. Касается эта тенденция и драматического театра, и музыкального. Порой они сближаются, чему способствует приглашение драматических режиссеров для постановки музыкальных спектаклей и наоборот – хореографов и оперных режиссеров на драматические постановки. Но довольно часто драматический театр и музыкальный существуют достаточно автономно, почти не соприкасаясь между собой. Но и в том и в другом случае выясняется, что постановщику спектакля, неважно – ставить пьесу в драматическом театре или музыкальном, необходимо мастерство. Режиссеру нужно смешать все до однородной массы. Когда занимаешься синтезом искусств, главным становится искусство синтеза. Музыка как вид искусства властно вторгается в спектакли драматических режиссеров. Например, Иван Поповски (режиссер из мастерской П. Фоменко), постоянно сотрудничающий с «Театром музыки и поэзии п/р Е. Камбуровой», все же делает там свои постановки по законам драматического театра. «Времена года» в программе названы «концертом без слов», в нем участвуют только певцы и музыканты, но по композиционным признакам это именно драматический спектакль со своим сюжетом, конфликтом, кульминацией. Также удачный приход хореографа в драматический театр состоялся в московском театре «Практика», где Режис Обадия поставил пьесу А. Плейель «У реки» и назвал свою работу «Ниагара». Вполне типичный для «новой драмы» сюжет о брате-гее и сестре-неврастеничке, которых сблизила смерть матери, постановщик превратил в притчу о человеческом одиночестве, о вечном поиске собеседника, о вере в символический водопад, купание в котором дарует обновление и гармонию. У Обадия драма и танец существуют не в противостоянии, а в единстве, перетекая друг в друга» [4].

3) Цель современного театра не столько исследование, сколько фиксация жизни по частям и крупицам (постмодернистский отказ от метанарратива и интерес к маленькому рассказу, партикулярной истории о «маленьком человеке»).

О. Журчева считает – «современный театр задался целью не столько исследовать, сколько зафиксировать жизнь человека по частям, по крупицам, в ее современном дискретном виде. Самоубийцы, уголовники, гомосексуалисты и лесбиянки, бомжи, террористы – маргиналы общества, изгои, люди редких профессий составляют и составляют экзотику современного театра, который и сам был воспринят зрителем как экзотика. Критики говорят о том, что герои и проблематика современного театра нашего времени напоминают о петербургском натурализме середины XIX века, о физиологических очерках

того времени со всеми признаками русского модернизма, если подыскивать аналогии в истории русской культуры» [5].

4) Важнейшее свойство театра – процесс самопроекции зрителя (катарсис и самоидентификация), достигаемой в динамическом пространстве перформанса, устранившем границу между зрелищем и жизнью.

Одним из главных свойств театра всегда оставался процесс рефлексии или самопроекции зрителя различных вопросов, ответы на которые он находит в самом себе. В «новейшей драме» это свойство драматического театра является важнейшим. В современном театре «происходит процесс самопроекции зрителя (катарсис и самоидентификация). И тогда, путем взаимопроникновения, театр становится “внутренним пространством” самого зрителя, возможностью развития самого себя и всех своих возможностей. Таким образом, сценическая реальность (включая конфликт) формируется и окрашивается зрительским “я”» [6].

II Создание новых типов театров:

1) Образование авторских театров, творческих мастерских (например, мастерская П. Фоменко, театры М. Захарова и С. Федотова).

Театр получил «новое дыхание» в связи с созданием авторских театров и творческих мастерских. Уже в конце 1980-х годов было создано объединение «Творческие мастерские» при Всесоюзном театральном обществе. «Цель их – дать возможность молодым режиссерам, не нашедшим места в стационарных театрах, заявить о себе. Это была, прежде всего, новаторская форма организации театрального дела, поскольку объединение выступало в качестве коллективного продюсера, который заключал договоры с режиссером и актерами. Среди участников “Мастерских” – Александр Пономарев (“Николай Гоголь. Нос”, 1988, и “Елизавета Бам”), Владимир Клименко, больше известный под именем Клим (“Три ожидания в пейзажах” Г. Пинтера, 1990), Владимир Мирзоев (“Мадам Маргарита” Атайяды, 1988, и “Полуденный раздел” П. Клоделя, 1988). Спектакль Мокеева “Эмигранты” (1985) по пьесе С. Мрожека с А. Феклистовым и Р. Козаком стал одним из знаков наступления нового времени. Именно в “Творческих мастерских” осуществил постановку “Палаты № 6” по А. Чехову (1988) Юрий Еремин, стремясь резкими, экспрессионистскими постановочными ходами выбить зрителя из привычного обыденного существования. “Творческие мастерские”, вопреки ожиданиям, не сформировали единого режиссерского поколения, которое бы принесло кардинальные изменения в театральный процесс. Напротив, 1990-е гг. во многом существовали за счет инерции предшествующего десятилетия, театр, который пред-

чувствовал перемены, приветствовал их и старался подготовить к ним общество» [7].

Авторский театр – это театр, которому присуща некая отстраненность от обстоятельств пьесы для развития более глубокого формирования личностного взгляда на героя. В применении к авторскому театру можно услышать также эпитеты «экспериментальный», «нетрадиционный», «авангардный». Мы считаем такой театр прежде всего постмодернистским, преследующим в качестве сверхзадачи создание «открытого произведения» (термин У. Эко). Синтезируя самые различные элементы, авторский театр не замыкается на каком-либо из них, так как ни один из них не может являться его конечной целью. Авторский театр, уходя от декларирования прописных истин психологического театра, провозглашает новейшую эстетику современной драматургии, отдавая приоритет субстанциональному конфликту и внутренней событийности действия. Примером авторского театра могут служить театры П. Фоменко, М. Захарова, С. Федотова и О. Дмитриева. П. Фоменко в статье «Мудрость садовника» говорил о своем театре следующее: «Наш театр принадлежит актерам, а не режиссерам. Смысл нашей работы по выращиванию режиссеров заключается в том, чтобы создавать такой режиссерский театр, в котором все посвящено актерам. Это мысль не новая, она возвращает нас в прошлый век. Но нет ничего интересней, чем открытие новых актерских индивидуальностей, ходов и т. д. У нас нет никаких эзотерических загадок, мы не представляем из себя какую-либо касту. Так счастливо сложилось, что у нас есть маленькая труппа, которую мы хотим обогатить новыми людьми» [8].

2) Формирование реального театра; эстетика «нулевой игры».

Новый театр, прежде всего, – это реальный театр. Театр стремится отразить больше всего реальные события. «Режиссеры остро ощущают “невсамделишность” реальности, в каждом сюжете они словно ставят кавычки, играя в декаданс, стремятся пробиться к истинному смыслу слов и предметов. Их поиски простираются от чистого эксперимента с театральной фактурой до постановки мировоззренческих вопросов, над которыми задумывались предшествующие поколения» [9].

3) Создание театров «новой драмы» и театральных фестивалей (например, «Коляда-театр» Н. Коляды, фестиваль «Новая пьеса»).

С конца 80-х гг. XX в. в России образуются театры и формируются фестивали, ассоциирующие себя с «новой драмой».

«Для представителей современной драматургии характерно стремление войти в некий общий поток, попытка уйти от мозаичных драматургических миров и образовать (как это было на ру-

беже XIX–XX вв.) некую новую драматургическую систему с новыми критериями и принципами – отсюда появившееся и ставшее популярным название “новая драма”» [10].

«Термин “новая драма” зачастую употребляется как синоним к словосочетанию “современная драматургия” или как обозначение комплекса какого-то числа драматических текстов (критерии отбора при этом не указываются)» [11].

Примерами являются литературно-театральный фестиваль «Майские чтения» (основан в 1989 г. в Тольятти), фестиваль «Любимовка» (с 1990 г.), фестиваль «Новая драма» (с 2002 г.), фестиваль «Кинотеатр.doc» (с 2005 г.), драматический конкурс «Евразия», фестиваль «Новая пьеса» (с 2009 г.), лаборатория «Новые чтения» (с 2009 г.). Например, «Любимовка» была уникальным опытом бескорыстного самодельного менеджмента драматургов того еще, старшего поколения. Ее основатели никак не использовали фестиваль для показа собственных пьес – давали трибуну молодым. В 90-х годах здесь показывали в читках свои первые пьесы Алексей Слаповский, Мария Арбатова, Александр Железцов, братья Пресняковы, Василий Сигарев, Елена Исаева, Ксения Драгунская, Максим Курочкин» [12].

Примерами театров «новой драмы» являются Кемеровский театр «Ложа» (основан в 1991 г.), «Дебют-центр» при московском Доме Актера (основан в 1996 г.), Центр драматургии и режиссуры п/р А. Казанцева и М. Рощина (основан в 1998 г.), екатеринбургский «Коляда-театр» (основан в 2001 г.), Пермский театр «Новая драма» (основан в 2002 г.), Театр.doc (открыт в 2002 г.), театр «Практика» (основан в 2006 г.), Центр им. Мейерхольда, «Тольяттинская школа», театр «Школа современной пьесы».

Рассмотрим деятельность основателя и художественного руководителя «Коляда-театра» – Н. Коляды («Уральская школа»). «Возникновению “школы” способствовала преподавательская деятельность драматурга Н. Коляды в Екатеринбургском государственном театральном институте (курс драматургии). Коляда за свой счет выпускал сборники пьес своих студентов, рассылал их тексты в театры и на конкурсы, устраивал “читки” с актерами своего “Коляда-театра”, деятельность которого направлена на популяризацию современной уральской драматургии» [13]. Наибольшую известность получили пьесы его учеников – «Русская народная почта» (1998) Олега Богаева, одного из первых студентов Н. Коляды. А затем – пьеса «Пластинин» Василия Сигарева (2000), ставшая одним из громких международных успехов современной русской драматургии» [14].

III Новизна драматургии:

1) Новая драма «задает» новые цели и свойства.

Болотян в статье «“Новая драма”: социокультурный аспект утверждает»: «“Новая драма” с самого начала своего существования взяла на себя функцию обновления театра и шире – культуры (часто через разрушение стереотипов, клише, сложившихся в консервативных субкультурах, общностях и в самом “ядре культуры”)» [15].

2) Новые стилистические и жанровые тенденции.

О. Журчева в статье «Природа конфликта в новейшей драме XXI века» попыталась составить типологическую схему нового драматургического поколения, впрочем, вполне приблизительную и условную.

«1. Драматургия, продолжающая жанровые и стилевые традиции “поствампиловской” драматургии, с элементами модернизма и абсурдизма, с вполне традиционным пониманием субстанционального конфликта “человек и мир” (драматургия Н. Коляды и Н. Садур).

2. Немногочисленная драматургия, существующая в постмодернистском дискурсе, где деконструкция мифа, традиционного смысла, стереотипов массового сознания, по сути дела, определяет конфликт, т. е. возникает конфликт в большей степени между языковыми практиками и имеет симулятивный характер (“Мужская зона” Л. Петрушевской, пьесы Д. Липскерова, В. Сорокина и др.). Ориентация современной драматургии на миф усиливает субстанциональное звучание злободневных конфликтов. Как справедливо отмечает культуролог Н. Гашева: “Здесь важно подчеркнуть связь синтетизма и мифа. Синтетические структуры изначально складываются как универсальное средство мифологизации человеческого бытия. По своей утопической ориентации синтез соприроден мифу. Миф размыкает мир аксиологических ценностей в мир повседневный” [16].

3. “Женская” драматургия, понимаемая как культурная парадигма и отразившая современный гендерный дискурс (М. Арбатова, О. Мухина, К. Драгунская), где, соответственно, сформировался конфликт-оппозиция мужское/женское, бытовое/общественное, взрослое/детское, преодолеваемый традиционным – социально-бытовым путем или нетрадиционным – выходом в ирреальность.

4. Драматургия с явно выраженным лирическим началом, которое достигается, в том числе, репетицией классических сюжетов, а также реминисценциями, цитацией, аллюзиями и другими способами соотношения драматургического текста с пратекстом и метатекстом (М. Угаров, Е. Гремина, О. Михайлова). В названных лирических пьесах автор сконцентрирован в интонации, в многоликих монологизирующих персонажах, которые на поверку оказываются монолитным “образом автора”.

5. Собственно новая драма, включающая в себя авторов “уральской школы” (помимо “основоположника” и собственно учителя Н. Коляды) “тольяттинскую драматургию” и большое количество драматургов, не позиционирующих себя внутри некоего “движения”. Ее специфика отражена в плотно посаженной на быт и социум тематике, хотя в некоторых драматургических опытах присутствует сочетание бытового и иррационального планов (М. Курочкин, В. и М. Дурненковы, О. Богаев, В. Леванов).

6. “Документальная драма”, ассоциирующаяся с техникой “вербатим”, с интерактивным искусством и максимальным сближением автора-актера-персонажа (И. Вырыпаев, бр. Пресняковы, Е. Исаева).

7. Монограммы Е. Гришковца, ему в лучших своих драмах/спектаклях удалось соединить природу театрального действия и иллюзию тождества автора-актера-персонажа» [17].

3) Своеобразная «новизна» в почтение пьес – смена героя, смена конфликта, смена поэтики, но в то же время присутствует «взгляд на прошлое», сохранение традиций.

По мнению О. Журчевой, «так же, как и на рубеже предшествующего столетия, “новизна” драмы и театра знаменовалась сменой героя (именно тогда проявляются предпосылки дегероизации и рассеяния конфликта среди всех персонажей драмы), сменой конфликта (от бытового к бытийному), от внешнего к внутреннему), сменой поэтики, в первую очередь связанной с формами выявления авторского сознания и авторского присутствия в драматургическом тексте, в том числе и несвойственного драме как роду. В этой триаде определяющим всегда оказывался конфликт, вечное свойство любого художественного произведения. Конфликт в новейшей драме и остается на уровне ситуации, демонстрации этой ситуации; если в “новой драме” конфликт виделся неразрешимым, то в “новейшей драме” он нерешаемый. Противостояние людей друг другу, человека и социума, человека и мира никто из действующих лиц не собирается разрешать. Недаром наиболее характерным приемом является возвращение действия в финале на исходную позицию, к тому, с чего началось» [18].

Современный театр внес своеобразную «новизну» в постановку пьес, но вместе с тем он сохранил определенные традиции, переходящие из одного десятилетия в другое или из одной исторической эпохи в другую.

П. Фоменко считал: «В новом театре что-то все время меняется, но только в очертаниях. Я меняюсь, с одной стороны, четко зная, какую цель преследую, с другой – не теряя взгляда на прошлое, так как театр проходит, пересекает определенные эпохи, от Средневековья до модернизма.

И существуют элементы, которые нельзя игнорировать, а наоборот, нужно воссоздавать» [19].

Б. Любимов сформулировал режиссерское понимание значения слова традиции: «Традиция – это передача того, что всегда должно развиваться. Когда традиция консервируется, это плохо. Более того, нести и развивать традицию должны люди большого масштаба. Если это происходит, то тогда живая жизнь театра сохраняется» [20].

Как уже было сказано выше, театральный процесс в России конца XX – начала XXI века весьма неоднозначен. Он соединяет различные, в чем-то противоречивые особенности и процессы современного «театрального движения» и отражает ризоморфный характер культурного поля современности. За этот промежуток времени театр не просто существует, он развивается, изменяется. Режиссеры реформируют жизнь театра, по-новому излагают и интерпретируют пьесы драматургов. Мы можем с уверенностью утверждать: театр за сравнительно небольшой промежуток времени, последнее двадцатилетие, получил новое «дыхание» в своем развитии.

Примечания

1. Журчева О. Природа конфликта в новейшей драме XXI века // Современная драматургия. 2010. № 4. С. 195.
2. Фокин В. Лицо Александрики // Театральная жизнь. 2009. № 3. С. 13.
3. Любимов Б. Движения живого театра // Театральная жизнь. 2010. № 2. С. 22.
4. Смольяков А. Синтез искусств и искусство синтеза // Театральная жизнь. 2009. № 1. С. 56–57.
5. Журчева О. Указ. соч. С. 197.
6. Там же.
7. История русского драматического театра от его истоков до конца XX века / авт.-сост. И. Л. Вишнева. М., 2005. С. 728.
8. Фоменко П. Мудрость садовника // Театральная жизнь. 2007. № 1. С. 16.
9. История русского драматического театра...
10. Журчева О. Указ. соч. С. 195.
11. Болотьян И. Новая драма: социокультурный аспект // Современная драматургия. 2010. № 1. С. 207.
12. Матвиенко К. Новая драма в России: краткий экскурс в недавнее прошлое и эскиз настоящего // Петербургский театральный журнал. 2008. № 2 (52). URL: <http://ptj.spb.ru/archive/52/new-reading-52/novaya-drama-vrossii-kratkij-ekskurs-vnedavnee-proshloe-ieskiz-nastoyashhego/>
13. Болотьян И. Указ. соч. С. 212.
14. Матвиенко К. Указ. соч.
15. Болотьян И. Указ. соч. С. 213.
16. Гашева Н. Николай Гумилев и Поль Гоген: жизнетворческий и эстетический синтез // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 1(87). Сер. 2. Гуманитарные науки. С. 49–57, 50.
17. Журчева О. Указ. соч.
18. Там же.
19. Фоменко П. Указ. соч. С. 18
20. Любимов Б. Указ. соч. С. 21–22.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378.14.015.62

Е. Г. Замолоцких, Е. Е. Дурнева

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ОСВОЕНИЯ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ БАКАЛАВРИАТА В РАМКАХ КОНТЕКСТНО-КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

В статье предложена технология проведения итоговой аттестации выпускников образовательных программ бакалавриата, включающая в себя три этапа: тестирование ключевых мировоззренческих и нормативных компетенций, решение комплексной профессиональной задачи/кейса, защита выпускного квалификационного проекта. Тестирование рекомендуется использовать в качестве оценки ключевых мировоззренческих компетенций, входящих в компетентностную модель выпускника. Также посредством тестирования могут быть оценены нормативные компетенции на 1-м и 2-м уровне. Решение профессиональной задачи/кейса используется для оценки уровня формирования ключевых профессиональных инструментальных компетенций, а также для оценки нормативных компетенций, если уровень их формирования в нормативном компетентностном профиле определен как наивысший.

The technology of conducting final certification of bachelor's graduate students is proposed in the article; it includes three stages: testing of key world outlook and normative competencies, solving of integrated professional task / case, protection of final qualification project. Testing is recommended to use as a tool for assessment of key world outlook competencies, which are included into competence model of graduate student. Also normative competencies at first and second level could be assessed using testing. Solving of professional task / case is used for assessment of the level of forming key professional instrumental competencies, but also for assessment of the normative competencies, if their level of forming is determined in regulatory competence profile as the highest.

Ключевые слова: итоговая государственная аттестация, оценка качества образования, компетентностный подход, компетентностная модель выпускника, тестирование, профессиональная задача, кейс, выпускной квалификационный проект.

Keywords: final state certification, assessment of the quality of education, competence approach, competence model of graduate student, testing, professional task, case, final qualifying project.

Введение Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения привело к необходимости реформирования всего процесса освоения бакалаврами основных образовательных программ (ООП). Итоговая государственная аттестация (далее – ИГА) бакалавров также не является исключением. Постулирование перечня компетенций в качестве целевого компонента ООП приводит к тому, что диагностические средства также должны быть направлены на оценку компетенций, а не отдельных знаний, умений или предметных областей.

Обеспечение качества подготовки выпускников – базовая задача высшего учебного заведения. Существующие проблемы в этой области во многом обусловлены значительным разбросом уровня подготовки в разных вузах. Ситуация осложняется изменением требований к подготовке выпускников, связанным с введением новых ФГОС, опирающихся, в отличие от ГОС предыдущего поколения, на компетентностный подход.

Существующие сегодня процедуры государственной итоговой аттестации не обеспечивают достаточного уровня объективности при оценке качества подготовки выпускников, а следовательно, не способствуют своевременному принятию корректирующих мер по отношению к учебному процессу в рамках образовательной программы или вуза в целом.

Применяемые в университетах процедуры текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся имеют узкую направленность, связанную с конкретным учебным курсом, подчас носят достаточно формальный и субъективный характер и поэтому не позволяют получить полную и объективную картину качества подготовки студентов. Помимо прочих проблем, это влечет за собой невозможность соизмеримой оценки уровня сформированности компетенций студентов разных вузов, а значит, противостоит процессу межвузовской и межпрограммной мобильности студентов, индивидуализации образовательных программ.

Система оценки качества подготовки выпускников вузов в рамках контекстно-компетентностного подхода и соответствующих механизмов и инструментов оценки должна стать звеном в формировании системы независимой оценки качества российского профессионального образования.

Объектом централизованной оценки должны стать ключевые компетенции, прописанные в компетентностной модели по данному направлению подготовки. Направление развития создаваемой системы должно быть связано с разработкой апробированных, стандартизированных и сертифицированных инструментов и средств оценки сформированных компетенций, создаваемых с активным привлечением профессионального сообщества и работодателей. Основа для разработки заданий ИГА – банк контрольных и учебных заданий, включенный в компетентностную модель выпускника по каждому направлению подготовки.

Банк контрольных и учебных заданий (БКУЗ) – система ранжированных по уровню сложности и классифицированных на основании принадлежности к компетенциям в соответствии с компетентностной моделью выпускника (КМВ) заданий, требований к их выполнению и критериев оценки, которая в обязательном порядке составляется по каждому направлению подготовки и используется в качестве учебных и диагностических средств для определения и развития уровня сформированности компетенций студентов.

БКУЗ представляет собой систематизированный сборник (печатный и/или электронный) контрольных и учебных заданий с решениями и методическими рекомендациями по их выполнению.

Критерии оценки должны быть сформированы на основе нормативного компетентностного профиля. Компетентностный профиль – это совокупность измеренных или требуемых значений по всем компетенциям, входящим в КМВ. Совокупность минимальных требований к уровню формирования компетенций выпускника в рамках определенной КМВ определяется как нормативный компетентностный профиль (НКП).

Возникает проблема выбора ключевых компетенций, которые в обязательном порядке должны быть оценены в рамках итоговой аттестации. Для решения данного вопроса могут быть использованы следующие подходы:

1) отбор ключевых компетенций посредством экспертной оценки. В таком случае в экспертную группу должны войти не только представители академического сообщества, но работодатели – представители профессионального сообщества в соответствии с направлением подготовки; также ключевые компетенции можно определить посредством анализа компетентностной модели выпускника: в таком случае в качестве ключевых принимают компетенции, которые были выявлены путем анализа более чем трех источников (ФГОС, справочник должностей, должностные инструкции, интервью с академическими экспертами, интервью с работодателями, интервью со специалистами). Такая информация ука-

зана в матрице согласования компетенций, профессиональных функций и задач;

2) укрупнение компетенций в блоки (блок – подуровень кластера мировоззренческого/нормативного/инструментального) с дальнейшей оценкой уровня развития блока компетенций.

Базовым условием разработки программы ИГА является охват совокупностью итоговых испытаний всех ключевых компетенций бакалавра по данному направлению подготовки.

Целью итоговой государственной аттестации является установление уровня сформированности компетенций выпускника высшего учебного заведения и соответствия данного уровня нормативному компетентностному профилю, его готовности к выполнению профессиональных задач и соответствия его подготовки требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

К видам итоговых аттестационных испытаний выпускников университета относятся:

– защита выпускной квалификационной работы (проекта);

– государственный экзамен.

В МГГУ им. М. А. Шолохова принята следующая классификация компетенций – общекультурные и профессиональные компетенции разделены на три кластера: мировоззренческий, нормативный и инструментальный.

В мировоззренческий кластер входят компетенции, отражающие способность выпускника использовать научные знания о природе, человеке и обществе в процессе своей профессиональной деятельности, социального участия и личностного роста.

В нормативный кластер входят компетенции, позволяющие выпускнику давать оценку ситуации, личности, поступка, формировать собственное отношение с точки зрения определенных социальных норм (права, морали) и руководствоваться ими в процессе своей профессиональной деятельности, социального участия и личностного роста.

Инструментальный кластер составляют компетенции, отражающие способности использовать сложившиеся умения и навыки в процессе своей профессиональной деятельности, социального участия и личностного роста.

Различия между компетенциями разных кластеров диктуют необходимость использования различных типов диагностических средств.

Для выбора адекватных средств оценки ключевым методологическим принципом является принцип контекста.

Для заданий, оценивающих мировоззренческие компетенции, ведущим является контекст наук. Соответственно, и средства оценки будут

здесь ближе к традиционно используемым средствам оценки знаний, поскольку когнитивная составляющая деятельности в данном случае преобладает. Это, например: открытые вопросы; тесты знаний для репродуктивного уровня формирования компетентности; квалитетрические задачи; кейсы на практическое использование знаний – для прагматического уровня формирования компетентности; эссе – для творческого уровня.

Похожим является подход к формированию заданий для оценки нормативных компетенций: средства оценки знания нормы, средства оценки способности оценить ситуацию с точки зрения нормы, способность предлагать нормы и правила для регулирования тех или иных видов деятельности. Для оценки нормативных компетенций целесообразно также формирование заданий, способных оценить готовность выпускника действовать в соответствии с нормой (например, задания по принятию решения в сложной этической ситуации с последующей экспертной или групповой оценкой).

Для формирования банка заданий оценки инструментальных компетенций ведущим является контекст профессиональной деятельности. Соответственно, контрольные и учебные задания должны моделировать в учебной ситуации деятельность по решению данной задачи (полностью или в отдельных аспектах). Подходящими здесь будут имитационные задания, воспроизводство алгоритмов решения задачи, анализ кейсов, деловые и ролевые игры, проектные задания, выполнение задач на практике и т. д.

Для того чтобы в рамках государственного экзамена определить уровень формирования компетенций различных кластеров, необходимо разделить его на два этапа: 1) тестирование, 2) решение профессиональной задачи/кейса.

Тестирование рекомендуется использовать в качестве оценки ключевых мировоззренческих компетенций, входящих в КМВ. Также посредством тестирования могут быть оценены нормативные компетенции на 1-м и 2-м уровне.

Тест обладает способностью сравнивать индивидуальный уровень знания каждого студента с некими эталонами, уровень знания отражается в тестовом балле испытуемого. Индивидуальные результаты тестирования можно сравнить с результатами других студентов этой же группы и проранжировать их, можно сравнить результаты тестирования нескольких групп и т. д.

Решение профессиональной задачи/кейса используется для оценки уровня формирования ключевых профессиональных инструментальных компетенций, а также для оценки нормативных компетенций, если уровень их формирования в НКП определен как наивысший.

Профессиональные задачи/кейсы, входящие в государственный экзамен, должны быть выбраны из БКУЗ посредством матрицы согласования как задачи, в рамках которых проявляются ключевые профессиональные компетенции.

В программу ИГА должны входить образцы профессиональных задач/кейсов. Общий банк кейсов должен превышать количество студентов – выпускников в 1,5 раза и удовлетворять требованию конфиденциальности. Задания выбирают студентами случайным образом.

На направлениях, где есть такая необходимость (например, на творческих направлениях и профилях), профессиональное задание может быть выдано студенту и подготовлено заранее.

К программе ИГА должен быть приложен банк профессиональных задач/кейсов, превышающих количество студентов-выпускников в 1,5 раза.

Бакалаврская работа является выпускной квалификационной работой, отражающей итог теоретического обучения студента и подтверждающая его способность к самостоятельному исследованию по общетеоретическим проблемам одного из образовательных направлений, избранного обучающимся. Для подготовки бакалаврской работы могут быть привлечены курсовые работы, исследования в проблемных группах, студенческих научных кружках; доклады на научных конференциях и семинарах, а также материалы, собранные и экспериментально апробированные в период педпрактики в школе, археологических раскопок, фольклорных экспедиций, полевых практик и т. д.

Выпускная квалификационная работа бакалавра может быть выполнена в форме проекта, если работа носит прикладной характер, или в форме бакалаврской диссертации, если носит исследовательский характер и является комплексной формой оценки уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций выпускника.

Выпускная квалификационная работа прикладного характера бакалавра, осваивающего основную образовательную программу по Федеральному государственному образовательному стандарту третьего поколения, представляет собой результат проектной деятельности учащегося и оформляется в соответствии с требованиями к проекту.

Бакалаврская выпускная квалификационная работа в форме проекта – это ограниченное во времени предприятие (мероприятие), направленное на создание уникальных продуктов и услуг или получение принципиально новых результатов.

Результат проекта должен быть оформлен в виде бакалаврской выпускной работы. Процедура защиты является обязательной частью сдачи проекта.

Тематику выпускных квалификационных проектов разрабатывают кафедры соответствующего факультета (института) университета и предлагают для выбора студентам третьего года обучения (во втором полугодии учебного года). Целесообразно, чтобы темы квалификационных проектов были связаны с общим направлением научно-исследовательской работы кафедры (если таковое имеется) или с исследовательскими интересами научного руководителя. Однако это положение не исключает возможность для студента предложить собственную тему, если она актуальна и реально выполнима.

Бакалаврская выпускная работа включает в себя:

- 1) комплексный план проекта;
- 5) презентацию проекта;
- 6) результаты проекта и их значимость;
- 7) выводы и заключение.

Бакалаврская выпускная квалификационная работа исследовательского характера является комплексной формой оценки уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций выпускника.

Бакалаврская работа включает в себя специальные разделы, связанные с будущей профессиональной деятельностью, описание экспериментальной работы, подробное описание методов научного поиска в области избранной проблемы, а также изложение материалов и выводов собственного научного исследования, её общетеоретический анализ. В выпускной квалификационной работе бакалавра допускаются и поощряются оригинальные, нестандартные идеи, в том числе междисциплинарные исследования.

Бакалаврская выпускная работа включает в себя:

- 1) самостоятельно разработанный план исследования;
- 2) грамотно сформулированную проблему и выбранный автором метод исследования;
- 3) анализ первоисточников и обзор основных новейших научных исследований по теме бакалаврской работы;
- 4) анализ различных точек зрения по проблеме исследования, имеющих в литературе;
- 5) аргументированный выбор основных позиций и наличие предлагаемого видения проблемы;
- 6) предполагаемые результаты исследования и их значимость;
- 7) выводы и заключение.

Тематика бакалаврских проектов должна учитывать реальные потребности производства, науки и техники и перспективы их развития. Тематика ВКР должна быть составлена в соответствии с компетентностной моделью выпускника по данному направлению подготовки, т. е. каждая выпускная квалификационная работа бакалавра

должна служить средством развития и оценки уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций бакалавра, указанных в КМВ.

Примечания

1. *Вербичкий А. А., Ларинова О. Г.* Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М.: Логос, 2011.

2. *Дурнева Е. Е., Нечаев В. Д.* Построение компетентностной модели выпускника МГГУ имени М. А. Шолохова: учеб. пособие. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010.

3. *Нечаев В. Д., Замолоцких Е. Г., Дурнева Е. Е.* Построение основных образовательных программ в контекстно-компетентностном формате: метод. рек. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010.

УДК 37(470)(091)

В. Б. Помелов

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ДЕТЯМ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. СУХОМЛИНСКОГО

В статье раскрываются основные факты биографии выдающегося отечественного педагога В. А. Сухомлинского, а также говорится о ценности вклада педагога в научную педагогику и педагогическую практику.

The article reveals the main facts of the biography of an outstanding native teacher V. A. Sukhomlinsky. It also depicts his valuable contribution to the science of pedagogics and to the pedagogical practice.

Ключевые слова: выдающийся отечественный педагог В. А. Сухомлинский, советская школа, школьное образование, гуманизм, В. А. Сухомлинский как ученый в сфере педагогики.

Keywords: an outstanding native teacher V. A. Sukhomlinsky, the Soviet school, the school education, humanity, V. A. Sukhomlinsky as a scientist in the sphere of pedagogics.

Великий отечественный педагог Василий Александрович Сухомлинский родился 28 сентября 1918 г. в селе Васильевка Александровского уезда Херсонской губернии, ныне Кировоградской области, в бедняцкой семье. До Октябрьской революции его отец Александр Емельянович работал по найму как плотник и столяр в помещичьих экономиях и сдельно – в крестьянских хозяйствах. В советское время он стал общественником-активистом, принимал участие в руководстве потребительской кооперацией, был активистом колхозного движения, выступал в газетах как селькор, заведовал колхозной избой-лаборато-

© Помелов В. Б., 2013

рией, руководил трудовым обучением (по деревообрабатывающему делу) в семилетней школе. Мать В. А. Сухомлинского, Оксана Иудовна, была домашней хозяйкой, выполняла мелкую портняжную работу, трудилась в колхозе. Вместе с мужем она подняла на ноги четверых детей – Василия, Ивана, Сергея и Меланию. Все они стали сельскими учителями.

Василий Сухомлинский учился вначале в Васильевской семилетке (1926–1933), где проявил себя как один из самых способных учеников. Впоследствии он вспоминал своих учителей с благодарностью. Но случались и курьезные случаи. Вот один из них. ...Учитель географии в Васильевской школе был большим оригиналом. Он носил портфель – для того времени редкость на селе, и портфель всегда был туго набит книгами. Какие это книги, никому из ребят не было известно, потому что учитель доставал из своего портфеля постоянно одну и ту же книжицу, на обложке которой красовалось извержение вулкана. И надо же было Василию спросить однажды учителя о вулканах. «Михайло Евдокимович, почему в Италии, или вот в Японии, или на Яве вулканы есть, а у нас их нет?» «Где это у нас? – настороженно спросил учитель. – И у нас на Камчатке есть. Ты что, урока не выучил?» «Я выучил, – возразил Василь Сухомлинский. – Я спрашиваю про нашу Украину. Почему в Украине нет вулканов, а у них там есть?» Учитель прищурил глаза: «Ты зачем такие вопросы задаешь? Ты ведь знаешь...» «Нет, Михайла Евдокимович, я не знаю...» «А если не знаешь, так я тебе “неуд” поставлю...» [1]

Летом 1934 г. В. А. Сухомлинский поступил на подготовительные курсы при Кременчугском педагогическом институте и стал студентом факультета языка и литературы. Но в связи с болезнью вынужден был в 1935 г. прервать учёбу в вузе. В 1935 г. вышла в свет книга А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», и в тот же год Василий Сухомлинский, 17-летним юношей, начал свое служение народу на педагогической ниве. В 1935–1938 гг. он преподавал украинский язык и литературу в Васильевской и Зыбковской семилетних школах Онуфриевского района.

Своё обучение В. А. Сухомлинский продолжил в 1936–1939 гг. на заочном отделении Полтавского педагогического института, ныне педагогический университет имени В. Г. Короленко, где в течение двух лет получил сначала квалификацию учителя украинского языка и литературы неполной средней школы, а затем – учителя этих же предметов средней школы. С тёплым чувством вспоминал он годы обучения в Полтаве. «Мне, – писал Василий Александрович, выпало счастье учиться в Полтавском педагогическом институте... Говорю – выпало счастье, ибо нас, двадца-

тилетних юношей и девушек, окружала в институте атмосфера творческой мысли, любознательности, жажды знаний. Я с гордостью называю Полтавский педагогический институт своей альма-матер...»

В. А. Сухомлинский был призван в армию в июле 1941 г. После непродолжительной подготовки в военно-политической академии в звании младшего политрука Сухомлинский воевал на Западном и Калининском фронтах, участвовал в Смоленском сражении и в битве под Москвой. В январе 1942 г. был тяжело ранен осколком снаряда в область сердца. Чудом выжил, и после выписки из уральского госпиталя в 1942–1944 гг. работал директором школы в посёлке Ува Удмуртской АССР.

Возвратившись в родные места, он узнал, что его жена Вера, участвовавшая в партизанском движении, с малолетним сыном были замучены фашистскими оккупантами. В 1944–1948 гг. В. А. Сухомлинский заведует Онуфриевским РОНО, с 1948 г. по день смерти (2 сентября 1970 г.) – директор Павлышской средней школы Онуфриевского района Кировоградской области Украинской ССР.

Вместе с женой Анной Ивановной они воспитали сына Сергея и дочь Ольгу. Ныне О. В. Сухомлинская – доктор педагогических наук, профессор, президент Академии педагогических наук Украины. А. И. Сухомлинская работала в Павлышской школе вместе с Василием Александровичем, а ранее – инспектором РОНО в Удмуртской АССР.

В. А. Сухомлинский не был обойден наградами и вниманием со стороны властей. В 1958 г. он стал заслуженным учителем школы Украинской ССР. Был награжден двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, а также медалями К. Д. Ушинского и А. С. Макаренко. Ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда (1968). Научные достижения Сухомлинского нашли свое признание и в том, что еще в 1957 г. он стал членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР. Позднее, в связи с реорганизацией АПН – из российской во всесоюзную, – Василий Александрович был переутвержден в звании члена-корреспондента АПН СССР (1968). В 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Директор школы – организатор учебно-воспитательного процесса». Подготовил он и докторскую диссертацию, но в связи с безвременной кончиной не успел ее защитить.

Уже посмертно, в 1974 г., он стал лауреатом Государственной премии УССР (1974) за книгу «Сердце отдаю детям», впервые вышедшую в свет в 1969 г. На корпусе № 1 Полтавского педагогического института (сейчас – университет) по

ул. Остроградского, дом 2, в честь педагога установлена мемориальная доска. В самом университете находится музей В. А. Сухомлинского.

В честь В. А. Сухомлинского назван Николаевский национальный университет. Созданы Международная ассоциация В. А. Сухомлинского и Международное объединение исследователей В. А. Сухомлинского, педагогический музей В. А. Сухомлинского в Павлышской школе (1975).

В. А. Сухомлинского многое роднит с А. С. Макаренко, хотя они и жили в разное время и осуществляли свою педагогическую деятельность в разных условиях, с различным контингентом детей. Их роднит, прежде всего, самоотверженность и полная самоотдача в работе; творческий подход, выразившийся, в частности, и в том, что оба педагога оставили богатейшее научно-педагогическое литературное наследие, позволяющее новым поколениям педагогов учиться у своих великих предшественников. Они окончили один и тот же институт в Полтаве; вторая жена у каждого из них была инспектором отдела образования. Наконец, оба скончались в 52 года из-за болезни сердца. Сами фамилии Макаренко и Сухомлинский стали у нашего народа нарицательными, своего рода символами человечности, гуманности, школы, педагогики, воспитания, культуры.

Это единственные в своем роде педагоги, которые (наряду с Ушинским) известны в нашей стране абсолютно всем, даже тем, кто не имеет никакого отношения к воспитанию детей.

Макаренко и Сухомлинский даже стали героями народного юмора. Приведем один из вариантов такого «бородатого» анекдота. «Захожу как-то к соседу и вижу у него на вешалке висят два ремня. Один – солдатский, другой – обыкновенный, “гражданский”. “Это что?” – спрашиваю. Тот отвечает: “Солдатский – это Макаренко, а тот, что помягче, – Сухомлинский. Иначе – никак”. Да, тяжел труд родителя...»

В. А. Сухомлинский не был «простым учителем» в общепринятом, обычном смысле этого слова. Нет, это был образец учителя нового типа; он был едва ли не первым в стране учителем-исследователем; во всяком случае, первым учителем, имя которого стало известно всей стране, а статьи и книги Сухомлинского читали даже люди, в своей профессии далекие от учительской работы.

В. А. Сухомлинский стремился не только осуществлять свою педагогическую деятельность максимально творчески, предельно насыщая ее значительным количеством воспитательных мероприятий и дидактически обоснованных средств, но и в предельно яркой, художественно-литературной форме изложил все свои достижения и некоторые относительные промахи в огромном количестве книг (их вышло около тридцати) и

статей в журналах и газетах (всего их опубликовано около пятисот). Именно благодаря его выдающемуся литературному таланту современные педагоги – ученые и практики – имеют возможность и сегодня проникать в творческую лабораторию педагога.

В. А. Сухомлинский еще в бытность студентом в Кременчуге сдружился с преподавателем педагогики, доцентом Григорием Михайловичем Боришпольцем, ставшим впоследствии его научным руководителем по кандидатской диссертации. Именно Г. М. Боришполец познакомил Сухомлинского с директором НИИ педагогики Украины профессором Саввой Христофоровичем Чавдаровым, с легкой руки которого Павлышская школа стала экспериментальной площадкой, одной из первых в стране, – тогда эта форма научно-исследовательской работы только начинала появляться. Молодой директор школы увлек идеей перестройки работы весь педагогический коллектив, детей и их родителей.

Сухомлинский создал оригинальную педагогическую систему, основывавшуюся на принципах гуманизма и патриотизма, на признании личности ребенка высшей ценностью. Он трактовал педагогический процесс как единство трех сил. В качестве первой выступает *развитие*, то есть раскрытие неотъемлемо присущих ребенку внутренне заложенных (то есть врожденных) свойств и задатков способностей. В качестве второй силы он выделял правильно организованное *воспитание*, то есть специально организованную деятельность, осуществляемую педагогами по специальному плану, в определенной последовательности и со специально поставленными задачами и целью. При этом воспитание понималось в широком смысле слова, то есть как процесс, включающий и обучение. Наконец, в качестве третьей силы большое значение Сухомлинским придавалось специально организованному *формирующему* личност ребенка социуму. Лишь единство всех этих трех сил, наполнение их соответствующим полезным для детей содержанием позволяет надеяться на положительные результаты осуществления педагогического процесса.

В первой половине 1950-х гг. еще очень ощущалось близкое по времени влияние недавно отгремевшей войны. Люди нуждались в самом необходимом, особенно на Украине, территория которой на протяжении первой половины XX в. неоднократно становилась ареной военных действий и противостояния враждебных друг другу социальных, политических и этнических сил.

Все это крайне негативно сказывалось на нравственном развитии и психологическом самочувствии детей, многие из которых пережили ужасы оккупации, потеряли родных и близких, были сиротами, жили в крайней нужде. В своем стрем-

лении способствовать налаживанию нормальной материальной жизни учащихся В. А. Сухомлинский увлек коллектив идеей организации опытнической работы и ученической производственной бригады. Бригада школы стала одной из первых в стране. (Первой в 1954 г. была организована бригада Григороволосинской школы на Ставропольщине.)

Вслед за Макаренко Сухомлинский трактовал сельскохозяйственный труд, прежде всего, как основное средство развития личности. Педагог понимал, что производительный труд к тому же способствует профессиональной подготовке детей и подростков. Вместе с тем важное значение он придавал и переживанию школьниками положительных эмоций в процессе созидательного труда, эстетике его организации и формированию нравственных чувств в процессе трудовых отношений.

В начале 1960-х гг. важнейшей в педагогической деятельности и научно-педагогической работе стала для В. А. Сухомлинского проблема коммунистического воспитания. Связано это было с принятием в июле 1961 г. новой Программы КПСС, провозгласившей идею построения коммунизма в СССР к 1980 г. В Программу КПСС был включен раздел «Моральный кодекс строителя коммунизма». Небольшой по объему, он был чрезвычайно емким по содержанию и включал в себя перечень тех качеств, которые должен был иметь «человек коммунистического будущего». Этот идеальный человек должен был сочетать в себе моральную чистоту, духовное богатство и физическое совершенство.

Коммунист В. А. Сухомлинский в своих произведениях неизменно подчеркивал свою лояльность партийным установлениям. Собственного говоря, у него не было иного выбора. Если бы он был дидактом, как, например, его старшие современники Б. П. Есипов, И. Т. Огородников, Ф. Ф. Королев и М. А. Данилов, он мог бы ограничиться в своих трудах кратким, ни к чему не обязывающим упоминанием о «ведущей и направляющей роли КПСС». Однако он, наряду, например, с академиком Э. И. Моносоном, писал почти исключительно о воспитании, которое по сравнению с обучением значительно сильнее увязано с текущими политическими процессами. Поэтому в некоторых работах Сухомлинского встречаются панегирики в адрес КПСС и даже «лично тов. А. И. Брежнева».

Современному молодому читателю, конечно, трудно понять, что это было абсолютно неизбежно; без хвалебных ссылок на КПСС и ее деятельность, а также на Ленина, Маркса и Энгельса не могла быть издана ни одна книга по педагогике; да что там книга! Даже статья в педагогическом (и, разумеется, не только в педаго-

гическом) журнале должна была в обязательном порядке включать в себя ссылки на съезды и пленумы КПСС, партийные постановления и указания, цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма, о чем бы ни шла речь в этой статье! Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки любой педагогический журнал или «Учительскую газету» «доперестроечного» периода (то есть до весны 1985 г.).

Собственно говоря, точно в таком же положении, только тремя десятилетиями раньше, находился и Макаренко. Для прохождения своих произведений через цензуру ему приходилось «славить» Сталина и Кирова, «восхищаться» «славной» деятельностью чекистов. Все это входило в своеобразные «правила игры» с властью. Однако в связи с этим перед современными издателями произведений авторов советского периода неизбежно встает вопрос: «А как печатать их труды?»

Ранее, в советский период, этот вопрос решался «очень просто»: печатали выборочно; все то, что не совпадало с современным политическим положением, просто не печаталось. Однако с приходом «перестройки и гласности» печатать с «купюрами» стало «как-то неудобно». Поэтому вопрос стал решаться «еще проще»: Макаренко и Сухомлинского с начала 1990-х гг. **просто не издают**, хотя по-прежнему «много хвалят»...

И здесь нам хотелось бы привести историческую аналогию, имевшую место в другую эпоху. Известно, что в свое время одним из провозвестников буржуазной эпохи был Жан-Жак Руссо. Однако, когда буржуазия пришла к власти, он стал ей не нужен. Н. К. Крупская в работе «Народное образование и демократия» писала: «Теперь буржуазия относится к Руссо холодно, свысока и хотя по традиции называет его “великим”, но неизменно добавляет “утопистом”. Причем под утопией понимает не только то, что действительно утопично в произведениях Руссо, но и его демократизм, его уважение перед “человеком”, перед “трудом”» [2].

Не правда ли, все это сказано как будто в наши дни и именно о Сухомлинском и Макаренко!

Вряд ли найдется в нашей стране специалист в области образования, который бы стал оспаривать тезис о том, что современное российское школьное образование находится сейчас в полном разрыве с учением А. С. Макаренко о необходимости гармоничного сочетания умственного воспитания и трудового, а лучше всего производственного, обучения. Отсюда следуют как минимум два важных вывода. Первый вывод заключается в том, что Макаренко «устарел» и его идеи, востребованные в свое время, теперь «окон-

чательно и бесповоротно» перешли в «ведомство» истории педагогики. Второй вывод, прямо противоположный первому: педагогика Макаренко – «на все времена», и отечественной системе образования следовало бы активно внедрять на практике ее важнейшие положения. Каким путем пойдет отечественная система образования, покажет будущее.

Если в творчестве А. С. Макаренко ведущее место занимают внешние проявления жизни детей (труд, дисциплина, спортивные игры, художественная самодеятельность и т. п.), то В. А. Сухомлинский, сохраняя все ценное, что есть в опыте Антона Семеновича, идет как бы «вглубь»; его занимает прежде всего внутренний мир ребенка, его душа.

Нам представляется, что павлышского педагога не вполне устраивал казавшийся аксиоматичным во времена его педагогической деятельности лозунг «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Ведь он считал, что главная задача педагога – воспитать счастливых людей, а счастливые люди и страну сделают счастливой.

Разумеется, всей своей жизнью он доказал, что был великим патриотом, и никто не сомневался в патриотичности его педагогической деятельности. Противники В. А. Сухомлинского, упрекавшие его в проповедовании «абстрактного гуманизма», стремились в полной мере соответствовать установкам КПСС. Программа КПСС призывала учителей воспитывать строителей коммунистического общества. При этом имелось в виду, что, «когда богатства польются полным потоком и осуществится вековая мечта человечества – коммунизм», тогда и все люди станут счастливыми. А пока... А пока надо трудиться, трудиться и трудиться, а счастье придет само. Потом.

Но ведь уже тогда были миллионы счастливых людей; причем преимущественно как раз в тех странах, где и не думали строить счастливое коммунистическое будущее...

Традиционное понимание образования как процесса и результата усвоения знаний, умений и навыков, как условия подготовки к жизни представлялось Сухомлинскому не вполне достаточным, поскольку такой подход определяет ученика только как пассивного потребителя – в терминах современной педагогики *толерантного и социализуемого*, – готовящегося к выполнению *традиционных* общественных функций, и не нацеливает на рассмотрение его как конкретной, уникальной и активной личности.

Однако еще Н. А. Бердяев отмечал, что «если человека рассматривать исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь средство для экономического процесса, то при-

ходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, то есть об углублении процесса дегуманизации. Человек оказывается лишенным измерения глубины, он превращается в двумерное, плоскостное существо» [3].

Личностная ориентированность образования, наряду с его социальной ориентированностью, помогает человеку обрести не только общественный, но и индивидуальный, собственный смысл жизни, преодолеть «двумерность» и «плоскостность» [4].

Богатый опыт, накопленный коллективом Павлышской школы в деле коммунистического воспитания учащихся, нашел отражение в большой книге В. А. Сухомлинского «Формирование коммунистических убеждений молодого поколения», написанной в 1959–1960 гг. и изданной издательством АПН РСФСР в Москве в 1961 г. Книга привлекла самое пристальное внимание ученых и рядовых педагогов. Ее обсуждению, в котором принял участие и сам автор, было даже посвящено специальное заседание АПН РСФСР 11 апреля 1962 г. (отчет опубликован в журнале «Советская педагогика». 1962. №6). В своей работе автор одним из первых в отечественной педагогике сделал попытку определить систему формирования нравственных убеждений подрастающего поколения. Особый акцент был сделан ученым на вопросе о взаимосвязи нравственного, трудового и интеллектуального развития школьников.

В педагогической науке и практике, тогда и сейчас, необходимость такой взаимосвязи, разумеется, никем не оспаривается; в то же время добиться этой взаимосвязи удастся в реальной школьной жизни совсем немногим, – всегда что-то превалирует, а что-то отстает. В итоге получается, что личность формируется дисгармонично.

Проблема формирования всесторонне и гармонично развитой личности была, разумеется, актуальна во все времена, но приобрела особую значимость в наше время в связи со стремительным развитием научных и промышленных технологий, в условиях беспрецедентного роста значимости так называемого человеческого фактора, когда неадекватные, безответственные или безнравственные действия тех или иных людей (специалистов, политиков, руководителей разного уровня) приводят к многочисленным катастрофам, жертвам, материальным потерям и страданиям большого количества людей.

Увы, в современной отечественной педагогической мысли само понятие «всесторонняя и гармонично развитая личность» зачастую «укладывается» в одну парадигму с такими лексемами, как «проклятое коммунистическое прошлое»,

«ежовые рукавицы», «брежневская эпоха застоя», «горбачевская катастрофа» и т. п.

Многие работы В. А. Сухомлинского были изданы лишь после смерти автора. Такова судьба, в частности, его книги «Как воспитать настоящего человека (Советы воспитателям)» (1967–1970), написанной в форме цикла поучений, направленных на воспитание у детей советского патриотизма, коммунистической идейности, высокой гражданственности, социалистического гуманизма, любви к знаниям, к учителю, глубокого понимания красоты и т. д. Помещенные в книге этические беседы состоят из двух частей: 1-я часть представляет собой фактический материал, адресованный детям; 2-я часть включает методический иллюстративный материал для педагога-воспитателя, содержащий много притч, новелл, сказок и легенд. Художественно-иллюстративный материал к поучениям, изложенным в книге, Сухомлинский подготовил также в форме хрестоматии по этике, которая составила пятитомный сборник рассказов и сказок, предназначенный для проведения воспитательной работы с детьми различного возраста.

В наиболее полном виде свои гуманистические идеи В. А. Сухомлинский выразил в работе «Этюды о коммунистическом воспитании» (1967). Ведущими идеями книги выступили: ограничение сферы влияния коллектива на личность, воспитание без наказания, признание самооценности и неповторимости каждой отдельно взятой личности, предоставление ребенку свободы выбора (интеллектуального, профессионального, нравственного).

Указанные идеи входили в явное противоречие с официально установленной идеологией. Некоторые известные в то время ученые (В. М. Коротов, Б. Т. Лихачев, А. Ю. Гордин) увидели в этом отказ от ставшего «классическим» наследия Макаренко. Особенно возмущал их отход Сухомлинского от макаренковской идеи «воспитания в коллективе, посредством коллектива и для коллектива» (хотя в текстах Макаренко нет такого выражения). В. А. Сухомлинский был фактически обвинен в отступлении от коммунистических идеалов и в провозглашении идеологии «абстрактного гуманизма». Свои статьи указанные авторы публиковали в журнале «Народное образование». В этих материалах явственно, хотя и между строк, читалась мысль о том, что коммунистическая фразеология, используемая Сухомлинским, выступает лишь как прикрытое для выражения автором своих истинных мыслей. Самое любопытное, что авторы, как это ни покажется сейчас странным, были в этом совершенно правы.

Как раз в этот период времени в ряде стран народной демократии росло количество сторонников социализма «с человеческим лицом», на-

бирала политический вес «пражская весна», в СССР прошел первый процесс над «инакомыслящими» диссидентами (А. Синявский и Ю. Даниэль), появились так называемые «шестидесятники». Поэтому критика идей Сухомлинского неслась в себе своеобразный подтекст; о нем, этом подтексте, никто вслух не говорил, но он явственно ощущался и подразумевался.

Разумеется, времена физической расправы с неугодными и инакомыслящими педагогами давно миновали и Сухомлинскому, в отличие от того же Макаренко, не приходилось опасаться за свою жизнь. Василий Александрович, как и прежде, успешно работал, получал заслуженные награды; был на Украине своего рода живой легендой. И все-таки эти нападки помешали ему защитить докторскую диссертацию; целый ряд крупных произведений Сухомлинского увидел свет лишь после смерти автора, тогда, когда он уже перестал мешать своим оппонентам и всеми был признан «классиком», повторив и в этом судьбу А. С. Макаренко.

Своеобразным манифестом указанных авторов (а также И. Ф. Козлова) стала книга «Методика воспитательного процесса: Лекции по педагогике» (М., 1969). Красной линией через всю монографию проходит мысль о необходимости строгого следования заветам Макаренко, причем из всего богатейшего наследия великого педагога взяты лишь те положения, в которых Макаренко и Сухомлинский расходятся.

Примечательно, что фамилия Сухомлинского ни разу не упоминается на протяжении всех 336 страниц книги. Главным средством воспитания авторы видят *внешнее педагогическое воздействие*. Центральное место в своей работе они уделяют раскрытию методики требования и наказания. Вот, оказывается, чем должен заниматься педагог! Споры нет, и требование, и наказание вправе занимать свое место в педагогическом арсенале средств. Однако это лишь часть этого арсенала, причем далеко не самая важная, что и пытался доказать Сухомлинский, демонстрируя в своих работах то, что отрицали сторонники авторитарной педагогики.

Со времени этого спора прошли десятилетия. Автор данной статьи был хорошо знаком с Б. Т. Лихачевым, А. Ю. Гординым, В. М. Коротовым. Виктор Михайлович, в частности, был директором института общих проблем воспитания АПН СССР в те годы, когда я был там аспирантом. Все трое были исключительно порядочными людьми, крупными учеными, много сделавшими для подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации, то есть кандидатов и докторов наук.

Их позиция и позиция Сухомлинского были, в сущности, двумя сторонами одной медали, а

именно того, что именуется «советской педагогикой». Просто они несколько по-разному понимали цели воспитания и пути достижения этих целей, но каждый из них прожил достойную, наполненную научными и иными достижениями жизнь.

В. А. Сухомлинский стремился к воспитанию «мыслящих личностей, а не беспрекословно выполняющих партийные решения “винтиков”. Он был категорически против нивелирования личности и авторитарной педагогики, утверждал приоритет интересов личности над интересами коллектива» [5].

Подспудно в трудах Сухомлинского пробирается мысль о том, что, не коллектив, который, как известно, является конструкцией временной, обреченной не только на постоянные изменения, но и на неизбежную и весьма скорую гибель, а ребенок является центром приложения усилий педагога. Ребенок и его внутренний мир, духовное и физическое развитие выступают в качестве объекта воспитания.

В структуру педагогической науки Сухомлинский включал такие категории этики, как совесть, долг, честь, достоинство, свобода, добро и т. п., чем, несомненно, раздражал «ученых-педагогов», обладавших высокими учеными степенями и званиями, но никогда не работавших с реальными детьми и считавших, что педагогика есть наука, основные понятия которой должны быть установлены «раз и навсегда».

Неудивительно, что в учебниках педагогики не встретишь, например, главы о том, что делать педагогу для установления дисциплины в классе, привития у детей интереса к учебе и тому подобных вопросов, которые как раз особенно и интересуют учителя.

Сухомлинский строил процесс обучения как радостный труд; большое внимание он уделял формированию мировоззрения учащихся; важная роль в обучении отводилась слову учителя, художественному стилю изложения, сочинению вместе с детьми сказок, художественных произведений.

Особенностью педагогического наследия В. А. Сухомлинского является то, что применяемые им педагогические средства осуществлялись через художественные образы в форме разного рода притчей, сказок, поучений, наставлений, легенд, поверий и т. п., через культовую основу воспитания, народные, прежде всего украинские, этнопедагогические ценности. В связи с этим пересказывать содержание произведений Сухомлинского представляется весьма затруднительным делом; это своего рода «поток сознания» в «педагогическом варианте». Их надо читать, в их содержание нужно вживаться...

В своих последних произведениях, таких как «Рождение гражданина», «Сто советов учителю»,

«Разговор с молодым директором школы», «Мудрая власть коллектива» (другое название – «Методика организации коллектива»), «Духовный мир школьника», «Разговор с сыном», «Письма к сыну», Сухомлинский отходит от акцента на всестороннее развитие личности и больше внимания уделяет идее иерархичности воспитания; ведущей сферой им признается духовность.

В советской педагогике своего времени В. А. Сухомлинский одним из первых стал разрабатывать гуманистические традиции отечественной и мировой педагогической мысли. Совместное с детьми сочинение сказок и художественных миниатюр служит для Сухомлинского средством развития эмоционально-образного мышления детей. Он разработал комплексную эстетическую программу «воспитания красотой». Самая сущность этики воспитания Сухомлинского заключалась в том, что воспитатель верил в реальность, осуществимость и достижимость воспитательного идеала, измерял свой труд критерием и меркой идеального. Особенно ярко методика их использования показана в книге «Сердце отдаю детям» (1969), в которой педагог подводит итоги своей насыщенной плодотворной научной и практической педагогической деятельности.

Чрезвычайно ценной для современного педагога мы считаем книгу «Павлышская средняя школа», в которой в систематизированном виде изложено педагогическое кредо В. А. Сухомлинского. Каждая глава книги посвящена раскрытию той или иной стороны деятельности возглавлявшейся им школы: создание педагогического коллектива, материальная база школы, забота о здоровье и физическом воспитании детей, нравственное, умственное, трудовое, эстетическое воспитание. При этом автор, разумеется, не ставил перед собой задачи «выдать на гора» еще один образец схоластического учебника педагогики. Читая эту, как, впрочем, и другие книги Сухомлинского, педагог школы получает исчерпывающий ответ на вопрос «Что делать?».

В. А. Сухомлинский имел свои взгляды на роль и значение учителя в жизни ребенка. Профессию учителя он называл человековедением, подчеркивая тем самым то, что педагог должен постоянно проникать в сложный духовный мир ученика, открывать в нем что-то новое, восхищаться этим новым, видеть человека в процессе его становления. У педагога должны быть признание и беспредельная вера в человека и в силу воспитания. Он говорил: «Я вижу воспитательный смысл в том, чтобы ребенок видел, понимал, ощущал, переживал, постигал как большую тайну, приобщение к жизни в природе...»

В книге «Сердце отдаю детям» В. А. Сухомлинский дает учителям совет: «Идите в поле, в

парк, пейте из источника мысли, и эта живая вода сделает ваших питомцев мудрыми; исследователями, пытливыми, любознательными людьми и поэтами». Он отмечал, что «вывести детей на лужайку, побывать с ними в лесу, в парке, – дело значительно более сложное, чем провести уроки». На организацию экскурсии учителю надо уделять столько же времени и внимания, как на организацию урока, а то и больше. Случается, что учителя проводят экскурсии «спустя рукава», не готовясь к ним вовсе. Но и при подготовке следует учитывать, что не обязательно все время экскурсии должно быть занято разговорами. Сухомлинский отмечал: «Детям не надо много говорить, не надо пичкать их рассказами; слово не забава, а словесное пресыщение – одно из самых вредных пресыщений. Ребенку нужно не только слушать слово воспитателя, но и молчать; в эти мгновения он думает, осмысливает услышанное и увиденное.

Нельзя превращать детей в пассивный объект восприятия слов. Среди природы ребенку надо дать возможность послушать, посмотреть, почувствовать». Отношение детей к объектам природы известный педагог тесно связывал с тем, что природа – это наш родной край, земля, которая нас вырастила и кормит, земля, преобразованная нашим трудом.

В. А. Сухомлинский неоднократно отмечал, что сама природа не воспитывает, воспитывает только активное взаимодействие с ней. «Меня поражало, – говорил он, – что восхищение детей красотой переплеталось с равнодушием к судьбе прекрасного. Любование красотой – это лишь первый росток доброго чувства, которое надо развивать, превращать в активное стремление к деятельности». Он любил повторять слова немецкого поэта Ф. Шиллера: «Кто красоту не может защитить, ее златой награды недостоин».

В. А. Сухомлинский предлагал для реального воплощения этого положения в действие создать живой уголок, где все дети примут участие в уходе за животными, организовать «птичью» и «звериную» лечебницы, садить деревья. Чтобы ребенок научился понимать природу, чувствовать ее красоту, читать ее язык, беречь ее богатства, нужно прививать все эти чувства с раннего возраста. Сухомлинский писал: «Опыт показывает, что добрые чувства должны уходить своими корнями в детство, а человечность, доброта, ласка, доброжелательность рождается в труде, заботах, волнениях о красоте окружающего мира». И в настоящее время вопросы экологического воспитания рассматриваются многими педагогами.

В построении диалогического общения видели способ осуществления воспитания В. А. Сухомлинский и польский педагог-гуманист Януш Корчак; они выделяли при этом ряд следующих

его характеристик. Во-первых, равенство позиций воспитателя и воспитуемого, которое выражается в том, что ученик является активным субъектом воспитания и самовоспитания, имеет возможность воздействия на воспитателя. Во-вторых, познание, изучение ребенка является основным стержнем, на котором строится все общение с ним. В-третьих, результаты общения не сводятся к оцениванию; подход к воспитаннику через усиление положительных личностных качеств и устремлений, активизация его сильных сторон на борьбу с собственными слабостями таким образом, чтобы ребенок, получая от воспитателя сведения о себе, учился давать себе оценки сам. В-четвертых, подчеркивалась необходимость искренности и естественности в проявлении эмоций. Центральная роль в реализации принципа самовоспитания принадлежит воспитателю.

Опыт работы В. А. Сухомлинского показывает, что общение-диалог развивает у воспитателя и воспитанников уверенность в собственных силах и критичность в отношении к себе, доверие и требовательность к окружающим людям, готовность к творческому решению встающих проблем и веру в возможность их решения. В. А. Сухомлинский рассматривал диалог как средство «духовного общения, обмена духовными ценностями», пробуждения взаимного интереса педагога и учащегося.

Еще раз подчеркнем, что В. А. Сухомлинский – талантливый педагог и человек большой душевной щедрости, посвятивший свою жизнь детям и раздумьям об их воспитании. Его книги явились редким в 1950–1960-е гг. примером гуманной педагогики, нашедшей блестящее воплощение в практике работы его «Школы радости».

Педагогические идеи Сухомлинского представляются актуальными и в наше время. Искренняя любовь к детям, романтическая устремленность личности, страстность и убежденность отличали выдающегося педагога Василия Александровича Сухомлинского.

Замечательный педагог-новатор, страстный публицист, он продолжил и творчески развил лучшие традиции советских педагогов. Еще при жизни о В. А. Сухомлинском говорили: не человек, а целое научное учреждение. Творчество Сухомлинского сравнивали с вечнозеленым деревом, у которого гибкие корни, крепкий ствол и раскидистая крона, ветви которой из года в год дают новые побеги.

В. А. Сухомлинского заботили, прежде всего, проблемы индивидуального воспитания подростков, выработки у них четкой мировоззренческой позиции, привития им эмоциональной культуры. Он до последнего дня оставался директором Павлышской школы, обычной сельской

школы, в которой учились обыкновенные деревенские ребята.

Жизнь Сухомлинского была без остатка отдана воспитанию детей, развитию личности полноценного гражданина-патриота. В условиях жесткого атеизма, тоталитарной системы и политической ксенофобии он воспитывал в детях чувство достоинства, качества гражданина и прожил яркую педагогическую жизнь, оставил богатое педагогическое наследие, дал путевку в жизнь не только школьной молодежи, но и целой плеяде талантливых педагогов.

Примечания

1. *Тартаковский Б. С.* Повесть об учителе Сухомлинском. М., 1972. С. 110–111.
2. *Крупская Н. К.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1978. С. 168.
3. *Бердяев Н. А.* Итоги и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 34.
4. *Помелов В. Б.* Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. 1917. Киров, 1998. С. 6.
5. *Помелов В. Б.* Российские педагоги: XIX–XX вв. М., 2012. С. 360.

УДК 316.625

Ю. В. Баркова, Г. И. Корчагина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В исследовании осуществлена попытка реконструкции опыта успешной профессиональной деятельности, при которой субъект выступает как самоорганизующаяся система. Определены психологические механизмы саморегуляции успешной профессиональной деятельности. Выявлено, что для реализации успешной профессиональной деятельности субъект должен обладать сформированной системой механизмов саморегуляции, уровнями которой являются: мотивационный, информационный, программный, рефлексивный с фокусом на профессиональную надежность и рефлексивный с фокусом на профессиональную самооценку. Обсуждается возможность применения полученных результатов.

An attempt of reconstruction of a successful career experience in which the subject acts as a self-organizing system was made in the research. Psychological mechanisms of self-successful career were determined. It was revealed that the implementation of a successful career person should have a system of self-regulation mechanisms, the levels of which are: motivational, information, program and reflective, with a focus on professional reliability and reflective, with a focus on professional self-worth. The possibility of using the results is discussed.

Ключевые слова: система успешной профессиональной деятельности, система саморегуляции деятельности, синтез систем, механизмы системы саморегуляции успешной профессиональной деятельности.

Keywords: professional success, the system of a successful career, a system of self-regulation of the synthesis of systems, mechanisms of self-regulation of a successful career.

Задачей статьи является конструирование механизмов саморегуляции успешной профессиональной деятельности методом проектирования и синтеза систем, а также реконструкции деятельности субъекта по достижению профессионального успеха.

Актуальность такого исследования обусловлена тем, что в современных условиях осуществления профессиональной деятельности, характеризующихся высоким уровнем неопределенности, опережающим развитием технологий, постоянно расширяющимися информационными потоками и коммуникативным пространством, эффективность и производительность профессионала, являющиеся критериями оценки успешности его профессиональной деятельности со стороны профессионального сообщества, напрямую детерминированы уровнем развития саморегуляции личности.

Понимание закономерностей осуществления процессов саморегуляции успешными профессионалами представляет особый интерес как best practice, как ключ к практической реализации успешных стратегий профессиональной деятельности в условиях ограниченных ресурсов. Решение данной проблемы позволило бы вывести моделирование эффективной деятельности на новый уровень – уровень технологического знания, что не только предоставляет широкие возможности для улучшения показателей эффективности и производительности сотрудников, но и дает мощный инструмент для их саморазвития.

Однако, несмотря на высокую актуальность и практическую востребованность, проблема психологических механизмов саморегуляции успешной профессиональной деятельности слабо разработана в теоретическом и в прикладном аспектах. Нет эксплицированного определения успешной профессиональной деятельности, единой точки зрения на принципы и основания для выделения механизмов психологической саморегуляции в контексте успешной профессиональной деятельности, нет ответа на вопрос о том, как эти механизмы соотносятся между собой.

Поэтому первым этапом исследования стал теоретический анализ и поиск методологических подходов к изучению предмета и объекта исследования, которыми являются психологические механизмы саморегуляции и успешная профессиональная деятельность.

В результате анализа методологических подходов к предмету исследования были изучены теории саморегуляции как родового понятия.

Изучение проблемы психологической саморегуляции ведется с 20-х гг. прошлого века. Результаты исследований отражены в трудах Н. А. Бернштейна, П. К. Анохина, Д. А. Ошанина, Б. Ф. Ломова, Б. Г. Ананьева, Л. М. Веккер, В. П. Зинченко, Г. М. Зараковского, А. В. Ярмоленко, В. А. Бодрова, Н. Д. Заваловой, В. А. Пономаренко, Е. Н. Суркова, В. Н. Носуленко, О. А. Конопкина, В. И. Моросановой, К. А. Абульхановой, Е. А. Сергиенко, В. А. Петровского, В. В. Знакова, Д. А. Леонтьева, Л. Г. Дикой, О. А. Прохорова, В. А. Иванникова, А. С. Шарова, А. В. Карпова, В. Е. Клочко, Н. Винера, Н. Бингелу, Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама, Ч. Карвера, М. Шайера, У. Пауэрса, Б. Циммермана, Ж. Нюттена, Ю. Куля и многих других ученых.

Несмотря на большое количество современных теорий саморегуляции, суть данного явления понимается различными авторами сходным образом: саморегуляция – это системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых личностью целей. Данное определение принадлежит О. А. Конопкину [1].

Его концептуальная модель саморегуляции деятельности была определена в качестве методологической базы исследования по критерию универсальности, который дает возможность ее применения в различных научных контекстах, в том числе в контексте успешной профессиональной деятельности.

При рассмотрении проблемы саморегуляции в соответствии с определением О. А. Конопкина, то есть в рамках системного подхода, базовым понятием является понятие психологических механизмов, посредством которых осуществляется саморегуляция.

Первые исследования психологических механизмов (на примере речи) связаны с именем Н. И. Жинкина. Развивая идеи ученого, А. А. Леонтьев сформулировал их основные признаки: в них отражается опосредствованный характер человеческой психики; они определяют идею психической деятельности; их модели одних и тех же явлений могут различаться; деятельность может обеспечиваться принципиально различными механизмами; они отражают сознательный и бессознательный выбор и имеют сложную иерархию – от элементарных до специфических.

Дальнейшие исследования психологических механизмов в различных контекстах велись

Л. М. Аболиным, В. С. Агеевым, Л. Н. Антиловой, А. В. Карповым, О. А. Конопкиным, Ю. Н. Кулюткиным, О. М. Краснорядцевым, Г. С. Никифоровым, А. С. Шаровым, М. В. Зотовым и др.

Большинством авторов психологические механизмы рассматриваются в контексте различных аспектов жизнедеятельности и определяются как постоянно действующая или ситуативно возникающая целостная психологическая система средств, обеспечивающих выполнение тех или иных регулятивных функций. Концептуальной основой их систематизации является структура регуляции [2].

В исследовании механизмов саморегуляции в рамках концептуальной модели О. А. Конопкина данное определение психологических механизмов целесообразно конкретизировать в контексте структурно-функционального подхода, который понимает психологические механизмы как результат взаимодействия и взаимосодействия компонентов психологической системы.

Таким образом, **первой теоретической предпосылкой** исследования механизмов саморегуляции успешной профессиональной деятельности стала концепция О. А. Конопкина, в которой саморегуляция представлена как целенаправленная функциональная система.

Компонентами системы выступают: цель деятельности; субъективная модель значимых условий как источника информации, на основании которой человек осуществляет программирование в соответствии с учетом внутренних и внешних условий активности, а также информации об их динамике; программа исполнительских действий как определение характера, последовательности, способов и других характеристик действий, направленных на достижение цели; система субъективных критериев как конкретизация и уточнение исходной формы и содержания цели для определения информационной неопределенности и её минимизации; контроль и оценка реальных результатов относительно системы принятых субъектом критериев успеха с целью выявления степени соответствия или рассогласования между запрограммированным ходом деятельности, её этапными и конечными результатами; решение о коррекции системы саморегулирования.

Данные компоненты отражают состав и характер регулятивных функций системы. В специфике межфункциональных связей (связей между компонентами) проявляются механизмы саморегуляции. Регуляторно-информационные процессы определяют уровни саморегуляции.

Второй предпосылкой теоретического исследования была определена системогенетическая концепция профессиональной деятельности

В. Д. Шадрикова. В данной концепции описана инвариантная структура профессиональной деятельности, компонентами которой являются: цель профессиональной деятельности, мотивы профессиональной деятельности, программа деятельности, информационная основа деятельности, принятие решения, подсистемы профессионально важных качеств [3].

Важной характеристикой данной системы является ее интегративный потенциал, то есть возможность взаимодействовать с другими конструктами, в частности с системой саморегуляции деятельности.

Третья предпосылка исследования проблемы – определение профессионального успеха как состояния оптимального баланса между профессиональной самооценностью и профессиональной надежностью, к которому стремится субъект, выбирая целесообразные условия и пути его достижения. Данное определение сформулировано на базе существующих имплицитных описаний С. А. Дружилова, А. Ю. Согомонова в рамках исследовательских работ, проведенных на кафедре практической психологии ВятГГУ в 2010–2012 гг. под руководством Г. И. Корчагиной [4].

В контексте успешной профессиональной деятельности достижение состояния профессионального успеха является целью профессиональной деятельности, что конкретизирует содержание компонентов структуры системы профессиональной деятельности В. Д. Шадрикова, наполняя ее новым содержанием.

Для наглядности компоненты системы успешной профессиональной деятельности описаны в таблице.

Следующий этап теоретического исследования заключался в проектировании системы саморегуляции успешной профессиональной деятельности методом синтеза двух описанных систем.

Данный подход обусловлен предположением о том, что в основе процесса реализации успешной профессиональной деятельности лежит взаимодействие целенаправленной системы успешной профессиональной деятельности и целенаправленной системы саморегуляции деятельности, причем система саморегуляции является детерминирующим (управляющим) механизмом и выполняет по отношению к системе успешной профессиональной деятельности роль адаптивного контура, то есть является надсистемой. Решение об активации системы саморегуляции принадлежит субъекту, поэтому система является самоорганизующейся.

Итак, генетическая концепция двух взаимодействующих систем одна – теория функциональных систем П. К. Анохина. Отсюда следует вывод о морфологической идентичности их структур: они изоморфны, тождественны. Их взаимо-

действие происходит на основе синтеза следующим образом:

1. Целевые блоки двух систем объединяются, образуя целевой блок системы саморегуляции успешной профессиональной деятельности.

2. Компонент «Информационная основа деятельности» системы успешной профессиональной деятельности включает в себя функции конкретизации и уточнения исходной формы и содержания цели в соответствии со своим субъективным пониманием принятой цели, а также контроля и оценки реальных результатов в соответствии с объективными и субъективными критериями достижения цели. В универсальной системе саморегуляции аналогичные функции выполняются компонентами «Субъективная модель значимых условий», «Система субъективных критериев достижения цели», «Контроль и оценка реальных результатов». Таким образом, эти три блока объединяются по их функциональному назначению, которое тождественно блоку «Информационная основа деятельности» системы успешной профессиональной деятельности.

3. Компонент «Программа деятельности» в структуре системы успешной профессиональной деятельности функционально тождественен блоку «Программа исполнительских действий» системы саморегуляции деятельности, а компонент «Принятие решений» – компоненту «Принятие решения о коррекции системы саморегулирования».

4. Блок «Мотивационная структура» входит в новую систему в качестве самостоятельного компонента.

5. Компонент, обозначенный нами в структуре системы успешной профессиональной деятельности как «Субъект», отражен в каждом компоненте системы саморегуляции. Например, способность субъекта к волевому мышлению отражается в блоке принятия решения; способность к рациональному мышлению – в блоке «Программа деятельности»; компонент «Информационная основа деятельности» отражает способность субъекта к практическому мышлению (которое объединяет в себе рациональное и волевое мышление), а эмоции субъекта – обязательная составляющая мотивационной структуры, так как потенциал эмоций определяется структурой потребностей, которые характеризуют широту и уровень личностного развития человека, систему его основных личностных ценностей. В свою очередь, мотивационная структура определяет цель субъекта, которая также должна быть принята эмоционально. Связанная с принятием цели эмоционально-волевая настройка во многом определяет успешность целенаправленной деятельности.

Субъект является стержневой основой всей системы саморегуляции успешной профессиональной деятельности.

Таким образом, компонентами системы саморегуляции успешной профессиональной деятельности являются: цель, мотивационная структура, субъект, программа деятельности, принятие решений, информационная основа деятельности.

В процессе исследования было выдвинуто предположение, что при взаимодействии данных компонентов образуются механизмы: мотивационный, информационный, программный, рефлексивный с фокусом на профессиональной надежности и рефлексивный с фокусом на профессиональной самооценности. Данные механизмы соотносятся между собой иерархически. Для верификации теоретической модели была организована и проведена эмпирическая часть исследования.

Методика

Эмпирическое исследование проводилось с февраля по май 2013 года на базе выборки (N = 297) специалистов ряда организаций г. Кирова и Кировской области. В целевую выборку исследования вошли успешные профессионалы (N = 112) организаций, представляющих 5 различных направлений реализации профессиональной деятельности: маркетинг – 19 испытуемых, экстренная помощь в чрезвычайных ситуациях –

Компоненты системы успешной профессиональной деятельности

№	Название компонента системы	Содержание компонента в системе успешной профессиональной деятельности	Функции компонента
1	Цель	Осознанный образ результатов профессиональной деятельности, выраженный в сбалансированной системе критериев профессиональной самооценности и надежности, в которых отражаются представления субъекта об успешной деятельности	Обеспечение упорядоченного взаимодействия между всеми компонентами системы; организация всех этапов формирования и функционирования системы
2	Мотивационная структура успешной профессиональной деятельности	Система субъективных и объективных факторов, детерминирующих процесс успешной профессиональной деятельности. Содержательное отличие от соответствующего компонента системы профессиональной деятельности: обязательное установление личностного смысла, так как оно ведет к преобразованию характера деятельности	Обеспечение связи субъекта и цели в процессе целеобразования посредством подготовки целенаправленности профессиональной деятельности на основе мотивационной структуры
3	Субъект	Совокупность индивидуальных качеств субъекта, которые в процессе профессиональной деятельности переходят в профессионально важные и профессионально значимые качества. Содержательное отличие: высокий уровень сформированности профессионально важных и профессионально значимых качеств, когда речь идет о индивидуальном стиле деятельности	Выработка цели и программы деятельности по достижению цели
4	Программа деятельности	Совокупность структурно соподчиненных, организованных в пространстве и времени действий, подчиненных цели. Содержательное отличие: высокий уровень развития моделирования и программирования	Адаптация системы к внутренним и внешним условиям на основе учета информации, мотивов, смыслов и целей
5	Принятие решений	Совокупность анализируемых альтернатив и других элементов решения задач. Содержательное отличие: Высокая скорость обработки информации в сочетании с высоким уровнем гибкости	Обеспечение связи между компонентами программы деятельности и информационной основой
6	Информационная основа деятельности	Совокупность информации об объективных и субъективных критериях успешной профессиональной деятельности. Содержательное отличие: наличие сложных динамических систем информационных признаков, то есть владение развитой способностью к информационному синтезу	Информационное обеспечение эффективной деятельности в соответствии с вектором «цель – результат»

18, тушение пожаров – 26, торговля – 32, предоставление сервисных услуг – 17.

В исследовании были использованы методика «Вектор» В. Г. Мельникова для определения показателей профессиональной надежности и профессиональной самооценности, методика «Стиль саморегуляции» В. И. Моросановой для выявления стилевых особенностей саморегуляции успешных профессионалов, методика «Профессиональная востребованность личности» Е. В. Харитоновой и Б. А. Ясько, диагностирующая уровень профессиональной востребованности личности, методика «Мониторинг трудовых мотивов» Ф. Герцберга, модифицированная и адаптированная В. Р. Келих и Ю. А. Старенченко, предназначенная для исследования индивидуальной трудовой мотивации, «Многомерный профессионально-психологический личностный тест» А. В. Сидоренкова – для описания личностной структуры успешных профессионалов. Статистический анализ результатов эмпирического исследования проводился с помощью Н-критерия Крускала – Уоллиса, коэффициента ранговой корреляции Спирмена, факторного анализа.

Результаты

На первом этапе исследования была определена целевая выборка – профессионалы с высоким уровнем профессиональной надежности и профессиональной самооценности. Выборка составила 112 человек.

На втором этапе было определено содержание структурных компонентов системы саморегуляции успешных профессионалов.

На третьем этапе была проведена проверка выборки на однородность. По большинству показателей обнаружено сходство показателей.

На четвертом этапе исследования были выявлены механизмы саморегуляции успешной профессиональной деятельности и установлен характер их соотношения между собой.

Обратимся к результатам исследований.

На основании корреляционного анализа с помощью подсчета связей между компонентами было выделено пять механизмов саморегуляции успешной профессиональной деятельности: мотивационный, информационный, программный, рефлексивный с фокусом на профессиональной надежности и рефлексивный с фокусом на профессиональной самооценности. Для статистического подтверждения предположения об их наличии и значимости был использован метод факторного анализа, который позволил выделить иерархию или уровневую структуру механизмов.

Фактор 1 представлен следующими показателями: мотивация достижения (0,838), социально-психическая устойчивость (0,653), самоуверенность (0,629), стремление к саморазвитию (0,616),

ориентация на перспективу (0,587), общий уровень саморегуляции (–0,691), программирование (–0,567). Ведущим показателем фактора 1 является «мотивация достижений», что обозначает склонность к переживанию удовольствия и гордости при достижении результата. Как показал корреляционный анализ, между мотивацией достижений и другими показателями первого фактора было выявлено наличие значительных прямых взаимосвязей. Так, мотивация достижений связана с социально-психической устойчивостью ($r = 0,659$, $p \leq 0,01$) и стремлением к саморазвитию ($r = 0,505$, $p \leq 0,01$). Кроме того, чем выше мотивация достижений, тем выше стремление к ответственности ($r = 0,5$, $p \leq 0,01$).

Таким образом, субъект направлен на перспективу, его мышление характеризуется стратегичностью; можно сказать, что он «переживает» будущий успех и испытывает гордость за достигнутые в будущем результаты сейчас, в настоящем, причем чем больше он представляет будущий успех, тем выше способность к поддержанию максимальной работоспособности в различных, в том числе и напряженных, ситуациях, что позволяет сохранять на высоком уровне направленность на постоянную работу над собой. Этому способствует и уверенность в своих силах и способностях. Мотивация достижения настолько велика, что она выступает в роли компенсирующего фактора по отношению к общему уровню саморегуляции (–0,691). Отрицательная нагрузка по показателю программирования (–0,567) подтверждает невостребованность рассматриваемым механизмом конкретных регулятивных функций, описываемых частными шкалами.

Поэтому у нас были все основания, чтобы определить механизм, описанный показателями первого фактора, по ведущему показателю как **мотивационный**.

Функциональное назначение мотивационного механизма в системе успешной профессиональной деятельности заключается в обеспечении связи между компонентами «Субъект» и «Цель» в процессе целеобразования посредством подготовки целенаправленности профессиональной деятельности на основе мотивационной структуры. С помощью мотивационного механизма субъект определяет цель, которой является достижение баланса между профессиональной надежностью (объективный фактор в мотивационной структуре) и профессиональной самооценностью (субъективный фактор в мотивационной структуре).

Фактор 2 включил в себя показатели: профессиональный авторитет (0,794), профессиональная компетентность (0,757), отношение других (0,675), самоотношение (0,671), оценка результатов профессиональной деятельности (0,649), принадлежность к профессиональному сообществу (0,630),

переживание профессиональной востребованности (0,619).

Результаты корреляционного анализа показали наличие прямых значительных взаимосвязей между принадлежностью к профессиональному сообществу и оценкой результатов профессиональной деятельности ($r = 0,602$, $p \neq 0,05$), отношением друг к другу ($r = 0,537$, $p \neq 0,05$), самоотношением ($r = 0,652$, $p \neq 0,05$), то есть чем полнее субъект ощущает свою принадлежность к профессиональному сообществу, тем качественнее он может производить оценку своей профессиональной деятельности, в соответствии с которой проводится своевременная корректировка профессиональных действий для уменьшения рассогласования между текущим и целевым состоянием, что детерминирует эффективность и успешность профессиональной деятельности. Профессиональная идентичность становится основанием для удовлетворенности отношением со стороны коллег и руководства, а также объективной оценкой результатов деятельности субъекта, что, в свою очередь, приводит к высоким показателям самоотношения.

Данные показатели можно интерпретировать так: субъект расценивает свою систему профессиональных знаний как сформированную, он не только располагает этой системой, но и эффективно использует ее, благодаря чему осознает себя значимым для других членом профессиональной группы в качестве «источника информации» в рамках выполняемой профессии. Востребованность информации, предоставляемой субъектом, служит критерием его нужности, полезности. На основании обратной связи субъект узнает об идеях, ценностях, нормах профессиональной группы, определяет степень своей включенности в профессиональное сообщество, выделяя общие, типичные характеристики, которые и определяют профессиональную группу как единое целое. Эмоционально-оценочная система формирует устойчивую степень положительности отношения к самому себе, обеспечивая самопринятие. Высокая способность оценивать текущее состояние деятельности по отношению к цели обеспечивает динамику информационного обмена благодаря корректировке системы критериев, в соответствии с которыми производится оценка на всех перечисленных этапах.

Таким образом, в фокусе внимания показателей второго фактора – информационный обмен. Поэтому механизм, соответствующий данному фактору, определен как **информационный**.

В системе успешной профессиональной деятельности информационный механизм выполняет функцию контроля соответствия результатов функционирования системы поставленной цели на основе системы объективных и субъективных

критериев успешной профессиональной деятельности, которые входят в содержание компонента «Информационная основа деятельности» в системе успешной профессиональной деятельности.

Фактор 3 представлен показателями: практичность (0,696), гибкость (0,664), общий уровень саморегуляции (0,633), ответственность (0,608), моделирование (0,611), мышление социальное (0,6), программирование (0,5).

Ведущие показатели фактора 3 – практичность, гибкость и общий уровень саморегуляции, что проявляется как доминирование интереса к практическим идеям и проблемам. Активность вплетена в реалии жизни, деятельность подчинена обеспечению материальных потребностей и достижению результата, причем в процессе деятельности продумываются и учитываются детали, что позволяет рационально приобретать и использовать ресурсы. Всё вышеперечисленное в сочетании с высокой мотивацией достижения обеспечивает высокую пользу от профессиональной деятельности субъекта. Эффект усиливается и благодаря развитому социальному мышлению, направленному на регулирование межличностных отношений в процессе осуществления профессиональной деятельности: реальность подвергается интерпретации, новая информация адаптируется к уже имеющейся. Это способствует выполнению своих обязанностей и обещаний независимо от обстоятельств. Субъект организован, собран, дисциплинирован, точен в выполнении работы, что служит фундаментом для высокой эффективности при осуществлении моделирования и программирования. Он способен выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что, в свою очередь, проявляется в соответствии программ деятельности, характеризующихся детальностью, развернутостью, продуманностью способов деятельности и поведения, планам деятельности. При этом в ситуации риска наблюдается способность быстро изменить изменение значимых условий, адекватно отреагировать и перестроить программу действий для успешного решения задачи, что характеризует общий уровень саморегуляции как высокий. Это подтверждается результатами корреляционного анализа, который показал наличие прямых значительных связей между моделированием, гибкостью ($r = 0,32$, $p \leq 0,05$) и общим уровнем саморегуляции ($r = 0,591$, $p \leq 0,05$); между гибкостью и программированием ($r = 0,573$, $p \leq 0,05$). Кроме того, сильные прямые связи существуют между гибкостью и общим уровнем саморегуляции ($r = 0,756$, $p \leq 0,01$), а также между программированием и общим уровнем саморегуляции ($r = 0,801$, $p \leq 0,01$), то есть чем лучше субъект определяет

значимые условия, чем больше его способность к прогнозированию таких условий в перспективе, тем адекватней он может реагировать на изменения. Чем быстрее и адекватней его реакция на изменения, тем эффективней скорректированная программа действий.

Показатели третьего фактора описывают механизм, функции которого можно обозначить как реализацию программы деятельности по достижению цели. Исходя из показания шкал, третий фактор определяет рассматриваемый механизм как **программный**.

В системе успешной профессиональной деятельности программный механизм обеспечивает связь между компонентами «Программа деятельности» и «Информационная основа деятельности посредством принятия решения о корректировке содержания системы критериев последнего». Таким образом, обеспечивается адаптация всей системы к внутренним и внешним условиям на основе учета информации, мотивов, смыслов и целей.

Фактор 4 включил в себя показатели доверчивости (0,703), мотивации просоциального одобрения (0,651), зависимости от группы (0,461), ориентации на формальное деловое общение

(0,442). Данный фактор является биполярным, так как один из показателей, а именно самостоятельности, имеет отрицательную нагрузку (-0,520).

Полученные показатели говорят о готовности признавать за другими способность к эффективному вкладу в общую работу, склонности к кооперации в противовес конкуренции; об открытости, готовности делиться информацией и принимать информацию даже без достаточно критического анализа. Субъект склонен к нормативности, лояльности к групповым стандартам, признанию и защите групповых ценностей, стремлению реализовать групповые цели. Он принимает свою взаимозависимость от коллег; действует в группе с учетом интересов других ее членов; предпочитает самостоятельной работе командную, сопоставляет свои способы и результаты деятельности со способами и результатами других. Идентификация индивида с группой свидетельствует о стремлении получить одобрение других людей, что в целом продуктивно для реализации профессиональной деятельности. Поддержание достигнутого состояния может осуществляться в рамках формального делового общения, когда предпочтение отдается нормативам и официальным требованиям к общению, использованию

Уровневая структура психологических механизмов саморегуляции успешной профессиональной деятельности

административных методов влияния. Особенно это касается деятельности с высоким уровнем ответственности. При этом внешней мотивацией формального делового общения являются стремление к достижению успеха и одобрение руководства. Направленность производимых действий на достижение профессиональной надежности (то есть одобрения и высокой оценки со стороны профессиональной группы) очевидна. Достичь ее можно благодаря постоянной оценке своих действий по отношению к действиям других членов профессиональной группы. Поэтому на основании проведенного анализа механизм был определен как **рефлексивный с фокусом на профессиональной надежности**. Благодаря данному механизму повышается надежность достижения цели системы успешной профессиональной деятельности.

Последний фактор – **Фактор 5** – имеет значимые факторные нагрузки по следующим переменным: стремление к карьере (0,639), стремление к зависимости от руководства (0,543), стремление к ответственности и самостоятельности (0,515). Это говорит о стремлении к повышению должностного статуса и властных полномочий, при которых предоставляется возможность не только реализовать имеющиеся навыки и компетенции, достигнуть определенного уровня благосостояния, но и перейти на другой уровень сложности решаемых задач. При этом субъект осознает, что реализация его профессиональной деятельности, сопровождающейся определенными достижениями, происходит в рамках организационной системы, функционирующей в соответствии с организационными нормами и правилами. Система в данном случае рассматривается как инструмент, как фундамент для развития, поэтому субъект осознанно принимает свою зависимость от взаимоотношений с руководителем как лицом, распределяющим ресурсы, необходимые для достижения цели, и определяющим перспективы и развития. Кроме того, руководитель выступает не только как источник объективной оценки достижений субъекта, но и как критерий субъективной оценки достижений. На эти оценки субъект ориентируется при самостоятельном выборе целей и способов решения задач, с каждым разом увеличивая уровень своей личной ответственности. Благодаря постоянной рефлексии

своей самооценки субъект развивается и достигает уровня успешного профессионала. Таким образом, показателями пятого фактора описан механизм, который можно определить как **рефлексивный с фокусом на профессиональной самооценки**. В системе успешной профессиональной деятельности данный механизм, как и предыдущий, обеспечивает надежность достижения субъектом цели.

Итак, профессиональная деятельность может быть успешной только при достаточном уровне развития всех механизмов саморегуляции: мотивационного, информационного, программного, рефлексивного с фокусом на профессиональной надежности и рефлексивного с фокусом на профессиональной самооценки.

Кроме того, необходимым условием реализации успешной профессиональной деятельности является сформированность иерархической уровневой структуры механизмов, представленной на рисунке.

Нужно сказать о том, что все уровни механизмов соединены восходящими и нисходящими связями. Первый вариант конструктивно рассматривать применительно к процессу формирования, выстраивания системы успешной профессиональной деятельности. Но если есть задача управления уже сформированной системой, то изменения должны происходить, начиная с рефлексивного уровня с фокусом на профессиональной самооценки и рефлексивного уровня с фокусом на профессиональной надежности. Эти различия учтены при разработке рекомендаций по практическому применению результатов исследования.

Примечания

1. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности / предисл. В. И. Моросановой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 011.
2. Крук В. М. Психологические механизмы обеспечения личностной надежности специалиста // Российский научный журнал. 2012. № 4(29). С. 178–185.
3. Шадриков В. Д. Проблема системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1962.
4. Корчагина Г. И., Ральникова М. В. Стратегии достижения состояния профессионального успеха у сотрудников правоохранительных органов // Проблемы самоутверждения личности: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. 7 июня 2011 года, г. Киров. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 87–93.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПЬЕВ Анатолий Григорьевич – профессор кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор социологических наук. 614099 г. Пермь, ул. Букирева, 15, Университет, кафедра социологии и политологии.

E-mail: agantip@psu.ru

АРТЮХОВ Александр Александрович – аспирант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

E-mail: eskander-art@mail.ru

БАЛОГ Анжела Ивановна – аспирант кафедры социологии культуры и духовной жизни Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ассистент кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

БАРКОВА Юлия Васильевна – магистр кафедры практической психологии направления «Психология личности» ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

ВОСТРИКОВ Павел Петрович – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории государства и права и сравнительного правоведения Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 603950, г. Нижний Новгород-292, просп. Гагарина, д. 46.

E-mail: kaf-tgp@vvpraa.vvags.ru

ГИЛЬВАНОВА Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 25.

E-mail: gilirin@rambler.ru

ГОРБАЧЕВ Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики обучения истории Уральского государственного педагогического университета. 620017, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26.

E-mail: og_06@mail.ru

ГРИЩЕНКО Тарас Арнольдович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Украина, г. Киев, 01601, ул. Владимирская, д. 64/13.

E-mail: taras_hr@ukr.net

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Алексей Анатольевич – аспирант второго года очной формы обучения кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 603950, г. Нижний Новгород-292, просп. Гагарина, д. 46.

E-mail: kaf-tgp@vvpraa.vvags.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ДУРНЕВА Елена Евгеньевна – кандидат педагогических наук, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, директор научно-образовательного центра «Контекстно-компетентности технологии в профессиональном образовании». 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18.

E-mail: durnevaelena@mail.ru

ЗАМОЛОЦКИХ Елена Геннадиевна – доктор педагогических наук, профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, проректор по учебной работе. 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18.

E-mail: e.g.zamolotskih@mail.ru

ИВОНИНА Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: ivonini@rambler.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: leperse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КОНОВА Ирина Генриховна – аспирант заочной формы обучения кафедры культурологии и педагогической антропологии Коми государственного педагогического института. 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.

E-mail: irina_genrihovna@rambler.ru

КОРЧАГИНА Галина Ивановна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

ЛОБАЧЕВА Людмила Александровна – аспирант кафедры культурологии и журналистики ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: l.a.lobacheva@yandex.ru

МАЗУР Людмила Николаевна – доктор исторических наук, зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 1.

E-mail: Lmaz@mail.ru

МАЛЫГИНА Инна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета. 355029, г. Ставрополь, просп. Кулакова, 2.

E-mail: pavlihina@bk.ru

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ПАХОМОВА Яна Игоревна – аспирант заочной формы обучения, по кафедре культурологии ПГИИК. 614600, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: yana-pahomova@yandex.ru

ПОЛЯКОВ Олег Юрьевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ПОЛЯКОВА Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ПОПОВ Валерий Григорьевич – старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой Московского энергетического института Национального исследовательского университета. 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14.
E-mail: Fpis2006@inbox.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

РОМАНОВ Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
E-mail: vvromanov@mail.ru

САВЕЛЬЕВ Дмитрий Борисович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Волго-Вятский институт). 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.
E-mail: dmitr.savelev@yandex.ru

САЙГИН Вадим Викторович – соискатель по кафедре современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23.
E-mail: secretar@ahch.unn.ru

СМИРНОВ Михаил Александрович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: VKKOP@yandex.ru

СУГАЙ Лариса Анатольевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре славянских языков Университета им. Матей Бела. Tajovského 40. 974 01 Banská Bystrica. Slovenská republika.
E-mail: larisasugay@yandex.ru

ТИТОВ Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры административного права Уральской государственной юридической академии. 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54, к. 316.
E-mail: admp@usla.ru

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ШАКУРОВА Анна Васильевна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре психологии управления факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, д. 7.
E-mail: anvash72@gmail.com

ШАШИН Захар Сергеевич – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: za.shashin@gmail.com

ЮЛОВ Владимир Фёдорович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: v070944@yandex.ru

ЯРОСЛАВЦЕВА Динара Камиловна – ассистент кафедры правового обеспечения профессиональной деятельности ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Antipyev A. G. – Professor of Sociology and Political Science, Perm State National Research University, Doctor of Social Sciences. 614099 Perm, ul. Bukireva, 15, University, Department of Sociology and Political Science.

E-mail: agantip@psu.ru

Artyukhov A. A. – graduate student of International Relations and Political Science, Tambov State University, 392000, Tambov, str. International, 33.

E-mail: eskander-art@mail.ru

Balog A. I. – graduate student of sociology of culture and spiritual life of Nizhny Novgorod State University. Lobachevsky, Assistant, Department of Philosophy and Sociology of Vyatka State Humanities University. 610002, Kirov. Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

Barkova Y. V. – Master of Applied Psychology department direction Psychology of Personality. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

Vostrikov P. P. – PhD, Associate Professor, Head of Department of Theory of State and Law and Comparative Law Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 603950, Nizhny Novgorod, 292, Gagarin Avenue, 46.

E-mail: kaf-tgp@vvpaa.vvags.ru

Gilvanova I. N. – Senior Lecturer, Department of State and legal disciplines of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Branch in Kirov) 610004, Kirov, Lenin Str., 25.

E-mail: gilirin@rambler.ru

Gorbachev O. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Theory and methods of teaching the history of the Ural State Pedagogical University. 620017, Ekaterinburg, Cosmonauts etc., 26.

E-mail: og_06@mail.ru

Hryshchenko T. A. – Candidate of History, Associate Professor Department of Modern and Contemporary History of foreign countries Kyiv National Taras Shevchenko University. Ukraine, Kiev, 01601, st. Vladimir, 64/13.

E-mail: taras_hr@ukr.net

Dobrovolsky A. A. – graduate student of the second year of full-time teaching of constitutional and municipal law Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 603950, Nizhny Novgorod-292, Gagarin Avenue, 46.

E-mail: kaf-tgp@vvpaa.ru

Domrachev D. G. – Head of the State and legal disciplines VyatGGU PhD in law. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

Durneva E. E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, director of scientific-educational center “Context-competence technologies in vocational education”. 109240, Moscow, Verkhnyaya Radischevskaya str., 16-18.

E-mail: durnevaelena@mail.ru

Zamolotskikh E. G. – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, vice-rector on Educational Work. 109240, Moscow, Verkhnyaya Radischevskaya str., 16-18.

E-mail: e.g.zamolotskikh@mail.ru

Ivonina E. V. – Senior teacher of the Chair of Business Law FSBEI HPO “Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin (MSAL)” (University named after O. E. Kutafin (MSAL) of Volgo-Vyatsky Institute (Branch) of University named after O. E. Kutafin (MSAL). 610002, Kirov, Moscovskaya Str., 26.

E-mail: ivonini@rambler.ru

Kalinin A. A. – Candidate of historical sciences, senior researcher at the Department of General History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: leipse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru

Kalinina D. A. – Candidate of historical sciences, associate professor of Russian history in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

Konova I. G. – postgraduate distance learning, Cultural Department of Cultural and educational anthropology Komi State Pedagogical Institute. 167000, Republic of Komi, Syktyvkar, Kommunisticheskaya Str., 25.

E-mail: irina_genrihovna@rambler.ru

Korchagina Galina Ivanovna – Ph. D., associate professor in the Department of Applied Psychology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

Lobacheva L. A. – graduate student of cultural studies and journalism Vyatka State University. 610000, Kirov, Moscovskaya str., 36.

E-mail: l.a.lobacheva@yandex.ru

Mazur L. N. – doctor of historical sciences and head of Chair of documentation and information management software Ural Federal University. 620002, Ekaterinburg, Mira str., 1.

E-mail: Lmaz@mail.ru

Malygina I. Y. – PhD, associate professor in the Department of Russian and world literature SKFU. 355029, Stavropol, Kulakov Avenue, 2.

E-mail: pavlihina@bk.ru

Mashkovtseva V. V. – Candidate of History, Associate Professor of Russian history in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

Pakhomova Y. I. – postgraduate correspondence courses at the Department of Cultural Studies PGIK. 614600, Perm, ul. Gazety «Zvezda», 18.

E-mail: yana-pahomova@yandex.ru

Polyakov O. Y. – Ph.D., professor of the Department of Russian and foreign literature in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

Polyakova O. A. – Candidate of Philology Sciences, associate professor in the department of the Department of Russian and foreign literature in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

Pomelov V. B. – doctor of pedagogical sciences, professor in the department of pedagogy in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

Popov V. G. – senior lecturer in philosophy, political science, sociology, Moscow Power Engineering Institute \ National Research University. 111250, Moscow, ul. Krasnokazarmennaya, 14.
E-mail: Fpis2006@inbox.ru

Rozuvan A. M. – Dean of the Law Faculty in Vyatka State University of Humanities, Honored Lawyer of the Russian Federation. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

Romanov V. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of International Relations and Political Science, Tambov State University. 392000, Tambov, str. International, 33.
E-mail: vvromanov@mail.ru

Savelyev D. B. – PhD, senior lecturer in civil and family law MGYuA (Vologo-Vyatskyi Institute). 610002, Kirov Str. Lenina 99.
E-mail: dmitr.savelev @ yandex.ru

Saigin V. V. – researcher in the department of modern Russian language and general linguistics Nizhny Novgorod State University. 603950, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave.
E-mail: secretar@ahch.unn.ru

Smirnov M. A. – graduate student of Russian history in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: VKKOP@yandex.ru

Sugay L. A. – Doctor of Philology, Professor at the Department of Slavic Languages in University named by Matej Bel. 974 01 Banskb Bystrica. Tajovskyyho 40. Slovenskb republika.
E-mail: larsasugay@yandex.ru

Titov E. E. – graduate student of administrative law Ural State Law Academy. 620034, Ekaterinburg, Kolmogorova Str., 54, 316.
E-mail: admp@usla.ru

Trushkova I. Y. – doctor of historical sciences, professor of Russian history in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

Shakurov Anna V. – Candidate of Sociology, Associate Professor in the Department of Psychology of Management FSS UNN. 603000, Nizhny Novgorod, ln. University, 7.
E-mail: anvash72@gmail.com

Shashin Zahar S. – graduate student of philosophy and sociology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: za.shashin @ gmail.com

Yulov Vladimir Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology in in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: v070944@yandex.ru

Yaroslavtseva D. K. – Assistant Professor of Legal Support in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3(1)

Подписано в печать 25.08.2013 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 1000. Заказ № 233.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674